ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Вопросы грамматики

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

9

В 74

Ответственный редактор
Н. А. Дворянков

Книга является очередным тематическим сборником, посвященным изучению грамматического строя индо-иранских языков (хинди, кашмири, маратхи, бенгали, фарси, дари, пушту и др.).

Статьи сборника содержат новые исследования в области морфологии и синтаксиса дардских, иранских и индийских языков. Их общей чертой является стремление на основе анализа оригинального материала развить, углубить или пересмотреть сложившиеся представления о строе конкретных языков.

И $\frac{70104-008}{013(02)-76}$ 225—75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

Л. А. Бархударова

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖНОЙ КАТЕГОРИИ В ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Процесс разрушения старой и формирование новой падежной системы индоарийских языков может быть прослежен благодаря существованию длительной и непрерывной литературной традиции в этих языках. Сохранившиеся памятники на пракритах и апабхранша позволяют установить не только общую картину последовательного разрушения старой флексии, но и картину зарождения новых грамматических явлений — возникновения новых средств выражения синтаксических отношений имени: агглютинативных частиц и послелогов.

2. В истории развития индоарийских языков выделяют три периода: а) древнеиндийский, б) среднеиндийский и в) новоиндийский.

В системе склонения древнеиндийских языков (в ведическом языке и санскрите) различалось восемь падежей: именительный, винительный, творительный, дательный, отложительный, родительный, местный, звательный. Каждый падеж имел свое особое окончание, которое зависело от рода и числа имени, а также от различных типов именных основ. Падежные окончания в одних случаях присоединялись к неизменяемой основе, а в других — к ее модифицированной форме. Таким образом, та или иная падежная форма имени зависела от трех признаков:

1) типа основы (ее окончания, односложности и многосложности),

2) рода и числа,

3) фонетических закономерностей слияния падежных флексий с основой.

Имена существительные с различными основами имели различное количество падежей. Так, восьмичленная парадигма склонения в санскрите в своем полном виде прослеживалась только у имен мужского рода единственного числа с основой на *-а*. Во всех остальных случаях она выступала

в редуцированном виде в результате совпадения ряда падежных флексий:

в единственном числе совпадали:

I — именительный и винительный у имен среднего рода на *-a*;

II — отложительный и родительный у имен мужского рода на *-i*, *-u*, *-ṛ*, *-an*, *-as*; у имен женского рода (многосложных) на *-ā*, *-ī*, *-ū*, *-ṛ*;

III — именительный-винительный-звательный, отложительный-родительный у имен среднего рода на *-i*, *-u*, *-as*, *-is*, *-us*, *-an*, *-in*;

IV — именительный-звательный, отложительный-родительный у имен женского рода (односложных) на *-ā*, *-ī*, *-ū*, *-au*; у имен мужского, женского, среднего рода на согласный (*vāc*, *pad*, *tivṛt*);

в двойственном числе совпадали:

I — именительный-винительный-звательный, орудийный-дательный-отложительный, родительный-местный у всех имен существительных;

во множественном числе совпадали:

I — именительный-звательный, дательный, отложительный у имен мужского рода на *-a*, *-i*, *-u*, *-ṛ*; у имен среднего рода на *-a*; у имен женского рода на *-ī*, *-i*, *-ū*, *-u*;

II — именительный-винительный-звательный, дательный-отложительный у имен среднего рода на *-u*, *-ṛ*; у имен женского рода на *-ā*, *-ī*, *-ū* (у односложных), *-au*; у имен мужского, среднего рода на согласные.

Таким образом, восьмичленная парадигма склонения в санскрите выступала как семичленная, шестичленная, пятичленная и трехчленная, а в некоторых случаях как семичленная и шестичленная одновременно, так как существовало несколько вариантов окончаний одного и того же падежа. Одно из окончаний совпадало по форме с окончанием другого падежа, а второе выступало самостоятельно. Например, у имен среднего рода на *-i*, *-u* звательный падеж в единственном числе мог совпадать с формами именительного и винительного падежей и мог иметь свое особое окончание.

Совпадение падежных флексий у ряда древнеиндийских падежей уже в тот период можно рассматривать как тенденцию к слиянию данных падежей в одну общую форму в среднеиндийскую эпоху.

3. Сложная система падежей, характерная для древнеиндийских языков и связанная с изменениями по родам и числам, постепенно приходит в упадок. Этому способствовали: а) фонетические преобразования слова; б) унификация грамматических форм — сведение двух или более форм в одну в результате действия законов аналогии; в) недостаточно

четкое разграничение значений между падежами, наблюдавшееся уже в древнеиндийских языках.

Ниже приводим перечень некоторых основных значений, которые дублировались несколькими падежами[1].

3.1. Субъект действия обозначался именительным, орудийным и родительным падежами, например:

именительный падеж: **putraḥ** *jalam pibati* 'Сын пьет воду';

орудийный падеж: **tena**-*uktam* 'Он сказал' (букв. 'Им было сказано'); **mayā** *sevyo hariḥ* 'Я должен поклонять**ся** Хари' (букв. 'Мною должен быть почитаемый Хари');

родительный падеж: **mama** *sevyo hariḥ* (перевод аналогичен предыдущему).

3.2. Для обозначения объекта — адресата действия при таких глаголах двойного управления, как «давать», «говорить», «посылать» и т. п., употреблялись дательный и родительный падежи, например:

дательный падеж: **viprāya** *gām dādati* 'Брахману корову дает';

родительный падеж: *mayā* **tasya**-*abhayam pradattam* 'Я даровал ему бесстрашие'.

3.3. Значение цели передавалось именами в дательном и местном падежах, например:

дательный падеж: **muktaye** *harim bhajati* '**Для (ради) спасения** Хари поклоняется';

местный падеж: **carmaṇi** *dvīpinam hanti* '**Из-за (ради) шкуры** тигра убивает'.

3.4. Причина обозначалась именами в орудийном и отложительном падежах:

орудийный падеж: **tena-aparādhena** *tvām dandayāmi* 'Из-за этого проступка тебя накажу';

отложительный падеж: **laulyād** *māṁsam bhakṣayati* 'От жадности мясо ест'.

3.5. Направление движения передавалось именами в дательном, винительном и местном падежах, например:

дательный падеж: **grāmāya** *gacchati* 'К деревне идет';

винительный падеж: **vidarbhān** *agaman* 'К видарбхцам пошли';

местный падеж: *sa* **devesu** *gacchati* 'Он к богам идет'.

3.6. В определенных лексических условиях родительный падеж мог употребляться вместо следующих падежей:

орудийного: а) при глаголах со значением «удовле-

---

[1] Данный перечень падежных значений и последующий иллюстративный материал основаны на материале санскритских грамматик [17; 13; 12].

творяться», «насыщаться», «наполняться» в пассивных конструкциях типа *na-agnis-tṛpyati* **kāṣṭhānām** (род. пад.) вместо **kāṣṭhaiḥ** (оруд. пад.) 'Огонь не удовлетворяется дровами'; б) в сочетании с прилагательными, имеющими значение «равный», «подобный», например: *rāmaḥ* **kṛṣṇasya** *tulyaḥ* (род. пад.) 'Рама Кришне подобный', **šakrena** *samaḥ* (оруд. пад.) 'Индре равный';

местного: в сочетании с прилагательными «знакомый с», «сведущий», «искусный в», «привычный к», например: **saṅgrāmāṇām** *akovidaḥ* (род. пад.) 'в битвах неискушенный'; *rāmo* **akṣa-dyūte** *nipuṇaḥ* (местн. пад.) 'Рама в игре в кости искушенный';

отложительного: во временно́м значении, например: *cirasya kālasya* (род. пад.) 'по истечении (после) долгого времени'; *saptāhāt* (отл. пад.) 'по истечении (после) недели'.

4. Из-за нечеткого разграничения функций между падежами, а также вследствие многозначности каждого отдельного падежа в древнеиндийских языках для уточнения и детализации значений падежей существовали служебные слова-предлоги, весьма разнообразные по своей природе. Древнеиндийские предлоги обладали способностью употребляться как перед именем, так и после него и, таким образом, функционировали в качестве послелогов.

В функции предлогов (послелогов) выступали:

а) глагольные префиксы[2] типа: *ati* 'сверх', 'выше'; *adhi* 'над', 'на', 'по'; *anu* 'после', 'вслед', 'за'; *antar* 'между'; *api* 'недалеко', 'поблизости', 'около'; *prati* 'по направлению', 'к', 'в отношении'; *pari* 'вокруг';

б) «первообразные» наречия, выражающие простейшие пространственные и временны́е отношения типа: *upari* 'наверху', 'на'; *antarā* 'между', 'внутри', 'в'; *purā* 'раньше', 'до'; *bahiḥ* 'снаружи', 'вне'; *adhaḥ* 'внизу', 'под';

в) вторичные наречия, также с обстоятельственным значением места и времени, образованные от имен существительных или прилагательных в прямом или в одном из косвенных падежей, например: *arvāk* 'ближе', 'раньше', 'до' (им. пад. от *arvāc* 'ближний'); *prāk* 'после', 'спустя', 'за' (им. пад. от *prāc* 'дальний'); *pūrvam* 'прежде', 'раньше', 'до', 'впереди' (вин. пад. от *pūrva* 'прежний', 'передний', 'предшествующий', 'восточный'); *paścāt* 'после', 'за' (отл. пад. от *paśca* 'задний', 'поздний', 'западный'); *agre* 'перед' (местн. пад. от *agra* 'передний', 'передовой');

---

[2] Это так называемые первичные (непроизводные) предлоги. Их употребление характерно в основном для ведического языка. В санскрите функционирование непроизводных предлогов сокращается. Из них в употреблении остаются только *ā, anu, prati.*

г) наречия, производные от глагольных форм — причастий и деепричастий, например: *ṛte* 'кроме', 'независимо' (местн. пад. от *ṛta*); *uddišya* 'по направлению к', 'в отношении' (от корня *diš-*); *gṛhītvā* 'вместе с', 'с' (букв. 'взяв', от корня *grah-*); *āšritya* 'посредством' (букв. 'обращаясь к', 'прибегая к', от корня *śri-*); *muktvā* 'исключая', 'кроме' (букв. 'освобождаясь от', от корня *muc-*).

Так, постепенно, уже в древнеиндийский период становления индоарийских языков, зарождались основы аналитического грамматического строя, столь характерного для современного новоиндийского периода. Однако следует отметить, что, несмотря на перегруженность древнеиндийских падежей разнообразными значениями и совпадение функций отдельных падежей, падежи в большинстве случаев не уточнялись служебными словами. Этот факт свидетельствует о том, что значения падежных форм в тот период еще достаточно ясно ощущались носителями языка.

5. Наряду с указанным выше аналитическим приемом выражения падежных отношений — сочетанием падежнооформленных имен со служебными словами — в древнеиндийских языках был известен другой описательный способ — словосложение. Под словосложением в данном случае имеются в виду образование сложных слов типа *таппуруша*, в которых первый компонент (управляемое слово) находится в зависимости от последующего (управляющего) компонента, но выступает, как правило, в форме основы, например: *deva-dāsaḥ* 'служитель бога', *rāja-karma* 'долг (обязанность) царя'.

Иногда управляемое слово могло выступать в форме требуемого падежа (наиболее древний тип словосложения), например: *dhanam-jaya* 'завоевывающий богатство', *vācas-pati* 'господин слова', *yudhi-ṣṭhira* 'стойкий в битве'.

Словосложения типа *таппуруша* передавали значения различных косвенных падежей, например:

винительного: *jaya-prepsu* 'жаждущий победы', *varṣa-bhogya* 'желающий наслаждаться в течение года', *gṛha-agata* 'прибывший домой';

орудийного: *ahi-hata* 'убитый змеей'; *deva-datta* 'данный богом'; *svāmi-sadṛša* 'похожий на господина', *māsa-pūrva* 'месяцем раньше';

дательного: *prabhu-hita* 'выгодный господину';

отложительного: *svarga-patita* 'упавший с неба', *bhavad-anya* 'отличный от вас';

родительного: *rāja-puruṣa* 'слуга царя', *vyāghra-buddhi* 'хитрость тигра';

местного: *gṛha-jāta* 'рожденный в доме', *pūrva-ahna-kṛta* 'сделанный до полудня'.

Наибольшего развития способ словосложения получает в классическом санскрите, для которого были характерны не только двусложные композиты, заменяющие собой двучленные падежные конструкции, но и многосложные композиты, заключающие в себе нередко целые предложения. Процесс создания словосложений, равно как и возникновение предлогов (послелогов), в древнеиндийский период не был связан с изменениями именного склонения, которое сохраняло свой флективный тип и в период пракритов вплоть до периода апабхранша. Однако в этом процессе проявлялась тенденция к развитию аналитического строя и, в частности, к развитию аналитических способов выражения падежных отношений.

Таким образом, в древнеиндийских языках падежные отношения выражались двумя грамматическими способами: флективным и смешанным — флективно-аналитическим, который получает свое дальнейшее развитие в среднеиндийских языках — пракритах.

6. Среднеиндийские языки в основном сохраняют древнюю типологию склонения. Наряду с этим в них проявляется тенденция к упрощению падежной именной системы. Система склонения в пракритах значительно упростилась в результате отмирания среднего рода (частично) и двойственного числа.

Исчезает дательный падеж как самостоятельная категориальная форма. Основные функции древнеиндийского дательного падежа берет на себя родительный падеж. Правда, у имен мужского рода с основой на *-a* и у имен женского рода с основой на *-ā* была зафиксирована особая форма дательного падежа, отличная от родительного, но употребление данной формы было крайне ограниченно. Она служила преимущественно для оформления имен, передающих значение цели [14, 250].

Постепенно выходят из употребления формы звательного падежа. Их функцию в обоих числах выполняют формы именительного падежа. Благодаря этому количество форм звательного падежа, засвидетельствованных в пракритах, весьма незначительно. Они зафиксированы только у имен мужского рода с основой на *-a* в единственном и во множественном числе, а у имен женского рода с основой на *-ā* в единственном числе.

В пракритах наблюдается совпадение целого ряда падежей, например, у имен женского рода с основой на *-ā* в единственном числе совпадают орудийный, родительный и местный падежи; во множественном числе — именительный и винительный падежи. Именительный и винительный падежи также совпадают во множественном числе у имен мужского

рода с основой на гласные *-i*, *-ī*, *-u*, *-ū* и у имен на согласный *-n*. В ряде пракритов функции отделительного падежа выполняют формы родительного падежа, например, в пракритах шаурасени и махараштри у имен женского рода с основой на *-ā* в единственном числе наряду с собственно аблативным окончанием *-ādo* засвидетельствовано окончание *-āe*, которое идентично пракритскому окончанию родительного падежа [3].

В пракритах махараштри, ардхамагадхи и джайна-махараштри у имен мужского рода на *-i*, *-ī* в единственном числе в функции аблативного окончания также выступало окончание родительного падежа *-ṇo*.

7. Изменения системы склонения в среднеиндийских языках были связаны со значительными изменениями, происходящими в фонетической системе. Так, в связи с тем, что слова в пракритах, как правило, не могли оканчиваться на согласный, почти исчезает «согласное» склонение. Заметные изменения происходят в склонении имен на гласный, например, имена женского рода на *-i*, *-u*; *-ī*, *-ū* в пракритах стали склоняться по типу имен с основой на *-ā*. Имена родства на *-ṛ*, для которых в санскрите существовало особое склонение, в пракритах в связи с переходом *ṛ* в *i* (*u*) в мужском роде стали склоняться по типу имен мужского рода с основой на *-i*, *-u*, а в женском роде по типу имен женского рода на *-ā*.

Исключение представляли именительный падеж единственного и множественного числа и винительный падеж единственного числа, окончания которых были заимствованы из санскрита.

Под действием новых фонетических законов в среднеиндийских языках существенно изменяется звучание падежных аффиксов. Наряду с этим появляются новые падежные аффиксы.

Под влиянием местоименного склонения в пракритах в местном падеже единственного числа у имен мужского рода на *-a* наряду с древнеиндийским окончанием *-e* появляются окончания *-ṁmi*, *-msi*, *-ahiṁ*, а у имен с основой на *-i*, *-u* вместо древнеиндийского *-au* засвидетельствованы окончания *-mmi*, *-ṁmi*, *-ṁsi*.

Пракритское окончание винительного падежа множественного числа *-e* у основ мужского рода на *-a* также возводится к местоименному склонению [14, 259].

---

[3] Окончание *-āe* возводится к древнеиндийскому окончанию *-yai*, которое употреблялось в ведическом языке как окончание родительного и отложительного падежей, а в санскрите — как окончание дательного падежа имен женского рода на *-ā* [14, 263].

Таким образом, упрощение именного склонения в пракритах шло как по линии отмирания грамматических форм, так и по линии совпадения грамматических форм.

Наряду с некоторым упрощением флективной падежной системы в пракритах продолжают свое развитие аналитические формы, возникающие либо из словосложений, либо из сочетаний самостоятельных слов, либо из сочетаний полнозначных и служебных слов. Однако в целом пракриты сохраняют основы древнеиндийского флективного грамматического строя; флективной продолжает оставаться и система падежных форм.

8. Дальнейший процесс упрощения древней фонетической и морфологической системы грамматических форм знаменовал собой переход индоарийских языков на новую стадию развития, которая была зафиксирована в литературе формами апабхранша, сложившимися к середине I тысячелетия н. э. Иногда апабхранша рассматриваются как первоначальный этап возникновения новоиндоарийских языков, а иногда как позднейшая форма пракритов. Однако, куда бы ни относить апабхранша — к пракритам или к новоиндийским языкам, или рассматривать их как промежуточный этап от среднеиндийских языков к новоиндийским, важно то, что апабхранша представляют собой качественно новый по отношению к пракритам этап развития грамматического строя, хотя и сами пракриты в типологическом отношении неоднородны. Однако в целом грамматический строй апабхранша все же ближе к новоиндийскому в его ранней форме, чем к пракритскому.

Одна из особенностей апабхранша, что сближает их с ранними формами новоиндийских языков, обнаруживается в области падежной системы. Апабхранша в результате еще более глубоких фонетических изменений по сравнению с пракритами утрачивают старую флексию, в языке происходит контаминация падежных форм, количество падежей резко сокращается. Винительный падеж сливается с именительным, творительный — с местным. Перестает существовать отложительный падеж как самостоятельная категориальная форма. Функцию отложительного падежа начинает выполнять родительный падеж. Таким образом, в апабхранша вместо восьми древнеиндийских падежей остается три [15, 104]: 1) именительный-винительный-звательный, 2) родительный-дательный-отложнительный, 3) местный-орудийный.

Первая группа падежей положила начало существованию прямого падежа, характерного для новоиндийских языков, а некоторые падежные флексии второй и третьей групп косвенных падежей, обнаруживая тенденцию к слия-

нию в одну общую форму, послужили основанием для образования общекосвенного падежа [4].

Многочисленные типы склонения древнеиндийских языков, зависящие от различных основ, в апабхранша сводятся к склонению имен с основой на *-a*, *-ā*. Функцию флективных падежных форм все чаще начинают выполнять флективно-аналитические формы, например, в функции показателя отложительного падежа в апабхранша зафиксированы послелоги *hontau* 'от', 'из'; *-thiu* 'от', 'из' (в сочетании с формой местного падежа). Флективно-аналитическая форма родительного падежа была представлена в апабхранша сочетанием данного падежа с послелогом *-kerau* 'относящийся к', 'принадлежащий' [9, 123—124]. Однако необходимо отметить, что новый грамматический способ выражения падежных отношений посредством служебных слов в апабхранша еще не носит характера системы и представлен слабее, чем в новоиндийских языках.

9. Постепенное разрушение флективного строя в индоарийских языках сопровождалось созданием новых аналитических форм, в имени и в глаголе. Служебные слова-послелоги, которые в древне- и среднеиндийский периоды, сочетаясь с различными падежными формами, выступали лишь в функции уточнителей того или иного значения падежа, в новоиндийских языках становятся основным средством выражения синтаксической зависимости между словами в речи. В ряде случаев в процессе развития послелоги утрачивают свое лексическое значение и, становясь все более отвлеченными, начинают выступать падежными оформителями имени существительного. Таковы, например, простые послелоги хинди *kā* (*kī*, *ke*), *ko*, *se*, *meṅ*, *par*, *tak*, которые в силу своей грамматической обобщенности могут рассматриваться как своеобразные падежные аффиксы, и только возможность отделяться от основы не дает права включить их в один ряд с синтетическими падежными формами — флективными и агглютинативными.

В других новоиндийских языках, например в маратхи, послелоги сливаются с именами. При этом образуется вторичная синтетическая система склонения агглютинативного типа. В падежной системе маратхи выделяются следующие падежи: именительный, родительный, объектный, орудийный, совместный, отложительный, местный. Падежные аффиксы маратхи неоднородны по своим свойствам. Одни из них способны выражать падеж и число (именительный, объектный, орудийный), другие —

[4] По свидетельству Г. В. Тагаре, у имен женского рода уже на стадии апабхранша практически выделялись всегда лишь два падежа — прямой и косвенный [15, 104].

только падеж (совместный, местный, отложительный). Аффикс родительного падежа выражает род, число и падеж следующего за ним имени.

Наряду с новыми агглютинативными формами выражения падежных отношений в маратхи существуют и аналитические. При этом трудно сказать, какие из форм являются преобладающими. Дело в том, что если посредством падежных аффиксов передаются общие типы отношений, то послелоги в целом выражают более частные виды связей имен в предложении. Сосуществование обоих способов, а не преобладание одного над другим является отличительной чертой маратхи.

Наличие более или менее развитых падежных систем склонения в языках восточной группы (бенгали, ория и ассамском), сосуществующих наряду с аналитическими конструкциями, сближает эти языки с маратхи. Так, падежная система бенгали насчитывает четыре падежа: именительный, объектный, родительный, творительно-местный [2, 33]. Для каждого падежа в бенгали существует определенный набор аффиксов, выбор которых зависит от окончания имени, его одушевленности и неодушевленности, определенности и неопределенности, а также от стилистических особенностей речи.

В системе склонения языка ория насчитывается пять падежей: именительный, объектный, орудийный, отложительный и родительный [6, 29]. Падежные аффиксы ория унифицированы. Одни из них выражают падеж и число, другие — только падеж.

В современном ассамском языке падежная система состоит из семи падежей: именительного, винительного, орудийного, дательного, отложительного, родительного, местного [1, 51]. Падежные флексии в ассамском языке не зависят от рода и числа.

10. В наиболее редуцированном виде падежные системы представлены в языках Центральной и Северо-Западной Индии. Основным средством выражения зависимости имен в предложении в таких языках, как хинди, панджаби, синдхи, являются послелоги. Падежные формы в данных языках представляют собой не вторичные агглютинативные образования, а в основном рудименты древней падежной флексии.

Общим для названных языков является наличие в их падежных системах следующих трех падежей: 1) прямого, выполняющего функцию именительного и винительного падежей; 2) косвенного, иначе называемого общекосвенным, в котором форма имени сочетается с послелогами; 3) звательного [10, 1; 4, 29—31; 8, 23—24].

Помимо отмеченных трех падежей в языках Центральной и Северо-Западной Индии встречаются в виде рудиментов и другие синтетические падежные формы. Так, в панджаби от предшествующей стадии развития именного склонения сохранились флективные формы творительного, отделительного и местного падежей, а в синдхи — творительного и местного. Однако эти рудиментарные синтетические падежные формы в современных языках, особенно в прозе, утратили способность выражать падежные отношения имени и выступают как наречия. Их функцию стали выполнять аналитические формы — сочетания «косвенный падеж (косвенная основа)+послелог».

Таким образом, в новоиндийских языках имеются различные способы передачи падежных отношений (флективный, агглютинативный и аналитический). Однако ни в одном языке данные способы не выступают в чистом виде. Специфика того или иного языка (группы языков) определяется тем, насколько преобладает один способ над другим. Наличие большего количества флективных и агглютинативных форм в языках южной и восточной групп по сравнению с языками Центральной и Северо-Западной Индии отличает первые языки от последних.

11. Процесс становления падежной системы в современных индоарийских языках нельзя считать завершенным. Развитие категории падежа в новоиндийских языках находится в непосредственной зависимости от развития системы послелогов. Постпозитивное положение послелогов позволяет наиболее грамматикализовавшимся из них легко утрачивать способность раздельного фоно-морфологического и синтаксического существования. Таким образом, послелог, утративший свое лексическое значение, фактически становится грамматической морфемой — падежным аффиксом. При переходе в падежный аффикс послелог должен обладать следующими признаками: а) односложностью, б) многозначностью, в) слитностью с основой. В ряде новоиндийских языков, например в языках Центральной и Северо-Западной Индии, выделяется категория так называемых простых послелогов. Эти послелоги имеют тенденцию превратиться в падежные агглютинативные аффиксы. К ним относятся:

Хинди	*kā*	*ko*	*se*	*meṅ*	*par*
Панджаби	*dā*	*nū*	*tō*	*vicc*	*tē* (*ute*)
Гуджарати	*nū*	*ne*	*thī*	*mā*	
Синдхи	*jo*	*khē*	*sā*, *khā*	*mē*, *mā*	*tē*

Простые послелоги, так же как и агглютинативные падежные аффиксы, односложны и многозначны. Однако в

отличие от падежных аффиксов они более самостоятельны. Одни исследователи новоиндийских языков относят простые послелоги к разряду служебных слов [11, 2—3; 16, 32], другие рассматривают их как агглютинативные падежные аффиксы [7, 24]. Так, в гуджарати, например, выделяются следующие агглютинативные падежи: прямой (в ед. ч. *-о*, *-ī*, *-ū* или нулевое окончание, во мн. ч. *-о*), притяжательный (*-nū*), объектный (*-ne*), отделительный (*-thī*), местный (*-mā*).

Однако, как правило, сочетания «косвенная основа+односложный многозначный послелог» принято трактовать на уровне синтаксических единиц по аналогии с сочетаниями «предлог+падежнооформленное имя» [16, 32; 9, 129]. Такая трактовка данных сочетаний вызывает сомнения.

Во-первых, потому что косвенная основа, выступающая в современных языках хинди, панджаби, гуджарати, синдхи в сочетании с односложными многозначными послелогами, не является полнозначным словом, способным функционировать как самостоятельный член предложения. Косвенная основа приобретает способность выражать падежную зависимость и выступать в функции члена предложения только в том случае, когда к ней присоединяется послелог (иногда он опускается, но подразумевается). Правда, в синдхи имя в форме косвенной основы может обозначать агента действия и, таким образом, выступать самостоятельно в функции подлежащего при эргативной конструкции предложения. Однако это обстоятельство вряд ли следует рассматривать в данном языке как признак самостоятельности косвенной основы. Функционирование косвенной основы в современном синдхи в качестве падежа деятеля, вероятно, представляет собой архаичное явление, рудимент предшествующей стадии, и свидетельствует о том, что данная форма имени некогда употреблялась в функции творительного падежа, одним из значений которого было обозначение субъекта действия.

Во-вторых, простые послелоги, сочетающиеся с косвенной основой, будучи односложными и многозначными, по степени своей грамматизации выделяются из разряда служебных слов — предлогов-послелогов и приближаются к морфемам — падежным агглютинативным аффиксам.

Исследование специфики сочетаний «косвенная основа+односложный многозначный послелог» и определение их места в грамматической системе изучаемого языка необходимы для решения как частного вопроса о количестве падежей в исследуемом языке, так и общего вопроса о путях развития падежной категории в современных индоарийских языках. Безусловно, упомянутые сочетания в различных

языках, где они выделяются, имеют свою специфику. Однако рассмотрение их как синтаксических единиц «косвенный падеж+послелог» по типу «предлог+падежнооформленное имя» является спорным фактом.

12. В качестве иллюстративного материала для определения специфики конструкций «косвенная основа+односложный многозначный послелог» привлекается хинди как наиболее изученный из новоиндийских языков. Прежде чем ответить на вопрос, что представляют по своей грамматической структуре послеложные конструкции типа *beṭe kā* (*kī*), *beṭoṅ ke* (*kī*), *beṭe* (*beṭoṅ*) *ko*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *se*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *meṅ*, *par*, необходимо остановиться на лексико-грамматической характеристике их компонентов.

Косвенные основы *beṭe-* (ед. ч.), *beṭon* (мн. ч.), выделяемые лингвистами как особый косвенный падеж [10, 1; 5, 46; 3, 34], иначе называемый общекосвенным в современном хинди, как правило, без послелогов не выступают в функции грамматически законченного слова, т. е. не представляют собой члена предложения. Так, если в предложениях:

1) *in lar^{a}kiyoṅ ke nām kyā haiṅ?* 'Как зовут этих девочек?'; 2) *māiṅne in auratoṅ ko dekhā* 'Я увидел этих женщин'; 3) *vah kam^{a}re meṅ sotā hai* 'Он спит в комнате'; 4) *kitābeṅ mezoṅ par haiṅ* 'Книги на столах' убрать послелоги (*ke*, *ko*, *meṅ*, *par*), то, во-первых, нарушатся типы связи (в примере 1 — определительная, в примерах 2, 3, 4 — комплетивная), во-вторых, косвенная основа перестанет быть полнозначным словом, что повлечет за собой нарушение связной речи. Для того чтобы стать словом, косвенная основа должна соединиться с послелогом. Только в этом случае она приобретает способность функционировать в предложении.

Если рассматривать косвенные основы с точки зрения их грамматической структуры, то они действительно представляют собой определенную грамматическую форму слова. Грамматический показатель данной формы содержит в себе значение числа и значение «косвенности», подобно тому как эти же грамматические значения содержат в себе, например, падежные флексии в санскрите. Так, сопоставляя формы слов:

Единственное число		Множественное число	
прямая форма	косвенная форма	прямая форма	косвенная форма
х. *beṭā*	х. *beṭe-*	х. *beṭe*	х. *beṭoṅ*
скр. *devaḥ*	скр. *deva***sya**	скр. *devāḥ*	скр. *devā***nām**,

приходится признать (с формальной точки зрения) их морфологическо-структурную общность.

У имен существительных мужского и женского рода в хинди, за исключением имен, оканчивающихся на *-ā* и *-āṅ*, грамматический показатель косвенной формы в единственном числе равен нулю, т. е. прямая и косвенная формы имени совпадают, например:

1) *yah ek acchī* **saṛak** *hai* 'Это — хорошая улица'; *is* **saṛak par** *ek bas cal rahī hai* 'По этой улице ходит автобус';

2) *merā* **bhāī** *mujhe ek ciṭṭhī likhegā* 'Мой брат напишет мне письмо'; *mujhe mere* **bhāi ko** *ek ciṭṭhī likh^{a}nī cāhiye* 'Мне нужно написать письмо моему брату'.

Это обстоятельство следует помнить при характеристике косвенной основы, так как иногда совпадение прямой и косвенной форм может привести к неправильному выводу о самостоятельности косвенной основы. Так, если сравнить предложения 1) *maiṅne is aurat ko dekhā* 'Я увидел эту женщину' и 2) *maiṅne ek kitāb dekhī* 'Я увидел книгу', то нетрудно заметить, что в первом случае глагол *dekh^{a}nā* употреблен с послелогом *ko*, а во втором — данный послелог отсутствует. Однако будет неправильным полагать, что во втором предложении произошло опущение послелога и косвенная форма имени употребляется самостоятельно. В данном примере налицо не косвенная, а прямая форма имени, употребление которой связано с тем, что имя объекта обозначает неодушевленный предмет.

Таким образом, закономерности образования косвенных основ создают некоторую предпосылку для трактовки косвенной основы как особого общекосвенного падежа и, следовательно, предпосылку для потенциальной грамматической выделимости косвенной основы из сочетания «косвенная основа+односложный многозначный послелог».

Однако хотя косвенные основы по своей грамматической структуре и имеют некоторые основания быть выделенными в особый косвенный падеж, но, не обладая основным качеством падежа — выражать синтагматическую связь между словами и группами слов в речевой цепи, в строе связной речи — они остаются только основами, хотя и отличными от основы флективного типа, так как содержат в себе показатель числа и «косвенности».

Косвенные основы типа *beṭe-*, *beṭoṅ-* в анализируемых послеложных конструкциях по своей грамматической структуре идентичны косвенным основам агглютинативных падежных форм, которые также содержат в себе показатель числа и «косвенности», например:

Единственное число	Множественное число
х. *beṭe-*	х. *beṭoṅ-*
мар. *beṭyā-*	мар. *beṭyāṅ-*

Обладая грамматической формой, которая является существенным, но не единственным признаком слова, косвенная основа лишена другого, не менее важного признака слова — способности грамматической сочетаемости с другими словами. Грамматическая незаконченность основы (отсутствие грамматической сочетаемости с другими словами) ведет к ее лексической несамостоятельности как элемента словарного состава. С лексической точки зрения косвенные основы представляют собой не законченное самостоятельное слово, а только часть его, что с убедительной ясностью подтверждается невозможностью перевода данных форм на другие языки, в частности характеризующиеся формами словоизменения, например, на русский. Так, косвенные основы *billī-* (от *billī* 'кошка'), *khiṛ^{a}kī-* (от *khiṛ^{a}kī* 'окно'), *kutte-* (от *kuttā* 'собака') на русский могут быть переведены только как «кошк-», «собак-», «окн-».

Таким образом, косвенная основа, не будучи грамматически законченным самостоятельным словом и выступая только как часть косвенного падежа, вторым обязательным элементом которого является послелог, не может быть включена в один ряд с полнозначными словами и, следовательно, трактоваться как самостоятельный косвенный падеж. Поэтому, если исходить только из характеристики первого компонента конструкции «косвенная основа+односложный многозначный послелог», то анализируемые конструкции не должны рассматриваться на уровне синтаксических сочетаний «имя+послелог» по типу «предлог+падежнооформленное имя».

Остановимся теперь на характеристике второго компонента послеложных конструкций — послелогах *kā*, *kī*, (*ke*), *se*, *meṅ*, *par*. Если исходить из принципа раздельного графического написания косвенной основы и послелогов (хотя этот принцип соблюдается не всегда), а также учитывать тот факт, что: а) послелог может «обслуживать» несколько основ[5], б) между основой и послелогом могут вставляться различные эмфатические частицы, т. е. если подходить с чисто внешней формальной стороны, то сочетание «косвенная основа+односложный многозначный послелог» действительно представляет собой соединение двух форм слов. Однако при характеристике послеложных конструкций следует учитывать не только способ сочетаемости имен с послелогами, но и различную степень грамматикализации последних.

---

[5] Данное положение иногда бывает правомерным и в отношении аглютинативных аффиксов. Например, в маратхи аффикс родительного падежа *-cā* (*-cī*, *-ceṅ*) также может определять несколько основ.

Простые послелоги *kā*, *kī*, (*ke*), *ko*, *se*, *meṅ*, *par* по существу выступают как грамматикализовавшиеся послелоги, утратившие свое лексическое значение. Свидетельством тому служат их предельная фонетическая краткость и многозначность. Это свойство простых послелогов сближает их с падежными агглютинативными аффиксами, которые также односложны и многозначны. Данное обстоятельство не может не влиять на существо анализируемых послеложных конструкций. Следует отметить, что по сравнению с падежными агглютинативными аффиксами простые послелоги обладают относительной самостоятельностью. В отдельных случаях они могут опускаться, и в этом их основное отличие от падежных аффиксов. Однако эта особенность послелогов вряд ли может служить доказательством полной грамматической и лексической законченности основы как самостоятельного слова, способного функционировать в предложении, например: *vah is rāste kal^{a}katte jānevālā hai* 'Он этой дорогой поедет в Калькутту'. В данном предложении опущены послелоги *se* (*is rāste se*) и *ko* (*kal^{a}katte ko*). При этом значения данных послелогов (*se* и *ko*) передается не самой косвенной основой, а контекстом, что лишний раз указывает на несамостоятельность основы.

Беспослеложное функционирование основы представляет собой рудимент предшествующей стадии. Употребление косвенных основ без послелогов в современном хинди встречается в основном в формах словосложений (*ankhoṅ dekhā* 'воочию'), в собирательных числительных (*donoṅ* 'вдвоем', 'оба', *cāroṅ* 'четверо'), у наречий (*nice* 'внизу') или во фразеологических сочетаниях (*bhūkhoṅ mar^{a}nā* 'голодать', *hāthoṅ hāth bik^{a}nā* 'быстро распродаваться', *tin^{a}ke cun^{a}nā* 'сходить с ума', *pich^{a}le haphte* 'на прошлой неделе', *haphte ke haphte* 'каждую неделю').

Простые послелоги иногда могут сочетаться друг с другом. Так, в хинди послелоги *meṅ* и *par* способны сочетаться с послелогом *se* — *meṅse* (*ghar meṅ se*), *parse* (*ghar par se*). При этом следует отметить, что данное свойство простых послелогов не является только их специфической чертой. Сочетаться друг с другом способны и падежные аффиксы, например, в маратхи отложительный падеж наряду с аффиксами *-hūn* и *-ūn* имеет аффикс *-ṅtūn*, который представляет собой сочетание аффикса местного падежа *-ṅt* и окончания отложительного падежа *-ūn*.

12.1. Суммируя все, что было сказано о грамматическом и лексическом значении обоих компонентов послеложных конструкций, можно сделать следующие выводы.

12.1.1. Послеложные конструкции типа «косвенная осно-

ва+односложный многозначный послелог» не могут быть включены в один ряд с синтаксическими свободными сочетаниями «имя+послелог», так как, во-первых, косвенная основа не является полнозначным словом, во-вторых, простые послелоги, будучи многозначными и односложными, выделяются из ряда служебных слов — послелогов и приближаются по своим свойствам к морфемам — падежным агглютинативным аффиксам.

12.1.2. В отличие от синтаксического сочетания «имя+послелог» соединение косвенной основы и послелога является устойчивым, семантически неразложимым соединением морфологического типа. Эта неразложимость проявляется в грамматической незаконченности основы, а следовательно, и в отсутствии ее полной смысловой самостоятельности. Части послеложных конструкций находятся в органическом единстве, где послелог становится такой же необходимой частью формы слова, как и падежное окончание в языках флективного и агглютинативного типов.

Однако специфика данной конструкции состоит в том, что ее грамматическая и семантическая неразложимость сопровождается разложимостью внешней, структурной. Переосмысление компонентов послеложной конструкции, в частности переосмысление косвенной основы, которая в современном хинди не приобрела самостоятельной функции, а стала выполнять только функцию основы, обусловило реальную грамматическую и семантическую неразложимость составных частей указанной конструкции, но не обусловило их внешней структурной взаимосцепленности. Таким образом, послеложные конструкции типа *ghar kā* 'дома', *ghar ko* 'к дому', *ghar se* 'от дома', *ghar meṅ* 'в доме', *ghar par* 'дома'[6] или те же конструкции во множественном числе: *gharoṅ ke* 'домов', *gharoṅ ko* '(к) домам', *gharoṅ se* 'от домов', *gharoṅ meṅ* 'в домах' внутренне противоречивы. С одной стороны, лишенные цельнооформленности, они по своей структуре представляют сочетание двух слов и в этом плане соотносятся с сочетанием полнозначного и служебного слова «имя+послелог». С другой стороны, послеложные конструкции, обнаруживая грамматическую и лексическую неразложимость, соотносятся с падежными формами — флективными и агглютинативными.

Принимая во внимание тот факт, что соединение «косвенная основа+односложный многозначный послелог» так же грамматически и лексически неразложимо, как и соединение «основа синтетического типа+падежное окончание»,

---

[6] Ср. *ghar meṅ honā* 'находиться (быть) в доме' и *ghar par honā* 'находиться дома'.

мы склонны, исходя из цельнозначимости, а не цельнооформленности послеложной конструкции, рассматривать указанное сочетание как сложную форму слова.

Однако несмотря на всю близость простых послелогов к падежным агглютинативным аффиксам (фонетическая краткость, многозначность, отсутствие у данных послелогов лексического значения), свойства простых послелогов хинди, отмеченные выше («обслуживание» одним послелогом нескольких основ, употребление между основой и послелогом различных служебных слов, опущение послелогов), делают их относительно более самостоятельными по сравнению с падежными агглютинативными аффиксами. Исходя из двойственности природы указанных грамматических единиц, будем классифицировать их как падежные послелоги. Приравнивая (но не отождествляя) данные послелоги по характеру их отношения к основе к грамматическим морфемам и подчеркивая специфику падежных послелогов, мы объединяем их в парадигму склонения особого аналитического типа в отличие от флективной и агглютинативной парадигм склонения.

Таким образом, рассматривая послеложные конструкции *beṭe kā*, *kī*, (*ke*), *beṭoṅ kī*, *ke*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *ko*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *se*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *meṅ*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *par*, *beṭe* (*beṭoṅ*) *tak* не как синтаксические сочетания полнозначного и служебного слова, а как особое морфологизованное единство, как сложную форму слова, исходя из основных значений падежных послелогов, можно выделить следующие косвенные аналитические падежи:

	Единственное число	Множественное число
Родительный	*beṭe kā*, *kī*	*beṭoṅ ke*, *kī*
Дательно-винительный	*beṭe ko*	*beṭoṅ ko*
Орудийный	*beṭe se*	*beṭoṅ se*
Отложительный	*beṭe se*	*beṭoṅ se*
Местный	*beṭe meṅ* *beṭe par*	*beṭoṅ meṅ* *beṭoṅ par*
Эргативный	*beṭe ne*	*beṭoṅ ne*
Ограничительный	*beṭe tak*	*beṭoṅ tak*

13. Анализ конструкций «косвенная основа + односложный многосложный послелог» в хинди показывает, что различные виды сочетаний, хотя и имеют синтаксическую структуру, могут служить материалом для образования новых форм слов.

Поэтому к характеристике послеложных сочетаний в новоиндийских языках следует подходить индивидуально

в каждом конкретном случае, учитывая тот факт, что структура данных сочетаний различна в зависимости от составляющих их компонентов: во-первых, от характера послелогов, которые могут обнаруживать различные степени грамматизации, и, во-вторых, от характера имени, с которым сочетаются послелоги. Именно различный характер полнозначного и служебного слов в послеложных конструкциях и обусловливает специфику взаимосвязи внутри подобных сочетаний, отчего, в свою очередь, зависит и место данных сочетаний в общей грамматической системе языка.

14. Специфика сочетания «косвенная основа+односложный многозначный послелог», как было показано на примере хинди, состоит в тесной внутренней спаянности обоих компонентов при существующей внешней их разобщенности. Именно эта внешняя разобщенность не позволяет рассматривать указанные сочетания в одном ряду с синтетическими формами — флективными и агглютинативными, а требует трактовать их как особую аналитическую форму слова. Поэтому при характеристике категории падежа в современных индоарийских языках следует выделять не только традиционные синтетические формы ее выражения, но и аналитическую форму типа «косвенная форма+односложный многозначный послелог».

15. Таким образом, именное склонение в новоиндийских языках представлено тремя различными грамматическими способами: 1) флективным (рудименты древней флективной системы в формах прямого и различных косвенных падежей), 2) агглютинативным (падежные формы маратхи и цыганского языков), 3) аналитическим (сочетания хинди «косвенная основа+односложный многозначный послелог»). Эти способы отражают эволюцию падежной системы индоарийских языков, для которой характерны следующие признаки:

а) для индоарийских языков в древнеиндийский период было характерно наличие весьма развитой флективной системы склонения. Однако уже в древнеиндийских языках наметилась тенденция к упрощению флективного именного склонения. Эта тенденция проявлялась, во-первых, в совпадении флексий у некоторых падежей и, во-вторых, в совмещении некоторых падежных значений;

б) в среднеиндийский период развития индоарийских языков процесс упрощения именного склонения протекает с большой интенсивностью. Отмирают средний род и двойственное число, происходит унификация именных основ, сокращается общее количество падежей. Так, в пракритах отмирает категория дательного падежа и частично отделительного и звательного падежей. При этом функцию дательного и отделительного падежей берет на себя роди-

тельный падеж, а функцию звательного — именительный. У ряда имен наблюдается также совпадение именительного и винительного падежей, что служило предпосылкой образования прямого падежа в конце среднеиндийского периода. В результате интенсивно действующего процесса упрощения именного склонения в период апабхранша в падежной системе было зафиксировано всего лишь три падежа вместо восьми древнеиндийских: именительный-винительный-звательный, родительный-дательный-отделительный, орудийный-местный;

в) на смену флективным формам выражения падежных отношений приходят новые аналитические формы. Следует отметить, что процесс создания этих новых форм начался еще в древнеиндийский период. Однако своего наивысшего развития аналитический способ выражения зависимости имен в предложении получает в новоиндийский период развития индоарийских языков. На базе сочетания имен с послелогами в новоиндийских языках происходит образование новых вторичных падежных систем агглютинативного типа. Наибольшее развитие они получают, например, в таких языках, как маратхи и цыганский.

В языках Центральной и Северо-Западной Индии (синдхи, гуджарати, панджаби, хинди) распространены грамматикализовавшиеся послелоги, которые также обнаруживают тенденцию превратиться в агглютинативные падежные аффиксы. Как правило, данные послелоги односложны и многозначны. Сочетания «косвенная основа+односложный многозначный послелог» в языках Центральной и Северо-Западной Индии занимают промежуточное положение между агглютинативными падежными формами (маратхи) и послеложными конструкциями типа «косвенный падеж+послелог», характерными для языков восточной группы (бенгали, ория, ассами). В последних, как правило, форма имени в сочетании с послелогами фактически является формой одного из косвенных падежей (родительного или объектного), самостоятельно функционирующих в предложении, да и послелоги сохраняют в основном свое лексическое значение.

Учитывая специфику сочетаний «косвенная основа+односложный многозначный послелог», как было показано на примере хинди, мы рассматриваем их как особую аналитическую форму слова и, следовательно, как особую аналитическую форму выражения падежной категории. Таким образом, на смену древней флективной падежной системы в современных индоарийских языках пришли вторичные падежные системы агглютинативного и аналитического типов.

1965 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабакаев В. Д., Ассамский язык, М., 1964.
2. Быкова Е. М., Бенгальский язык, М., 1966.
3. Дымшиц З. М., Язык урду, М., 1962.
4. Егорова Р. П., Язык синдхи, М., 1966.
5. Катенина Т. Е., Язык хинди, М., 1960.
6. Карпушкин Б. М., Язык ория, М., 1964.
7. Савельева Л. В., Язык гуджарати, М., 1966.
8. Толстая Н. И., Язык панджаби, М., 1960.
9. Холева Р. Г., К вопросу о развитии категории послелога в индоарийских языках,— «Уч. зап. ЛГУ», 1969, № 279, серия востоковедческих наук, вып. 9.
10. Bailey T. Grahame, Teach Yourself Hindustani, London, 1950.
11. Harley A. H., Colloquial Hindustani, London, 1955.
12. Kielhorn F., A Grammar of Sanskrit Language, Bombay, 1912.
13. Macdonell A., A Sanskrit Grammar for Students, London, 1955.
14. Pischel R., Comparative Grammar of the Prākrit Languages, Delhi, 1957.
15. Tagare G. V., Historical Grammar of Apabhraṁśa, Poona, 1948.
16. Tisdall Clair, A Simplified Grammar of the Gujarati Language, New York, 1961.
17. Whitney W. D., Sanskrit Grammar, London, 1955.

Л. А. Бархударова

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В ФУНКЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И ДОПОЛНЕНИЯ В МАРАТХИ

В маратхи существуют семь падежей: прямой, родительный, дательно-винительный, орудийный, совместный, отделительный, местный.

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В ФУНКЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО

1. При установлении падежных форм, выступающих в позиции подлежащего, мы исходим из определения подлежащего как «слова или сочетания слов, обозначающего тот предмет мысли, по отношению к которому определяется и выделяется содержание высказывания, связанное с предикацией» (определение О. С. Ахмановой). В качестве формального критерия для определения подлежащего используем порядок слов.

В связи с тем что в маратхи, как и в других новоиндийских языках, имена с одним и тем же морфологическим показателем могут выступать в различных синтаксических функциях и, наоборот, в одной и той же синтаксической функции выступают имена, оформленные морфологически по-разному, морфологический критерий не может быть применим к характеристике того или иного члена предложения[1]. Поэтому особо важное значение приобретает порядок слов. Будучи нередко единственным формальным средством для различения членов предложения и установления синтаксических связей в предложении, порядок слов в маратхи имеет строго фиксированный характер.

[1] Падежные формы в маратхи, как правило, многофункциональны. Например, имя в прямом падеже служит для выражения подлежащего, прямого дополнения, предиката, определения и обстоятельства. Или, например, в функции прямого дополнения в маратхи выступают прямой и дательно-винительный падежи, в функции сказуемого — прямой и родительный. Имена, выступающие в позиции определения, косвенного дополнения, обстоятельства, в маратхи также не имеют фиксированного падежного показателя.

Наиболее типичной моделью построения членов предложения в маратхи является модель «подлежащее+дополнение+сказуемое». Таким образом, для подлежащего характерна начальная позиция в предложении, а для сказуемого — конечная. Однако начальную позицию подлежащего не следует понимать в абсолютном смысле. Если в предложении присутствует обстоятельство места или времени, относящееся ко всему высказыванию в целом, то оно, как правило, предшествует подлежащему. Подлежащему может также предшествовать определение или дополнение с послелогом, а также причастный или деепричастный оборот.

Под начальной позицией подлежащего понимается прежде всего начальная позиция по отношению к таким членам предложения, как дополнения, выраженные падежными формами, или обстоятельства, характеризующие исключительно глагольное действие, которые располагаются в непосредственной близости к сказуемому, отодвигая подлежащее в начало предложения. Исключение составляют конструкции с глаголами восприятия, а также с глаголами, имеющими значение «быть полученным», «быть достигнутым», где в непосредственной близости к глаголу-сказуемому может быть расположено подлежащее, а дополнение в падежной форме выдвинуто в начало предложения, например: **tyālā** *sār^{a}kheṅ udyāñceṅ dṛṣya* **disūṅ lāg^{a}leṅ** (Bi., 20) 'Ему постоянно мерещилось завтрашнее зрелище'; **begam^{a}lā** *bādšahāceṅ mhaṇ^{a} neṅe manāpāsun* **paṭ^{a}leṅ** (Bi., 29) 'Царице от души понравилось предложение Бадшаха'; *pāñcavyā va sahāvyā iyatteṅt tar* **malā** *šiṣyavṛttyāhī* **milālyā hotyā** (Gā. vi-jī., 8) 'В пятом и шестом классах я уже получал стипендию (букв. мне стипендия получилась)'.

К данным конструкциям структурно близки русские конструкции типа «у меня есть...», в которых дополнение, выраженное падежной формой, также может занимать начальную позицию в предложении, например: **tyāṅnā** *paisā sāṅṭh^{a}viṇyācā lobh* **navh^{a}tā** (Gā. vi-jī., 5) 'У него не было желания копить деньги'; ...**yāṅnā** *ek mul^{a}gī va tīn* |*mul^{a}ge* **jhāle** (Gā. vi-jī., 5) '...у нее были одна девочка и трое мальчиков'.

К ним относятся конструкции с глаголами движения, где дополнение — субъект состояния — также ставится в начале предложения, например: **malā** *hariścandrāciṇ svapneṅ* **paḍat** (Gā. vi-jī., 8) 'Мне снились сны о Харишчандре'; **Bir^{a}balālā** *tyācā saṅašay* **ālā** (Bi., 6) 'Бирбал усомнился в этом' (букв. 'Бирбалу... сомнение пришло').

Имея определенную синтаксическую характеристику — начальную позицию в предложении — подлежащее в маратхи не имеет определенно выраженного морфологического пока-

зателя и может быть передано формами трех падежей: прямого, дательно-винительного и орудийного.

2. Широко распространены предикативные конструкции с подлежащим в форме прямого падежа. Характерной чертой данных конструкций является согласованность глагола-сказуемого и подлежащего. Предикативные сочетания с именем в прямом падеже по существу не ограничены лексическими рамками ни со стороны субъекта, ни со стороны предиката. Лексико-семантические классы слов, выступающие в функции подлежащего, весьма разнообразны: это названия лиц, конкретных предметов, отвлеченных явлений. Практически в позиции подлежащего может выступать любое субстантивное слово или сочетание слов. Не будучи ограниченным со стороны лексики, употребление в маратхи имени в прямом падеже в функции подлежащего находится в непосредственной зависимости от видо-временны́х форм глагола.

2.1. Подлежащее выступает в форме прямого падежа при активной конструкции предложения, обозначая субъект действия:

а) в несовершенных временах всех наклонений, исключая сослагательное. Переходность и непереходность глагола в данном случае не имеет значения, например: *tyā araṇyāṁt ek duṣṭ* **phāsepārᵃdhī rāhat ase** (А. Ва., 62) 'В этом лесу жил один злой птицелов'; *ikᵃḍe* **birᵃbal** *āpᵃlā bet* **racīt hotā**... (Bi., 93) '[Пока] здесь Бирбал вырабатывал свой план...';

б) при непереходном глаголе в совершенных временах, например: ...**tī** *āpᵃlyā kāmālā* **nighūn gelī** (Bi., 90) '...она отправилась на свою работу'; **mī** *āpᵃlyā mulīs mājhyā mulāsāṭhī māgᵃṇi ghālāyᵃlā* **āloṅ āhe** (Ek., 19) букв. 'Я пришел сделать предложение вашей дочери обручиться с моим сыном';

в) при втором супине. При этом супин употребляется самостоятельно (без связки), например: ...*cahā na piṇāre* **prādhyāpak-hī** *tethe haṭᵃkūn* **goḷā vhāvāyāce** (La., 114) '...здесь непременно собирались даже профессора, не пьющие чай'; ...*tyāt sarv* **šrote** *agᵃdīṅ* **raṅgūn jāyᵃce** (La., 114) '...все слушатели всецело погружались в него (в этот разговор)'.

Предикативные сочетания «а», «б» и «в» представляют собой обычную для маратхи субъектную конструкцию предложения.

2.2. Подлежащее принимает форму прямого падежа и обозначает объект действия при пассивной конструкции предложения, если в функции подлежащего выступает имя, обозначающее неодушевленный предмет, например: *titheṅ*... **citā** racᵃṇyāṁt **yet hotī** (Bi., 100) 'Там... готовился по-

гребальный костер'; *citecī* **rac^{a}nā** *aśī* **kar^{a}ṇyāṅt yet hotī** *kīṅ*... (Bi., 100) 'Приготовление погребального костра велось так, чтобы...'.

3. Переходим к рассмотрению косвенных падежей, выступающих в маратхи в позиции подлежащего. В отличие от предикативных конструкций с подлежащим в прямом падеже в одноименных конструкциях с косвенными падежами сказуемое не согласуется с подлежащим, а наоборот, подлежащее принимает форму, зависящую от сказуемого. Однако формальная грамматическая зависимость подлежащего от глагола-сказуемого не совпадает со смысловой. По смыслу имя субъекта выступает в качестве независимого члена предикативной конструкции, придавая ей законченность и завершенность, подобно тому как данная смысловая законченность создается в сочетании с именем субъекта в прямом падеже.

4. Подлежащее принимает форму дательно-винительного падежа и обозначает субъект действия в конструкциях, которые выражают долженствование или желательность действия:

а) при *pāhije* 'желательно', 'нужно' в сочетании с причастием прошедшего времени смыслового глагола, например: **tulā** *yethūn* **gelaṅ pāhije** (Bi., 30) 'Ты должна уйти отсюда'; *itheṅ* **pratyekālā** *śistavār* **ubhaṅ rāhilaṅ pāhije** (Sā.Kā.pā., 40) 'Здесь каждый должен стоять как подобает'; *ām^{a}cyāsāṭhī tarī* **tumhāṅlā** *yānnā «ho»* **mhaṭlaṅc pāhije** (A.Ba., 53) 'Хотя бы ради нас вы должны сказать ему «да»';

б) при втором супине в сочетании со связкой *āhe* 'есть' (отрицательная форма — *nāhīn* 'не есть') или *hoṇeṅ* 'становиться', 'быть' (отрицательная форма *navhe* 'не быть'), например: *ekā mahattvācyā goṣṭīsaṁbaṅdhīṅ* **malā** *tujhyāśīṅ kāṅhīṅ* **bolāy^{a}caṅ āhe** (A. Gha., 21) 'Я хочу что-то сказать тебе относительно одного важного дела'; *dupārīṅ mīṅ gāḍīt khālleṅ as^{a}lyāmuḷeṅ rātrīṅ* **malā** *kāṅhīṅ* **jevāy^{a}ceṅ navh^{a}teṅ** (A.Ba., 146) 'Вечером я ничего не хотел есть, так как днем пообедал в поезде'.

5. Подлежащее принимает форму орудийного падежа и обозначает субъект действия в сочетании с личными формами глагола:

а) при объектной конструкции предложения. Объектная конструкция выступает в совершенных временах всех наклонений при наличии переходного глагола и объекта в прямом падеже, а также в форме настоящего времени сослагательного наклонения, например: *ek^{a}dāṅ ak^{a}bar* **bād^{a}šāhāneṅ** *bir^{a}balālā prašn* **kelā** (Bi., 35) 'Однажды падишах Акбар задал Бирбалу вопрос'; *tyā saṁmelanāṅt* **vidyārthyāṅnīṅ** *mājheṅ nāṭak* **bas^{a}vileṅ hoteṅ** (A.Ba., 76) 'На

том собрании студенты поставили мою пьесу'; **tiṇeṅ** *puṣkal patreṅ* **lihāvīṅ** 'Она должна написать много писем';

б) при нейтральной конструкции предложения. Нейтральная конструкция является разновидностью объектной. Она употребляется в случае отсутствия объекта в форме прямого падежа. Глагол при нейтральной конструкции принимает форму среднего рода единственного числа, например: «*uṭhūṅ nakā*» *aseṅ* **tyāṅṅīṅ** *āpᵃlyā hātāṅṅīṅ āmhāṅlā* **sāṅgitᵃleṅ** (А.Ва., 71) 'Он показал нам жестом: «Не вставайте»'; *ubhyā āyuṣyāṅt tyāc divašīṅ ekᵃdāṅ* **mīṅ** *tyālā* **pāhileṅ hoteṅ** (А.Ва., 78) 'В тот самый день я увидел его один-единственный раз за всю жизнь'.

В сослагательном наклонении нейтральную конструкцию могут образовать также и непереходные глаголы, например: *jyāṅcī tayārī asel* **tyāṅṅīṅ** *darᵃbārāṅt* **hazar vhāveṅ** (Bi., 156) 'Кто будет готов, пусть тот присутствует в дарбаре'.

5.1. Подлежащее принимает форму орудийного падежа и обозначает субъект действия в конструкциях с недостаточными глаголами, имеющими модальное значение:

а) при *pāhije* 'желательно', 'нужно' в сочетании с причастием прошедшего времени смыслового глагола, например: **pratyekāneṅ** *itheṅ šistāvar* **ubhaṅ rāhilaṅ pāhije** (Sā.Ḳā.pā., 41) 'Каждый здесь должен стоять как подобает'; *ātāṅ* **tumhīṅ** *tyālā vajhīr* **kelaṅc pānije!** (Bi., 129) 'Теперь вы обязательно должны сделать его премьер-министром!';

б) при *naye* 'не следует', 'не подобает' в сочетании с инфинитивом смыслового глагола, например: **navaryāneṅ** *bāyᵃkolā* **marūṅ naye**... (Bi., 93) 'Муж не должен бить жену...'; *...paṇ* **tūṅ** *tevaḍhī malā ek dekhīl ovī* **mhaṇūṅ naye** *aṅ!* (Sā.Ḳā.pā., 1) '...а ты не хочешь мне спеть даже одной такой ови!'.

5.2. Подлежащее выступает в форме орудийного падежа и выражает субъект действия при втором супине, например: *mhaṇūṅ ašā laḍivāḷ ovyā* **tumhīṅ mulīṅṅīṅ mhaṇāyᵃcyā** *ni* **āmhīṅ āyāṅṅīṅ aikāyᵃcyā** (Sā.Ḳā.pā., 1) 'Поэтому вы, дочери, должны петь эти сладостные ови, а мы, матери, слушать'.

Следует отметить, что возможность формирования предикативных сочетаний с подлежащим в форме орудийного падежа обусловливается только переходностью глагола, выступающего в форме причастия совершенного вида. Исключение составляет употребление форм орудийного падежа в функции подлежащего в настоящем и прошедшем времени сослагательного наклонения, а также в конструкциях с недостаточными глаголами, где смысловой глагол может иметь как переходный, так и непереходный характер.

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В ФУНКЦИИ ДОПОЛНЕНИЯ

Другую не менее важную и употребительную группу синтаксических сочетаний составляют словосочетания, выражающие объектные отношения. Объектные конструкции бывают двух типов: а) с прямым дополнением, б) с косвенным дополнением.

Прямое дополнение может употребляться только при переходном глаголе. Обозначая предмет, на который в той или иной степени распространяется действие, выраженное глаголом-сказуемым, прямое дополнение служит для полного раскрытия лексического значения глагола. Однако следует отметить, что наличие прямого дополнения при переходном глаголе не является обязательным. Употребление прямого объекта, так же как и косвенного, диктуется исключительно потребностями высказывания. Объектные конструкции с прямым дополнением характеризуются тесной связью обоих составляющих их компонентов. Это проявляется, во-первых, в структуре данных сочетаний — название объекта занимает центральную позицию по отношению к глаголу. Во-вторых, тесная связь глагола и прямого объекта подтверждается возможностью имени объекта в определенных грамматических условиях (при пассивной конструкции) выступать в функции подлежащего. Все это подчеркивает важную роль прямого дополнения в структуре предложения.

Прямое дополнение выражается в маратхи формами двух падежей: прямого и дательно-винительного.

Прямое дополнение выступает в прямом падеже:

а) если оно обозначает неодушевленный предмет, не характеризующийся особой конкретностью. В данных сочетаниях предмет только называется как представитель определенного класса предметов, но не выделяется из него, например: *mī tujhyā manālā ānaṅdaviṇyāsāṭhī* **ovyā mhāṇūṅ lāgᵃleṅ** (Sā.Kā.pā., 5) 'Я стала петь ови, чтобы доставить тебе удовольствие'; *mī mājhā* **dāṅdū** *tyācyā pāṭhīlā* **lāvᵃtāṅc**... (Bi., 4) 'Едва я прикоснулся своей палкой (букв. приложил мою палку) к его спине...'.

Имя объекта в прямом падеже может иметь при себе определения, характеризующие его признак или принадлежность к кому-либо (к чему-либо). Однако никакого выделения предмета из ряда других однородных ему предметов в этом случае также не наблюдается, например: *pan, bābā, tumhī vācᵃlīṅ āhet kā svataḥ* **tīṅ patraṅ?** (A.Ba., 20) 'Но, отец, ты сам читал эти письма?'; *bādᵃsāhācyā rāṇīneṅ-begamᵃneṅ* **āpᵃlyā galyāṅtᵃlā maulyavān motyāṅcā**

hār *dilā* (Bl., 2) 'Рани падишаха-царица подарила со своей шеи дорогое жемчужное ожерелье';

б) иногда в форме прямого падежа выступает прямое дополнение, выраженное одушевленным именем существительным. В данных сочетаниях лицо функционирует всего лишь как представитель определенного класса лиц, как одно из многих, любое, всякое вообще лицо, например: *bād^{a}šāhāneṅ tābaḍ^{a}tob* **sipāī pāṭh^{a}vilā** (Bl., 12) 'Падишах быстро послал сипая'; *māhārāj ghaḍ^{a}lelī hakīkat* **jāsūd pāṭ^{e}vūn** *ām^{a}cyā gharīṅ kaḷ^{a}vāvī* (Ek., 20) 'Пусть царь (махараджа), послав гонца, сообщит домой о том, что произошло'.

Прямое дополнение принимает форму дательно-винительного падежа:

а) если оно выражено одушевленным именем существительным. Это может быть имя собственное или имя, обозначающее конкретное лицо (живое существо). Данная форма имени индивидуализирует и конкретизирует название лица, например: **šaṅkar^{e}lā** *mī palikaḍ^{a}cyā kholīṅt* **basav^{a}toṅ** (A.Gha., 75) 'Шанкара я посажу в соседнюю комнату'; **nirmalelā** *tumhī āj gharābāher* **hāṅkūn deṇār?** (A.Gha., 23) 'Вы выгоните сегодня Нирмалу из дома?'; *evaḍhyā* **cillyā-pillāṅnā** *kuṭhe kāmālā* **lāvāy^{a}ceṅ?** (Ek., 8) 'Куда можно устроить на работу таких маленьких детей?'; *tū* **gāḍh^{a}vālā gheūn** *ālās tevhāṅ mī tayār navh^{a}toṅ* (Pa., 14) 'Когда ты пришел с ослом (букв. взяв осла), я не был готов';

б) когда требуется подчеркнуть особую конкретность объекта, прямое дополнение принимает форму дательно-винительного падежа, даже если оно выражается неодушевленным именем существительным, например: *te āp^{a}lyā āībāpāṅnā āṅi* **ghar^{a}dārālā soḍūn** *itheṅ yeūn rāhile āhet* (Su.vā., 19) 'Покинув своих родителей и [свое] хозяйство, они пришли сюда и остались'.

Таким образом, употребление двух падежных форм для обозначения прямого дополнения в маратхи связано в основном с разграничением категории одушевленности — неодушевленности. Но поскольку это разграничение в данных падежных формах соблюдается не всегда при учете особой конкретности или неконкретности имени, то предпосылкой употребления той или иной падежной формы должно служить значение всего словосочетания в целом.

Переходим к рассмотрению объектных конструкций с косвенным дополнением. В отличие от прямого дополнения употребление косвенного обусловливается не только грамматическим признаком глагола (переходностью), но и семантическими или в некоторых случаях семантико-грамматическими глагольными признаками.

Косвенное дополнение в объектных конструкциях может выражать:

а) субъект обладания;

б) субъект при глаголах восприятия, а также при глаголах со значением «быть полученным», «получаться», «быть достигнутым», «доставаться» и т. п.;

в) адресат действия;

г) социат действия;

д) объект соприкосновения;

ж) объект отчуждения;

з) орудие действия.

Субъект обладания. Под субъектом обладания понимается название лица (предмета), действия или состояния, которые обладают другим лицом (предметом) или каким-либо признаком, выраженным существительным. Субъект обладания, как правило, принимает форму дательно-винительного падежа, а имя, обозначающее предмет обладания,— форму прямого падежа, например: ...**bir^{a}balālā** *guru asā koṇīc* **navh^{a}tā** (Bi., 135) '...у Бирбала не было никакого такого учителя'; ...*tyāmuḷeṅ tyācyā* **ānaṅdālā** *pārāvār* **navh^{a}tā** (A.Ba., 77) '...поэтому его радости предела не было'; ...*nirmalekaḍe baghaṇyācā* **tyālā** *dhīrac* **hot nāhīṅ** (A. Gha., 26) '...у него не было смелости посмотреть на Нирмалу'.

Субъект при глаголах восприятия, а также при глаголах со значением «быть полученным», «быть достигнутым». Имя субъекта-дополнения при названных глаголах выступает в форме дательно-винительного падежа, например: **tulā** *mī* **disat nāhīṅ** *kā?* (A. Gha., 39) 'Разве ты не видишь меня?' (букв. 'тебе я не кажусь?'); *tumhāṅ* **puruṣāṅnā** *āmhāṅ bāy^{a}kabāy^{a} kāṅce saṁbaṅdh* **kaḷat nāhīṅt** (A. Gha., 56) 'Вам, мужчинам, не понять наши женские отношения'; *yā doghāṅcā hā tus^{a}ḍepaṇā va āp^{a}svārthīpaṇā* **tisaryālā** *mātr* **pasaṅt paḍ^{a}lā nāhīṅ** (Pa., 49) 'Эти грубость и корыстолюбие обоих не понравились только третьему'; *tyā rātrīṅ* **mulāṅnā** *phār cāṅg^{a}leṅ jevaṇ* **miḷāleṅ** (Ek., 11) 'В этот вечер детям досталась хорошая еда'; ...**tyālāc** *lekhankalā* **sādhel** (Li. Gra., 10) '...только тот приобретает (букв. тому достигнется) литературное мастерство'.

Адресат действия. Средством выражения адресата действия является дательно-винительный падеж, который употребляется в маратхи в сочетании с переходными глаголами двойного управления, обозначающими, например, сообщение. Адресатом действия при названных глаголах может быть:

а) лицо (живое существо), например: *tyāneṅ ghaḍ^{a}lelī sarv^{a}hakīkat pāthar^{a}vaṭācyā* **kuṭuṁbās sāṅgit^{a}lī** (Ek., 20) 'Он рассказал семье каменщика о происшедшем событии': **mulāṅnā, mulīṅnā** *patreṅ* **dhaḍ^{a}līṅ** (Ki.) '[Он] разослал письма

сыновьям и дочерям'; *Magar rāhilelīṅ phaleṅ gharīṅ gheūn jāūn tīṅ āp^{a}lyā* **bāy^{a}kolā det ase** (Pa., 5) 'Крокодил приносил оставшиеся плоды домой и отдавал их жене';

б) неодушевленный предмет как с конкретным, так и с отвлеченным значением, например: *te āp^{a}lyā* **pāyāṅlā** *visāvā* **deūṅ** *lāg^{a}le* (Ki.) 'Они дали отдых своим ногам'; *bhāvāṅcyā yā* **praśnāṅnā** *Lis^{a}betā kāy uttar* **deṇār?** (A. Ba., 57) 'Какой ответ даст Лисабета на эти вопросы братьев'; *tujhyā* **jivālā** *mī kevhāṅhi apāy* **kar^{a}ṇār nāhīṅ** (Pa., 10) 'Твоей жизни я никогда не причиню вреда'.

Социат действия. Основной формой выражения социата действия служит совместный падеж. Употребление данного падежа обусловлено семантикой управляющих им глаголов, содержащих в себе понятие взаимности, и не ограничено рамками лексических значений управляемого слова:

а) социатом действия может быть лицо или предмет, участвующий во взаимном, обоюдном действии, например: *yā goṣṭīsaṁbaṅdhīṅc* **nāgopaṅtāṅšīṅ** *mājhaṅ it^{a}kā vel* **bol^{a}ṇeṅ** *cāl^{a}laṅ hotaṅ* (A. Gha., 19) 'Относительно этого я столько времени беседовал с Нагопантом'; *...āpaṇ* **hattīšīṇ yuddh** *kase* **kar^{a}ṇār?** (Pa., 14) '...как же вы собираетесь драться со слоном?';

б) социатом действия может быть лицо или предмет, с которым устанавливается какое-либо отношение (связь, соединение) другого лица или предмета, например: *laṅḍan^{a}-madhyeṅ kārlāil^{a}cī ...ekā* **bāīšīṅ oḷakh** jhālī (A. Ba., 31) 'В Лондоне Карлейль познакомился с одной женщиной...'; *paṇ tilā* **paścar^{a}šīṅ lagn kar^{a}ṇyācī** *icchā navh^{a}tī* (Su.vā., 143) 'Однако у нее не было желания выходить замуж за Пастера'; *paṇ mādām pāšcar hī lauk^{a}rac* **luīšīṅ** *va tyācyā* **jīvitāšīṅ ek^{a}rūp** jhālī (Su.vā., 144) 'Однако мадам Пастер быстро привыкла к Луи и к его образу жизни (букв. слилась с его жизнью)'.

Следует отметить в некоторых случаях нечеткость границ между значением объекта социата и обстоятельственным значением места. Это относится к тем переходным случаям, когда имя в совместном падеже обозначает предмет, к которому направляются другие предметы (лица), либо находятся вблизи него или на его поверхности. В сочетаниях данного типа семантика глаголов не содержит в себе непосредственного оттенка взаимодействия или соприкосновения, например: *māl^{a}tī* **dārāšīṅc** *āp^{a}lī* **vāṭ pāhāt** *kitī ghābar^{a}lelī asel teṅ ciṅtīt tya* **gharāšīṅ āḷyā** (Sā.Kā.pā., 12) '«Как, наверно, испугалась Малти, дожидаясь ее у двери» — с такими мыслями подошла она к дому'; *...niḷ^{a}kaṅṭh mājhyā* **bichānyāšīṅ bas^{a}lelā ase** (A. Gha., 22) '...Нилкантх сидел у моей постели'.

Совместный падеж является не единственной формой выражения социата действия. Социативные отношения могут также передаваться формой орудийного падежа. Социативное значение, выражаемое именем в орудийном падеже, раскрывается как значение сопровождения. Имя в форме орудийного падежа обозначает предмет, сопровождающий действие, например: *tasăc oletyą* **aṅgāneṅ** *to darbārākaḍe* **dhāv^{a}lā** (Bi., 11) 'Так, вымокший до нитки (букв. с мокрым телом), он и побежал в дарбар'.

Несмотря на конкретно-предметную характеристику имени в форме орудийного падежа, объектное значение этих сочетаний осложняется обстоятельственным значением признака, характеризующего действие или сопутствующего действию. Если имя в форме орудийного падежа имеет отвлеченное значение, то в данных сочетаниях налицо выступают только обстоятельственные признаки, например: *kālyāpāṅdharyą pātīvar ăp^{a}lṅ̃ boṭeṅ vijecyą* **cap^{a}lāīneṅ phīr^{a}valīṅ̃** (Kl.) 'Ее пальцы с быстротой молнии двигались по черным и белым клавишам'; *moṭhyā* **mārāmārīneṅ** *malā ekād^{a}dus^{a}rā uṅdīr* **pakaḍ^{a}tāṅ yeto** (Pa., 8) 'С большими трудностями мне удается поймать одну-две мыши'.

Объект соприкосновения. Средством выражения данного объекта является форма дательно-винительного падежа. Как правило, косвенное дополнение выступает в значении объекта соприкосновения в сочетании с глаголами *lāv^{a}ṇeṅ* 'прикреплять', 'приклеивать', *bāṅdh^{a}ṇeṅ* 'привязывать', *cikaṭ^{a}ṇeṅ*, *lagaṭ^{a}ṇeṅ* 'соприкасаться', 'прижиматься', *lāg^{a}ṇeṅ* 'быть приложенным', 'прикасаться', прикладываться', *khiḷ^{a}ṇeṅ* 'вонзаться', 'втыкаться', 'быть пригвожденным' и т. п., а имя, обозначающее предмет соприкосновения, приобретает форму дательно-винительного падежа, например: **buṭāṅ̃nā** *deṭh* **cikaṭ^{a}le hote** (Ek., 12) 'Стебли прилипли к ботинкам'; *ātāṅ hī nāv tyā* **jhāḍālā bāṅdh...** (Su.vā., 5) 'Теперь привяжи эту лодку к тому дереву...'; *āṇi lagec* **āīlā lag^{a}ṭūn...** *tī kišòrī ārj^{a}vūṅ̃ lāg^{a}lī...* (Sā.Kā.pā., 2) 'И эта девочка, тотчас прильнув к матери... стала просить...'.

Объект отчуждения. Косвенное дополнение в значении объекта отчуждения, как правило, выступает в форме отложительного падежа. Употребление данного падежа непосредственно зависит от семантики сочетаемых с ним глаголов, выражающих общее значение удаления, изъятия, извлечения, освобождения, отличия, различия. В словосочетаниях с именем в форме отложительного падежа объектные отношения нередко совпадают (совмещаются) с обстоятельственными и в значительной степени ослабляются последними. Особенно это обнаруживается в сочетаниях, где имя в отложительном падеже выступает как исходный пункт какого-

либо действия или движения, например: *...tyā kādaṁbarīcaṅ hastalikhit mājhyā* **kapātāṅtūn** *koṇītarī* **corūn nelaṅ** (A. Gha., 33) '...рукопись этого романа кто-то украл из моего ящика'; *heṅ mauly*^{a}*vān javāhīr mājhyā* **hātāṅtūn** *his*^{a}*kāvūn* **gheūn nakā** (A. Gha., 38) 'Не смейте отнимать это дорогое сокровище из моих рук'; *āp*^{a}*lyā* **khīšāṅtūn** *cek*^{a}*buk* **kāḍh**^{a}**leṅ**... (A.Ba., 133) '[Он] вытащил из своего кармана чековую книжку...'.

Объектный характер сочетаний с именем в форме отложительного падежа определяется исключительно конкретно-предметным значением управляемого слова. Если зависимое имя существительное имеет пространственное значение, то обстоятельственные отношения становятся определяющими, например: *tyā* **ṭhīkāṅāhūn** *āmhāṅlā rāṅjaṇ*^{a}*doh āṇi hattīkhaḍak nīt*^{a}*paṇeṅ* **disūṅ šakat hote** (Su.vā., 147) 'С этого места мы хорошо могли видеть впадину Ранджан и скалу Хатти'; **kuthūn** *bol*^{a}*tāhāṅt? presideṅṭcyā* **gharūn** (A. Gha., 59) 'Откуда говорите? — Из дома президента'.

Имя в отложительном падеже также может выступать как:

а) объект от которого спасаются, освобождаются, при глаголах *vāṅc*^{a}*ṇeṅ* 'спасаться', *suṭ*^{a}*ṇeṅ* 'освобождаться', *mukt hoṇeṅ*, *mok*^{a}*ḷe hoṇeṅ* 'быть свободным', 'избавиться' и др., например: *ag*^{a}*dīṅ mar*^{a}*tāṅ mar*^{a}*tāṅ mī tyā* **dukhaṇyāṅtūn vāṅc**^{a}**loṅ** (A. Gha., 22) 'Совсем умирая, я [все-таки] спасся от этой болезни'; *mājhyā āvājāṅtīl chadmī chaṭā tyācyā* **naj**^{a}**reṅtūn suṭ**^{a}**lī nāhīṅ** (Ḳl.) 'Насмешливый тон моего голоса не ускользнул от него (букв. от его взгляда)': **dāridryāṅtūn mukt jhālelā** *to daridrī māṇūs birbalāce ābhār mānīt gharīṅ gelā* (Bl., 14) 'Этот человек, избавленный от бедности, поблагодарил Бирбала и пошел домой'; *ām*^{a}*cyā* **kartavyāṅtūn** *āmhī ek*^{a}*dance* **mok**^{a}**ḷe jhāloṅ** (A. Gha., 2) 'Кое-как я освободился от своего долга';

б) объект, от которого что-либо отличается или с которым что(кто)-либо сравнивается, например, **sāṁbāhūn** *yiṣṇu vastutaḥ* **nirālā nāhīṅ** (Ma.vyā., 99) 'В действительности Вишну не отличается от Махадева'; *nāyaḍubaī* **tyāṅcyāhūn** *dhīrācī bāi hotyā* (Sā.Ḳā.pā., 32) 'По сравнению с ней (букв. от нее) Найдубаи была смелой женщиной'; **guḷāhūn** *sākhar jāst goḍ as*^{a}*te* (Ma.vyā., 99) 'Сахар более сладкий, чем патока (букв. от патоки)';

в) объектные отношения, передаваемые именем в форме отложительного падежа, могут иметь выделительный характер. Это проявляется в том случае, когда имя в данной падежной форме обозначает объект-среду, из которой выделяется отдельный предмет (лицо), например: *tya* **porāṅhūn** *koṇ vaḍīl āhe?* 'Кто старше из этих детей?'; *avaghyā* **saṅtāṅhūn** *veg*^{a}*ḷā* 'Из всех святых [этот] особый'.

Орудие действия. Косвенное дополнение в значении орудия действия выступает в форме орудийного падежа. Имена существительные, принимающие форму орудийного падежа для обозначения орудия действия, не связаны каким-либо определенным лексическим содержанием. Круг глаголов, представленных в данных сочетаниях, также довольно широк и многообразен по своему семантическому содержанию и ограничен в основном только рамками переходности. В зависимости от лексического содержания имени и глагола представляется возможным выделить несколько разновидностей объектных сочетаний с именем в орудийном падеже:

а) словосочетания, в которых имя существительное и глагол связаны с конкретным физическим понятием орудийности. В данных сочетаниях в полной мере выступает собственно орудийное значение, например: *...mī hyā* **kurhāḍīneṅ** *tujhīṅ khāṅḍoḷīṅ* **karūn** *ṭākin* (A.Ba., 151) '...я разрублю тебя этим топором'; *Ekᵘdon ṭhikānīṅ...* **pensilīneṅ lihilelā** *majkūrhi malā disᵘlā* (A. Gha., 19) 'В нескольких местах... я видел даже его пометки, сделанные карандашом';

б) словосочетания, в которых имя в орудийном падеже передает названия частей тела, а глагол обозначает как физическое действие, так и восприятие, например: *bahurūpi āpᵘlyā* **vāghᵘnakhāṅnīṅ** *jorᵘjorāneṅ birᵘbalāceṅ aṅg* **orᵘbaḍūṅ lāgᵘlā** (Bi., 8) 'Бахурупи своими тигриными когтями с силой стал царапать тело Бирбала'; *...ujavyā hātācyā* **āṅgaṭhyāneṅ maḷīt, maḷīt** *haḷūc goṣṭ kāḍhᵘlī* (Ek., 19) '[Он], растирая [щепотку табака] большим пальцем правой руки, медленно начал рассказ'; *adᵘlyā rātrīṅ jo prakār tyāneṅ āpᵘlyā* **ḍoḷyāṅnīṅ pāhilā hotā**... (A.Ba., 56) 'То, что он прошлой ночью увидел своими глазами...';

в) словосочетания, в которых в функции орудия действия выступают имена существительные с отвлеченным значением, например: *mājhyā šaunakālā,* **šabdāneṅ dukhᵘvūṅ nakā!** (A. Gha., 22) 'Не смей [даже] словом обидеть моего Шаунака!'; *...tyā mahaṅtāneṅ ...***vṛttāneṅ** *ciṅtākul vicārāṅcā goṅdhaḷ uḍᵘvūn* **dilā hotā** (Sā.Kā.pā., 21) '...этот садху [своим] сообщением вызвал [у нее] бурю тревожных мыслей'.

Следует отметить, что сочетания, в которых в форме орудийного падежа выступает имя существительное с отвлеченным значением, занимают промежуточное положение между сочетаниями, передающими собственно орудийное значение, и сочетаниями со значением качества, способа совершаемого действия [2].

---

[2] См. также нашу статью «О синтаксических функциях падежных форм в языке маратхи»,— сб. «Вопросы языка и литературы индийских языков» («Ученые записки МГИМО», вып. 7), М., 1971.

Примечание. К сочетаниям с именем в форме орудийного падежа, выступающим в функции косвенного объектного дополнения, следует отнести такие конструкции, в которых в позиции ядерного члена выступает непереходный глагол в значении «наполняться», «насыщаться», а подчиненный член — имя в орудийном падеже, обозначающее предмет, которым что-то наполняется (насыщается), например: *tyāñcyā* **ašrūññīñ** *hā mahāsāgar* **bharᵃlā āhe** *mhaṇūnac to khāraṭ āhe*... (A. Gha., 52) '...их слезами наполнился этот океан, поэтому он соленый...'; *tyā* **sugaṅdhāneñ** *ttcī kholīc kāy paṇ sāreñ ghar āṇi gharācyā ājūbājūcā sārā bhāg* **darᵃvalun gelā** (A.Ba., 59) 'Этим ароматом благоухала не только ее комната, но и весь дом и всё вокруг дома'.

Хотя в данных конструкциях глагол не является переходным, а имена существительные не содержат в себе конкретного понятия орудийности, но, называя предмет, которым что-то наполняется, они вызывают представление об орудии.

1967 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

A. Ba.	— Atre Pra. Ke, Battāśī āṇi itar kathā, Muṁbaī, 1954.
Bi.	— сб. «Birbal», [б. м.], [б. г.].
A. Gha.	— Atre Pra. Ke, Gharābāher, Muṁbaī, 1960.
Li. Gra.	— Limaye A. H., Graṁthvyavahār, Puṇeṅ, 1952.
Gā. vi.-jī.	— Josi Śrīpād, Gāṅdhījīñceṅ vidyārthī-jīvan, Puṇeṅ, 1956.
Ek.	— «Ek rājā hotā», [б. м.], [б. г.].
Sā. Kā. pā.	— Sāvarkar Vi. Dā., Kāḷeṅ pāṇī, Muṁbaī, 1948.
Ki.	— журн. «Kirloskar», 1968.
La.	— журн. «Lalit», 1969.
Ma. vyā.	— Mone. Kai. Mo. Sa., Marāthī vyākaraṇ, Puṇeṅ, 1959.
Pa.	— Aṁbekar Kai. Bā. Mā., Pañcataṁtra, Puṇeṅ, 1957.
Su. vā.	— Atre-Kulkarnī, Su-bhāṣ vācan, Puṇeṅ, 1962.

А. П. Белицин

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОБОСОБЛЕНИЕМ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном персидском языке существуют предложения, которые по одному из внешних признаков — наличию так называемой местоименной связи — обычно объединяют в одну группу. Считается само собой разумеющимся, что структуры этих предложений идентичны. Грамматический и стилистический уровни предложений при этом не различаются.

Формальным признаком, ведущим к отождествлению структур этих предложений, следует, очевидно, считать наличие комплекса следующих элементов: антецедента, выраженного именем, местоимением или словосочетанием, соотносимого с ним в составе предложения слитного местоимения и несогласуемого с антецедентом глагола. В устной речи сопутствующим признаком может также служить интонационный раздел, следующий за антецедентом: *анҳа ханеҳа-йешан анджа буд* 'дома их были там' [11, 68]; *шома ходетун ҳäм ке мирäфтид мидидид хäндетун мигерефт* 'вам самим стало бы смешно, если бы пошли и посмотрели' [8, 16]; *джäванҳа ҳäме äз ин гостахи-йе мäн хошешäн миамäд* 'всем молодым людям нравилась моя развязность' [9, 32].

Цель данной статьи двояка: во-первых, показать, что глубинные структуры рассматриваемых предложений могут быть совершенно различны, во-вторых,— и это следует из первого — ставится задача доказать, что объединение предложений с местоименной связью в одну группу на грамматическом уровне неоправданно, так как основано на второстепенном признаке, нерелевантном для данного уровня. Будет показано, что так называемая местоименная связь как дифференциальный признак принадлежит другому уровню, стилистическому. На собственно синтаксическом уровне она не только не может быть диагностирующим средством, но ведет к затушевыванию действительных синтаксических отношений. Разграничение предложений с местоименной

связью должно, таким образом, основываться на самом тщательном анализе их глубинных структур. Как свидетельствует практика исследований, рассмотрение предложений с местоименной связью на морфосинтаксическом уровне, т. е. на уровне поверхностных структур, может в некоторых случаях приводить к неразличению совершенно гетерогенных структур: *мäн хäнде-äм герефт* 'мне стало смешно'; *мäн бäрадäр-äм амäд* 'мой брат пришел'.

Местоименная связь затемняет действительные синтаксические отношения между элементами предложений и, создавая определенную асимметрию между поверхностной и глубинной структурами, приводит в ряде случаев к синтаксической омонимии[1].

Например, дистрибутивные модели предложений *у зäн-äш амäд* и *у хäнде-äш герефт*, пользуясь символикой, мы могли бы представить совершенно однозначным образом: NP+NP+F+VP. Хотя до сих пор исследователи предложений с местоименной связью и не прибегали к дистрибутивной символике, объективно их вывод об идентичности структур основывался лишь на учете соположения элементов предложения в ущерб проникновению в их функциональную сущность.

Изучение предложений с местоименной связью имеет свою историю. Одним из первых исследователей, отметивших их своеобразие и на основании этого своеобразия объединивших их в одну группу, был Ганс Енсен. В качестве представителей этой группы он называет такие предложения, как: *сахäб äнвалäш хуб нист* 'самочувствие хозяина нехорошее' и *мäн äз ан äсп-е кäнäр хейли хошäм миайäд* 'мне нравится тот гнедой конь'. При этом подчеркивается, что первый элемент предложения выполняет роль не грамматического, а психологического подлежащего. Таким образом, предложения разноструктурные (их разноструктурность будет показана ниже) объединяются как будто бы в один тип, а вопрос о самой их грамматической структуре по существу остается открытым.

Точка зрения Енсена нашла отражение в некоторых других, более поздних публикациях, хотя терминологически выражалась иначе. Так, Бозорг Алави и Манфред Лоренц [10, 234] первый элемент рассматриваемых конструкций называют «темой», а Жильбер Лазар — «антецедентом» [13, 258]. Термин «антецедент» не содержит функциональной характеристики элемента, однако в данной статье он нами принят в

[1] Эта омонимия возникает в ходе исследования. Носители языка интуитивно воспринимают подобные предложения как разноструктурные, и для них проблемы омонимии не существует.

предварительном порядке как наиболее удачный до выяснения подлинной синтаксической сущности первого элемента предложений с местоименной связью.

Среди многих иранистов большой популярностью пользуется концепция А. К. Арендса [2, 32], согласно которой в предложениях с местоименной связью антецедент является подлежащим, а вся остальная часть представляет собой так называемую предикативную группу слов. Этой концепции противостоит другая точка зрения, высказанная Ю. А. Рубинчиком в очень сжатой форме в его очерке «Современный персидский язык» [6, 119], которая представляется нам правильной. Согласно этой точке зрения, антецедент не что иное, как обособленный второстепенный член. В дальнейшем мы покажем, как фактический материал подтверждает правомерность такого решения.

Подводя итог краткому обзору взглядов на синтаксическую природу предложений с местоименной связью, следует отметить, что ни в одной из работ они не были предметом специального исследования. Этим и можно объяснить фрагментарность решений и их чрезвычайную умозрительность.

Итак, в соответствии с основным заданием статьи и учитывая существующие точки зрения по проблеме, нам предстоит ответить на три взаимосвязанных вопроса: 1) является ли антецедент подлежащим? 2) есть ли основания предложения с местоименной связью рассматривать как структурно однотипные? 3) какова конкретно синтаксическая функция антецедента в предложениях с местоименной связью? Такой порядок проведения анализа подсказывает сам материал исследования. В самом деле, если не решен вопрос о подлежащем предложения, а следовательно, и сказуемом как соотносительном члене, невозможно определить и структуру предложения в целом, а отсюда и синтаксические функции всех остальных элементов предложения.

Как известно, в персидском языке господствуют флективно-аналитические отношения. Подлежащее вследствие отсутствия парадигмы склонения имен определяется своей синтаксической позицией и соотнесенностью со сказуемым. Что касается сказуемого, то оно имеет в глаголе морфологическое оформление, выражающееся в изменениях глагола по лицам и числам. Таким образом, внутренние предикативные отношения в персидском предложении морфологически оформлены. Это явление узуально и пронизывает всю систему языка. Таким образом, простой грамматический факт согласования сказуемого с подлежащим можно использовать как инструмент анализа предложений с местоименной связью. Только в случае формальной соотнесенности сказуемого с некоторым элементом предложения последний можно квали-

фицировать как подлежащее предложения. В противном случае ответ должен быть отрицательным.

Следует отметить, что многие исследователи при рассмотрении интересующей нас конструкции ограничивались изучением предложений, в которых глагол представлен лишь формой 3-го лица единственного числа. Так, А. К. Арендс в своих теоретических выводах основывается только на одном варианте предложения с местоименной связью: *äсп ӷеймäтäш геран äст* [2, 32—34]. Это, естественно, затрудняло решение вопроса о соотнесенности вербальной формы с соответствующим членом предложения, ибо таких членов по форме оказывалось два: антецедент и следующий за ним элемент (*äсп* или *ӷеймäтäш*). Не имея какой-либо формальной опоры в поверхностной структуре самого предложения для определения подлежащего, исследователь был вынужден «по смыслу» выбирать в качестве подлежащего один из двух элементов. По смыслу более подходящим элементом для роли подлежащего оказывался антецедент, ибо если представить себе в роли подлежащего второй элемент, то, следуя логицистской точке зрения, функция антецедента оказывается крайне неопределенной.

Очевидно, что вопрос о подлежащем должен решаться не логицистски и не интуитивно, а на основе совершенно объективных критериев и самым эксплицитным образом. Одним из возможных путей такого решения является парадигматическое изменение предложения, ориентированное на изменение формы лица и числа его компонентов. В данном случае мы понимаем парадигму предложения в том узком смысле, в каком она интерпретирована в статье Н. Ю. Шведовой «Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм» [7, 283]: «Формы предложения — это все те его видоизменения, которые, не меняя грамматической структуры (типа) предложения, представляют каждое в отдельности то или иное частное грамматическое значение, а в своей совокупности — весь комплекс грамматических значений, свойственных предложению данной структуры».

Внимательное изучение парадигматики предложений с местоименной связью (даже поверхностных) обнаруживает, что все предложения делятся на две большие группы: конструкции с глаголом, имеющим парадигму спряжения (хотя и ограниченную) и конструкции с глаголом, при любых условиях выступающим только в форме 3-го лица единственного числа. Кроме того, именной компонент этих предложений не может быть употреблен во множественном числе:

мäн бäрадäр-äм хäндид — *мäн хäнде-äм герефт*
мäн бäрадäран-äм хäндидäнд — *то хäнде-äт герефт*

Это обстоятельство представляется немаловажным, как указывающее на возможные глубокие структурные различия, существующие между некоторыми предложениями с местоименной связью, которые с этой точки зрения могут быть разделены на две группы предложений, построенных по моделям *мӑн бӑрадӑр-ӑм хӑндид* и *мӑн хӑнде-ӑм герефт*.

Рассмотрим вначале предложения первой группы типа *мӑн бӑрадӑр-ӑм хӑндид* (букв. 'я, мой брат засмеялся'). Выводы, к которым мы придем при изучении этой конструкции, очевидно, будут иметь отношение именно к этой конструкции и не распространятся автоматически на все другие предложения с местоименной связью.

Предложения типа *мӑн бӑрадӑр-ӑм хӑндид*

Рассмотрим парадигму изменений глагольного и именных компонентов одного из предложений с местоименной связью этого типа:

1-е л.	*мӑн бӑрдӑр-ӑм хӑндид*	*ман бӑрадӑран-ӑм хӑндидӑнд*
2-е л.	*то бӑрадӑр-ӑт хӑндид*	*то бӑрадӑран-ӑт хӑндидӑнд*
3-е л.	*у бӑрдӑр-ӑш хӑндид*	*у бӑрадӑран-ӑш хӑндидӑнд*
1-е л.	*ма бӑрдӑр-еман хӑндид*	*ма бӑрдӑрӑн-еман хӑндидӑнд*
2-е л.	*шома бӑрадӑр-етан хӑндид*	*шома бӑрадӑран-етӑн хӑндидӑнд*
3-е л.	*анӈа бӑрадӑр-ешӑн хӑндид*	*анӈа бӑрадӑран-ешан хӑндидӑнд*

Если левый столбец парадигматических изменений предложения с местоименной связью свидетельствует о формально-грамматической несоотнесенности глагола с антецедентом и невозможности последнего выполнять функцию подлежащего, но еще не решает окончательно вопрос о подлежащем предложения, то правый столбец, как бы уточняя значение левого, не оставляет сомнений в том, что в отношении грамматической корреспонденции находятся два совершенно определенных элемента предложения: глагол и слово, следующее за антецедентом, являющиеся, исходя из нашей посылки, соответственно сказуемым и подлежащим предложения.

Таким образом, в предложении *мӑн бӑрадӑран-ӑм хӑндидӑнд* (букв. 'я, мои братья рассмеялись') подлежащим является *бӑрадӑран* 'братья', а сказуемым *хӑндидӑнд* 'рассмеялись'. Результаты, к которым мы приходим в процессе изучения парадигмы предложения, могут быть получены и другими способами, что только подтвердит правильность нашего вывода. Например, в предложении *мӑн бӑрадӑран-ӑм хӑндидӑнд* первый член (антецедент) может быть свободно опущен, и в результате этой трансформации элиминации мы получаем семантически тождественное и граммати-

чески правильное предложение, отличающееся от первого лишь несколько иной стилистической окраской. В то же время ни один другой элемент предложения опущен быть не может: в этом случае предложение теряет всякие признаки грамматической отмеченности, т. е. фактически перестает существовать.

На предложение *ман бӑрадӑран-ӑм хӑндидӑнд* можно посмотреть также с точки зрения определения его глубинных синтаксических связей и выделения из его состава элементарного предложения, где все члены необходимы и достаточны для его семантической и структурной завершенности [4, 17]. Цепочный анализ, обычно применяемый в подобных случаях и сводящийся к элиминации адъюнктов, операционно и по своим результатам в общем совпадает с уже проведенным трансформационным анализом, ибо в данном случае элиминированию подлежат опять-таки все тот же элемент-адъюнкт *мӑн* и, кроме того, слитное местоимение *ӑм*. В результате мы имеем структурно и семантически элементарное предложение *бӑрадӑран хӑндидӑнд*. Как показывают результаты анализа, антецедент не входит в предложение на уровне глубинных, обязательных связей, иначе говоря, он факультативен. Будучи соотнесенным со слитным местоимением и выступая как плеонастическое средство, в некоторых случаях расширяя и уточняя значение, передаваемое слитным местоимением, антецедент выполняет ту же синтаксическую функцию, что и слитное местоимение в своей роли слова-заместителя (слово-заместитель, как известно, не являясь членом предложения, замещает член предложения функционально) [5, 31]. Разумеется, когда антецедент представлен целым словосочетанием, речь идет о соотнесенности со слитным местоимением прежде всего опорного слова: *ин ханом бӑччейш кӑсалӑт дарӑд* 'ребенок этой женщины нездоров' [12, 236]; *ин дохтӑре мӑн эсмӑш Хӑмиде ӑст* 'имя моей дочери Хамида' [10, 17].

Представляется заманчивым определять синтаксическую функцию антецедента, учитывая тесный характер его соотнесенности со слитным местоимением, через идентификацию синтаксической функции слитного местоимения. Анализ большого числа предложений подтверждает, что антецедент действительно выступает в той же функции, что и слитное местоимение, являясь соответственно определением или дополнением: *аҕа кучек ра чеҕӑр хӑржде тӑhсилӑш кӑрдӑм* 'сколько я потратил на обучение своего сына' [5, 192]; *мӑн карӑм Хӑмише Хӑмин ӑст* 'моя работа всегда одинакова' [12, 234]; *бӑрадӑр-ӑм шӑлвӑр-ӑш гели буд* 'брюки брата моего были в глине' [12, 234]; *то Хамише ҕӑлб-ӑт хуб буде* 'душа у тебя всегда хорошая' [11. 126]. Антецедент в

любой из своих функций выступает в инверсивной позиции и отделен от последующей части предложения интонационным разделом. Все это и специфическая семантическая нагрузка антецедента — яркие признаки обособления. Теперь мы можем дать содержательное определение антецедента: антецедент — это обособленный второстепенный член (дополнение, определение или приложение).

Предложения с местоименной связью типа *кар-ӓм hӓмише hӓмин ӓст* 'моя работа всегда одинакова' и *аға кучек ра чеғӓдр харджеташсил-ӓш кӓрдӓм* 'сколько я потратил на обучение своего сына' следует рассматривать как личные, осложненные обособленным членом.

Предложения типа *мӓн хӓнде-ӓм герефт*

Отмечалось, что предложения с местоименной связью, с точки зрения их глубинной структуры не представляют собой однородной группы. Однако поверхностные структуры предложений оказываются часто идентичными, и это может создавать ложное впечатление, что и глубинные структуры их также идентичны: *у бӓрадӓр-ӓш хӓндид*, *у хӓнде-ӓш герефт*. Даже неполные парадигмы следующих предложений дают достаточное доказательство их разноструктурности:

мӓн хӓнде-ӓм герефт	*мӓн бӓрадӓран-ӓм хӓндидӓнд*
то хӓнде-ӓт герефт	*то бӓрадӓр-ӓт хӓндид*

Если вербальный элемент предложений правого столбца парадигматически ограничен двумя формами (3-го л. ед. и мн. ч.), то глагол предложения левого столбца может иметь только одну форму — форму 3-го лица единственного числа. Это частное, уже отмеченное различие между двумя предложениями на уровне их поверхностных структур, очевидно, свидетельствует о каких-то различиях их глубинных структур. Во всяком случае уже на этом этапе анализа совершенно ясно, что одно предложение структурно несводимо к другому предложению, и это требует специального рассмотрения предложений типа *мӓн хӓнде-ӓм герефт*.

Применяя ту же методику, что и при анализе предложения *мӓн бӓрадӓр-ӓм хӓндид* (парадигматические изменения, трансформацию, цепочечный анализ), мы приходим к выводу, что в предложении *мӓн хӓнде-ӓм герефт* первый член факультативен и, следовательно, не может рассматриваться как подлежащее. Однако этим исчерпывается аналогия между двумя предложениями. В предложении *бӓрадӓр-ӓм хӓндид* слитное местоимение можно заменить на *мӓн* или вообще опустить, что ведет, как мы видели, к выделению «центра»

предложения *бäрадäр хäндид*. Ни одна из этих двух операций не применима к предложению *хäнде-äм герефт*, ибо в таком случае оно потеряло бы всякую коммуникативную ценность, т. е. перестало бы быть предложением, хотя если учитывать лишь простое соположение элементов, т. е. дистрибутивные формулы предложений *бäрадäр-äм хäндид* и *хäнде-äм герефт*, то они идентичны.

Однако кроме указанных различий в парадигматике эти предложения отличаются друг от друга своими трансформационными потенциалами вообще, причем в предложении *хäнде-äм герефт* невозможны следующие операции: 1) опущение любого из компонентов, 2) расширение первого компонента при помощи определения, 3) изменение числа именного компонента, 4) инверсия компонентов, 5) постановка вопроса к любому из компонентов предложения.

Весь этот перечень признаков свидетельствует о монолитности элементов предложения *хäнде-äм герефт*, или, другими словами, о его фразеологичности. Перед нами фразеологизм-предложение, или, по терминологии В. Л. Архангельского, устойчивая фраза [3, 117]. Несмотря на большую фразеологическую стабильность рассматриваемых структур, некоторые из них в очень редких случаях допускают трансформацию, свойственную переменным сочетаниям слов, однако в современном языке являющуюся уже архаизирующей. Ср. формальные варианты *бохт-äм герефт* и *мäра бохт герефт*. В последнем варианте послелог *ра* эксплицитен, а местоимение выступает в иной позиции, однако, несмотря на это, устойчивая фраза не теряет качества фразеологичности — она также не создается в процессе речи, а воспроизводится по жесткой модели и не допускает каких-либо других трансформаций. Вариативность следует отличать от парадигматических изменений фразеологизма:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*хäнде-äм герефт*	*хäнде-еман герефт*
2-е л.	*хäнде-äт герефт*	*хäнде-етан герефт*
3-е л.	*хäнде-äш герефт*	*хäнде-ешан герефт*

Поскольку перед нами фразеологическая единица, вопрос о ее глубинной структуре можно было бы считать решенным. Окончательно сложившаяся фразеологическая единица не разложима на члены предложения. Сходные структуры можно встретить и в других языках. Основываясь на материале курдского языка, где встречаются фразеологизмы, аналогичные *хäнде-äм герефт*, Ю. Ю. Авалиани справедливо отмечает: «фразеологизм может включать в свой состав оба главных члена предложения, т. е. структурно выступать

как самостоятельное синтаксическое целое, по своему значению оставаясь эквивалентом глагола, ср. *ӏәхме ӏи ӏам* 'он рассердился' (букв. 'страх его пришел')» [1, 18]. Можно утверждать, что в основе «внутренней формы» устойчивой фразы *хӀанде-Ӏӓм герефт* лежит одноличный сложный глагол, выступающий совместно со слитным местоимением. Стилистический вариант фразеологизма *боӀт-Ӏӓм герефт — мӓра боӀт герефт*, принимая во внимание дистрибуцию его элементов, как будто подтверждает это положение (ср. *мӓра дуст дашт*). В пользу того, что *боӀт* не является подлежащим предложения, свидетельствуют и два других обстоятельства. Во-первых, слитное местоимение, выполняющее функцию грамматического объекта, не сочленяется с подлежащим, если последнее не выражено отглагольным существительным или масдаром [5, 32]. Так, если попытаться в порядке эксперимента построить предложение с переменным порядком слов по модели фразеологизма *хӀанде-Ӏӓм герефт*, например: *Ӏӓсӓн-Ӏӓм дид* (сущ.+слитное мест.+простой глагол в 3-м лице единственного числа прошедшего времени), то последнее надо признать неграмматичным. Во-вторых, слитное местоимение в функции грамматического объекта сочленяется с существительным с учетом указанных ограничений [5, 32] только в том случае, если последнее является именным компонентом сложного глагола: *бавӓр-ӓш немиконӓм* 'ему не верю'; *дуст-ӓш даштӓнд* 'его любили'.

Исходя из этих полужений, существительное *хӀанде* 'смех' в устойчивой фразе *хӀанде-Ӏӓм герефт* 'мне стало смешно' невозможно рассматривать как подлежащее предложения. Согласно тем же критериям, *хӀанде* не что иное, как именная часть сложного глагола (ср. меня «смехо-взяло»). Именно сложный глагол в сочетании со слитным местоимением лежит в основе внутренней формы рассматриваемого фразеологизма. Таким образом, устойчивую фразу *хӀанде-Ӏӓм герефт*, исходя из ее глубинной структуры, необходимо квалифицировать как односоставное глагольное предложение, т. е. в данном случае предложение безличное, ибо подлежащее здесь не восстановимо ни из контекста, ни из форм связи (антецедент, как было показано выше, подлежащим не является).

Так как слитное местоимение здесь является обязательным конституирующим элементом, то подобные фразеологизмы можно назвать трехкомпонентными: *хаб-ӓм немибӓрӓд* 'мне не спится'; *бӓхт-ӓт аворд* 'тебе повезло'; *Ӏасуди-ӀӓӀш немигирӓд* 'ему не завидно'. Они противостоят двухкомпонентным фразеологизмам, где слитное местоимение факультативно. Об этом свидетельствует трансформация элиминации: *д'ӓва-ешан шод→бейн-е анӀа д'ава шод→д'ава*

шод. Бäрай-äм фäрг немикäрд→бäрай-е мäн фäрг немикäрд→фäрг немикäрд [9, 87].

Казалось бы, приведенных доводов было бы достаточно для того, чтобы признать предложение *хäнде-äм герефт* устойчивой фразой, к тому же безличной. Однако учитывая, что поверхностная структура безличного фразеологизма типа *хäнде-äм герефт* совпадает с поверхностной структурой личного предложения (взятого вне парадигматики) и создает ложное впечатление, что словоформы *хäнде* и *герефт* корреспондируют друг с другом, т. е. между ними существует предикативное отношение, целесообразно заключить анализ матрицей, более наглядно подтверждающей наши наблюдения. Цель последующих трансформаций — показать, что между именными и глагольными компонентами фразеологизма так же не существует предикативных отношений, как и между соответствующими элементами сложного глагола. В этом смысле безличный фразеологизм и сложный глагол, используемый в нашем примере в неполном (для удобства сравнения) личном предложении, противостоят личному предложению с тем же морфемным составом на уровне классов слов, где имя и глагол связаны предикативными отношениями. При помощи трансформации мы попытаемся выявить объективно существующую оппозицию, основанную на наличии и отсутствии внутренних предикативных отношений: наличие внутренних предикативных отношений: отсутствие внутренних предикативных отношений.

N P(ра) V	P(ра) N V	N p V
йад ан-ра герефт	*ан-ра йад герефт*	*йад-äш герефт*
бохт у-ра герефт	*у-ра бохт герефт*	*бохт-äш герефт*
хäсäн у-ра герефт	*у-ра хäсäн герефт*	*хäсäн-äш герефт*

N — существительное, V — глагол, P(ра) — местоимение с послелогом *ра*, *p* — слитное местоимение (с послелогом «ра» в имплицитной форме).

Трансформация пермутации не затрагивает глагольных морфем, позиции которых во всех случаях постоянны. Предложения, помеченные крестом, являются неграмматичными или составляют редкий и нетипичный случай употребления. Как явствует из матрицы, безличный фразеологизм и сложный глагол (сказуемое неполного личного предложения), выступающий совместно со слитным местоимением, с точки зрения трансформации пермутации тождественны и в то же время совершенно противоположны предложению, где между существительным-подлежащим, обозначающим производите-

ля действия, и глаголом-сказуемым имеется предикативная связь.

Данные трансформации, рассматриваемые со стороны сочетательной способности слитных местоимений, подтверждают положение о несочетаемости последних с существительным-подлежащим, если подлежащее не выражено отглагольным существительным или масдаром, и о сочетаемости их с существительным, являющимся именным компонентом глагольного фразеологизма (сложного глагола).

Дистрибутивная модель N+p+V отражает структуру, в которой отсутствуют предикативные отношения, хотя сама она может быть частью более протяженной структуры, где такие отношения существуют. Интерпретируя модель N+p+V, можно сказать, что она отражает структуру неполного личного предложения, состоящего из сложного глагола и слитного местоимения в функции дополнения. Если указанная модель не может быть дополнена именной фразой в функции подлежащего, а глагольная морфема способна выступать при всех парадигматических изменениях лишь в форме 3-го лица единственного числа, т. е. является одноличной, то речь идет о безличном фразеологизме, где лежащий в его основе сложный глагол передает действие или состояние субъекта, обозначаемого слитным местоимением.

Из этого следует, что и предложение *мăн хăнде-ăм герефт* является безличным, так как антецедент здесь не подлежащее. Он факультативен. Поскольку антецедент соотносится со слитным местоимением, то, казалось бы, для выяснения синтаксической роли антецедента важно определить функцию самого слитного местоимения. Однако слитное местоимение — один из компонентов безличного фразеологизма, выступающего всем своим составом в качестве главного члена безличного предложения. Именно поэтому слитное местоимение с точки зрения разложения предложения на члены предложения характеризуется своей невыделимостью. Если в личном предложении антецедент соотносится со слитным местоимением функционально, то в безличном предложении антецедент соотносится со слитным местоимением лишь по форме. Отсюда синтаксическая функция антецедента определяется независимо от слитного местоимения. Учитывая ту роль, которую играет антецедент, и тот интонационный раздел, который за ним следует, его можно квалифицировать как обособленное дополнение. Таким образом, предложение типа *мăн хăнде-ăм герефт* следует рассматривать как безличное с главным членом, выраженным фразеологизмом, осложненное обособленным дополнением. Эту же функцию антецедент выполняет и в тех безличных предложениях, где главный член представлен трехкомпонентной структу-

рой, выраженной именем, слитным местоимением и связочным глаголом в форме 3-го л. ед. ч.: *мән тешне-әм әст* 'мне хочется пить'; *анһа горосне-ешан әст* 'им хочется есть' и т. д.

Приведенный анализ предложений с местоименной связью позволяет прийти к следующим выводам:

1) антецедент — факультативный член предложения;

2) антецедент не является подлежащим;

3) рассматриваемые предложения делятся на две большие группы — личные и безличные;

4) в обоих типах предложений антецедент — обособленный член предложения, средство плеонастического выражения особой стилистической экспрессии;

5) при помощи обособленного члена образуется стилистическая конструкция, свойственная разговорному языку;

6) рассмотренные предложения с обособленным членом можно включать в одну группу только на стилистическом уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авалиани Ю. Ю., Очерки глагольной фразеологии курдского языка,— сб. «Вопросы фразеологии и грамматического строя языков», Ташкент, 1967.
2. Арендс А. К., Краткий синтаксис современного персидского языка, М.— Л., 1941.
3. Архангельский В. Л., О понятии устойчивой фразы и типах фраз,— сб. «Проблемы фразеологии», М., 1964.
4. Иртеньева Н. Ф., Глубинные и поверхностные предложения в трансформационной теории, М., 1969.
5. Пейсиков Л. С., Вопросы синтаксиса персидского языка, М., 1959.
6. Рубинчик Ю. А., Современный персидский язык, М., 1960.
7. Шведова Н. Ю., Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм,— сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965.
8. Alavi Bozorg, Dezašub, Tehran, 1316.
9. Alavi Bozorg, Čašmhayaš, Tehran, [s.a.].
10. Alavi Bozorg, Lorenz Manfred, Lehrbuch der Persischen Sprache, Leipzig, 1967.
11. Čubak Sadeq, Tangsir, Tehran, 1343.
12. Jensen Hans, Neupersische Grammatik, Heidelberg, 1931.
13. Lazard Gilbert, La langue de plus anciens monuments de la prose persane, Paris, 1963.

Р. П. Егорова

ПРИЧАСТИЯ В СИНДХИ

В залоговом отношении причастия синдхи классифицируются на причастия действительного и страдательного залогов, а в видовом — на причастия несовершенного и совершенного вида (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация причастий синдхи

Причастие с суффиксом	Залог		Вид	
	действительный	страдательный	несовершенный	совершенный
Причастие с суффиксами *-ando*, *-īndo*	±̇	—	+	—
Причастие с суффиксом *-aɾu*	+	—	+	—
Причастие с суффиксом *-lbo*	—	+	+	—
Причастие с суффиксом *-io*(*yo*) (от непереходных глаголов)	+	—	—	+
Причастие с суффиксом *-io*(*yo*) (от переходных глаголов)	—	+	—	+
Причастие с суффиксом *-alu* (*yalu*) от непереходных глаголов	+	—	—	+
Причастие с суффиксом *-alu* (*yalu*) от переходных глаголов	—	+	—	+
Причастие с суффиксами *-vāro*, *-hāru* от активных глаголов	+	—	+	—
Причастие с суффиксами *-vāro*, *-hāru* от пассивных глаголов	—	±̇	+	—

Как видно из таблицы, причастия совершенного вида подразделяются в залоговом отношении в зависимости от непереходности—переходности глагола, от которого они образуются; причастия несовершенного вида с суффиксами

-vāro, *-hāru* — в зависимости от активности—пассивности глагола, от которого они образуются.

Прежде чем анализировать формы и функции причастий синдхи, необходимо сделать некоторые предварительные замечания, касающиеся терминологии.

Нам представляется неточным употребление для многих новоиндоарийских языков традиционных терминов «причастие настоящего времени» и «причастие прошедшего времени». Дело в том, что в синдхи, как и во многих новоиндоарийских языках, причастия различаются не во временно́м, а в видовом отношении, по линии совершенности—несовершенности действия. Если, например, в русском языке различаются как формы причастия настоящего и прошедшего времени (*идущий — шедший*, *ушедший*), так и формы несовершенного и совершенного вида в прошедшем времени (*шедший — ушедший*), то в синдхи различие проявляется в видовом, а не во временно́м плане (*halando* 'идущий', 'шедший'— *halio* 'ушедший'). Форма причастия несовершенного вида может употребляться для выражения несовершенности действия, независимо от реально протекающего времени (т. е. настоящего, прошедшего и будущего). Точно так же причастие совершенного вида может употребляться для выражения совершенного действия не только в прошлом, но и в настоящем и будущем времени.

Правомерность классификации причастий по принципу несовершенность—совершенность можно подтвердить сохранением этого значения при образовании временны́х форм при помощи данных причастий, например: *mā paṛhīndo āhiyā* 'Я читаю' (настоящее обычное время), *mā paṛhīndo hose* 'Я читал' (прошедшее несовершенное время) — в обеих глагольных временны́х формах причастие указывает не на время совершения действия, а на незаконченность его; здесь причастие несовершенного вида употреблено и для выражения и настоящего и прошлого.

Ср. значение причастий несовершенного и совершенного вида в следующих формах: *mā paṛhīndo hūnduse* 'Я, вероятно, буду читать' (будущее несовершенное) и *mā paṛhyo hūndo* 'Я, вероятно, прочитаю' (будущее совершенное). Действие и в том и в другом случае может относиться к будущему времени, но видово́й оттенок этих глагольных форм разный, что обусловлено наличием разных причастных форм: в первом случае причастие несовершенного вида указывает на незавершенность действия, во втором — причастие совершенного вида указывает на завершенность действия.

Ср. еще две временны́е формы, образованные при помощи данных причастий: *mā iho kḷatu paṛhyo āhē* 'Я прочитал

это письмо' (недавно прошедшее время) и *mā iho khatu parhīndo hose* 'Я читал это письмо'. Первая глагольная форма указывает на завершенность действия к настоящему моменту: причастие совершенного вида указывает на завершенность, а вспомогательный глагол — на связь с настоящим моментом. Вторая глагольная форма выражает действие, которое имело место в прошлом (на что указывает вспомогательный глагол), но оно не было завершено (на это указывает причастие несовершенного вида).

Таким образом, причастия несовершенного и совершенного вида во временны́х глагольных формах выражают незавершенность — завершенность действия (независимо от реально протекающего времени), а функцию временно́го показателя выполняют, как правило, вспомогательные глаголы.

Рассмотрим формы и функции причастий несовершенного вида действительного и страдательного залогов.

В синдхи имеются причастия несовершенного вида действительного залога (с суффиксами *-ando*, *-īndo*, *-vāro*, *-hāru*) и страдательного залога (с суффиксом *-ibɔ*).

Форма действительного причастия несовершенного вида с суффиксом *-ando* образуется от основы непереходного глагола:

hal- 'идти'— *halando* 'идущий', 'шедший';

ghum- 'гулять'— *ghumando* 'гуляющий', 'гулявший';

mar- 'умирать'— *marando* 'умирающий', 'умиравший'.

Если основа глагола имеет конечный гласный *a* или *i*, то перед суффиксом *-ando* появляется эвфонический звук *w*:

pa- 'падать'— *pawando* 'падающий', 'падавший';

ni- 'гнуться'— *niwando* 'гнущийся', 'гнувшийся'.

Форма действительного причастия несовершенного вида с суффиксом *-īndo* образуется от основы переходного глагола (в том числе и каузативного):

banā- 'строить'— *banāīndo* 'строящий', 'строивший':

cirā- 'сердить'— *cirāīndo* 'злящий', 'зливший';

budhārā- 'заставлять рассказывать'— *budhārāīndo* 'заставляющий рассказывать', 'заставлявший рассказывать'.

Однако имеется ряд исключений, когда от переходной основы причастие несовершенного вида образуется при помощи суффикса *-ando*:

ca- 'говорить'— *cawando* 'говорящий', 'говоривший';

sun- 'слушать'— *sunando* 'слушающий', 'слушавший'.

Если основа глагола имеет конечным гласный *ī* или *ū*, то перед суффиксом *-ando* эти долгие гласные могут редуцироваться: *pī-* 'пить'— *piando* 'пьющий', 'пивший'; *pū-* 'связывать'— *puando* 'связывающий', 'связывавший'. При образовании формы причастия несовершенного вида от основы глагола с конечным гласным *ī* происходит слияние началь-

ного гласного суффикса причастия с конечным долгим гласным основы:

thī- 'быть', 'становиться'— *thīndo* (а не *thīando*) 'становящийся', 'становившийся';

ḏī- 'давать'— *ḏīndo* (а не *ḏīando*) 'дающий', 'дававший'.

Некоторые глаголы образуют причастия несовершенного вида не по общему правилу (так называемые неправильные формы):

vañ- 'идти', 'уходить'— *vēndo* (*vīndo*) 'идущий', 'шедший', 'уходящий', 'уходивший';

ac- 'приходить'— *īndo* 'приходящий', 'приходивший';

ho- 'быть'— *hūndo* 'имеющийся', 'бывший';

kar- 'делать'— *kando* (*kindo*) 'делающий', 'делавший' и др.

Причастие несовершенного вида изменяется по родам, числам и падежам, подобно прилагательному с окончанием *-o* (см. табл. 2).

Таблица 2

Склонение причастий несовершенного вида от глаголов *halaṇu* 'идти', 'уходить' и *mārīṇu* 'бить'

Единственное число				Множественное число		
прямой падеж		косвенный падеж		прямой падеж		косвенный падеж
м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	
halando *mārīndo*	*halandī* *mārīndī*	*halandē* *mārīndē*	*halandīa* *mārīndīa*	*halandā* *mārīndā*	*halandīū* *mārīndīū*	*halandine* *mārīndane*

Действительное причастие несовершенного вида синдхи, как и всех других новоиндоарийских языков, восходит к древнеиндийской форме причастия настоящего времени действительного залога на *-ant* (сильная форма — *-ānt*, слабая форма — *-at*).

Подобно древнеиндийскому причастию на *-ant*, причастие синдхи на *-ando*, *-īndo* выражает действие как развивающийся процесс (несовершенный вид).

Древнеиндийское причастие на *-ant*, выступая в форме, согласованной с определяемым в роде, числе и падеже, выполняло функцию приименного и предикативного определений или указывало на действие, протекающее одновременно с действием, выраженным сказуемым предложения. В синдхи причастие несовершенного вида, сохраняя эти функции, нередко употребляется в форме, несогласованной с определяемым, проявляя тенденцию выступать в деепричастном зна-

чении. Особенно четко проявляется эта тенденция в случаях употребления причастия несовершенного вида при сказуемом предложения, когда в силу двусторонних связей причастия с именем и глаголом-сказуемым проявляется как причастное, так и деепричастное значение.

Форма причастия с суффиксом *-ando*, *-īndo* может согласовываться с формой имени, к которому оно относится, в роде, числе и падеже, находясь в препозиции к нему: *ḏisā na, sindhī hūndī tavhā kein ētrī hindī sikhē vyā...* (Kal, 16) 'Не представляю, как вы, владеющая синдхи (букв. синдхи владеющая вы), так хорошо выучили хинди'; *īndē waqate khēse darkẖavāst ḏīe āī huase* (W, 63) 'В подходящий момент я высказала ему свою просьбу'.

Причастие несовершенного вида может выступать в форме, согласованной с определяемым именем в роде, числе и падеже, и в том случае, если оно находится в постпозиции к нему. Однако при этом причастие может рассматриваться связанным одновременно как с именем, так и с глаголом-сказуемым. В силу двусторонних связей причастие выступает и в функции определения, и в функции обстоятельства, сопутствующего главному действию: *taḏhā kalyāṇī īndī nazarāī* (Kal, 50) 'Тогда вошла Кальяни (букв. входящая, входя)'; *asī gaḏ q a d a m k h a ṇ a n d ā agātē vadhaṇa lagasī* (DB, 2) 'Мы вместе начали продвигаться вперед (букв. шаги берущие, беря)'.

Причастие в функции приименного определения, относящееся к определяемому, выраженному именем в форме косвенного падежа, имеет форму мужского рода единственного числа прямого падежа: *hika ḏīhā jein ī šahād isteišan tē lathuse ta huna khē sāmhā v ē n d o ḏ i ṭ h u m e* (DB, 5) 'Однажды, когда я вышел на станции Шахад, я увидел ее, идущую впереди (букв. ее идущей впереди) меня'; *hūa aksar kāhī chokarīa khē kāhī mard ḏāhī j h a k ī n d o ḏisandī āhē, ta una chokarīa khē... cawandī āhē...* (ND, 23) 'Когда она видит, что какая-нибудь девушка часто болтает с каким-либо молодым человеком, она говорит ей...' (букв. 'Она часто какую-нибудь девушку, с каким-либо молодым человеком болтающей, видит...').

В современном синдхи довольно часто наблюдается употребление причастия несовершенного вида в абсолютной форме, совпадающей с формой косвенного падежа мужского рода единственного числа. В этих случаях причастие имеет двоякий характер: с одной стороны, будучи связанным с именем, оно передает причастное значение, с другой — оно связано также с глаголом-сказуемым предложения и обычно

имеет значение обстоятельства, сопутствующего главному действию, выраженному сказуемым: *ēk tak mū ḍāhā nihārīndē huna cīo: «takllīf? kujh ba na!»* (Kal, 65) 'Глядя на меня некоторое время, она сказала: «Затруднение? Никакого»' (здесь причастие *nihārīndē* находится в препозиции к определяемому *huna*, но не согласуется с ним); *ghaṇī košiš kandē ain pāṇa khē rokīndē mā unā taraf mahino kina ta na vyase* (Kal, 61) 'Я с большим трудом сдержал себя (букв. большое усилие делая и себя сдерживая) и не ходил туда около месяца' (в данном примере, несмотря на то что причастия *košiš kandē* и *rokīndē* находятся в препозиции к своему определяемому, они употреблены в форме, несогласованной с определяемым *mā*).

Причастие несовершенного вида в абсолютной форме, находясь в непосредственной близости к сказуемому предложения, проявляет еще бо́льшую тенденцию выступать в функции обстоятельства, сопутствующего главному действию или указывающего на характер его протекания: *pūa hikū lanbo sāhu khaṇandē ciyāī*, *«sabh bhāgā jo likhio āhē, na ta b̄yo chā āhē?»* (Kal, 36) 'Затем, тяжело вздыхая, она сказала, «Предначертание судьбы, не то что́ же еще?»; *«Oh! ta tavhā dukhē āhyo?» šarīdhara khilandē cio* (Kal, 15) '«Ох! Вы переживаете?», — со смехом (смеясь) сказал Шаридар'.

Причастие в абсолютной форме также выступает в сочетании с союзными словами *goyā*, *j̄ana* 'как будто' в виде сравнительного оборота: *jīvān sindhīa mē goyā pāṇasā g̱ālhāīndē cio...* (DB, 58) 'Дживан, как будто разговаривая сам с собой, сказал на синдхи...'; *sūṭ keis añā narēndara jē hatha mē ī ho. hūa hathu vadhāē iho viṭhī, jaldī b̄āhir nikarī vēī ain gāḍ o gaḍ j̄ana āgyā kandē cawandī vēī «vaño»* (W, 15) 'Саквояж был в руке Нарендара. Она, протянув руку и взяв его, быстро вышла на улицу и вместе с тем продолжала говорить, как будто отдавая приказ: «Уходи»'.

Причастие несовершенного вида на *-ando*, *-īndo* может употребляться в удвоенном виде, выступая в функции обстоятельства, сопутствующего главному действию.

Согласование удвоенного причастия с определяемым им именем наблюдается, как правило, при наличии сказуемого, выраженного непереходным глаголом, хотя это явление и нерегулярно, ибо согласование может быть нарушено, и причастие в этом случае употребляется в абсолютной форме, совпадающей с формой мужского рода единственного числа косвенного падежа: *iho māṇhū sahakando sahakando aci rājā jē ta'ẖat sāmhū biṭho...* (AN, 9) 'Этот человек,

тяжело дыша (букв. человек, задыхающийся-задыхающийся), предстал перед троном раджи'; *hikaṛē ḍ̄ṭhā iho sādhū maharāja, nārāin dās ain khūrandās ghumandā ghumandā acī hika šahara jē bāhā pahtā* (AN, 3) 'Однажды Саду махараджа, Нарайндас и Кхурандас, блуждая (букв. блуждающие-блуждающие), прибыли на окраину одного города' (причастия выступают в форме, согласованной с именами); *vēndē vēndē hike nigāh mathase uchalīndo vyuse* (Kal, 74) 'Уходя, я бросил взгляд в ее сторону'; *khāīndē khāīndē hū socī rahyo ho* (AN, 14) 'Продолжая есть, он думал' (причастия имеют форму, не согласованную с определяемыми).

При сказуемом, выраженном переходным глаголом, удвоенное причастие употребляется в абсолютной форме, теряя согласование с определяемым: *cawandē cawandē huna hike thadhī sāhe khē rokiṇa jī nākām košiš keī* (W, 36) 'Разговаривая, она безуспешно пыталась сдержать глубокий вздох'; *moṭor halāīndē halāīndē, huna khilandē cio...* (Kal, 68) 'Заводя мотор, она со смехом сказала...'; *khilandē khilandē jawābu ḍ̄ināī: «pūa chā thyo? kujh ba na!»* (Kal, 55) 'Смеясь, она ответила: «Что было потом? Ровно ничего»'.

Причастие несовершенного вида может употребляться с эмфатической частицей *ī*[1]. В этом случае оно может указывать на обстоятельство, при котором совершается главное действие, выраженное сказуемым предложения: *mū thoro sociyo ain poe khilandē ī cio...* (AR, 22) 'Я немного подумал, а затем уж со смехом сказал...'; *piyār kando ho? hū jīando ī huna lāe ho* (P, 57) 'Любил? Он именно для этого и жил (букв. он именно живущий для этого был)'.

Причастие несовершенного вида с частицей *ī* может выражать действие, за которым сразу следует другое действие, выраженное сказуемым предложения: *sumatrā šāyad kujh cawaṇa lāe akhiyū khanē narēndara jē mūhā ḍ̄āhā nihāryo lēkin nihāhīndē ī huna charak bharak cio...* (W, 69) 'Суматра, вероятно, чтобы что-то сказать, подняла глаза и посмотрела в лицо Нарендара. Но, едва взглянув, она смущенно сказала...'; *mūkhē ḍ̄ī sadēī ciyāī, «aco, aco»* (Kal, 44) 'Едва увидав меня, он сказал: «Входите, входите»'.

Во всех приведенных случаях субъект главного действия, выраженного сказуемым предложения, совпадает с субъектом действия, обозначаемого причастием несовершенного вида. Однако в синдхи нередко наблюдается несовпадение субъектов действий, обозначаемых сказуемым, с одной сто-

[1] Эмфатическая частица *ī* может писаться с причастием и слитно и раздельно.

роны, и причастием несовершенного вида — с другой. Причастие несовершенного вида (одиночное или удвоенное) выступает в форме косвенного падежа единственного числа мужского рода и образует несогласованный причастный оборот со всеми словами, которые к нему относятся. Этот оборот имеет смысловую связь со всем предложением (обычно он указывает на время и причину протекания главного действия): *gālhīne kandē cāhe thandī hūī, cāhe pīandē gālhiyū thīndiyū hūyū* (W, 60)'Пока разговаривали, поспел чай; пока пили чай, продолжали разговаривать' (букв. 'Разговоры делая, чай готовым стал, чай попивая, разговоры были') (в данном примере несогласованные причастные обороты указывают на время совершения основного действия, выраженного сказуемым предложения); *khilandē khilandē akhīne mẽ ānsū bharjē āyuse* (Kal, 53) 'Она так смеялась, что в глазах появились слезы' (букв. 'Смеясь, смеясь, в ее глаза слезы наполнились'); *ḍisandē ḍisandē sanduse akhīne mẽ jhar karē ānsū vihaṇa lagā* (Kal, 130) 'Она смотрела так долго, что из глаз потекли слезы' (букв. 'Смотря смотря, из глаз потекши, слезы начали бежать') (в двух последних примерах несогласованные удвоенные обороты выражают причину совершения действия, обозначенного сказуемым предложений).

В синдхи употребителен и так называемый абсолютный причастный оборот, в котором субъект действия, выраженного причастием несовершенного вида (одиночным или удвоенным), не совпадает с субъектом действия, выраженного сказуемым предложения, хотя он и находится в форме прямого падежа.

В древне- и среднеиндийском языке причастие несовершенного вида в абсолютных причастных оборотах выступало в форме, согласованной с субъектом, который оно определяло, в роде, числе и падеже. В синдхи причастие несовершенного вида обычно выступает в абсолютной форме, которая совпадает с формой косвенного падежа единственного числа мужского рода (нередко — с частицей *ī*). В древне- и среднеиндийском языке субъект действия, выраженного причастием в абсолютном обороте, выступал в форме локатива, генитива или аккузатива. В синдхи субъект действия в абсолютном причастном обороте находится в форме прямого падежа: *biyē ḍīhē sijī lahandēī narēndaru sumatrā jē ghare vaṇī pahto* (W, 28) 'На другой день, едва село солнце, Наредар отправился в дом Суматры' (букв. '...солнце садясь, Наредар в дом Суматры отправился'); *māhījo sajo ḍīhē ta sibaṇa mẽ guzarī vēndo āhē. lēkin sijī lahandē ī waqat vadhī pawando āhē* (W, 34) 'У меня весь

день проходит за шитьем. Но едва заходит солнце, время тянется долго (букв. ...солнце едва садясь, время увеличивается)'.

Субъект действия, обозначенного причастием несовершенного вида в абсолютной форме, может быть выражен именем в косвенном падеже с послелогом или притяжательным местоимением. Имя в косвенном падеже с послелогом *jo* или притяжательное местоимение согласуются с причастием в роде, числе и падеже (т. е. имеют форму косвенного падежа единственного числа мужского рода). Таким образом, причастие несовершенного вида приобретает значение имени (выступает как имя действия): *gopīa jē vīndē ī narēndaru jald ṭayār thī sumatrā jē ghare vañī phuṭo* (W, 32) 'Едва Гопи ушла, Наредар, быстро собравшись, отправился в дом Суматры'; *sanduse īndēī asā jē ḍākṭara khēse cio...* (Kal, 53) 'Едва он подошел, как наш доктор сказал ему...'.

Причастия несовершенного вида с суффиксами *-ando*, *-īndo* имеют значение формы 3-го лица единственного и множественного числа обоих родов будущего (простого)[2]: *mūkhē b̄udhāe mūkhē chā karaṇo pawando?* (P, 120) 'Скажи мне, что мне придется делать?' [здесь *pawando* — причастие несовершенного вида мужского рода единственного числа выступает в значении формы будущего (простого) 3-го лица мужского рода единственного числа]; *subhaṇē subh jo hūa akēlī hūndī* (P, 120) 'Завтра утром она будет одна' [причастие несовершенного вида женского рода единственного числа *hūndī* выступает в значении формы будущего (простого) 3-го лица единственного числа женского рода]; *ḍakhiyā ḍīhā guzarī vēndā — padmā* (P, 123) 'Падма, эти ужасные дни пройдут' [причастие несовершенного вида мужского рода множественного числа (*guzarī*) *vēndā* выступает в значении формы будущего (простого) 3-го лица множественного числа мужского рода].

Причастия несовершенного вида с суффиксами *-ando*, *-īndo* входят в состав различных аналитических видо-временны́х форм: настоящего несовершенного времени (*mā halando āhiyā* 'Я иду'), прошедшего несовершенного времени (*hū likhando ho* 'Он писал'), будущего несовершенного (*hū paṛhīndā hūndā* 'Они, вероятно, будут писать'), сложных глагольных образований продолженного вида (*hūa niharīndī rahī* 'Она продолжала смотреть'), сложных глагольных образований длительно-прогрессивного вида (*hū cawando vīo* 'Он все говорил и говорил').

[2] При образовании форм будущего (простого) 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа обоих родов к причастию несовершенного вида присоединяются личные окончания.

В синдхи имеется и другая форма действительных причастий несовершенного вида — причастие с суффиксом *-aṛu*[3]. Оно образуется при помощи суффикса *-aṛu* от основы причастия несовершенного вида на *-ando*, *-īndo*:

halando — halandaṛu 'идущий', 'шедший';
kando — kandaṛu 'работающий', 'работавший';
ḡāīndo — ḡāīndaṛu 'поющий', 'певший';
īndo — īndaṛu 'приходящий', 'приходивший' и др.[4].

Причастие с суффиксом *-aṛu* изменяется подобно прилагательным с окончанием *-u* (см. табл. 3).

Таблица 3

Склонение причастия *halandaṛu* 'идущий'

Единственное число				Множественное число		
прямой падеж		косвенный падеж		прямой падеж		косвенный падеж
м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	
halanda-ṛu	*halanda-re*	*halanda-ṛa*	*halanda-re*	*halanda-ṛa*	*halanda-rīā*	*halandaṛane*

Причастие несовершенного вида с суффиксом *-aṛu* не употребляется для образования видо-временны́х форм. Оно может выступать в функции приименного определения, согласуясь с определяемым в роде, числе и падеже: *hūa takṛē takṛē šahād isṭeišan khā*, *kemp paharīn ḍāhī*, *vēndaṛa sansān rastē tā vānī rahī huī* (DB, 1) 'Она медленно шла по пустынной дороге, ведущей от станции Шахад в сторону Кемп Пахарин'; *narēndara jī šādī īndaṛe janvarīa mē tae thī cukī huī* (W, 60) 'Свадьба Нарендара назначена на приближающийся январь (месяц)'.

Причастие с суффиксом *-aṛu* употребляется также и в функции члена именного составного сказуемого, выступая в согласованной с определяемым форме: *intīzār maut khā ba vadhēk mārīndaṛu āhē* (P, 136) 'Ожидание убивает так

[3] Суффикс *-aṛu* восходит к древнеиндийскому *-kār* (в хинди — *-ārū*).

[4] Данные формы причастия несовершенного вида являются переходными между причастием и прилагательным. Их отличие от упомянутых выше причастий несовершенного вида действительного залога заключается в менее активном выражении признака действия. Ср. в русском языке: причастие настоящего времени *работающий человек* (т. е. активно действующий в данное время) и *работающий* (*человек*) в значении «занятый», «находящийся на работе», «имеющий работу» [в противоположность *безработный* (*человек*)]. В отличие от прилагательных причастия с суффиксом *-aṛu* все же сохраняют значение действия.

же, как и смерть' (букв. 'Ожидание... убивающее есть'); *hunajē hathe tē chokariyā ain ḏahe khaṅu chokarā, paikar jo kamu kandaṛa āhine* (ND, 23) 'Под ее началом находятся три девушки и около десяти юношей, выполняющих различную работу (букв. работу делающие есть)'.

Причастие с суффиксом *-aṛu* может подвергаться субстантивации: *havā mē ghumandaṛu* 'аэронавт' (букв. 'в воздухе гуляющий'); *kamu kandaṛu* 'работник', 'работающий' (букв. 'работу делающий'); *une programe mē savāla puchandaṛane khē jawāba ḏinā vēndā ain inhane jē pasand jā rakārḍā budhāyā vēndā* (NS, 6) 'По этой программе будут даны ответы задающим вопросы и будут проигрываться их любимые пластинки'.

В синдхи имеются причастия несовершенного вида страдательного залога с суффиксом *-ibo*, которые образуются от основы переходного глагола:

likh- 'писать'— *likhibo* 'пишущийся';
paṛh- 'читать'— *paṛhibo* 'читаемый';
budhā- 'рассказывать'— *budhāibo* 'рассказываемый'.

Примечание. От основы *kar-* 'делать' причастие несовершенного вида страдательного залога *-kibo* (*-kabo*) 'делаемый'.

Причастия несовершенного вида страдательного залога с суффиксом *-ibo* изменяются по родам, числам и падежам, как прилагательные на *-o* (см. табл. 4).

Таблица 4

Склонение причастия *likhibo* 'пишущийся'

Род	Единственное число		Множественное число	
	прямой падеж	косвенный падеж	прямой падеж	косвенный падеж
Муж.	*likhibo* 'пишущийся'	*likhibē*	*likhibā* 'пишущиеся'	*likhibane*
Жен.	*likhibī* 'пишущаяся'	*likhibīa*	*likhibiā* 'пишущиеся'	

Форма причастия на *-ibo* восходит к древнеиндийскому причастию будущего времени страдательного залога с оттенком долженствования на *-tavya*: скр.*-tavya*>пракр. *-abba*>синдхи *-ibo*. В синдхи причастие на *-ibo* сохранило значение страдательного залога, но утратило значение долженствования. Оно сохраняет значение будущего времени, выступая в качестве формы 3-го лица единственного и множественного числа обоих родов будущего (простого):

tāhākhē chā kibo? (ŠB̄, 40) 'Что будет с вами?' (букв. 'Вам что делаемое будет?') [здесь *kibo* — причастие мужского рода единственного числа выступает в значении формы 3-го лица единственного числа мужского рода будущего (простого)]; *jaḏhā amrinath insāf jī kaṛīa mẽ īndo taḏhā har hadh tāhējī sārāhe jā gīt ḡāibā...* (P, 101) 'Когда Аминатх добьется справедливости, тогда везде вам будут петь хвалебные гимны (букв. гимны будут воспеваемые)' [здесь *ḡāibā* — причастие мужского рода множественного числа выступает в значении формы 3-го лица множественного числа мужского рода будущего (простого)].

В функции приименного определения причастие на *-ibo* выступает сравнительно редко; при этом оно теряет значение будущего времени: *hī maṛhū māribo ḏiṭhume* (GSt, 99) 'Я увидел, как этого человека били' (букв. 'Этот человек избиваемый увиден мною').

Причастие на *-ibo*, подобно причастию несовершенного вида действительного залога с суффиксами *-ando*, *-īndo*, служит для образования различных видо-временны́х аналитических форм, не имея значения будущего времени: *dunīyā mẽ sabha kujha ihā paisē lāe kibo āhē, amān!* ŠB̄, 39) 'Помилуй, все в мире делается ради денег!' (*kibo āhē* — форма настоящего обычного времени 3-го лица единственного числа мужского рода); *sāl ain sadīyū gᵾzarandā vīā navān samājī ain iqtisādī nizām hikb̄iē paṭhiyān maṭibā rahiyā...* (SU, 1—2) 'Проходили годы и века, одна за другой сменялись общественные и экономические формации...' (*maṭibā rahiyā* — форма прошедшего актуального времени 3-го лица множественного числа мужского рода; *sarmāyadārāna sanaat khē sastā mazūr ain māl jē vikirē lāe mandiyū ghuribiū huyū* (SU, 5) 'Новой растущей капиталистической промышленности требовалась дешевая рабочая сила и рынок для сбыта товаров' (*ghuribiū huyū* — форма прошедшего несовершенного времени 3-го лица множественного числа женского рода).

Таким образом, причастие на *-ibo*, теряя значение будущего времени, употребляется для образования тех же видо-временны́х форм, для построения которых употребляются и причастия несовершенного вида действительного залога (различие проявляется лишь по линии залога). Это служит доказательством того, что причастие на *-ibo*, которое семантически можно соотнести с пассивными глаголами с суффиксом *-j(-ij)*, является причастием несовершенного вида (ср. *māribo* 'избиваемый', но *māriо* 'избитый': *hū mārīndo āhē* 'Он бьющий есть', *hū māribo āhē* 'Он избиваемый есть', *hū māriо āhē* 'Он избитый есть').

Форма причастия на *-ibo* может быть образована и от непереходного глагола. Э. Трумпп [3], Дж. Стэк [2], К. Т. Джетли [1] трактуют причастие на *-ibo* от непереходного глагола как безличную временну́ю форму, которая всегда выступает в 3-м лице единственного числа мужского рода. Однако, по нашим наблюдениям, причастие на *-ibo* от непереходного глагола может согласоваться с именем, выраженным формой прямого падежа и обозначающим объект действия: *...aj̄ lāhor mẽ elān kīo ta, ūluh pākistān jahṛē vaḍē mẽ vaḍē sūbē jo intizām behtar namūnē mẽ taḍhā halāē saghibo jaḍhā markazī iẖtīyārāt khē ghaṭāī kamišanarane khē vasīa iẖtīyārāt ḍinā vañane* (NS, 1) '...Сегодня в Лахоре объявлено, что административную систему самой крупной провинции, Западный Пакистан, можно будет улучшить тогда, когда центральные выборы в малые комиссии будут расширены' (*halāē saghibo* — форма 3-го лица единственного числа мужского рода); *ihẽ paīsā moṭāī ḍ̄ī na saghibā* (NS, 8) 'Эти деньги нельзя будет брать' (*ḍ̄ī na saghibā* — форма 3-го лица множественного числа мужского рода, согласуется с *paīsā* 'деньги').

Причастие на *-ibo* от непереходного глагола может иметь и активное значение: *jo ḍaṝando so thakibo* (SED, 187) 'Кто побежит быстро, тот быстро устанет'.

В синдхи имеются причастия несовершенного вида с суффиксами *-vāro*, *-hāru*, которые различаются в залоговом отношении в зависимости от активности—пассивности образующего глагола: выражая несовершенность действия, данные причастия являются причастиями действительного залога, если они образованы от активного глагола, или причастиями страдательного залога, если они образованы от пассивного глагола с суффиксом *-j(-ij)*.

Причастия намерения с суффиксами *-vāro*, *-hāru* близки по значению отглагольным формам с суффиксами *-vālā*, *-hārā* в хинди и урду[5]. Они образуются присоединением суффиксов *-vāro*, *-hāru* к косвенной форме инфинитива глагола. Обычно данные причастия имеют значение намерения что-либо сделать, близкого осуществления какого-то действия. С формой инфинитива суффиксы пишутся либо слитно, либо раздельно:

paṛhiṇu 'читать'— *paṛhiṇavāro* (*paṛhiṇa hāru*) 'намеревающийся читать';

vañaṇu 'уходить'— *vañaṇa vāro* (*vañaṇahāru*) 'намеревающийся уходить';

---

[5] Скр. *pālakaḥ*>хинди *vālā*, синдхи *vāro*; скр. *dhārakah*>хинди *hārā*, синдхи *hāru*.

likhijaṇu 'писать'—*'likhijaṇavāro* (*likhijaṇa hāru*) 'намереваемый писаться'.

Причастие с суффиксом *-vāro* изменяется по родам, числам и падежам подобно прилагательному с окончанием *-o*; причастие с суффиксом *-hāru* изменяется подобно прилагательному с окончанием *-u*, например:

м. р. косв. пад. *vañaṇavārē* (*vañaṇahāra*);

ж. р. ед. ч. прям. пад. *vañaṇavārī* (*vañaṇahāre*);

м. р. мн. ч. прям. пад. *vañaṇavārā* (*vañaṇahāra*).

Причастие намерения может выступать в функции приименного определения, согласуясь с определяемым в роде, числе и падеже: *tokhē rokaṇa vāro mā keir āhiyā?* (W, 64) 'Кто я, чтобы останавливать тебя?' (букв. 'Тебя останавливать намеревающийся, я кто есть?'); *mā thī pachā ta iho keir āhē jēko māhējī na ḍasaṇa acaṇa vārī ātmā ḍēkhārī saghī* (Kal, 163) 'Я спрашиваю, кто тот человек, которому могу открыть свою невидимую душу' (букв. 'Моя не видеть приходить намеревающаяся душа').

Причастие намерения может выступать в функции члена именного составного сказуемого, согласуясь с именем, выражающим подлежащее, в роде и числе: *iho ta mā ba jāṇā tho, pur musībat hīa āhē ta mā bāhir vañaṇavāro āhiyā* (Kal, 157) 'Я знаю это, но несчастье заключается в том, что я вот-вот уеду'; *bine ṭine mahinane mē ī chā tavhāji šadī thīaṇa vārī āhē?* (W, 37) 'Разве через два-три месяца будет (букв. быть намереваемая есть) ваша свадьба?'; *pur mā khā šāhadī vaṭhaṇa vāro āhē keir?* (P, 103) 'Но кто собирается получить (букв. получить намеревающийся есть) у меня доказательство?'

Примечание. Суффиксы *-vāro*, *-hāru* также употребляются для образования имени деятеля: *lēkin mārīṇa vārē khā rakhaṇa vāro vaḍo āhē* (DB, 2) 'Но слава спасителю от убийцы' (букв. 'От убивающего сохраняющий велик'); *vīcāro izat ābrūa vāro ḍākṭar āhē* (Kal, 55) 'Доктор — это человек мысли, чести, уважения'.

Причастия совершенного вида в синдхи выражают действие как завершившийся процесс. В залоговом отношении они подразделяются на причастия совершенного вида действительного залога, образуемые от непереходного глагола, и причастия совершенного вида страдательного залога, образуемые от переходного глагола. По форме они не отличаются друг от друга: причастия совершенного вида как от непереходного, так и от переходного глагола образуются путем присоединения суффикса *-io* (*-yo*) к глагольной основе.

1. Если основа глагола оканчивается на согласный, то для образования причастия совершенного вида может употребляться как суффикс *-io*, так и *-yo*:

Основа глагола		Причастие совершенного вида	
mār-	'бить', 'убивать'	*mārio* (*māryo*)	'ударенный', 'убитый'
hal-	'ходить' 'уходить'	*halio* (*halyo*)	'ушедший'
likh-	'писать'	*likhio* (*likhyo*)	'написанный'

2. Если глагольная основа оканчивается на гласный, то для образования причастия совершенного вида употребляется суффикс *-yo*:

Основа глагола		Причастие совершенного вида	
b̄udhā-	'рассказывать'	*b̄udhāyo*	'рассказанный'
khā-	'есть', 'кушать'	*khāyo*	'съеденный'
parbhā-	'успокаивать'	*parbhāyo*	'успокоенный'
dho-	'мыть'	*dhoyo*	'вымытый'

3. Если глагольная основа оканчивается на *-i*, *-ī*, *-c*, *-ch*, *-j*, *-jh*, то начальный гласный суффикса *-io* (*-yo*) опускается:

Основа глагола		Причастие совершенного вида	
ni-	'брать'	*nio*	'взятый'
jī-	'жить'	*jīo*	'прожитый'
soc-	'думать'	*soco*	'продуманный'
kuch-	'говорить' 'рассказывать'	*kucho*	'рассказанный'
marij-	'умирать'	*marijo*	'умерший'
sojh-	'расследовать'	*sojho*	'расследованный'

В синдхи имеется большая группа так называемых неправильных форм причастий совершенного вида, которые унаследованы от среднеиндоарийских языков:

Основа глагола		Причастие совершенного вида	
kar-	'делать'	*kīo*	'сделанный'
ac-	'приходить'	*aīo* (*ayo*)	'пришедший'
vañ-	'идти'	*vīo*[6]	'ушедший'
vih-	'сидеть'	*vīṭho*	'севший'
d̄ī-	'давать'	*d̄ino*	'данный'
ubah-	'стоять'	*ubītho*	'стоявший'
d̄ah-	'мучить'	*d̄adho*	'измученный'

[6] Форма причастия совершенного вида женского рода единственного числа *-vēī* 'ушедшая'.

ubham-	'кипятить'	*ubhāḷo*	'кипяченый'
ca-	'говорить'	*cīo*	'сказанный'
na-	'гнуть'	*nīo*	'согнутый'
pa-	'падать'	*pīo*[7]	'упавший' и др.

«Неправильная» форма причастия совершенного вида в ряде случаев восходит к древнеиндоарийской форме причастия на *-i* (*-ta*), *-na*: скр. *dṛṣṭa*>синдхи *ḍiṭṭho*; скр. *kṛta*>синдхи *kīo*; скр. *viṣṭa*>синдхи *vīṭho*; скр. *dīna*>синдхи *ḍino* и др.

Причастие совершенного вида изменяется по родам и числам:

Единственное число		Множественное число	
мужской род	женский род	мужской род	женский род
halio (*halyo*) 'ушедший'	*halī* 'ушедшая'	*haliā* (*halyā*) 'ушедшие'	*haliā̃* 'ушедшие'

Обычно причастие совершенного вида не употребляется в функции прииенного определения. Причастие с суффиксом *-io* (*-yo*), образованное от непереходного глагола, может выступать в значении формы 2-го лица женского рода множественного числа и 3-го лица единственного и множественного числа обоих родов прошедшего совершенного времени[8]: *kẖair, khēlu kẖatam thīo* (Kal, 180) 'Хорошо, что игра закончилась'; *mākhē ihā kẖabar manjahande khā poe ī milī* (Kal, 180) 'Я получил это известие после полудня'.

Причастие с суффиксом *-io* (*-yo*) в мужском роде единственного числа, образованное от переходного глагола, может выступать в значении формы прошедшего совершенного времени 3-го лица единственнного числа мужского рода при отсутствии объекта, выраженного именем в прямом падеже (нейтральная конструкция): *mā̃ḍākṭar khē sanbhālio* (Kal, 158) 'Я понаблюдал за доктором'; *cāhe pī mā̃ moklāyo* (DB, 4) 'Выпив чай, я простился'.

Причастие с суффиксом *-io* (*-yo*), образованное от переходного глагола, может выступать в значении формы прошедшего совершенного времени, согласуясь с именем, выражающим объект действия, в роде и числе (объектная конструкция): *huna akhiā̃ kholiā̃* (P, 9) 'Он открыл глаза'; *mā̃ hiku nadho sāhu khanio* (DB, 1) 'Я слегка вздохнул'.

[7] Форма причастия совершенного вида женского рода единственного числа *-pēī* 'упавшая'.

[8] Например: *tavhī haliā̃* 'вы ушли', *hū halio* 'он ушел', *hū̃a halī* 'она ушла', *hū̃ haliā̃* 'они ушли', *hū̃ haliā̃* 'они ушли'.

Причастие с суффиксом *-io* (*-yo*) широко употребляется для образования различных аналитических видо-временны́х и залоговых форм:

прошедшего повторно-длительного времени (форм 2-го лица множественного числа женского рода и 3-го лица обоих родов и чисел) — *tavhī haliā thē* 'Вы ходили', *hū halio thē* 'Он ходил', *hūa halī thē* 'Она ходила', *hū haliā thē* 'Они ходили' и т. д.;

настоящего совершенного времени (перфекта) — *huna likhio āhē* 'Он написал';

предпрошедшего времени — *asī haliā huāsī* 'Мы уже ушли';

будущего совершенного — *huna iho cīo hūndo* 'Он, вероятно, скажет это';

сложноинтенсивного глагольного образования — *hū halio vīo* 'Он ушел';

аналитической формы страдательного залога — *kamu kīo vēndo āhē* 'Работа делается'.

Причастие совершенного вида с суффиксом *-alu* (*-yalu*) образуется от основы причастия совершенного вида на *-io* (*-yo*):

māri̱o (*māryo*) — *māri̱alu* (*māryalu*) 'убитый', 'избитый';

d̄itho — *d̄ithalu* 'увиденный';

halio (*halyo*) — *halialu* (*halyalu*) 'ушедший';

kucho — *kuchalu* 'сказанный'.

Форма причастия на *-alu* (*-yalu*) изменяется по родам, числам и падежам подобно прилагательным на *-u* (см. ниже табл. 5).

Таблица 5

Склонение причастия *halialu* 'ушедший'

Единственное число				Множественное число		
прямой падеж		косвенный падеж		прямой падеж		косвенный падеж
м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	
halialu (*halyalu*) 'ушедший'	*haliale* (*halyale*) 'ушедшая'	*halialа* (*halyala*)	*haliale* (*halyale*)	*haliala* (*halyala*) 'ушедшие'	*halialiā* (*halyaliā*) 'ушедшие'	*halialane* (*halyalane*)

Причастие с суффиксом *-alu* (*-yalu*) не употребляется для образования видо-временны́х форм. Оно может выступать в функции приименного определения, согласуясь с определяемым в роде, числе и падеже: *unji b̄udhāyale g̃ālhe*

ī budhāē rahio āhiyā (Kal, 81) 'Но я рассказываю именно то, что рассказывали они' (букв. 'Их рассказанный рассказ именно рассказываю'); *guzaryala ghalatīne khē kholiṇa mā tokhē kahṛo fāido rasando?* (P, 13) 'Какая же тебе будет польза от воспоминаний прежних (прошедших) ошибок?'; *chat mē tangīyala pankhē mā īndaṛe havāine jā laharā ba garmīa maṭāiṇa mē nākām āhine* (ND, 25) 'От подвешенного к потолку вентилятора потоки движущегося воздуха также не спасают от жары'.

Причастие с суффиксом *-alu* (*-yalu*) может выступать в функции члена именного составного сказуемого: *sanduse āvāzu ghatīalu ho ta ba cīāī*, «*pur hīa vēdhan faqat mūsā thī āhē...*» (P, 118) 'Приглушенным голосом она (букв. ее голос приглушенный был) сказала: «Но ведь это только мое горе»'; *farš tē qīmatī īrānī ghālīcā vichāyala āhine* (Kal, 95—96) 'На полу разостланы дорогие персидские ковры' (букв. 'ковры разостланные есть'); *ghar jē paṭhyān hikaṛo zamīn jo ṭukru ho, jo mā khē milīalu ho* (P, 30) 'За домом был участок земли, который достался мне (букв. который мне полученный был)'.

Причастие с суффиксом *-alu* (*-yalu*) может выступать в удвоенном виде, указывая на состояние или повторяемость действия, выраженного данным причастием. В этом случае причастие согласуется с определяемым в роде и числе: *rastē jā bijlī batiyā cāṇḍūkī mē bīrīyale hūndī ba visāmīale visāmīale laḡī rahīyā āhine* (ND, 25) 'Хотя электрические лампы на улице и горят при лунном свете, но все же они кажутся погасшими (букв. исчезнувшие-исчезнувшие)', *lēkin huna ḍiṭho, ta sanduse hazarī mē indrā ain manūhar ghatiala ghatiala āhine* (ND, 25) 'Но она увидела, что в ее присутствии Индра и Манухар обнимаются (букв. обнявшиеся-обнявшиеся есть)'.

В синдхи употребительны причастные обороты, в которых субъект действия, выраженного причастием с суффиксом *-alu* (*-yalu*), связан с причастием посредством послелога *jo*. Эти причастия вместе с относящимися к ним словами, могут выступать в предложении в функции либо прииименного определения, либо именного члена составного сказуемого, например: *pirān jo midāru kama jī miqdār ain khāsiēt yanī ām maqsad lāe har hik mazdur jī kiyale košišāne tē hūndo* (NS, 7) 'Это зависит от качества и количества работы, т. е. от усилий, предпринятых каждым рабочим ради общей цели'; *iho sajo bahtān tūhējo baṇāyalu ho ain hīnair tokhē ī aḍo acī rahyo āhē* (P, 102) 'Это — настоящая клевета, возведенная тобою, и теперь именно тебе она вредит'.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

AN — Krishna Gurbakhshani, Andhēr nangarī, Kalyan, [б.г.].
AR — Mohan Kalpana, Ājа rāte bāqī āhē, Bombay, [б.г.].
DB — Ram Ain Kalyani, Dukhē bāz, Bombay, [б.г.].
GSt — G. Stack, The Grammar of the Sindhi Language, Haiderabad, 1847.
Kal — Janandar Kumar, Kalyāṇi, Bombay, [б.г.].
ND — журн. «Naeen duniyā», Bombay, 1964.
NS — журн. «Nava-e-sindh», Karachi, 7.XI.1958.
P — Ram Panjvani, Padmā, Bombay, [б.г.].
SED — Shahani A. T., The Sindhi to English Dictionary, Bombay, [б.г.].
SU — «Soviet ūnion mē ziraatī masalo kein hāl kīo vīo āhē», Karachi, [б.г.].
ŠB̄ — Gobind Malhi, Šarm b̄uṭe, Bombay, [б.г.].
W — Gano Samtani, Wāpas, Bombay, [б.г.].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jetley K. T., Sindhī bhāsā kā sankṣipt paricaya, Poona, 1957.
2. Stack G., The Grammar of the Sindhi Language, Haiderabad, 1847.
3. Trumpp Er., Grammar of the Sindhi Language, London, 1872.

З. М. Калинина

ЧАСТИЦА *БЪ* И ЕЕ ФУНКЦИИ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПУШТУ

В современном пушту насчитывается несколько десятков частиц, весьма разнообразных по своему значению и функциям. Однако в нем нет ни одной частицы, которая бы столь широко и часто употреблялась в глагольной системе, как частица *бъ*.

Достаточно указать на то, что из трех общепризнанных наклонений (изъявительного, повелительного и условно-желательного) в двух, а именно — изъявительном и условно-желательном, применяется эта частица. *Бъ* употребляется как с формами совершенного, так и несовершенного вида, встречается в прошедшем и будущем времени.

Изучение и описание функций этой частицы поэтому заслуживает самого пристального внимания, имеет чрезвычайно большое практическое значение и может оказаться небезынтересным для лиц, занимающихся выявлением типологических особенностей иранских языков в целом.

В литературе о пушту нет ни одной работы, посвященной частице *бъ*. Автор данной статьи ставит перед собой задачу — рассмотреть всевозможные случаи ее употребления в современном языке и выявить, какую роль играет данная частица при том или ином ее использовании.

§ 1. Частица *бъ* входит в состав прошедшего предположительного времени. Речь идет о глагольной форме, состоящей из причастия прошедшего времени любого смыслового глагола и глагола-связки «быть» в будущем времени. Эта глагольная форма в трудах афгановедов имеет различные названия и трактуется по-разному.

Е. Трумпп именует ее the Past Future (прошедше-будущая) и указывает, что при помощи этой формы выражается как будущее завершенное действие, так и возможность или предположительность совершения действия в прошлом [X].

Такого же мнения придерживается и Раверти [IX]. Несколько иная точка зрения у Лоримера: он относит рассматриваемую форму к Future Perfect (будущему перфектному,

будущему совершенному) и помещает ее в изъявительное наклонение [VIII].

Афганские ученые С. Риштин и М. Айази, включая все глагольные формы в категорию времени и называя их общим термином «замана» («время»), относят эту форму к *мāзи́-и-шакийа́ йā ихтимāли́* 'прошедшему сомнительному или предположительному' [VI, I].

Нет единства и во взглядах советских афганистов: одни считают, что это — предположительное наклонение [VII], другие — что это форма времени [III].

При рассмотрении языкового материала становится очевидным, что форма прошедшего предположительного употребляется прежде всего для выражения предположительности совершения какого-либо действия в прошлом. Возможны два случая: а) говорящий предполагает совершение определенного действия, исходя лишь из объективной возможности его реализации в прошлом: *дъ квъ́ндо дъ зулму́но кисе́* **бъ** *hарча́ лъ́ги де́ри* **арведъ́ли ви** [9, 74] 'Каждый, **вероятно, слышал** достаточно рассказов о притеснении вдов'; *та́си* **бъ лидъ́ли ви** *че кучни́ hар шай че пайда́ ки самдасти́ йе сара́ палати́ ау церъ́на пъ́ки кави́* (8, 40) 'Вы, **вероятно, видели,** что ребенок, найдя какую-нибудь вещь, тотчас же изучает и разбирает ее';

б) говорящий на основе каких-либо фактов действительности знает о реальности определенного действия и о том, что оно должно было совершиться к моменту речи. Ему только неизвестно, совершилось оно или нет. Вследствие этого предположение уже носит оттенок долженствования и граничит с уверенностью в совершении данного действия:

— *цъ́нга да́си пъ тълва́р рава́н йе?*

— *дъ муаллим са́hи́б сара́ ми дъ мелмастийа́ вайъ́ли д.і. hа́ға* **бъ** *змунг кара́* **рāгъ́лай ви** (9, 28)

— Почему ты так спешишь?

— Я пригласил в гости господина учителя. Он, **должно быть,** [уже] **пришел;**

лъг са́а́т нас ка́зи́ дъ буда́ на тапу́с ву́кър че hа́ға дзалма́й **бъ** *ву́ни та* **раседъ́лай ви?** (5, 48) 'Спустя некоторое время судья спросил у старика: «Тот юноша, **должно быть,** [уже] **дошел** до дерева?»'.

Рассматриваемая форма может употребляться (хотя и редко) и для обозначения действий, относящихся к будущему, как, например, в следующем предложении с придаточным временны́м: *въ́рта ву́ве че саба́ та ра́шъй но дъ ғлъ ларга́й* **бъ** *йава́ гу́та* **лой съ́вай ви** (5, 21) 'Он сказал им: «Когда придете завтра, палка вора **удлинится** на один палец»'. (Действие, обозначенное сказуемым придаточного предложения, относится к будущему времени и должно за-

вершиться до другого действия, указанного в главном предложении).

Встречаются случаи применения *бъ* и в простых предложениях: *сабá* **бъ** *Суhейлú пъ зóра* **бивъ́ле ви** (7, I, 89) 'Завтра Сухейли **увезет** ее силой'; *сабā* **бъ** *йе пъ калá ки дъ цъ́дзэ дъ мъ́ха лāсýна* **рāтаръ́ли ви** (7, I, 96) 'Завтра он нам **свяжет** руки перед женщинами'.

На отнесенность действия к будущему, как правило, указывают обстоятельственные слова (в наших примерах *сабá* 'завтра').

Подобная широта использования формы прошедшего предположительного обусловливается, по-видимому, связью значений будущности и предположительности.

Общеизвестно, что будущее время по своей природе в бóльшей степени, чем другие времена, способно передавать модальные оттенки предположительности, сомнительности, вероятности, так как действие будущее есть действие объективно-возможное, еще реально отсутствующее.

Поэтому в ряде языков формами будущего времени может передаваться модальный оттенок предположительности (наличия действия или состояния в момент речи).

В пушту данное явление наблюдается при употреблении форм будущего времени несовершенного вида: *змā цха китāб нъ́шта. Ахмáд* **бъ** *йе* **ларú** (10, 201) 'У меня нет книги. Она, **вероятно, есть** у Ахмеда' (букв. 'Ахмед, вероятно, ее имеет').

Особенно это типично для глагола-связки «быть»: *малгъ́ри* **бъ пъ интизáр ви** (8, 216) 'Друзья, **должно быть, ждут меня**'; *тъ бъ hам* **хабáр йе** *че сар кāл змā лāс зъхт дер танг дъй ау зъ цъ на ларъ́м* (11, 189) 'Ты, **должно быть,** также **знаешь**, что в этом году у меня очень тяжелое положение и я ничего не имею'; *пъ цаларъ́м джамāáт ки цо hалькāн ди? змā пъ хийáл цалвéхт hалькáн* **бъ ви** (6, 76) 'Сколько мальчиков в четвертом классе? — По-моему, человек сорок будет'.

В связи с этим возникает несколько вопросов:

1. Каково основное грамматическое значение формы, называемой нами формой прошедшего предположительного?

2. Какое значение имеет и какую роль выполняет в данном случае частица *бъ*?

3. Правомерно ли выделять прошедшее предположительное в особое наклонение?

Учитывая большое сходство прошедшего предположительного в пушту со вторым будущим в языке хинди, мы считаем возможным разделить точку зрения В. П. Липеровского по вопросу об основном грамматическом значении его. Он пишет, что формами II будущего в хинди выражается такое

действие, «реальность которого неочевидна (недостоверна): а) в применении к плану настоящего или прошедшего времени общее значение неочевидности проявляется в виде значения предположения; б) совершение действия в будущем не может быть очевидным в силу самого характера временно́й отнесенности» [IV, 42].

Следовательно, значение неочевидности какого-либо реального действия — основное грамматическое значение формы прошедшего предположительного.

Ответ на вопрос о роли частицы *бъ* может быть получен в результате сопоставления прошедшего предположительного и так называемого модального перфекта по их образованию и случаям употребления.

Модальный перфект образуется в пушту путем сочетания причастия прошедшего времени смыслового глагола с глаголом-связкой «быть» в форме будущего времени. Употребляется в основном для обозначения действий предположительных, возможных (в плане прошедшего времени) [III, 126—127].

Эти оттенки придаются модальному перфекту соответствующими модальными словами и оборотами: *ха̀йи че* 'возможно', 'вероятно', 'может быть', *ихтима̀л ларѝ* 'возможно', *мумки́на да* 'возможно'.

Примеры: *ха̀йи че парӯ́н Ахма̀д ба̄за̀р та* **тлъ́лай ви** (9, 3) 'Вероятно, Ахмед ходил вчера на базар; *мумки́на да че дай* **ра̄гъ́лай ви** (4, 127) 'Возможно, что он [уже] пришел'.

Следовательно, обе формы (прошедшее предположительное и модальный перфект) служат для выражения предположительности совершения действия к моменту речи, т. е. совпадают в модальном и видо-временно́м отношениях.

Формальное различие между рассматриваемыми формами заключается в наличии частицы *бъ* в составе прошедшего предположительного. И если оттенок предположительности придается «модальному перфекту» модальными словами и оборотами, то в прошедшем предположительном эту функцию выполняет частица *бъ*.

Бъ, таким образом, играет основную роль в передаче модального и грамматического значения данной глагольной формы.

Вопрос о выделении формы прошедшего предположительного в особое (предположительное) наклонение является спорным. С одной стороны, модальный оттенок предположительности как будто бы дает возможность исключить прошедшее предположительное из сферы изъявительного наклонения. С другой стороны, в подавляющем большинстве случаев своего применения эта форма в видо-временно́м

плане смыкается с перфектом: действие мыслится как уже завершенное к моменту речи.

Кроме того, как мы видели выше, анализируемая форма может использоваться и для обозначения будущих действий и, как и все остальные формы изъявительного наклонения, выражает объективно констатирующую модальность без какого-либо дополнительного оттенка.

Нет сомнения в том, что в передаче значения предположительности основную роль играет частица *бъ* с модальным значением предположительности.

И, наконец, значение неочевидности, проявляющееся в виде предположительности, базируется, как правило, на реальности определенного глагольного действия, что свидетельствует о семантической близости прошедшего предположительного к изъявительному наклонению.

На основании приведенных соображений, с нашей точки зрения представляется нецелесообразным выделять в пушту новое предположительное наклонение.

Более правомерно рассматривать прошедшее предположительное в рамках изъявительного наклонения.

Следует отметить, что и в некоторых других индоиранских языках аналогично образованные и применяемые формы также рассматриваются в изъявительном наклонении. Так, например, Л. Н. Дорофеева (Киселева), занимающаяся вопросами грамматики и лексики языка фарси-кабули (дари), который бытует в Афганистане в качестве второго государственного языка наряду с пушту, относит подобную форму к будущему совершенному [II, 50, 75].

Не исключает из изъявительного наклонения форм II и III будущего в языке хинди и В. П. Липеровский. В качестве аргументов им приводятся соображения как семантического, так и формального порядка. К первым относятся: 1) семантическая тяга этих форм к изъявительному наклонению, поскольку выражаемое ими значение неочевидности относится лишь к реальности действия. Значение неочевидности не обеспечивает этим формам равноправного места среди противопоставляемых друг другу остальных наклонений. «Поэтому существует возможность рассматривать анализируемые формы в рамках изъявительного наклонения в качестве специального средства выражения неочевидности относительно реальности действия» [IV, 43]; 2) употребление этих форм для выражения изъявительной модальности в плане будущего времени.

В качестве формального момента В. П. Липеровским учитывается невозможность вынесения будущего времени глагола *honá* 'быть', который в данном случае выражает предположение в плане настоящего или же прошедшего времени, за

пределы изъявительного наклонения: это означало бы исключение из изъявительного наклонения формы будущего времени вообще, и грамматическое значение формы оказалось бы зависящим от лексического.

Последнее соображение, с нашей точки зрения, в полной мере относится и к пушту, где, как уже упоминалось, глагол-связка «быть» в будущем времени (обычно входя в составное именное сказуемое) также выражает предположение в плане настоящего времени.

§ 2. Применяется частица *бъ* в современном пушту и с формами прошедшего времени изъявительного наклонения: прошедшего несовершенного, совершенного и предпрошедшего (плюсквамперфекта). При этом возможны два случая: 1) употребление перечисленных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточным условным (нереальным) и 2) использование их в простых предложениях.

1. Формы изъявительного наклонения, сочетаясь с частицей *бъ*, употребляются только в главном предложении и заменяют собой соответствующие формы условно-желательного наклонения с частицей *бъ*.

Возможные варианты употребления глагольных форм в главном предложении представлены в таблице.

Видовая характеристика действия	Формы условно-желательного наклонения с частицей *бъ*	Заменяющие их формы изъявительного наклонения с частицей *бъ*
Действие незавершенное	имперфект	прошедшее несовершенного вида
Действие завершенное	плюсквамперфект	предпрошедшее
Состояние	глагол-связка *вāй* 'быть' (обычно в составе именного сказуемого)	глагол-связка «быть» в прошедшем времени (обычно входит в составное именное сказуемое)

Приведем примеры, иллюстрирующие эту замену:

а) *ка Кутб-хāн вāй но хāмахā* **бъ** *кор та рāтлā́й* (7, 41) 'Если бы это был Кутб-хан, он бы непременно пришел (букв. **приходил**) в дом' (в главном имперф. усл.-желат. накл. с частицей **бъ**); *ка стā стъ́рги джо́ри вāй но съ́ве дод̣ы́й* **бъ** *ди на хвар̣ъ́ла* (5, 17) 'Если бы у тебя не болели глаза, ты бы **не ел** горелый хлеб' (в главном прош. несоверш. вида изъявит. накл.+*бъ*);

б) *ка пъ дунйā ки кāр на вāй дéри пер̣ы́й пъхвā́* **бъ** *лā инсāнā́н* **мāhва** *съ́ви* **вāй** (12, 232) 'Если бы в мире не было

труда, то еще много веков тому назад люди **погибли бы**' (в главном плюсквамперфект усл.-желат. накл.+*бъ*); *ка зъ хабáр вāй че тъ рáдзе но чāй* **бъ** *ми дъ́рта* **сāтълай ву** (13, 84) 'Если бы я знал, что ты придешь, я **бы приберег** тебе чай' (в главном прежденрош.+*бъ*);

в) *hаѓъ дзавáб вáркър че тасвúр hам банú адáм джор кърáй дый. ка мзарú джор кърай вāй но дáси* **бъ на ву** (5, 18) 'Тот (тигр) ответил: «Картину ведь тоже нарисовали люди. Если бы ее нарисовал тигр, она бы **не была** такой»' (в главном глагол-связка в форме прош. вр. 3-го л. ед. ч. м. р. изъявит. накл.).

Поскольку в языке пушту оба указанных наклонения служат для выражения различной модальности, возникает вопрос: почему же возможна замена форм одного наклонения формами другого?

Чтобы ответить на этот вопрос, во-первых, следует вкратце остановиться на особенностях изъявительного и условно-желательного наклонений в этом языке и, во-вторых, установить, чем же характеризуется нереальная условно-следственная связь, как таковая.

В пушту формами изъявительного наклонения обозначаются реальные (длительные и завершенные) действия в настоящем, прошедшем и будущем времени. Ему, таким образом, присущи грамматические категории времени и вида (несовершенного и совершенного). Формами условно-желательного наклонения передаются действия нереальные, противополагаемые действительности, относящиеся в основном к прошедшему времени, причем отнесенность ко времени устанавливается контекстом или обстоятельственными словами. Следовательно, этим формам категория времени не свойственна. Грамматическая категория вида в условно-желательном наклонении имеется.

Таковы основное грамматическое значение и особенности изъявительного и условно-желательного наклонений пушту.

Относительно же характерных черт нереальной условно-следственной связи необходимо отметить следующее: при любом типе условно-следственной связи реализация действия главного предложения зависит от условия, содержащегося в придаточном. При нереальном условии то, что излагается в виде условия, противополагается действительности, почему это условие и не может быть реализовано. Поскольку условие не имело места в действительности, то и следствия, которое должно было бы последовать за ним, не было.

Следовательно, в главном предложении лишь содержится предположение о том, что должно было бы быть при реализации (или нереализации) данного условия. Иными словами, в нем содержится оттенок предположительного долженство-

вания, обусловленный самим характером нереальной условно-следственной связи.

Поскольку ни формы условно-желательного, ни формы изъявительного наклонения сами этого оттенка не выражают, в главное предложение вводится частица *бъ*. Именно благодаря ей и становится возможной замена форм условно-желательного наклонения формами изъявительного. При этом формы изъявительного наклонения утрачивают свое временно́е значение, но сохраняют видовое: они заменяют формы условно-желательного наклонения, в зависимости от видового значения глаголов-сказуемых (см. таблицу).

Таким образом, и в данном случае частица *бъ* обладает ярко выраженным модальным значением (предположительного долженствования).

2. Использование форм прошедшего времени изъявительного наклонения с частицей *бъ* в простых предложениях, как правило, сопровождается изменением их модального значения.

Сказуемое может обозначаться либо формой прежде-прошедшего времени+*бъ*, либо прошедшим несовершенным+*бъ* (выражается оттенок порицания, предположительности).

Приведем примеры на первый случай (глагол в форме прежде-прошедшего с частицей *бъ*): *мактубу́на* **бъ** *ди* **ликъ-ли въ** (6, 133) 'Ты бы написал письма (ты должен был написать письма)'; *Змā хабъ́ра* **бъ** *ди* **манъ́ле ва** (6, 134) 'Ты бы согласился со мной (ты должен был согласиться со мной, тебе следовало согласиться со мной)'.

В работах по языку пушту содержатся разные мнения о данном явлении: по мнению одних, это временна́я форма, так называемое прошедшее порицательное (*мāзий-таубихи́*) [I, 121], другие же считают, что это особое порицательное наклонение [VII, 1112].

Действительно, оттенок порицания, вытекающий из модального значения долженствования, содержится во всех предложениях, где употребляется прежде-прошедшее время с частицей *бъ*.

Однако вряд ли правомерно данное явление рассматривать как новое наклонение, так как:

1) модальный оттенок придается глаголу модальной частицей (*бъ*);

2) этот же оттенок (порицание) выражается в простом предложении и при обозначении сказуемого формами плюсквамперфекта условно-желательного наклонения с частицей *бъ*, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры: *пару́н стā дъ врор лик рāгъ́лай ву.— Но цъ су? дāгй hára дафта́р та ра́ввр*; *тъ на ве, бйā бе́рта йе йо́ввр.— Хо ахи́стай* **бъ** *ди* **вāй** *ка на?* (9, 23) 'Вчера пришло письмо от

твоего брата.— Где оно? — Почтальон принес его в канцелярию. Тебя не было, и он унес его обратно.— Так ты **бы взял** его, а? (ты должен был взять его, почему же ты не взял его)'; *змá чáку Ахмáд дар-на-къй? рā-йе-на-къй.—въ́рта* **тинг шъ́вай бъ вáй** (10, 27) 'Ахмед не дал тебе мой ножик?— Не дал.— **А ты бы настоял** (ты должен был настоять, тебе следовало настоять)'.

И если при замене форм условно-желательного наклонения формами изъявительного (в главном предложении условного нереального периода) не образуется нового наклонения, то и при употреблении форм прежде прошедшего времени изъявительного наклонения с частицей *бъ* неправомерно говорить о каком-то новом наклонении. Данное явление должно рассматриваться как частный случай выражения определенной модальности лексическим путем.

Введением частицы *бъ* в простое предложение, сказуемое которого обозначено глаголом «быть» или формой прошедшего несовершенного, передается модальный оттенок предположительности или порицание: *ни́ма шпа* **бъ ва** (5, 60) **'Вероятно, была** полночь'; *че мāздигáр шу но дáси ғъ́лай шу че тá* **бъ вайъ́л:** *мър шу* (2, 33) букв. 'Когда наступил вечер, он так притих, что ты **бы сказал,** что он умер'; *дъ сāни́б пъ пхо ки* **бъ вáрлведе** *ау жарғу́нки жағ* **бъ** *ди въ́рта* **вайъ́л** *че...* букв. 'Упал бы ты к ногам господина и говорил бы ты ему жалобным голосом...'.

§ 3. Особо следует остановиться на употреблении частицы *бъ* для выражения многократности совершения действия в прошлом. Данная форма рассматривается И. М. Оранским как особая грамматическая категория кратности [V].

Сказуемое обозначается прошедшим временем несовершенного и совершенного вида, а также формами прежде прошедшего+*бъ*. Предложение обычно бывает либо простым распространенным с однородными сказуемыми, либо сложным (сложноподчиненным и сложносочиненным). Основное грамматическое значение временны́х форм сохраняется.

Так, если действие совершалось неоднократно и длилось определенное время в прошлом, то используется прошедшее несовершенное с частицей *бъ: hа́ра рвадз* **бъ** *йе* **пъ́ча ачавъ́ла.** *йав сой йā два кучни́ hайвāна́н* **бъ** *йе* **вáрлеғъл** *ау змари́* **бъ хваръ́л** (14, 105) 'Каждый день они, **бывало, бросали жребий. Посылали бывало** [тигру] одного зайца или двух маленьких животных, и тигр **съедал** их'.

Если действие происходило многократно и каждый раз завершалось, применяется форма прошедшего совершенного вида+частица *бъ: бе лъ де на бъ́ла лāр на ва че мāхáм* **бъ** *дъ бāдша́ дарвāзе́ та хайр ғухто́ дъ па́ра* **ра́ғъй** *ау*

Ширинъй **бъ** *въ́рта тук доду́й* **рāвестъ,** *дидáн* **бъ вýшъ** (2, 130) 'У него не было другого выхода, кроме как приходить вечером к воротам падишаха. Ширина, бывало, выносила ему кусок хлеба, и так они виделись' [букв. 'не было другого выхода как (бывало) **пришел** к воротам падишаха просить милостыню. Ширина (бывало) **вынесла** ему кусок хлеба, **состоялось** свидание']; *hар цъ че* **бъ** *йе* **гатъл** *hа́ға* **бъ** *йе пъ хпъ́ло таджрибо́* **сарфавъ́л** (3, 2.III.1968) 'Все, что он зарабатывал, он (бывало) тратил на свои опыты'.

Многократность совершения и завершения определенного действия до другого действия в прошлом передается прежде-прошедшим с *бъ: hа́сил да́ дъй че лас дза́ла шейх кор та ла́ршъ ау че йав циз бъ йе ра́вър бъл* **бъ** *мусапи́р* **хлāс къ́рай ву** (2, 16) 'Короче говоря, шейх десять раз ходил в дом, и когда он приносил одну вещь, путешественник [уже] **съедал** другую'.

Значение многократности, с нашей точки зрения, входит в грамматическую категорию вида. Категорией вида, как известно, выражается характер протекания действия во времени. Действие может быть незавершенным, длительным или завершенным, имеющим логический предел, т. е. оно может иметь несовершенный и совершенный вид. Вместе с тем каждое из этих действий может совершаться один раз или многократно. Таким образом, в каждом из видовы́х разрядов (совершенном и несовершенном виде) намечаются два подвида: однократный и многократный.

Рассматриваемые формы могут быть включены в рубрику многократного подвида. Частица *бъ* в данном случае уже не имеет никакого модального значения, она полностью грамматикализовалась.

§ 4. Частица *бъ* входит в качестве компонента в состав форм будущего времени несовершенного и совершенного вида, выполняя функцию грамматического показателя времени: *зма́ пъ акида́ да́ сафа́р дер муфи́д ву ау де́ри хе натидже́* **бъ ва́ркри** (3, 22.XII.1965) 'По моему мнению, эта поездка была очень полезной и **даст** очень хорошие результаты'; *деhка́н ғанъ́м ву́ребъл. Ос* **бъ ғоба́л кави́** (13, 14) 'Крестьянин сжал пшеницу. Сейчас **будет молотить**'.

В предложениях содержится объективно-констатирующая модальность.

Поскольку, как это видно из материала пушту, частица *бъ* выражает предположительность, то этим, по-видимому, объясняется ее применение для образования будущего времени, которое по своей природе является гипотетичным.

Таковы случаи употребления частицы *бъ* и ее функции в глагольной системе современного пушту.

На их основании представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В подавляющем большинстве случаев применения частица *бъ* имеет модальное значение предположительности.

2. Употребляясь с формами изъявительного и условно-желательного наклонений, *бъ*, как правило, придает им оттенок предположительности, не образуя при этом нового наклонения или новой временнóй формы; это подтверждается заменой форм одного наклонения формами другого.

3. О модальности частицы *бъ* свидетельствует также невозможность введения в предложение одновременно с ней других модальных слов.

4. Там, где данная частица не имеет модального значения, утрачивает его, она является либо грамматическим показателем времени (будущего), либо показателем кратности совершения действия в прошедшем времени, входящей в грамматическую категорию вида.

1966 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

1. Асланов М. Г., Очерки и рассказы современных афганских писателей, ч. II, М., 1949.
2. Асланов М. Г., Рассказы и очерки на восточно-афганском языке, М., 1948.
3. Газ. «Ислах».
4. Лебедев К. А., Грамматика языка пушту, М., 1956.
5. Мунши Ахмад Джан, Хага-дага, Лахор, 1929.
6. Мухаммад Осман Паштун, Пахто ховункай, ч. I, Кабул, 1318—1320.
7. Нури Гуль Мухаммад, Милли хиндара, т. I, II, Кабул, [б.г.].
8. «Пахто кили» («Ключ пушту»), т. IV, ч. I, Кабул, [б.г.].
9. «Пахто кили», т. II, ч. I, Кабул, [б.г.].
10. «Пахто кили», т. I, ч. II, Кабул, [б.г.].
11. «Пахто кили», т. III, ч. II, Кабул, [б.г.].
12. «Пахто кили», т. IV, ч. II, Кабул, [б.г.].
13. «Пахто кили», т. VI, ч. I, Кабул, [б.г.].
14. Салих Мухаммад, Пахто жъба, Кабул, 1968.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Айази Мухаммад Азам, Кавайди пашто, Кабул, 1318.
II. Дорофеева Л. Н., Язык фарси-кабули, М., 1960.
III. Лебедев К. А., Грамматика языка пушту, М., 1956.
IV. Липеровский В. П., К вопросу о выделении предположительного наклонения в хинди,— КСИНА, 1964, № 62.
V. Оранский И. М., Грамматические категории вида и кратности в глагольной системе современного афганского языка (пашто), Л., 1951.
VI. Риштин Саддикулла, Пахто кили (Ключ пушту), т. VI ч. I, Кабул, [б.г.].

VII. Шафеев Д. А., Краткий очерк грамматики афганского языка,— в кн.: П. Б. Зудин, Русско-афганский словарь, М., 1955.
VIII. Lorimer D.L.R., Pushtu, Part I, Syntax of Colloquial Pushtu with Chapters on the Persian and Indian Elements in the Modern Language, Oxford, 1915.
IX. Raverty H. G., A Grammar of the Pushto, Fashto or Language of the Afghans, London, 1860.
X. Trumpp E., Grammar of the Pashto or Language of Afghans, London, 1873.

Л. Н. Киселева

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФОРМАХ ДУБИТАТИВА В ЯЗЫКЕ ДАРИ

Специфика грамматического строя языка дари, бытующего на территории современного Афганистана, проявляется преимущественно в глаголе как части речи, наиболее богатой формами. Известно, что черты, отличающие глагол дари от системы глагола современного персидского языка, представляют собой в основном определенные ареальные явления, свойственные всей восточной части фарсиязычного мира (географически говорам Таджикистана, Иранского Хорасана и Афганистана). Это прежде всего некоторый архаизм, наличие в живом употреблении ряда форм, восходящих к языку классического периода, дальнейшее развитие исконных общетаджикских глагольных черт, таких, как широкое распространение аналитических глагольных форм, использование различных инфинитивных и причастных оборотов, а также конструкций с глаголами-модификаторами для выражения дополнительных модальных и временны́х значений и др. В системе глагола дари находят также отражение многовековые таджикско-афганско-индийские языковые контакты. Наряду с этим в нем уживаются и явления смешанного характера. К таким феноменам следует, по-видимому, отнести группу аналитических глагольных конструкций, образуемых при помощи форманта *xât*<*xâhad*.

В настоящее время изучение грамматического строя дари, как литературно-письменного, так и разговорного (иначе кабули), не вышло еще из стадии общего описания[1]. Тем не менее благодаря опубликованным до сих пор материалам, очеркам, статьям как зарубежных, так и советских авторов и главным образом благодаря сводному труду афганского ученого Абдулгафура Фархади о разговорном языке Кабула [10], мы в общем довольно ясно представляем себе

[1] Замечательный труд афганского ученого М. Н. Негхата Санди «Грамматика современного дари», к сожалению, не мог быть использован автором данной статьи, так как появился после подготовки к печати настоящего сборника.

систему глагола в этом языке с ее ярко выраженным противопоставлением форм по видо-временно́му признаку совершенности (результативности) — несовершенности.

Как в разговорной речи, так и в литературном языке четко противостоят друг другу, с одной стороны, глагольные формы с вспомогательными *bôdan*, выражающие совершенность, результативность действия, и с другой — формы, образуемые с вспомогательным *raftan*, показывающие действие в его развитии, постепенном нарастании. Менее ясна картина наклонений и вообще средств выражения модальности. Помимо аориста (*bezanom*, *bezani*) и прошедшего предположительного (*zada bâšom*, *zada bâši*) — этих традиционных форм выражения возможности, предположения, неуверенности и т. п., объединяемых обычно (в персидской и таджикской грамматиках) в систему форм сослагательного наклонения, язык дари пользуется особыми средствами выражения тех же модальных оттенков, которые заслуживают специального рассмотрения.

§ 1. Уже первое предварительное знакомство с языком дает возможность заметить в нем в очень активном употреблении особые глагольные образования, не встречающиеся ни в таджикском, ни в персидском языках, а также ни в одном из их известных диалектов. Это многочисленные виды сочетаний личных форм глагола с неизменяемым словечком *xâd* или *xât*. Два момента привлекали внимание исследователей: очевидная прямая связь таких образований с формой будущего времени литературного языка (формант *xât* восходит к литературному *xâhad*) и в то же время их особая модально-семантическая нагрузка.

Впервые перечень таких конструкций приводится в «Грамматике кабули» А. Фархади [10, 82], он фиксирует в разговорном кабули более десяти конструкций дубитатива. Из них для аспекта будущего времени: *xât zadom*, *xât bezanom*, *zada xât* (*me*) *bôdom*, *zada xât borom* и их различные видовые варианты с вторичным употреблением вспомогательного *raftan: zada rafta xât bôdom*, *zada rafta xât borom*.

Для аспекта прошедшего-настоящего времени (перфекта) Фархади приводит следующие типы сочетаний с *xât: zada* (*xât*) *bâšom; zada* (*xât*) *me-raftom; zada rafta* (*bôda*) (*xât*) *bâšom; zada rafta xât me-raftom*. Круглые скобки у Фархади обозначают факультативность форманта *xât* в указанных формах и тем самым слабую спаянность его с другими компонентами. Кроме того, Фархади упоминает еще одну форму этого ряда, а именно — *zada rafta xât mêbâšom*, не включенную им в парадигму и представляющую собой особый вид длительного перфекта дубитативной конструкции [10, 91]. Исходя из таблицы, приводимой Фархади, можно

предположить, что формы с *xât* имеют свои аналоги во всех временах и видах глагола кабули.

А. Фархади не останавливается на характеристике этих форм, ограничиваясь упоминанием общего для их семантики модального оттенка сомнения, предположения. Перечень форм снабжен иллюстративными примерами весьма скупо. Не больше внимания уделено этим формам и в недавно опубликованных у нас интересных работах В. А. Ефимова о языке афганских хазарейцев — ближайшем родственном кабули диалекте на территории Афганистана [4; 5]. В. А. Ефимов рассматривает конструкции с *xât* как особое — предположительное наклонение. Он выделяет всего семь таких форм и следующим образом распределяет их по видо-временно́му признаку (формы приводятся в транскрипции, принятой В. А. Ефимовым): **настояще-будущее** время: *xōd zadum* и (очень редко) *xōd zanum;* в говорах также еще *zada xōd mubuda baša;* **прошедшее время:** *zada xōd budum* и *zada xōd bašum;* так называемая **длительная форма** в двух вариантах: *mizada xōd budum* и *zada xōd mubudum.* Каждая из конструкций иллюстрируется одним примером, при этом автор указывает на сходство ее с той или иной формой сослагательного наклонения. Однако детального анализа этих глагольных образований упомянутый очерк, будучи работой общего характера, естественно, не содержит.

В других работах содержатся лишь самые беглые замечания о формах с *xât*. При этом вопрос о количестве таких форм каждый раз решается по-разному. Не совпадает, как мы видели, характеристика форм по видо-временно́му признаку: например, форма *zada xât bôdom* у А. Фархади относится к будущему времени, а у В. А. Ефимова — к прошедшему; при этом видовой вариант этой формы *zada xât mebôdom* подан у последнего вообще вне временно́й семантики — по аналогии с так называемой длительной формой сослагательного наклонения.

Различен и противоречив подход авторов к оценке рассматриваемых образований и с точки зрения структурной, грамматической. Фархади, с одной стороны, склонен рассматривать означенные образования как относительно свободные синтаксические конструкции, в которых основную модальную семантику несет элемент *xât* [10, 85 и 86], а с другой — размещает все сочетания с *xât* в парадигматической таблице как особые глагольные формы.

В. А. Ефимов также сближает роль и значение *xât* в таких формах с ролью модального слова *bâyad* или *šâyad* в предикативных модальных оборотах, но вместе с тем рассматривает конструкции с *xât* как грамматические формы предположительного наклонения.

Все это говорит о том, что вопрос о рассматриваемых глагольных образованиях изучен еще далеко не достаточно. Прежде всего, неоправданным кажется объединение всех встречающихся в языке конструкций с *xât* в одну группу форм, в одну парадигму. Объединять такие конструкции возможно, на наш взгляд, лишь на основе одностороннего учета их модальной семантики без должного внимания и вопреки формальной стороне.

С первого же взгляда обращает на себя внимание явная структурная неоднородность конструкций дубитатива (как они приведены у А. Фархади и в работах В. А. Ефимова). В самом деле, факультативность в ряде случаев элемента *xât* (он у Фархади взят в скобки) и явное совпадение части таких форм с лексическими модальными оборотами убеждают в том, что с формальной грамматической точки зрения исследуемые конструкции отнюдь не образуют какого-либо единства, существенно отличаясь друг от друга по степени слитности своих компонентов, т. е. по степени их грамматикализации.

Естественно, что группа столь неодинаковых по своему существу конструкций заслуживает дифференцированного рассмотрения. Для каждой конструкции дубитатива в отдельности должен решаться и сложный вопрос о степени грамматикализации и о характере употребления. Настоящая статья представляет собой опыт такого раздельного анализа этих любопытных глагольных образований разговорного дари с привлечением данных литературно-письменного языка.

Обратимся сначала к наиболее употребительной из рассматриваемых конструкций, где спрягаемый глагол выступает в форме претерита с личными окончаниями: *xât zadom*, *xât zadi*, *xât zad*, *xât zadêm*, *xât zadên* (*-êd*), *xât zadan* (*-d*). Эта форма наиболее близка к будущему времени литературного языка, а в 3-м лице даже совпадает с ним (*xât zad*), что не могло не вводить в заблуждение первых исследователей. Так, английский автор Д. К. Филлот, впервые отметивший особенности языка фарси Афганистана и Индии, принимал, по-видимому, форму *xât zadom* за будущее категорическое, когда писал, что это последнее регулярно используется в разговорной речи индийцами и афганцами [12, 514].

Известный исследователь кабули Л. Богданов видел в этой форме лишь курьезное искажение литературной формы будущего времени в результате случайного перемещения личных окончаний с вспомогательного глагола на основной: *xâhad zadom* вместо *xâham zad* [11, 26]. Естественно, что и этот автор не ставил своей целью анализ значения данной конструкции, как таковой.

В дальнейшем было обращено внимание на оба аспекта этой формы: на ее соотнесенность с литературной формой будущего времени и на свойственные ей специфические модальные оттенки сомнения, неуверенности, предположения.

Сложность семантической структуры формы *xât zadom* в разговорном языке, ее своеобразная двуплановость ярко выступают из описания А. Фархади, который как бы ставит ее вне изъявительного наклонения и в то же время признает, что она выражает по существу будущее время глагола, хотя и с особым оттенком. Он пишет: «Словечко *xât*, присоединяемое к глагольной части этой формы, напоминает нам будущее время литературного языка. В кабули же значение сомнения и предположения (с их многочисленными нюансами) как бы поднимает его над индикативом» (*l'a emporté sur l'indicatif*) [10, 86]. И несколько ниже, ставя знак равенства между данной формой и формой *xât bezanom*, он продолжает: «Эти две формы имеют в кабули одно и то же значение: как и в литературном языке, они выражают будущее действие (отдаленное), например, в *xât didi ke=xât bebeni ke* 'ты увидишь, что...'». Далее А. Фархади указывает, что поскольку «собственно будущее действие выражается в кабули обычно с помощью формы настоящего времени», то вспомогательный элемент *xât* начинает приобретать оттенок сомнения (une certaine notion de doute).

Для А. Фархади, как видно, нет сомнения в том, что первоначальным, исходным в форме *xât zadom* является значение будущего времени, а вторичным, последующим — указанные выше модальные семантические оттенки. С этим нельзя не согласиться. Что же в таком случае «поднимает» эту форму над индикативом, что именно ставит ее вне изъявительного наклонения? Было бы неправильно думать, что все дело здесь в словечке *xât*, ибо *xât* является чисто вспомогательным формантом, полностью утратившим свое первоначальное значение аориста глагола *xâstan* 'хотеть', 'желать'. Указанные выше модальные оттенки выражаются формой в целом, а не ее отдельными компонентами, и выступают как дополнение к временно́й семантике. Уже тот пример, который приводит А. Фархади, свидетельствует, что модальный аспект этой формы нередко может быть ослаблен, и тогда на первый план выступает значение будущего времени: *ar sob xât didi ke šaw-âna barf bârida rafta mê-bâša* 'По утрам ты будешь видеть, что [накануне] всю ночь шел снег' [10, 84]. Примечательно, что на французский язык эта форма переводится у Фархади формой Futur, а не Subjonctif: «tu verras chaque matin que il a neigé pendant toute la nuit».

Будущее действие, выражаемое формой *xât zadom*, всегда несколько неопределенно как в смысле возможности, так (иногда) и в смысле времени его реализации.

Обратимся к материалам разговорной речи дари. (В интересах единообразия для транскрибирования примеров из разговорной речи используется транскрипция, принятая в книге А. Фархади, широко цитируемой в данной статье. Тексты, взятые из письменных источников, приводятся также в транскрипции. Часть примеров из разговорной речи любезно предоставлена автору данной статьи знатоком и исследователем кабули А. И. Арсланбековым.)

№ 1. *mâ sâat-e dâ baja nân xât xôrdem* 'В десять часов мы (пожалуй) будем кушать';

№ 2. *hawâ abr ast fardâ xât bârid* 'Погода хмурая, завтра (наверное) пойдет дождь';

№ 3. *ô biâdar čizē-ke dîna sar-e ma têr šoda bar-et xât goftom* 'Эх, братец, я расскажу тебе (как-нибудь, часом), что со мной приключилось вчера';

№ 4. *xod-et gofti ke ba mâ wafâdâr xât mândî* 'Ты же сама говорила, что останешься мне верна!';

№ 5. *Mâdar-jân, bâd az-î golhâ-e zêbâtarê ba tu xât dâdom!* 'Матушка, потом (когда-нибудь) я подарю тебе цветы еще прекраснее [этих]!';

№ 6. *emtehân-e baccâ-ra xât gerefti? — Wallâ namêfâmom!* 'Ты примешь экзамен у ребят (завтра, в будущем)? — Ей-богу, не знаю!' (Здесь ответ согласуется с вопросом, в котором заложена неопределенность, неуверенность);

№ 7. *Mâlem bar-e ma goft ke keftân xât šodom* 'Учитель сказал мне, что я (возможно, в будущем) стану первым учеником в классе';

№ 8. *omaidwâr-am ke unâ bar-e mamlakat-e xod xedmat xât kadan(d)* 'Надеюсь, они окажут услуги своему отечеству' (из речи премьер-министра);

№ 9. *mardom nâm-e uhâ-ra yâd xât kadan(d)* 'Люди запомнят их имена' (из радиопередач);

№ 10. *az setam ke dar haqq-e 'ârez gardida kamâhaqqahu ba arz xâhad rasânidand* 'Они по всей справедливости доложат (надеюсь) о том притеснении, которое было допущено в отношении подателя сей жалобы' [Ahk]. (Примеры № 8—10 говорят о том, что в переписке, делопроизводстве и т. п. встречается литературный вариант этой формы: *xâhad zadom*).

Как видно из примеров, модальные оттенки сомнения, неуверенности, предположения не являются определяющими и только сопутствуют основному значению — будущего времени. Показательно то обстоятельство, что в приведенных выше образцах форма *xât zadom* не может быть заменена

(без ущерба для смысла) соответствующей формой сослагательного наклонения — аористом, способным выражать те же модальные оттенки в отношении будущего действия. Что касается характера будущего действия, выражаемого этой формой, то оно, как мы убедились, рисуется до некоторой степени неопределенным в смысле вероятности его осуществления и часто несколько отдаленным во времени (с точки зрения говорящего). А. Фархади употребляет кое-где в отношении этой формы термин «будущее отдаленное» [le Futur eloigné, 10, 86]. Вполне закономерным представляется также наименование «будущее некатегорическое», предложенное для этой формы Т. Н. Пахалиной в ее кратких заметках о кабульском просторечии [8, 56].

Сами афганцы обычно характеризуют будущее действие, выражаемое формой *xât zadom*, как такое, в наступлении которого нельзя быть уверенным полностью. Одновременно они отчетливо осознают отличие формы *xât zadom* во временно́м аспекте от формы настояще-будущего времени. Как утверждают носители языка, из двух аналогичных высказываний: *aga xâna bâša mê-âyom* и *aga xâna bâša xât âmadom* 'Если он дома, то я зайду' — второе содержит указание на менее категорическое и более отдаленное по времени будущее действие.

Интересно, однако, что наличие в предложении обстоятельства времени или других уточняющих слов отнюдь не является препятствием для употребления формы *xât zadom*:

№ 11. *âmad, ma dîna bâr-e Mâmud goftom ke sabâ Jalâlâbâd xât raftom!* 'Ахмад, я вчера сказал Махмуду, что завтра (наверное) поеду в Джалалабад!';

№ 12. *Šomâ hêčwaxt kalema-e tanxâ(h)-ra dar râdiô na-xât šunîdên, (h)amêša mâš (-maāš) mêgan* 'Вы никогда не услышите по радио слова *танха*, всегда говорят *мааш*';

№ 13. *ma qat'an i kâr-e bad-ra na-xât kadom* 'Я ни за что не совершу этого отвратительного поступка!';

№ 14. *ma ï-tawr kâr xât kadom ke ba yâd-et bâna!* 'Я такое [дело] сделаю, что ты запомнишь!'.

Не только обстоятельства времени, но и вводные слова со значением уверенности (такие, как «обязательно», «ни за что», «никогда» и т. п.) не снимают гипотетичности высказывания и не стирают оттенка неопределенности будущего действия, выражаемого данной формой. Следовательно, не от контекста зависят характерные для этой формы модальные оттенки сомнения, предположения, неуверенности. Они присущи самой форме постольку, поскольку она обозначает будущее действие. Общеизвестно, что всякое действие, которое еще не наступило, может мыслиться в большей или меньшей степени вероятным. Не потому ли в ряде языков

именно глагольные формы будущего времени охотно используются для выражения допущения, предположения (о действии наличествующем или таком, которое может наступить)?

В литературно-письменном дари мы встречаем в этой роли будущее время *xâham zad*, например, в следующем диалоге газетного фельетона: *dâktar-sâheb tašrif dârand? — nê' — kojâ xâhand bôd?* 'Г-н доктор дома? — Нет! — Где он может быть?' (букв. 'где он будет?').

Очень распространено это явление в пушту, что не раз отмечалось в соответствующей литературе [6, 11]. Ср. также русск.: 'До станции еще километров двадцать будет'. Не удивительно, что в языке дари почти все формы будущего времени (а их несколько, как мы увидим ниже) используются для выражения модальности.

Определив первую из перечисленных А. Фархади конструкций дубитатива в разговорном языке как форму будущего неопределенного времени (или будущего некатегорического), мы едва ли можем переносить это определение на форму *xât bezanom*, обычно рассматриваемую как синоним первой. А. Фархади отмечает, что эти две формы семантически эквивалентны (sont de signification equivalente), и подтверждает примером: *injâ gandom xât bokâra=injâ gandom xât kâšt* 'Он, наверное, посеет здесь пшеницу'. Действительно, модальный оттенок возможности, вероятности является общим для обоих вариантов предложения. Но равны ли формы структурно, по характеру спаянности своих компонентов?

Воспользуемся методом подстановок и выясним, что во втором случае — в форме *xât kâšt* — компонент *xât* не может быть заменен никаким другим словом, ибо является частью аналитической глагольной формы. Что касается первого варианта предложения, то здесь *xât* легко заменяется семантически эквивалентным ему безличным модальным словом *šâyad* или оборотом *momken ast: šâyad injâ gandom bokâra*. В противоположность форме *xât kâšt*, где модальный оттенок гипотетичности проявляется в связи с основной семантикой будущего времени, в конструкции *xât bokâra* носителем модального значения выступает свободный компонент *xât*, от которого и зависит характер глагольной части — аориста. Любопытно в этой связи свидетельство афганцев, чувствующих в конструкции *xât bezanom* указание на действие еще менее категорическое, чем в форме *xat zadom*.

Сходство *xât* с модальными словами подкрепляется тем, что он может иметь при себе союз *ke*, как, например, в следующих предложениях, приведенных у А. Фархади: *xât(ke) beškena* 'это может сломаться'='возможно, что сло-

мается' [10, 135]; *na-xât(ke) befta* 'возможно, он не упадет' (='не должно быть, чтобы упал', там же); *na-xât ke ba i âteš aw bojôša* 'едва ли на таком огне закипит вода'='не может быть, чтобы закипела' [10, 86].

Наличие союза *ke* не является здесь обязательным (как, впрочем, и в других модальных оборотах с *šâyad* и т. п.). Как бы то ни было, сочетание *xât ke bezanom* едва ли может считаться глагольной формой и занимать место в парадигме спряжения.

Упомянем еще одну деталь, отличающую конструкцию *xât bezaˈom* от формы будущего неопределенного. С глаголом бытия *bôdan* эта конструкция всегда указывает на настоящее время данного момента:

№ 15. *Fâtema da xâna xât bâša? — dīnarôz bôd ammâ emrôz-eš-a xodâ mêdâna!* 'Фатьма дома (сейчас, в данный момент)? — Вчера была, а сегодня — бог ее знает!';

№ 16. *du paô na-xât bâša?* 'Наверное, здесь уже есть два пао?' (говорит покупатель лавочнику, сам накладывая себе в пакет фрукты);

№ 17. *Da amû list-e nâkâmâ ba xiŷal-em mâ-m xât bâšom!* 'Боюсь, что вон в том списке не сдавших экзамен значусь и я!'.

Точно такую же особенность имеет, как известно, и аорист от глагола *bôdan* в сочетании с модальными словами *bâyad* или *šâyad*. Строго говоря, данную конструкцию дубитатива в разговорном языке можно рассматривать как частный случай употребления аориста в сочетании с модальными словами.

§ 2. Следующая по порядку форма дубитатива в разговорном языке Кабула *zada xât bôdom* прямо соотносится с известной формой литературно-письменного дари *zada xâham bôd*, к которой, по-видимому, она и восходит. Соотношение здесь точно такое же, как между рассмотренной выше разговорной формой *xât zadom* и так называемым будущим категорическим литературного языка. Одинакова, как там, так и здесь, роль форманта *xât*, являющегося составной частью аналитической формы. Временнóй аспект этой формы в таблице у А. Фархади зафиксирован как Futur accompli (будущее совершенное), что и подтверждается убедительным примером: *tâ tu byâyi ketâbâ-ra âworda xât bôdan* 'К тому времени, когда ты придешь, они, [возможно], уже принесут книги' [10, 86].

Аналогичная и параллельная этой форме форма литературного языка *zada xâham bôd* была отмечена еще Филлотом, который называл ее «будущим совершенным», но рассматривал в рамках изъявительного наклонения как форму, указывающую на законченность будущего действия к

какому-либо моменту в будущем, т. е. на будущий результат действия. Результативное значение этой формы ярко выступает в следующем известном примере Филлота: *tâ in kâghaz bi-Landan bi-rasad u kitab-i khud-râ tamâm karda khâhad bûd* 'Пока это письмо дойдет до Лондона, он уже закончит свою книгу (в англ. переводе соответственно: *he will have done*) [12, 522].

В подобной же функции данная форма встречается в литературно-письменном языке и в настоящее время [2, 126]. Однако более характерным для современного литературного дари является широкое использование этой формы в модальном плане — для выражения сомнения, предположения, возможности в отношении прошедшего действия (реже — настоящего и будущего). Приведем несколько примеров из афганских официальных изданий разного времени:

№ 18. *Negârenda yaqin dârad ke nofuz-e pašto ba fârsi monhasar nabôda balke ba alsena-e hend niz* **ta'sirât wâred karda xâhad bôd** 'Автор уверен, что влияние языка пушту не ограничилось только языком фарси, но и на языки Индии **он также, [видимо], оказал влияние**' [Решт.];

№ 19. *Nazir-e in mo'âheda-e mozheq wa masxara* kamtar **ettefâq oftâda xâhad bôd** 'Едва ли когда-нибудь еще **случалось заключать** договор, подобный этому глупому, смехотворному договору' [Кох.];

№ 20. *Englishâ tasawwor mêkardand ke bel'âxar nafas-e râhat kašida mêtawânand zirâ mardom bâ taslim-e amir Dost Mohammad-xân jor'at-e xod-râ bakolli* **az dast dâda xâhand bôd** 'Англичане думали, что наконец они могут вздохнуть спокойно, так как народ, по-видимому, совсем обескуражен капитуляцией эмира Дост Мухаммад-хана' [Афг.];

№ 21. *Rašid âhesta xamuši-ra forô rêxt: râsti* **xod-râ košta xâhad bôd,** *saxt nâmard bôda!* 'Рашид потихоньку нарушил молчание: «Неужели он в самом деле покончил с собой? Каким трусом оказался!»' [Хаб.];

№ 22. *Negârenda dar aškâl-e hâlât-e kalemahâ-ye pâsto wa fârsi dar baxš-e dowwom-e in maqâl soxan gofta-ast ke xânendagân-e in resâla-râ* **az nazar gozašta xâhad bôd.** 'Относительно падежных отношений в языках пушту и фарси автор высказался во второй части данной работы, что, **[надеюсь], не ускользнуло от внимания** читателей' [Ильх.];

№ 23. *Pas badehi-st ke čenin ehmâl zâyea-ye adabi wa saqâfati-ye ghair-e-qâbel-e jobrânê barâye mâ* **bâr âworda xâhad bôd** 'Само собой разумеется, что такое упущение нанесло невосполнимый урон нашей культуре и литературе' [Ханиф.].

Несмотря на некоторое различие в использовании форм *zada xât bôdom* и *zada xâham bôd* (различия касаются видовременно́го аспекта, неглавного в данном случае и значительно ослабленного), можно принять, что это два варианта (разговорный и литературный) одной и той же формы — формы будущего совершенного, специализирующегося в языке дари на выражении модальных значений гипотетичности.

Способность выражать модальные оттенки возможности, предположения и т. п. связана с перфектным значением этой формы, ее совершенным, результативным видом. Известно, что именно перфектное значение некоторых форм будущего времени очень восприимчиво к модальной семантике и легко может ее усваивать в ущерб своему временно́му значению. Это явление отмечено во многих языках, в том числе в русском [9, 23]. В языке пушту, и особенно соседних индийских языках, использование перфектных форм будущего времени в качестве особых предположительных конструкций является нормой. В частности, известна форма пушту, образуемая по модели: причастие прошедшего времени основного глагола плюс глагол «быть» в будущем времени *кьр̀ай бъ ви*=каб. *karda xâhad bôd*. Она используется с теми же модальными оттенками, что и рассматриваемая форма кабули: *Албатта Зайд бъ рāгь̀лай ви?* 'Зейд, наверное, уже пришел?'.

В индийских языках, изобилующих формами будущего времени, в частности в урду, имеются формы: Futurum III, состоящая также из причастия прошедшего времени, и Futurum I глагола «быть»: *wuh bola hogâ* 'Он, должно быть, сказал'. Характеристика, обычно даваемая этой форме в учебниках, целиком может быть отнесена к соответствующей форме дари: Futurum III употребляется «для выражения предположения или возможности в прошлом, так как предполагаемое действие представляется законченным. Реже эта форма употребляется для выражения будущего времени, которое должно предшествовать другому будущему» [1, 84].

Таким образом, использование форм будущего времени в функции предположительных конструкций (иногда с очень ослабленным временны́м значением) — общая закономерность ряда языков. В языке дари она проявляется весьма активно. Развитию ее способствует, как можно предположить, наличие и широкое распространение аналогичных конструкций в окружающих языках — индийских и афганском, с которыми у дари давние и тесные связи.

Специализация форм будущего времени на выражении гипотетичности имеет другую сторону, которая связана с проблемой наклонений в языке дари. Результатом такой специализации является сближение функций дубитатива и конъ-

юнктива, поскольку семантика их во многом совпадает. Решение вопроса о формах с *xât* и целесообразности выделения их в особое наклонение не может не подвести, как кажется, к необходимости пересмотра традиционного взгляда на сослагательное наклонение и уточнения системы его форм. Выделение В. А. Ефимовым форм с *xât* в диалекте хазара в предположительное наклонение в значительной мере условно как раз в том отношении, что каждая из таких форм повторяет по функциям какую-либо из форм сослагательного наклонения. В связи с этим трудно принять тезис В. А. Ефимова о том, что предположительное наклонение в хазара выделилось из сослагательного. Формы с *xât*, как это ясно, совсем иного происхождения, чем формы конъюнктива. Следует говорить не о «выделении» их из сослагательного наклонения, а о совпадении их функций с функциями последнего в результате длительного пути самостоятельного семантического развития.

§ 3. До сих пор мы рассматривали дубитативные формы будущего времени. Переходим теперь к конструкциям дубитатива прошедшего времени, как они представлены в разговорном языке. В парадигматической таблице А. Фархади центральной является конструкция *zada* (*xât*) *bâšom*, в которой элемент *xât* факультативен. Из следующих двух примеров, приведенных у А. Фархади, он действительно может быть удален совершенно безболезненно: *bibi oštok az xaw xêsta /xât/ bâša?* 'Посмотри, не проснулся ли ребенок?'; *ī-ra kodâm xayyât dôxta /xât/ bâša?* 'Какой портной мог сшить такое?' [10, 86]. Без элемента *xât* эта конструкция совпадает с упоминавшейся уже формой сослагательного наклонения *zada bâšom*, выражающей те же модальные оттенки:

№ 24. *Dinarôz Mâmud-a goftom ke bâzâr bora, namê-famom rafta* (*xât*) *bâša yâ nê?* 'Вчера я сказал Махмуду, чтобы он пошел на базар: не знаю, ходил он или нет?'.

А. Фархади также сближает данную конструкцию с формой прошедшего времени сослагательного наклонения и даже подчеркивает, что они взаимозаменимы, поскольку совпадают (se confondent [10, 85]). Что касается элемента *xât*, то его роль аналогична здесь роли модальных слов *bâyad*, *šâyad*, оборота *momken-ast* и т. п. Об этом же говорит и более свободное расположение *xât* относительно глагольной части конструкции, что видно в следующих фразах:

№ 25. *o bača! tu bâr-e Zalmay az xâter-e ma čī goftī? — Yâd-em rafta, ba gomân-em čīzê* **xât gofta bâšom!** 'Слушай, парень! Ты говорил что-нибудь обо мне Дзалмаю? — Не помню, по-моему, что-то, кажется, сказал!' (здесь можно было бы заменить: *momken-ast čīzê gofta bâšom*);

№ 26. *Âyâ mêrmъı Akbar-ham kândıd šoda-ast? Xabar nadârom*, па-хât *kândıd šoda bâsâ!* 'А что, госпожа Акбар тоже выставила свою кандидатуру (в депутаты)? — Не знаю, не должно быть, чтоб она баллотироваласы' (вместо *na-xât* здесь можно употребить *nabâyad*).

Являясь по существу синонимом прошедшего времени конъюнктива, рассматриваемая конструкция почти во всем ее дублирует. В частности, наряду с допущением, возможностью, предположением о прошедшем действии она может выражать те же оттенки и в отношении будущего действия, если последнее мыслится завершенным:

№ 27. *agar zenda bôdom, mâdar-jân, enšaallâ waxtê-ke az nôkarī xlâs šodom šaborôz xât xedmat-etân-ra karda bâšom!* 'Если только буду жив, матушка, то, даст бог, когда вернусь с военной службы, день и ночь стану прислуживать Вам!'.

Как видно, старая исконно таджикская форма *zada bâšom*, восходящая к языку классического периода, встречает во многих аспектах своего употребления серьезную конкуренцию со стороны более поздних образований: будущего совершенного *zada xât bôdom* (лит. вариант *zada xâham bôd*) и дубитатива *zada xât bâšom*. Такое параллельное употребление форм, возникших в разное время и на основе различных тенденций, чрезвычайно характерно для современного состояния разговорного, да и письменного языка в Афганистане, как, впрочем, для всех языков и диалектов в условиях многонационального государства. Куда приведет этот параллелизм, сказать пока трудно. Но учитывая, что обычно язык не терпит грамматической синонимии, можно предвидеть, что дальнейшее развитие пойдет по линии преодоления этого своеобразного сосуществования структурно различных, но близких по семантике форм путем их специализации и отбора наиболее экономичных и вместе с тем эффективных способов выражения грамматических значений.

Остальные конструкции дубитатива, указанные в таблице А. Фархади, представляют собой или видовые варианты уже рассмотренных конструкций (таковы *zada rafta* (*xât*) *bâšom* и *zada rafta* (*bôda xât*) *bâšom*), или более или менее свободные сочетания элемента *xât* (в роли модального слова) с различными глагольными формами типа *zada* (*xât*) *mêraftom* или *zada rafta xât mêraftom*.

Примечательно, что А. Фархади включил в свою таблицу далеко не все возможные и не все существующие конструкции с *xât*. Уже отмечалось выше, что в таблицу не вошла перфектная форма дубитатива *zada rafta xât mêbâšom*, хотя она и упоминается в «Грамматике». Совсем вне поля зрения А. Фархади осталась довольно распространенная им-

перфектная конструкция дубитатива, представляющая собой сочетание словечка *xât* с имперфектом значимого глагола: *xât mêzadom*. Как и следовало ожидать, она выражает ирреальность, что ясно из такого, например, отрывка беседы двух кабульцев:

№ 28. — *Ahmat, ma parerôz Paɣmân rafta bôdom!*
— *čera ma-ra na-goftī?*
— *ma goftom na-xât borī!*
— *ây, najwân, to xo goftī xât mêraftom!*

'— Ахмад, я вчера ездил в Пагман!
— Что же ты мне не сказал?
— Я подумал, что ты, наверное, не поедешь!
— Эх ты, негодный! Ведь скажи ты мне, я бы, может быть, тоже поехал!' (здесь *xât* выполняет роль модального слова типа *šâyad*, которым он, кстати, вполне может быть заменен).

Получается, что дубитативных конструкций с *xât* в языке гораздо больше, чем фиксирует А. Фархади или любой другой исследователь. В чем же здесь дело? В том, как приходится заключить, что формант *xât*, получивший в составе форм будущего времени специфический модальный оттенок, постепенно лексикализуясь и все более уподобляясь модальному слову, в этом своем качестве приобретает почти неограниченные возможности для чисто лексического выражения модальности. Практически он может сочетаться с любой финитной формой глагола, сообщая ей и всему высказыванию в целом присущие ему модальные значения.

Снова обращаясь к аналогии, нельзя не сопоставить словечко *xât* в дари (и все, что с ним связано) с ролью и функциями модальной частицы *бъ* в глагольной системе языка пушту: не образуя особого наклонения, она просто присоединяется к формам индикатива, придавая им модальные оттенки возможности, вероятности, предположения и т. п. [7].

* * *

Заканчивая обзор так называемых форм дубитатива в языке дари, можно констатировать, что мы имеем дело с живым, еще далеко не завершенным процессом, связанным с формированием в языке новых средств выражения временны́х и модальных значений.

Проблема глагольных конструкций с *xât*<*xâhad* включает два самостоятельных вопроса: а) вопрос о формах будущего времени в языке дари и их использовании для выражения дубитативных, презумптивных и иных модальных значений; б) вопрос о роли модального слова *xât* в системе разговорного языка.

Дифференцированный анализ группы форм дубитатива показывает, что, несмотря на объединяющую их общность модальной семантики и наличие общего элемента *xât*, они представляют собой в структурном отношении (по степени слитности их компонентов) самые разнохарактерные образования: от глагольных аналитических форм до устойчивых лексических оборотов с модальным словом *xât*. Это необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о категории наклонения в языке дари, который еще ждет изучения. Ждут изучения и другие большие проблемы, прямо или косвенно связанные с данной темой, в частности, вопрос о характере воздействия окружающих языков на развитие тех или иных конструкций дари, проблема взаимодействия грамматических моделей литературного языка и разговорной речи.

В официальном литературном языке дари при явной ориентации на классические образцы и сознательном подражании писателей «правильному персидскому стилю» все больше начинают действовать иные модели, проникающие из разговорного кабули и диалектов. Шлифуясь и видоизменяясь в официальном языке, они, в свою очередь, получают возможность воздействовать на исходные разговорные формы и конструкции через каналы радио, прессы, школы, администрации. Вот почему привлечение данных литературно-письменного дари может иметь первостепенное значение для выяснения характера и развития тех или иных глагольных образований разговорного языка. Выявленная сложная картина дубитативных конструкций есть продукт постоянного взаимодействия разговорного кабули с литературно-письменным языком в условиях своеобразной языковой ситуации в Афганистане и при отсутствии в нем твердой литературной нормы.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Афг. — Sayed Qâsem Reshtîyâ, Afghânestân dar qarn-e nozdahom, Kâbol, 1329.

Ахк. — «Ahkâm-e hozur»,— Рукописный архив Инаятоллы-хана, Ташкент.

Ильх. — Mohammad-Rahîm Elham, Moqaddema-yê bar dastur-e zabân,— «Dъ Kâbol Pôhantun Xabaruna», 1344.

Кох. — Ahmad-Alî Kohzad, Moaheda-ye se jâneba-ye anglis-sikhshâh Shoja,— Majalle-ye «Zhwandun», 1330, № 5.

Решт. — Sayed Qâsem Reshtîyâ, Tasîr-e zabân-e pashto bar fârsî,— Majalle-ye «Kâbol», № 8 (104).

Хаб. — Asadollâ Xabîb, Sapêdandâm, Kâbol, 1334.

Ханиф. — Pâyiz Xanifi, Sorudhâ-ye mahalli, Kâbol, 1346.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранников А. П., Хиндустани (урду и хинди), ч. I, Грамматика, Л., 1934.
2. Дорофеева Л. Н., О языке фарси Афганистана,— КСИВ, 1959, т. XXXIII.
3. Дорофеева Л. Н., Язык фарси-кабули, М., 1960.
4. Ефимов В. А., Язык афганских хазара, М., 1965.
5. Ефимов В. А., Личные глагольные формы в якаулангском диалекте хазара (итоги полевой работы),— сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
6. Калинина З. М., Наклонения в современном пушту,— автореф. канд. дисс., М., 1954.
7. Калинина З. М., Частица *бъ* и ее функции в глагольной системе пушту (настоящий сборник).
8. Пахалина Т. Н., К характеристике кабульского просторечия,— сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
9. Поспелов Н. С., О глагольных формах времени в русском языке, ВЯ, 1956, № 2.
10. Abd-ul-Ghâfur Farhâdi, Le persan parlé en Afghanistan, Grammaire du Kâboli, Paris, 1955.
11. Bogdanov L., Stray Notes on Kâbuli Persian,— JASB, new series, 1930, vol. XXVI.
12. Phillott D. C., Higher Persian Grammar for the Use of the Calcutta University Showing Differences between Afghan and Modern Persian, Calcutta, 1919.

Г. И. Козлов

РОЖДЕНИЕ ПРОЗЫ ПАРСИ

Первые дошедшие до нас произведения персидско-таджикской прозы на языке парси были написаны в X в. X век — эпоха государства Саманидов на Среднем Востоке. Саманиды происходили из Балха [9, 70] (одного из древних очагов языка парси-дари) или Термеза [8, 3—11] (расположенного невдалеке от Балха). В IX в. Исмаил Самани основал государство со столицей в Бухаре, где стал распространяться язык парси-дари, постепенно вытесняя местный язык, близкий к согдийскому. Самой крупной областью был Хорасан («Страна отдыхающего солнца»), родина языка парси-дари, с такими ее историческими центрами, как Балх, Герат (Харат), Нишапур. Саманиды были утверждены арабским багдадским халифом в качестве наместников халифа на занимаемой ими территории. Но в действительности они проводили независимую политику. Их государство стало самостоятельным феодальным государством, в котором официальным языком наряду с арабским был парси-дари (или просто парси, как его обычно называют писатели X—XI вв.). На этом языке стала развиваться литература — поэзия и проза. (Мы не можем уделить внимания «Трактату об учении ханифитов» Абу-ль-Касима Самарканди, умершего в 954 г., представленному двумя списками со многими переделками).

Подлинное зарождение прозы парси связано с работой патриотов Хорасана по собиранию иранского культурного наследства. Так, в начале X в., по повелению Абу-Мансура Мухаммада ибн-Абд-ур-Раззака Тусского, его секретарь Абу-Мансур Мухаммад ибн-Абдуллах Муаммари с помощью знатоков собрал ряд преданий и исторических материалов о жизни иранских народов и составил прозаическую «Шахнаме» — так называемую Абу-Мансурову «Шахнаме». Предисловие к ней Муаммари написал в 957 г.

Абу-Мансурова «Шахнаме» не дошла до нас, как и ряд других прозаических произведений, написанных около этого времени и носящих подчас такое же название. Сохранилось

лишь предисловие к ней, которое было в дальнейшем приложено к некоторым спискам (рукописям) «Шахнаме» Фирдоуси. Предисловие опубликовано на основании 12 лучших списков под ред. М. Казвини в форме критического текста, со вступительной статьей, освещающей историю вопроса [5, 123—148]. С другой стороны, В. Ф. Минорский опубликовал свой английский перевод «Предисловия», снабдив его комментариями и предпослав ему вступительную статью [7, 159—175]. В «Предисловии» излагаются история подготовки Абу-Мансуровой «Шахнаме», а также родословные организатора этого дела — Абу-Мансура Абд-ур-Раззака Тусского и автора «Предисловия» — Муаммари.

С легкой руки Абу-Мансура Тусского работа по собиранию и достойному оформлению преданий и истории иранцев приобрела мощный размах и вылилась в целое литературное движение, способствовавшее развитию литературного языка парси. Поэт Дакики начал писать поэтическую «Шахнаме». После его смерти продолжателем этого великого дела явился уроженец Тусской земли гениальный поэт Абу-ль-Касим Фирдоуси.

В то же время литературная работа проводилась в столице государства — Бухаре. Абу-Али Мухаммад ибн-Мухаммад Бал'ами, везир эмира Мансура ибн-Нуха Самани, по повелению последнего приступил в 963 г. к переводу с арабского большой «Истории» Табари, содержащей мифологию и историю иранцев, израильтян и арабов. Найдя эту книгу очень интересной и полезной, он приложил много труда, чтобы сделать свой перевод доступным и увлекательным. Книга была подвергнута большой переработке. Изложение было упрощено, сняты менее достоверные версии того или иного события, опущена многочисленная документация Табари. Некоторые добавления Бал'ами сделал с той целью, чтобы книга представляла больший интерес для читателей иранского происхождения. Во вторую редакцию «Перевода» включено несколько эпизодов из жизни иранских народов. Особенную ценность с точки зрения истории и языка представляет раздел, содержащий предание о Бахраме Чубине. Оно изложено очень живо и представляет большой интерес для изучения языка эпохи. Этот же раздел явился для Фирдоуси единственным источником при написании в «Шахнаме» большой главы о Бахраме Чубине. Язык перевода «Истории Табари» близок к языку «Предисловия к „Шахнаме"», отличаясь несколько большим количеством арабских заимствований в лексике.

Книга представлена многочисленными списками с расхождениями различного характера. Один из списков, искаженный переписчиками, был опубликован несколькими литогра-

фированными изданиями, сначала в Лакхнау, а потом в Канпуре (4-е изд. в 1905 г. [1]). В Тегеране в 1959 г. вышло неполное издание на основе трех списков (со значительно модернизированным текстом) под ред. М. Дж. Машкура [2]. В Париже был составлен Х. Зотенбергом, на основе сравнения ряда списков, перевод «Истории Табари» с языка парси на французский [4]. Существуют переводы и на некоторые восточные языки. Попытка осветить вопрос о редакциях «Истории Табари» Бал'ами предпринята в статье П. А. Грязневича и А. Н. Болдырева [3, 46—59].

(Одновременно с «Переводом „Истории Табари“» был составлен перевод «Комментариев Табари» (Тафсир-и Табари) к Корану. Это было осуществлено группой ученых также в Бухаре).

Большую ценность в отношении истории и языка представляет сравнительно небольшая по объему книга «Пределы мира от Востока до Запада» — география мира с социально-экономической характеристикой стран. Книга написана неизвестным автором, оставившим на ней дату ее составления — 372 г. (по лунной хиджре), т. е. 982—983 гг. для эмира Абу-ль-Хариса Мухаммада ибн-Ахмада из рода Фаригунидов, правившего в Гузганане (на севере современного Афганистана).

Найденный уникальный список, так называемая рукопись Туманского, издан как факсимиле в Ленинграде в 1930 г. с предисловием В. В. Бартольда [11] (позднее перепечатан в Тегеране [10]).

В то же время В. Ф. Минорский составил перевод «Пределов мира» по рукописи Туманского и приложил к нему подробные комментарии со схематическими картами. Его книга вышла в Англии на английском языке [6].

Мы упомянули о трех наиболее известных ранних прозаических произведениях на языке парси, опубликованных и представляющих наибольший интерес с точки зрения языка и истории.

Примечание. На основании этих произведений написана монография: Г. И. Козлов, Язык ранней прозы парси (X в.), М., 1961. (При этом по «Истории Табари» использован ряд списков.) Монография депонирована в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР (в Москве) за шифром «Деп 30» вместе с монографией — Г. И. Козлов, Язык Бейхаки (парси, XI в.), М., 1960 — «Деп 29».

В 1963 г. вышла книга: G. Lazard, La langue des plus anciens monuments de la prose persane, Paris, 1963. В ней представлены фонетика, морфология и синтаксис X—XI вв.

В «Кратких сообщениях Института народов Азии», 1964, № 65 в ст. Г. И. Козлов «Из истории языка дари» на стр. 85, в строке 4-й снизу, следует читать: «Крупнейшими центрами Хорасана были Мерв (на пути из Нишапура в Бухару и Самарканд) и Нишапур (на пути из Мерва на юго-запад).

Географическим и историческим центром Хорасана являлся Герат (Харайва в древней Ариане). Расположенный близ реки Гери-руд, текущей по горной долине, он окружен горами с многочисленными ущельями».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бал'ами, Абу-Али Мохаммад бен-Мохаммад, [Тарджоме-йе] Тарих-е Табари, Таб'-е чахаром, Каипур, 1322/1905.
2. Бал'ами, Абу-Али Мохаммад, Тарджоме-йе Тарих-е Табари (кесмат-е марбут бе Иран), мокаддаме ва хаваши бе ехтемам-е д-р Мохаммад Джавад Машкур, Техран, 1338.
3. Грязневич П. А. и Болдырев А. Н., О двух редакциях «Та'рйх-и Табарй» Бал'амй,— «Советское востоковедение», М., 1957, № 2.
4. Zotenberg, Hermann M., Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammad-ben-Djarir-ben Yezid Tabari, vol. I—IV, Paris, 1867—1874 et 1958.
5. Казвини, Мохаммад, Мокаддаме-йе кадим-е «Шахнаме»,— «Хезаре-йе Фердоуси», Техран, 1322, стр. 123—148.
6. Minorsky V., Ḥudūd-al-'Ālam, London, 1937.
7. Minorsky V., The Older preface to the «Shāh-nāma»,— «Studi Orientalistici in onore di Giorgio Levi Della Vida», vol. II, Roma, 1956.
8. Семенов А. А., К вопросу о происхождении Саманидов,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1954.
9. Тарих-е Бохара, Та'лиф-е Абу-Бакр Мохаммад бен-Джа'фар ан-Наршахи (286—348), Тарджоме-йе Абу-Наср бен-Мохаммад бен-Наср ал-Кобави, Талхис-е Мохаммад бен-Зофар бен-Омар ва тасхих-е Модаррас-е Резави, [Техран, 15 есфанд-мах сал-е 1317].
10. Ходуд-ал-Алам, бе кушеш-е д-р Менучехр-е Сетуде, Техран, есфанд-мах, 1340.
11. Худуд-ал-'Алем, рукопись Туманского, с введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

В. П. Липеровский

ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО СОСТОЯНИЯ В ХИНДИ

1. В данной статье будут рассмотрены случаи употребления перфективного причастия, простого и сложного [1], перед финитной формой глагола *honā* 'быть', а именно, перед простой формой настоящего времени (презенса) или простой формой прошедшего несовершенного времени (имперфекта) этого глагола. Причем мы не ставим перед собой в качестве особой цели ни рассмотрение перфекта и плюсквамперфекта — глагольных форм, которые, как известно, строятся аналитически, путем сочетания простого перфективного причастия со следующим за ним глаголом *honā* в форме презенса/имперфекта, ни рассмотрение других, выражающих косвенную модальность, аналитических форм, в построении которых аналогичным образом участвует перфективное причастие.

2. Сначала рассмотрим употребление перфективного причастия непереходных глаголов. Начнем со сложного причастия: *rākṣas bolā, «beṭā, yahā se sāt samudra pār ek bargad kā peṛ hai. us par do pĩjṛe* **ṭãge hue** *hāi...»* (Br., 25) 'Демон сказал: «Сын, за семью морями стоит дерево баньян. На нем висят две клетки...»'; *un par bārah kapṛe ek hī tarah ke* **ṭãge hue** the (Br., 13) 'На них (колышках) висели двенадцать одежек, [сшитых] на один манер'. В обоих при-

[1] Термин «сложные причастия» (или «составные причастия») вполне подходит для обозначения имперфективных и перфективных причастий, осложненных перфективным причастием *huā*, произведенным от глагола *honā* 'быть'. Но представляется ничем не оправданным встречающееся иногда распространение этого термина и на простые причастия (т. е. на причастия, в которых отсутствует второй компонент *huā*), когда они выступают как альтернанты осложненных причастий. Такое расширительное толкование термина «сложные причастия» находится в явном противоречии с тем содержанием, которое в нем заложено: будучи призванным указать на строение причастия, а именно, на его двухкомпонентность, этот термин получает, вопреки своему назначению, совсем иное осмысление — как показатель такой синтаксической функции причастия, которая характерна и для осложненного, и для не осложненного вторым компонентом причастия.

мерах использовано сложное причастие от глагола *ṭāgnā*. Согласуясь, как и следующий за ним глагол *honā*, с именем существительным, выполняющим в предложении функцию подлежащего (в приведенных примерах существительное стоит в форме мужского рода множественного числа прямого падежа), оно в первом примере предшествует простой форме настоящего времени, а во втором — простой форме прошедшего несовершенного времени этого глагола. Этим обстоятельством и обусловлен перевод сочетания данного причастия с глаголом *honā*: в первом случае —'висят', во втором —'висели'.

Но почему получилось так, что действие, обозначенное перфективным причастием, в нашем переводе оказывается отнесенным целиком к настоящему времени или, аналогичным образом, к какому-то определенному плану прошедшего времени (в описательном контексте) без указания на его (действия) завершенность? Очевидно, потому, что в переводе мы сообщаем лишь о состоянии, которое возникает в результате совершения действия. Отсюда следует, что значение глагола *ṭāgnā* (по крайней мере в приведенных примерах) — это приобретение нового состояния: не «висеть», а «принимать/принять висячее положение»[2].

Использование сложных перфективных причастий от непереходных глаголов в позиции перед глаголом *honā* не раз отмечалось в литературе по хинди (и урду). Более того, М. Хельзиг в одной из статей дает перечень глаголов, для причастий которых оказывается характерным подобное употребление [12, 360—362]. Помимо глаголов, обозначающих действия, ведущие к изменению состояния или положения в в пространстве (например: *jhuknā* 'сгибаться', *thaknā* 'уставать', *baiṭhnā* 'садиться', *paṛnā* 'падать' и др.), М. Хельзиг указывает на глаголы движения (например: *ānā* 'приходить', 'прибывать', *jānā* 'уходить' и др.), на глаголы, обозначающие различные переживания (например: *ghabrānā* 'беспокоиться', *rūṭhnā* 'раздражаться'), и глаголы, которые она квалифицирует как непереходные с пассивным значением (например: *bannā* 'делаться', 'создаваться', *bharnā* 'наполняться', *khulnā* 'открываться' и др.)[3]. Приведем, в частности, пример с причастием, образованным от глагола движения: «*mãĩ is bas se Manālī se ā rahā hū̃*», *mãĩ ne kahā*. «*acchā? Manālī tum kab se* **āye hue** the?» (P, 128) '«На этом автобусе я еду из Манали»,— сказал я. «Вот как? С какого

[2] Аналогичная картина наблюдается и с другими глаголами: *baiṭhnā*— не только 'сидеть', но и 'садиться/сесть', *leṭnā* — не только 'лежать', но и 'ложиться/лечь'.

[3] К последней группе причислены в основном те глаголы, которые Арьендра Шарма назвал пассивными по природе [8, 100].

же времени вы находились (букв. были прибывшими) в Маналй?» [— спросила она]'.

Согласно точке зрения, получившей наибольшее признание, причастия при таком употреблении выступают в качестве именной части (предикатива) сказуемого, а глагол *honā*, следовательно, выполняет роль глагола-связки [1, 269—270; 2, 115; 6, 39]. На выражаемое значение состояния указывает ряд исследователей. Так, А. А. Давидова замечает, что «в функции именной части сказуемого причастие выражает состояние» [1, 270][4]. Аналогичную точку зрения высказывает и Л. Г. Лозовой. Особое внимание на это значение обращают те исследователи, которые рассматривают данное языковое явление под углом зрения его принадлежности к какой-либо грамматической категории.

Так, З. Линхард считает, что сочетание сложного перфективного причастия от непереходных глаголов (как, впрочем, и от переходных, если они согласуются с именем) с финитной формой глагола *honā* — это один из способов действия, находящий проявление в таких временах, как перфект (когда глагол *honā* характеризуется формой презенса) и плюсквамперфект (когда глагол *honā* характеризуется формой имперфекта). По мнению З. Линхарда, этот «способ действия» (шестой по порядку у перфекта и пятый у плюсквамперфекта) подчеркивает состояние, возникшее в результате завершения действия [15, 182, 184, 190—191]. В морфологическом же плане, с точки зрения строения, этот «способ действия» трактуется З. Линхардом как распространенные посредством *huā* перфект и плюсквамперфект [15, 173—174, 179—180, 184].

М. Хельзиг высказывает мнение, что встречающиеся случаи использования сложных перфективных причастий перед финитной формой глагола *honā* — это проявление результативного способа действия, который обозначает состояние, вытекающее из предшествующего действия агенса. Таким образом, анализируемое нами сочетание рассматривается ею как частный случай передачи этого способа действия [12].

Но значение состояния, выявленное выше, может быть передано и тогда, когда глаголу *honā* предшествует простое (т. е. не осложненное вторым компонентом — *huā*) причастие непереходного глагола: *vahā chappar kī pāṛh se sāf šīše vālī ek naī ḷālṭen ṭāgī thī, maddhim aur mīṭhī rošnī mẽ samūcā dālān ālokit thā* (N, 98) 'Там к балке крыши был привешен новый, блиставший чистотой стеклянный фонарь; вся веранда была освещена мягким и нежным светом'.

[4] Приведенное высказывание нуждается, однако, в уточнении: значение состояния выражается не причастием, а сказуемым в целом.

Сказуемое с простым причастием как средство выражения значения состояния оказывается в семантическом отношении эквивалентным сказуемому, содержащему в своем составе сложное причастие. Об этом убедительно свидетельствуют три пары примеров, приводимых ниже. В первом примере в каждой из пар выступает сложное причастие, во втором — простое:

1) *bīc mẽ ek mez aur mez ke sāmne do kursiyā̃ aur do māikrofon* **lage hue** *the* (K, A, 138) 'Посредине был поставлен стол, а перед столом были поставлены два стула и установлены два микрофона'; *ek kone mẽ ṭelīfon ekscenj* **lagā** *thā, jiske pās ek atyanta sundar laṛkī apne nākhun rāgne mẽ līn thī* (K, A, 41) 'В одном из углов был установлен коммутатор, возле которого очень красивая девушка была поглощена маникюром';

2) *barāmde ke nīce muhalle kā caukīdār* **baiṭhā huā** *thā — kālā kuttā* (N, 26) 'Внизу веранды сидел страж квартала — черный пес'; *Dukhmocan pīṛhe par* **baiṭhe** *the, un kī nigāhẽ taklī kī taraf thī...* (N, 79) 'Дукхмочан сидел на табурете. Его взор был устремлен на веретено...';

3) *us kā mukh, jo ki rūmāl aur ṭopī se* **ḍhakā huā** *thā, ab ekdam spaṣṭa dīkh rahā thā. us ke nīce us kā galā aur vakṣa bhī* **khulā huā** thā... (Aj., 77) 'Теперь ясно было видно ее лицо, которое [до этого] было закрыто платком и шляпой. Ее шея и грудь тоже были обнажены...'; *us ke sāth thī ek strī, jis kā šarīr bhūre faujī kambal se* **ḍhākā** thā, *par sir* **khulā** thā... (Aj., 32) 'Вместе с ним находилась женщина, на тело которой было накинуто коричневое воинское одеяло, но с непокрытой головой'.

Мы видим, как один и тот же автор употребляет в сходном контексте то сложное, то составное причастие, образованное от того же самого глагола.

Значение состояния, возникшего в результате совершения действия, выражается сочетанием «простое перфективное причастие от непереходного глагола + *honā* (= *hai*/*thā*)» обычно тогда, когда первый элемент сочетания представлен причастием от таких глаголов, как *baiṭhnā* 'садиться', *leṭnā* 'ложиться', *paṛnā* 'падать', *lagnā* 'касаться', 'прикреплять-ся', 'устанавливаться', 'наноситься'; *phailnā* 'простираться', 'шириться', *bichnā* 'простираться', 'расстилаться', *sonā* 'засыпать', *jāgnā* 'пробуждаться', *cipaknā* 'прилипать', *ḍhāknā* 'покрываться'. Эти и подобные им глаголы могут, следовательно, обозначать действия, осуществление которых мыслится как фактор, ведущий к изменению состояния субъекта[5].

[5] Значит, в таком случае они выступают как глаголы изменения состояния и к ним можно условно применить данное наименование.

Выражаемое значение состояния не включает в себя семантических моментов, которые выходили бы за рамки лексического значения глагола, выступающего в форме причастия; передаваемая результативность как бы замыкается в субъекте[6], например: *Gopīcand ko ghaṛā lekar āte dekh, vah krodhit hokar bole, «phēk de is kā pānī! is mē striyō ke hāth* **lage** *hāl»* (U II, 35) 'Увидев, что Гопичанд подходит с кувшином, он (отшельник) сердито проговорил: «Вылей из него воду! К нему прикасались руки женщин»'. В этом примере значение состояния оказывается невыраженным (оно как бы уступает место значению актуального результата действия), что связано с появлением такого семантического момента, который сам по себе не вытекает из лексического значения глагола, а обусловливается контекстом. Этим семантическим моментом в данном примере является мысль об осквернении воды прикоснувшимися к сосуду женщинами. В случае выражения состояния смысл соответствующего высказывания заключался бы в том, что и в данное время руки женщин касаются кувшина. Однако для передачи такого смысла, чтобы избежать неясности, следовало бы, пожалуй, употребить сложное причастие *lage hue.*

В связи с выяснением отношения между сложным и простым причастием (напомним, что речь идет о перфективном причастии непереходного глагола в позиции перед финитной формой глагола *honā*) обращает на себя внимание одно из замечаний Рамчандры Вармы [19, 118]. Оно касается трактовки такого предложения, принадлежащего перу одного автора: *māl ne vah guphā bhī dekhī jahā Rāṇā Pratāp Sīh chipe hue the* 'Я увидел также пещеру, где скрывался Рана Пратап Синх'. Рамчандра Варма пишет, что из-за наличия *hue*, второго компонента причастия, фраза принимает тот смысл, что автор будто увидел пещеру в то время, когда там прятался Рана Пратап Синх, а на самом же деле автор отправился к пещере много лет спустя после смерти Раны Пратапа Синха. «Поэтому,— заключает Рамчандра Варма,— в предложении вместо *chipe hue the* нужно было писать просто *chipe the*». Тогда, по мнению индийского филолога, двусмысленность была бы исключена: 'Я увидел также и пещеру, где [когда-то прежде] спрятался (скрывался, прятался) Рана Пратап Синх'. Таким образом, Рамчандра Варма считает, что для сочетания сложного перфективного прича-

[6] Здесь и далее речь, разумеется, идет о результативном состоянии, которое следует отличать от качественного. Выражение качественного состояния обусловливается адъективацией простого причастия, выступающего в позиции перед *honā*. В частности, к разряду адъективированных причастий относят такие слова, как *sūkhā* 'сухой', *khulā* 'открытый', *ulṭā* 'перевернутый' и др., что находит отражение в словарях.

стия с имперфектом от глагола *honā* характерным является прежде всего выражение значения состояния, относимого к плану повествования, но отнюдь не ко времени, предшествующему этому плану. Сочетание же *chipe the*, будь оно употребленным в соответствующей фразе, могло бы также указывать на такое совершенное действие, которое или предшествует плану повествования (относительное временно́е значение), или осуществляется задолго до момента речи (абсюлютное временно́е значение) и не связывается с настоящей ситуацией своим результатом.

Таким образом, мы видим, что каждое конкретное сочетание «простое причастие+*honā*» из тех, которым свойственно выражение значения состояния, обладает также способностью передавать и другое значение, а именно значение, которое в грамматической литературе по хинди (и урду) приписывается перфекту или плюсквамперфекту. Сочетание же «сложное причастие+*honā*» такой способностью не обладает. Иначе говоря, благодаря осложнению причастия вторым компонентом исключается возможность понимания соответствующей части предложения, а именно сказуемого, во втором из перечисленных значений, т. е. в значении перфекта или плюсквамперфекта. Поэтому если есть контекст, в котором сочетание «простое причастие+*honā*» может пониматься двояко, то использование сложного причастия перед *honā* содействовало бы в данном контексте однозначному выражению состояния.

Как известно, сочетание «простое причастие+*honā* (=*hai/thā*)» трактуется в грамматической литературе как форма перфекта/плюсквамперфекта. Однако относительно глаголов изменения состояния существует мнение, что такое сочетание не является формой перфекта/плюсквамперфекта тогда, когда им передается значение состояния. Так, например, Камтапрасад Гуру считает, что в предложении *rājā abhī baiṭhe hāĩ* 'Раджа только что сел' *baiṭhe hāĩ* — перфект, а в предложении *rājā baiṭhe hāĩ*, эквивалентном по смыслу предложению *rājā baiṭhe hue hāĩ*, что значит «раджа сидит», перфект по существу отсутствует, а причастие употреблено самостоятельно [18, 469].

Естественно, что такой точки зрения придерживаются те исследователи, которые склоняются к расширительному толкованию термина «сложное причастие». Такой подход имеет под собой основания. Однако он, как нам кажется, должен быть увязан с положением, что семантически перфективный (перфектный) вид можно разделить на две разновидности: 1) перфект состояния, обозначающий статическое состояние как результат предварительно завершенного

действия, и 2) перфект действия, обозначающий действие, оставляющее те или иные результаты, так или иначе актуальные для последующего временно́го плана [5, 30]. В свете этого положения сочетание «простое причастие+*honā* (=*hai/thā*)» при выражении им значения состояния (результативного) целесообразно считать передающим значение перфекта/плюсквамперфекта состояния.

В общетеоретическом плане перфект/плюсквамперфект состояния рассматривается в качестве начального (первого) этапа эволюции перфекта/плюсквамперфекта, эволюции, которая приводит к формированию перфекта/плюсквамперфекта действия, т. е. собственно перфекта/плюсквамперфекта как грамматической формы глагола. Такая точка зрения излагается, в частности, Е. Куриловичем в связи с разработкой им системы классификации видо-временны́х функций глагольных форм (особенно показательны приводимые Куриловичем данные, касающиеся истории персидского языка) [3, 141—155; 13, 531—542; 14, 24—35].

Если с этой точки зрения обратиться к материалу хинди, то напрашивается следующий вывод: глаголы, которые мы условно назвали глаголами изменения состояния,— это, по сути дела, те глаголы, перфект/плюсквамперфект которых пока в значительной мере сохраняет за собой исконную функцию — выражать результативное состояние. И по мере того как сочетание «простое причастие+*honā* (=*hai/thā*)» утрачивает эту функцию, т. е. приобретает черты перфекта/плюсквамперфекта действия, язык, для того чтобы восполнить образующийся семантический «пробел», начинает ощущать необходимость в использовании сочетания «сложное причастие+*honā* (=*hai/thā*)».

3. Теперь же мы рассмотрим, ка́к в сочетании с глаголом *honā* 'быть' (в простой форме настоящего времени или простой форме прошедшего несовершенного времени) функционирует перфективное причастие, образованное от переходного глагола.

3.1. Рассмотрим следующие примеры: *sab kuch sābhālkar* **rakhā huā** *hai āo!* (N, 19) 'Все (речь идет о газетах.— *В. Л.*) аккуратно сложено. Входи'; *ṭebal par kāse ke cār kaṭoriyā* **rakhī huī** *thī* (N, 121) 'На столе стояли четыре чашки из латуни'. В обоих примерах употреблено сложное перфективное причастие от глагола *rakhnā* 'класть', 'ставить', держать'. В сочетании с глаголом *honā* оно служит для выражения состояния, в котором находится (находился) объект причастного действия. Поскольку же налицо представление о действии, вызвавшем данное состояние, постольку выражаемое состояние является результативным. «В таких случаях причастие выражает не качественный признак, а состоя-

ние, являющееся результатом действия, без указания на субъект действия» [1, 271].

В синтаксическом плане приведенные предложения характеризуются следующими особенностями: а) имя объекта (или его эквивалент, представленный местоимением), т. е. пациенс, выступает в прямом падеже; б) причастие и глагол *honā* согласуются с именем объекта; в) между именем объекта и сочетанием «причастие+*honā*» устанавливаются отношения как между подлежащим и сказуемым; г) причастие в составе сочетания выступает как именная часть (предикатив) сказуемого, а глагол *honā* выполняет функцию глагола-связки. Первые три особенности являются синтаксическими выразителями пассивного значения причастия в составе анализируемой конструкции, где при помощи причастия выражается состояние объекта причастного действия. Ими определяется типичный для хинди способ выражения состояния объекта[7].

В приведенных выше примерах использовано сложное причастие. О возможности употреблять простое причастие для выражения того же значения состояния свидетельствует следующий пример: *lāl aur pīle telō kī do šīšiyā* **rakhī** *thī* (N, 34) '[Здесь же] стояли два флакона: один с красным маслом, другой — с желтым'. Равнозначность сложного и простого причастий видна из сопоставления между собой предложений с глаголом *likhnā* 'писать' (глагол *likhnā*, как и *rakhnā*, наиболее часто встречается в составе анализируемого сочетания): *lifāfe par us kā nām aur hostal kā patā* **likhā huā** *thā* (P, 116) 'На конверте были написаны (букв. имелось написанным) ее имя и адрес общежития'; *citra ke nīce* **likhā** *thā — brahmāṇḍa, citrakār Baglol* (K, A, 169), 'Внизу картины было написано: «Вселенная. Художник Баглоль»'.

Обнаруживается такая закономерность: если в предложении находит выражение субъект действия, выраженного причастием, то глаголу *honā* предшествует сложное причастие (обратное же положение необязательно, что видно из уже приведенных примеров). В рассматриваемой конструкции субъект обычно выражается именем существительным с послелогом *kā* или же притяжательным местоимением: *aur ye sab* **seṭh Mansukhlāl kā kiyā huā** *thā* (K, A, 113) 'И все это

[7] Своеобразный, однако, пример, взятый из языка прессы, приводится в упомянутой выше статье М. Хельзиг: *pūch-tāch ke silsile mẽ pā̃c vyaktiyõ ko rokā huā hai* 'В связи с расследованием задержано пять человек' [12, 363]. Это предложение представляет собой образец так называемой нейтральной конструкции, что определяется нейтральной формой причастия на *-ā*, формой глагола *honā* и употреблением имени объекта с послелогом *ko*

было сделано сетхом Мансукхлалом'; *vṛddha... bolā, «Kanak, ye khilaune* **mere** *hī* **banāye hue** *hāĩ!»* (Aj., 52) 'Старик... сказал: «Канак, эти игрушки сделаны мной»'. Таким образом, в сложном причастии ярче проявляются глагольные свойства, чем в простом.

3.2.1. Выше говорилось о выражении состояния, которым характеризуется объект действия, выраженного причастием. Однако язык хинди располагает конструкцией, позволяющей выразить результативное состояние, которым характеризуется субъект действия, обозначаемого переходным глаголом, например: *dekhā, būṛhī bīmār Lacchamī madhya mẽ khaṛī hai aur kuch striyā̃ use* **ghere hue** *hāĩ* (A, 97) '[Я] увидел, что старая больная Лаччхами стоит посредине, а ее окружают несколько женщин'; *itne mẽ hī Bīrbal kyā dekhtā hai ki ek ādmī ghoṛī par to savār hai; magar ghās kā guṭṭhā apne sir* **uṭhāye hue** *hai* (B, 55) 'И что же видит Бирбаль в это время: хотя какой-то человек и едет верхом, но сноп сена он держит на голове (букв. ...есть на свою голову поднявшим/поднявши сноп сена)'; *bādalõ kā ek halkā sā gilāf cā̃d ko* **chipāye hue** thā (K, T, 63) 'Легкая пелена облаков скрывала луну'; *vah krīm rang kī pūrī bāhõ kī ūnī jaiket* **pahne hue** *thī* (P, 108) 'Она была в шерстяном жакете кремового цвета с длинными рукавами (букв. она была надевшей/надевши...)'.

Из примеров видно, что в данной конструкции, как и в конструкциях, рассмотренных прежде, причастие выступает перед глаголом *honā*. Следовательно, в ней налицо сочетание «причастие+глагол *honā*». Отличительными же чертами этой конструкции в синтаксическом плане являются следующие: а) имя субъекта (агенс) причастного действия стоит в прямом падеже; б) в сочетании «причастие+*honā* (*hai*/*thā*)» с именем субъекта согласуется только глагол *honā*, а причастие выступает в неизменной форме на *-e*[8]; в) имя объекта

[8] Поскольку в такой форме не находит никакого отражения грамматическая характеристика имени, будь то имя субъекта (агенс) или имя объекта (пациенс) действия, мы, вслед за У. Алленом, назовем ее нейтральной [7, 80]. В данном случае термин «нейтральная форма» нам представляется более подходящим, чем «абсолютная форма». Нейтральной формой с конечным *-e* может характеризоваться и перфективное причастие непереходного глагола и имперфективное причастие (в применении к последнему можно говорить о нейтральной форме на *-te*). Встречается также нейтральная форма причастия на *ā* (*-tā*). «Абсолютным» же целесообразно считать причастие лишь тогда, когда агенс причастного действия отличен от агенса (или пациенса) действия, выраженного в предложении финитной формой глагола или какой-либо инфинитной формой, занимающей по отношению к данному причастию главенствующее положение. См. в этой связи замечание В. Поржизки [17, 168] со ссылкой на Э. Гривза [10, 253]. Такое абсолютное причастие сам В. Поржизка именует также свободным (loose) или несвязанным (unrelated) причастием [17, 174].

(пациенс) причастного действия оформляется и располагается как прямое дополнение при глаголе; г) между именем субъекта и сочетанием «причастие+*honā*» устанавливаются отношения как между подлежащим и сказуемым; д) причастие в составе сочетания выступает в качестве предикатива, а глагол *honā* выполняет функцию глагола-связки.

Существование такой конструкции отмечено в работах по грамматике хинди (и урду). Но в них не всегда указывается на то, что сказуемым передается значение состояния, и не всегда вскрывается синтаксическая роль причастия. Обычно авторы, рассматривая эту конструкцию, по сути дела ограничиваются утверждением, что нейтральная форма причастия является показателем его употребления в активном, а не в пассивном значении.

Самым общим свидетельством того, что в рассматриваемой конструкции исследователи усматривают значение состояния, является распространение на причастие термина «statical», что означает «выражающий статическое состояние» [16, 77—78]. Непосредственно же на сочетание «перфективное причастие на *-e*+глагол *honā*» как на средство выражения значения состояния указывают, в частности, П. Хаккер [11, 166][9] и М. Хельзиг, причем М. Хельзиг связывает это сочетание с выражением результативного способа действия [12, 363—364].

Квалификация причастия, выступающего в нейтральной форме на *-e* в сочетании с глаголом *honā* (=*hai*/*thā*), как предикатива сказуемого обусловлена, с одной стороны, невозможностью приписать ему в данном сочетании функцию второстепенного члена предложения — обстоятельства, а с другой — отсутствием достаточных оснований для того, чтобы все сочетание трактовать как аналитическую форму глагола.

Приведенные выше примеры содержат сложное перфективное причастие в нейтральной форме на *-e*. То же самое значение результативного состояния может быть выражено и при помощи простого причастия. Ср. с одним из помещенных выше примеров (P, 108) следующий пример: *mis Pāl us samay pyāzī rang kī salvār-kamīz* **pahne** *thī*... (P, 157) 'Мисс Пал была теперь в шароварах и рубашке бледно-розового цвета...'. Об этом же ярко свидетельствует следующая ниже пара примеров, взятых из одного и того же рассказа. В одном из них автор использует сложное причастие, в другом — простое: *donō khālī ḍibbe vah apne hāthõ mẽ* **liye hue** *thī* (P, 159) 'Обе пустые коробки она держала

[9] Для обозначения причастной формы на *-e* П. Хаккер пользуется термином «абсолютив на -e» (*-e*-Absolutiv).

в руках'; *hāth mẽ vah ek thailā* **liye** *thī* (P, 128) 'В руке она держала сумку'. Однако наблюдается такая закономерность: простое причастие используется чаще тогда, когда выражаемое состояние оказывается связанным с выражением понятия обладания, сохранения, удерживания (глаголы *pahannā* 'надевать', *pakaṛnā* 'хватать', 'схватывать', *lenā* 'брать', *sābhālnā* 'держать', 'хранить' и т. п.).

3.2.2. В хинди (и урду) имеется и другой способ выражения результативного состояния, приписываемого субъекту действия переходного глагола [12, 364]. Здесь имеется в виду использование сложного перфективного причастия в конструкции с послелогом *ne: Rām pukārne kī zarūrat nahī. bhagvān ne hamẽ sab kuch* **diyā huā** *hai* (U III, 46) 'Нет необходимости взывать к Раме. Ведь всевышний не оставил нас без щедрот своих'; *rājkumārī ne Hīrāman nām kā ek totā* **pālā huā** *thā* (U III, 33) 'Принцесса приручила попугая, по имени Хираман' (или: 'У принцессы был прирученный ею попугай, по имени Хираман'). Такое употребление сложного причастия не имеет широкого распространения ни в хинди, ни в урду. Оно, как нам представляется, более свойственно языку панджаби [10].

По нашему мнению, рассматриваемая конструкция, характеризующаяся наличием послелога *ne* при агенсе глагольного (причастного) действия и сложным причастием перед *honā* (=*hai*/*thā*), должна расцениваться лишь как не закрепившийся (или еще не закрепившийся) в норме языка хинди альтернант одного из типичных способов выражения результативного состояния (см. 3.2.1.). К такой мысли нас приводит, в частности, следующее наблюдение: когда данная конструкция оказывается употребительной (что бывает нечасто), тогда реже, чем обычно, встречается типичная для хинди конструкция с именем субъекта в прямом падеже и перфективным причастием в нейтральной форме на *-e*. Так, на 47 страницах текста, откуда взяты оба приведенных выше примера, данная конструкция встретилась семь раз, а конструкция, отмеченная в 3.2.1.,— только один раз. Сочетание «сложное перфективное причастие+*honā* (=*hai*/*thā*)» следует трактовать в составе анализируемой конструкции как аналитическую форму глагола — перфект/плюсквамперфект состояния.

4. Итак, из изложенного выше видно, каким образом сочетание «перфективное причастие+глагол *honā* (=*hai*/*thā*)»

[10] Беглого знакомства с текстами на панджаби (мы, в частности, обращались к художественной прозе) достаточно для того, чтобы обнаружить данный узус в этом языке. Заслуживает в этой связи внимания и замечание Д. Филлота о том, что с данным узусом в урду он столкнулся на территории Пенджаба [16, 87].

служит для выражения значения результативного состояния в плане настоящего или прошедшего времени. При этом такое сочетание: а) или обнаруживает отличие от видовременны́х форм, известных как перфект или плюсквамперфект; б) или формально ничем не отличается от перфекта/плюсквамперфекта; в) или же представлят собой перфект/плюсквамперфект нового типа, не получивший, однако, в хинди широкого распространения (см. 3.2.2.).

Отличие рассмотренных сочетаний от перфекта/плюсквамперфекта обусловливается или их (сочетаний) строением (см. 2. применительно к тому случаю, когда в составе сочетания находится сложное причастие), или строением всего предложения (см. 3.1.), или же обоими факторами одновременно (см. 3.2.1.). Отсутствие же формального различия касается лишь того случая, когда в сочетании выступает простое причастие тех непереходных глаголов, которые мы условно назвали глаголами изменения состояния (см. 2.). Таким образом, случаи, когда сочетание «перфективное причастие+*honā* (=*hai*/*thā*)», служащее для выражения результативного состояния, отличается от перфекта/плюсквамперфекта, превалируют над таким употреблением сочетания, при котором данное различие не наблюдается. Следовательно, в хинди получили развитие средства выражения результативного состояния (ряд случаев сочетания перфективного причастия с глаголом *honā*), не совпадающие с перфектом/плюсквамперфектом.

Следует обратить внимание на два момента, которые, на наш взгляд, существенны для понимания значения результативного состояния. С одной стороны, результативное состояние — это такое состояние, выражение которого неразрывно связано с представлением о вызвавшем его действии. С другой стороны, результативное состояние характеризует не столько ситуацию в целом, возникшую в результате предварительно осуществленного действия, сколько лишь субъект или объект данного действия. Учет первой из сторон важен для того, чтобы отграничить результативное состояние от качественного, а учет второй позволяет избежать ошибочного отождествления значения результативного состояния со значением актуальности завершенного действия для последующего временно́го плана.

5. Такое значение актуальности мы расцениваем как инвариантное для перфекта хинди, ибо им в основном исчерпывается специфика данной глагольной формы в этом языке [4, 11—12]. Оно проявляется и в плюсквамперфекте, но в отличие от перфекта не в плане настоящего времени, а исключительно в плане прошедшего времени [4, 13].

Однако из этого не следует, что перфект и плюсквам-

перфект не способны выразить результативное состояние. Можно утверждать, что в подавляющем большинстве случаев перфект/плюсквамперфект тех глаголов, которые мы условно назвали глаголами изменения состояния, выступает как перфект/плюсквамперфект состояния. Другой типичный случай представлен перфектом/плюсквамперфектом интенсивных глаголов, в которых вторым компонентом (образующим глаголом) является глагол *rakhnā* 'держать', 'сохранять': *Māyā ke kandhe par hāth rakhkar kahā — hāy! apne bālō kā kyā hāl* **kar rakhā hai** *paglī ne!..* (N, 152) 'Положив свою руку на плечо Майи, [она] воскликнула: «Ой! Что ты, безумная, натворила со своими волосами!..» (или «Что это у тебя, безумная, с волосами!..»)'; *vah... senā kī vardī pahne hue thā... strī ne ek barī sī khākī barsātī mẽ apnā šarīr* **lapeṭ rakhā thā** (Aj., 85) 'Он был одет в военную форму... Женщина была закутана в большой серый плащ'.

В тех же случаях, когда выраженное значение результативного состояния нельзя связать с лексическим значением глагола или с составом композиты, оно обнаруживается в контексте. Пониманию плюсквамперфекта в значении результативного состояния особенно способствует описательный контекст: *cehrā unkā jhurriyō se bharā thā aur cašme kā frem nāk ke ūpar se* **ṭūṭ gayā thā**... *dāt unke naḳlī the aur šāyad ḍhīle bhī the* (P, 20) 'Его лицо было покрыто морщинами, а оправа очков была поломана над носом... Зубы у него были искусственные, и к тому же, возможно, еле держались'; *kintu ab Līlādhar ne lambī dāṛhī aur bāl* **kaṭvā liye the,** *sādhāraṇ nepālī vajrācārya kī tarah lag rahe the* (N, 151) 'Но теперь длинная борода и волосы у Лиладхара были острижены, и он походил на обычного непальского буддиста-проповедника'. Если принять во внимание теоретическое положение, согласно которому значение результативного состояния характерно для перфекта/плюсквамперфекта на первой стадии его эволюции, то следует сказать, что в этих примерах преобладает первоначальное значение плюсквамперфекта хинди, то значение, с которым генетически связаны семантические особенности плюсквамперфекта хинди и, следовательно, все частные случаи проявления его инвариантного значения, в том числе и значение актуальности предварительно завершенного действия[11].

[11] Инвариантное значение плюсквамперфекта хинди — это значение разобщенности завершенного в прошлом действия с ситуацией настоящего, в связи с чем выражаемая плюсквамперфектом актуальность действия может мыслиться только в плане прошедшего времени как частное значение, сопутствующее употреблению этой формы для передачи идеи предшествования в прошлом.

Следовательно, в целом (если взять всю глагольную лексику в различных контекстах) значение результативного состояния не получает четкого выражения в перфекте и плюсквамперфекте современного хинди. Иначе говоря, эти грамматические формы глагола не являются специальным средством, призванным передать это значение. Именно этим и объясняется распространенность в хинди иных средств выражения данного значения, о которых говорилось выше. Можно сказать, что перфект и плюсквамперфект (за исключением, пожалуй, случая с композитой, в которую в качестве второго компонента входит глагол *rakhnā*) оставляют данный семантический признак невыраженным (правда, и не отрицая его) именно постольку, поскольку он получает четкое, однозначное выражение за пределами этих грамматических форм. Вот почему при отнесении перфекта и плюсквамперфекта хинди к клетке γ (соответственно γ_1 и γ_2) схемы Е. Куриловича[12] следует сделать следующее уточнение: функцию γ в современном хинди однозначно выполняют те виды сочетания «перфективное причастие + *honā* (= *hai*/*thā*)», которые, за исключением случая с простым причастием от так называемых глаголов изменения состояния, не могут быть отнесены к традиционному перфекту/плюсквамперфекту.

1966 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

A — Upendranāth 'Aśk', Pījrā, Nīlābh-prakāšan-gṛh, tīsrā sāskaraṇ, Ilāhābād, 1952.
Aj. — Ajñey, Amarvallarī aur anya kahāniyā, Sarasvatī pres, Banāras, 1954.
B — «Bīrbal kī gāgar-sāgar», Hindī-pracārak-pustakālay, Vārāṇasī, 1963.
Br. — Ādarśakumārī Yašpāl, Braj kī lok-kathāē (bhāg 1), Ātmārām end sans, Dillī, 1957.
K, A — Kṛšna Candar, Ek gadhe kī ātmakathā, Rājpāl end sanz, dvitīya sāskaraṇ, Dillī,]б.г.].
K, T — Kṛṣṇacandra, Talāš, Hind kitābs limiṭed, Bambaī, 1950.
N — Nāgārjun, Dukhmocan, Rājkamal prakāšan, Dillī, 1958.
P — «Pāc lambī kahāniyā jinhē Mohan Rākeš ne cunā», Rājkamal prakāšan, Dillī, 1960; pṛ. 20 — Rājendra Yādav; 108, 116 — Nirmal Varmā; 128, 157, 159 — Mohan Rākeš.
U II — Sāvitrīdevī Varmā, Uttar Bhārat kī lok-kathāē (bhāg 2), Ātmārām end sans, Dillī, 1960.
U III — Sāvitrīdevī Varmā, Uttar Bhārat kī lok-kathāē (bhāg 3), Ātmārām end sans, Dillī, 1958.

[12] Помимо работ Е. Куриловича [3; 13; 14] см. также книгу З. Линхарда [15, 39] и статью Т. Я. Елизаренковой [9, 58—64].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давидова А. А., Основные синтаксические функции сложных причастий в урду,— «Уч. зап. ИМО», 1961, вып. 5.
2. Дымшиц З. М., Язык урду, М., 1962.
3. Курилович Е., Очерки по лингвистике, М., 1962.
4. Липеровский В. П., Категория наклонения в современном литературном хинди, М., 1964.
5. Маслов Ю. С., Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании,— сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962.
6. Чернышев В. А., Синтаксис простого предложения в хинди, М., 1965.
7. Allen W. S., A Study in the Analysis of Hindi Sentence-Structure,— «Acta linguistica», Copenhague, 1950—1951, vol. VI, fasc. 2—3.
8. «A Basic Grammar of Modern Hindi», Government of India, Ministry of Education and Scientific Research, 1958.
9. Elizarenkova T., About the Verbal System of Hindi,— «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.
10. Greaves E., Hindi Grammar, Allahabad, 1933.
11. Hacker P., [рец. на кн.:] S. Lienhard, Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi, Stockholm—Göteborg—Uppsala, 1961,— IIJ, 1962, vol. VI, № 2.
12. Hälsig M., Die Darstellung der resultativen Aktionsart der finitiven Sphäre im modernen Literaturhindi,— «Neue Indienkunde. Festschrift Walter Ruben zum 70. Geburtstag», Berlin, 1970.
13. Kuryłowicz J., Aspect et temps dans l'histoire du persan,— RO, 1953, t. XVI.
14. Kuryłowicz J., L'apophonie en indo-européen, Wrocław, [1956].
15. Lienhard S., Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi, Stockholm—Göteborg—Uppsala, 1961.
16. Phillott D. C., Note on the Statical and some other Participles in Hindustani,— BSOS, 1926, vol. IV, pt 1.
17. Pořízka V., Hindi Participles Used as Substantives,— AOr, 1950, vol. XVIII, № 4.
18. Kāmtāprasād Guru, Hindī vyākaraṇ, Kāśī, ṣaṣṭha punarmudraṇ, sāvat 2017.
19. Rāmcandra Varmmā, Hindī prayog, chaṭhā sāskaraṇ, Banāras, sāvat 2011.

В. В. Мамаева

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА ГУДЖАРАТИ

Подробное изучение личных форм глагола гуджарати началось с середины XIX в. В рассмотрении их авторы испытывали влияние английской системы времен. Группировка личных форм глагола в работах Г. Ш. Пхадке [7, 43—73] и У. Кларксона [2, 102—107] во многом совпадает: авторы рассматривают небольшое число наклонений (не более пяти) и исходят в основном из реальных данных языка, хотя следует отметить элементы калькирования английской схемы в трактовке глагольных времен.

Пхадке говорит о наличии в гуджарати четырех наклонений: изъявительного, возможного (=потенциального), сослагательного и аориста (=повелительного). Но это деление часто проводится совершенно произвольно, поскольку нет точного критерия в определении наклонений по форме и по значению. Так, формы сослагательного наклонения *hũ thaĩ* и т. д. (бывшее флективное настоящее время) Пхадке трактует то как «аорист» (общепринятое в то время название), то как повелительное наклонение. Изъявительное наклонение рассмотрено более подробно по сравнению с другими (14 времен). Однако и здесь можно заметить следующее: 1) для одного и того же термина «Future Present» (будущее-настоящее) Пхадке предлагает три варианта в гуджарати: *hũ thanār chaĩ* (причастие намерения), *hũ thaīś* (будущее простое), *hũ aṭakto* (*karto*) *hoīś* (будущее сложное несовершенное); 2) общее будущее время (Future) идентично «будущему-настоящему» (Future Present) — *hũ karīś* (*aṭakīś*); 3) одно и то же глагольное время (прошедшее несовершенное) — *hũ karto hato*, *hũ aṭakto hato* — Пхадке называет прошедшим совершенным временем (Past Perfect) для переходного глагола и прошедшим несовершенным (Past Imperfect, Preterit-Perfect) — для непереходного глагола; 4) для «preterit-perfect» автор предлагает четыре формы (*hũ thanār hato*, *hũ aṭakto hato*, *thao chũ*, *thato havo*), при этом следует заметить, что пер-

вая рассматривается им и как «прошедшее начинательное время» (Past Inceptive Tense). Тем не менее работа Пхадке представляет несомненный интерес как одна из первых попыток систематизации личных форм глагола гуджарати.

У. Кларксон различает в гуджарати пять наклонений: изъявительное, сослагательное, повелительное, инфинитив и аорист. Прежде всего в грамматике Кларксона следует отметить достаточно четкое разграничение времен, где причастные формы непосредственно указывают на разновидность времени (что нельзя сказать о грамматике Пхадке): 1) группа настоящего времени — причастия настоящего времени на *-tā*, *-tī*, *-tū*; 2) времена группы «Perfect» — причастия прошедшего времени на *-yo*, *-yī*, *-yū*; 3) группа «отдаленных» (remote) времен — второе причастие совершенного вида на *-elo*, *-elī*, *-elū*; 4) группа будущих времен — причастие будущего времени на *-vāno*, *-vānī*, *-vānū*. Однако в названиях времен и в определении сферы их употребления Кларксон непоследователен. Так, он находит следующие три будущих времени в изъявительном наклонении (*te lakhᵃše; te lakhᵃvāno che; te lakhᵃvāno huto*) и в аористе (*te lakhᵃvāno hoe; te lakhᵃvāno hoše; te lakhᵃvāno hot*), три настоящих времени в сослагательном наклонении (*te lakhe*; *te lakhᵃto hoe*; *te lakhᵃto hoše*). Наклонение «инфинитив» представлено формами герундия *thavū* (притяжательная форма *thavāno*) и причастия совершенного вида *thayū*.

Механическое подведение форм гуджарати под английскую систему личных глагольных форм влечет за собой следующие противоречия в грамматике Кларксона:

1. Будущее время изъявительного наклонения и первая форма «аориста» у Кларксона совпадают — *te hoše* (*te thaše*). (В принципе глагол-связка будущего времени может выражать предположение, но это не «аорист».)

2. Третье настоящее сослагательного наклонения, выражающее неуверенность, и вторая форма будущего времени «аориста» идентичны — *te thato hoše*.

3. Кларксон называет аористом «наклонение», содержащее семь глагольных времен [1) перфект — *te thayo che*, 2) отдаленный перфект — *te thayelo che*, 3) давнопрошедшее время — *te thayo hato*, 4) отдаленное давнопрошедшее время — *te thayelo hato*, 5) будущее время — *te thaše*, 6) второе будущее время — *te thavāno che*, 7) третье будущее время — *te thavāno hato*], с одной стороны, и два времени условного наклонения, рассматриваемые им как одно (*te lakhat*, *te lakhᵃto hato*),— с другой. Но это не все.

Давая сводную таблицу глагольных времен, первым Кларксон называет аорист *hū bolyo* 'Я сказал' (претерит изъявительного наклонения). Заслуга Кларксона в том, что

взятую за основу схему наклонений Пхадке он несколько систематизировал, в то же время ему удалось четко наметить границы повелительного наклонения (*lakh*, *lakho*, *lakje*, *lakhjo*) и, несмотря на обилие времен (в изъявительном наклонении — десять, в условном — девять, в «аористе»—семь), в сводной таблице выделить лишь восемь времен[1], которые в основном отражают данные гуджарати, а не калькирование английских форм.

В дальнейшем (1857—1867 гг.) изучение личных форм глагола гуджарати велось исключительно с точки зрения предвзятой логической схемы, что повлекло за собой увеличение числа как наклонений, так и времен. Так, например, Э. Леки [6, 59—92] рассматривает восемь наклонений (изъявительное; сослагательное; желательное; наклонение, выражающее сомнение; повелительное; I потенциальное; II потенциальное и неопределенное), где невозможно установить ни границ наклонений, ни границ времен, поскольку взятая за основу схема подводит одни и те же формы гуджарати под различные рубрики, часто несовместимые. Возьмем для примера изъявительное наклонение, где автор рассматривает 16 глагольных времен. Из них два настоящих (1st and 2nd Present Tenses) — *hũ thaĩ* и *hũ thaĩ chũ*; два прошедших обычных времени (1st and 2nd Past Habitual Tenses) — *hũ thaĩ*, *hũ thato*; два будущих прошедших (1st and 2nd Past Future Tenses) — *hũ thanar hato*, *thavãno* (*thanãro*) *hato* и т. д.

К трактовке пяти будущих времен изъявительного наклонения Э. Леки подходит также без определенного критерия, часто приводя теоретически возможные, но реально неупотребительные формы: границы их определяются то по глаголу-связке, то по причастию [причастию намерения на *-nãr* (*-nãro*) и причастию будущего времени на *-vãno*]. В грамматике Леки дает противоречивые названия одним и тем же формам, а именно:

1) форма *hũ thaĩ* в одно и то же время называется и первым настоящим временем (1st Present Tense), и первым прошедшим обычным временем (1st Past Habitual Tense), а также оптативным наклонением, первым аористом сослагательного наклонения и первым настоящим временем II потенциального наклонения;

2) второе обычное прошедшее время (2nd Past Habitual Tense) и прошедшее неопределенное время (Past Indefinite Tense) совпадают: *hũ thato-tĩ-tũ*;

3) одинаковы по форме первый перфект (1st Perfect) и прошедшее неопределенное время (Past Indefinite Tense): *hũ thao*, *thaelo*.

[1] Временами для краткости здесь и далее называются «Tenses», т. е. все конкретные модально-временные парадигмы.

Другие наклонения по сравнению с изъявительным рассматриваются еще менее удачно, поскольку оттенки значений одной и той же формы принимаются за самостоятельные наклонения. Так, например, первое настоящее время наклонения, выражающего сомнение, совпадает с первым будущим изъявительного наклонения и первым настоящим временем II потенциального наклонения: *hũ hoĩ*.

Ш. Эдалджи [5, 49—114] подробно повторяет трактовку Леки, отбрасывая лишь инфинитивное наклонение[2].

Конец XIX в. открывает новую веху в изучении личных форм глагола гуджарати. На смену фантастическому нагромождению времен и наклонений, не соответствующему реальным фактам языка, приходит достаточно стройная систематизация личных глагольных форм. К числу таких исследований прежде всего следует отнести грамматику гуджаратского автора Д. Д. Далала [3, 26—38], который в трактовке личных глагольных форм впервые исходил из действительно существующих парадигм и их соотношений. Работа Далала явилась основой для дальнейшего изучения личных форм глагола современного литературного гуджарати. Наклонения в этой грамматике выделяются по форме и значению, впервые говорится о наличии в гуджарати трех наклонений (изъявительного, сослагательного и повелительного) и одиннадцати глагольных времен (трех «основных», т. е. простых — настоящее, прошедшее, будущее — и восьми сложных — сложное настоящее, имперфект, перфект, плюсквамперфект, перфект II, плюсквамперфект II, сочетание герундия с послелогом включается в парадигму как будущее время — «будущее-настоящее» и «будущее-прошедшее» в зависимости от связки).

Слабость грамматики Далала заключается в том, что автор объединил сослагательное (*bolũ — bole*) и условное (*bolto hot*) в одно наклонение, не зафиксировал формы с вспомогательным глаголом *hoĩš*, выражающие предположение. Следует отметить некоторую схематичность, отсутствие подробного описания употребления времен, особенно нереального наклонения (сослагательное и условное наклонения, как уже было сказано, Далал отождествляет).

Тейлор [8, 41—75], ссылаясь на Далала, во многом разделяет подход своего предшественника. Как и Далал, он рассматривает сослагательное и условное как одно накло-

---

[2] Практический учебник Роберта [7а] выгодно отличается от рассмотренных выше грамматик. Изъявительное и повелительное наклонения представлены в нем соответствующими глагольными формами, хотя в сослагательное наклонение автор включает три нереальных (косвенных) наклонения: а) сослагательное (*hũ lakhaũ*), б) условное (*hũ lakhato hot*), в) предположительное (*hũ lakhato hoĩš*) [7а, 411—412].

нение, однако в определении сложных глагольных времен расходится с Далалом. Говоря о наличии в гуджарати шести сложных глагольных времен (трех настоящих и трех прошедших), Тейлор исключает два «будущих времени» (см. выше).

Наряду со стандартными формами Тейлор дает и диалектные, а также комментарии к ним.

Г. Тисдал [9, 45—76], так же как и Далал, рассматривает в гуджарати три наклонения — изъявительное, сослагательное и повелительное. Р. К. П. Триведи [15, 197—237] с таким делением не согласен. Он довольно подробно показывает случаи употребления сослагательного наклонения и специально выделяет условное наклонение.

Во всех рассмотренных выше грамматиках классификация личных глагольных форм гуджарати не имеет четкого обоснования и точных критериев; в них мало говорится об оттенках значений и употреблении глагольных форм, глагольная система рассматривается в самых общих чертах.

Современные гуджаратские грамматисты [10. 48—68; 14, 47—100; 17, 19—20; 19, I ч. 58—70, II ч. 1—17; 26, 1—43; 28, 42—51; 29, 92—190] в трактовке личных глагольных форм в основном правильно отражают наиболее общие противопоставления в системе времен и наклонений, почти не уделяя внимания обоснованию и иллюстрации своих положений, а также семантическому анализу форм.

Прежде всего следует отметить грамматику Нханалала Далпатрама [17], где автор предельно кратко излагает основные парадигмы современного гуджарати. В глаголе он выделяет три наклонения, отождествляя условное и сослагательное.

Остальные авторы [10; 14; 19; 26; 28; 29] говорят о наличии в гуджарати четырех наклонений — изъявительного, повелительного, сослагательного и условного. Джхавери [10], Десаи, Мехта [19] и другие авторы, работы которых имеют исключительно практическое назначение, наклонения, как таковые, не рассматривают, а различные модальные формы включают в парадигмы времен. Бхаяни [24—26], Шастри [29] и Триведи [14] личные формы глагола рассматривают в сравнительно-историческом плане, мало уделяя внимания оттенкам модальных и временных значений современного литературного гуджарати. Работы современных гуджаратских авторов представляют интерес с точки зрения методики описания глагольных форм — от конкретных документированных примеров к обобщению, чего не встречалось у предшествующих авторов, приводивших в основном только парадигмы.

Советскими лингвистами личные формы глагола гуджа-

Сводная таблица времен и наклонений
(приводятся только формы 3-го л. ед. ч. м. р.)

Наклонение		Время	Непереходный глагол	Переходный глагол
Изъявительное	группа настоящих времен	общее	*te bole* *	*te kahe*
		несовершенное	*te bole che*	*te kahe che*
		совершенное (перфект I)	*te bolyo che*	*teṇe kahyū che* **
		эмфатическое совершенное (перфект II)	*te bolelo che*	*teṇe kahelū che* **
	группа прошедших времен	простое совершенное (претерит)	*te bolyo*	*teṇe kahyū*
		несовершенное (имперфект)	*te bolto hato*	*te kaheto hato*
		предпрошедшее (плюсквамперфект I)	*te bolyo hato*	*teṇe kahyū hatū*
		эмфатическое предпрошедшее (плюсквамперфект II)	*te bolelo hato*	*teṇe kahelū hatū*
		будущее простое	*te bolše*	*te kaheše*
Предположительное		несовершенная форма	*te bolto haše*	*te kaheto haše*
		совершенная форма	*te bolyo haše*	*teṇe kahyū haše*
Сослагательное		общая форма	*te bole*	*te kahe*
		несовершенная форма	*te bolto hoy*	*te kaheto hoy*
		совершенная форма	*te bolyo hoy*	*teṇe kahyū hoy*
Условное		общая форма	*te holat*	*te kahet*
		несовершенная форма	*te bolto hot*	*te kaheto hot*
		совершенная форма	*te bolyo hot*	*teṇe kahyū hot*
Повелительное		2-е лицо *bol, kah* (ед. ч.); *bolo, kaho* (мн. ч.) Формы оптатива *bolje, kahje* (ед. ч.); *boljo, kahjo* (мн. ч.)		

* Здесь, как и в других наклонениях, причастия изменяются по родам (ед. ч. м. р. *-o*, ж. р. *-ī*, ср. р. *-ū*) и числам (мн. ч. м. р. *-ā*, ж. р. *-ī*, ср. р. *-ā*).

** При переходных глаголах дается нейтральная конструкция (ед. ч. ср. р.).

рати специально не изучались. В очерке Л. В. Савельевой «Язык гуджарати» [1, 40—50] в краткой форме даются лишь наиболее общие сведения о наклонениях и временах этого языка.

Парадигмы личных форм переходного и непереходного глаголов современного литературного гуджарати представлены в таблице на стр. 120.

Рассмотрим систему времен современного литературного гуджарати.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

1. Группа настоящих времен

Несовершенное (продолженное) время выражает следующие значения:

а) действие, протекающее в настоящий момент: *hamnāṅ sīdhoj ṭren uparthī* **āvuṅ chuṅ** (G.Br. I, 131) 'Сейчас я иду прямо с поезда'; *bhāratnī bhūmikā sāthe ame ek savāl karyo: «jo makāno pūrtan na hoy to kāmdāro kyāṅ rahe?» javāb: «tame* **juo cho** *ke šerīmāṅ ṛahetā nathī. tame* **juo cho** *ke navaṅ makāno paṇ baṅdhā'ī rahyāṅ che* (R.P., Bh.Š., 138) 'Мы задали вопрос, имея в виду жизнь в Индии: «Если не хватает домов, то где живут рабочие?» — Ответ: «Вы видите, что на улице не живут. Вы видите, что строятся и новые дома»'; *vicāro āgaḷ* **cāle che.** *kalpanā dhūmraser dvārā navaṅ dṛšyo* **jue che** (G. Br. I, 66) 'Мысли идут дальше. Воображение рисует (видит) новые видения струйками дыма сигары';

б) констатация факта действия: *pamīrnā uccā pradešne duniyānuṅ chapruṅ* **kahevāmāṅ āve che** (R.P., Bh.Š., 164) 'Высокогорный Памир называется «Крышей мира»'; *dayārāmnī kavitāmāṅ suṅdar varṇan citro* **maḷe che** (D.I., 91) 'В поэзии Даярама встречаются красивые описания';

в) ближайшее прошедшее: «*Šuṅ* **kaho cho?**» *mārī patnī maṅgalāe pūchyuṅ. «hā divā jevī vāt che»* (Bh.Š., 2) '«Что вы говорите? — спросила моя жена Мангла.— Да все ясно, как день»'.

В современном гуджарати существуют две формы перфекта — перфект I и перфект II. Они обе выражают завершенность действия к моменту высказывания и результативность, однако перфект II особо подчеркивает факт совершения действия.

Перфект I выражает такое совершенное действие, результат которого (к определенному моменту в прошлом или безотносительно к нему) имеется налицо в настоящее

время: *leningreḍmāṅ krānti pachī anek moṭāṅ kārkhānāṅ'o* **ubhāṅ thayāṅ che,** *ṭemāṅ ṭarbā'īn feḳṭarī mukhya che* (R.P., Bh.Š., 94) 'После революции в Ленинграде построено много больших заводов, среди них главный — турбинный завод'; *gujarātī «gaurjara apabhramśa» nāmnī bhāṣāmāṅthī* **ūtarī āvī che** (D.J., 1) 'Гуджарати происходит от языка, называемого «гаурджара апабхрамша»' (в этих двух примерах действие завершено давно, но продолжается в своих результатах); «*Šuṅ* **lakhyuṅ che**» *ko'īe pūchyuṅ* (G.Br. I, 42) '«Что [здесь] написано?» — кто-то спросил'; *gāḍī pleṭform par āvṭāṅ j majuroe samācār āpyā ke muṁba'īno meīl* **ūpaḍī gayo che** (M. Cun., 122) 'Как только машина подъехала к платформе, носильщики сообщили, что скорый поезд на Бомбей ушел'; *sūraj ṭhīk ṭhīk māthe* **caḍī gayo che** (Bh.Š., 58) 'Солнце поднялось над самой головой' (в последних трех примерах действие произошло только что).

Перфект II образуется сочетанием причастия II прошедшего времени (на *-elo, -elī, -elū, -elā, -elī, -elā*) в соответствующем роде и числе с глаголом-связкой *hovū* в настоящем времени, причем глагол-связка нередко опускается. В отличие от перфекта I перфект II в современном гуджарати подчеркивает факт совершения действия: *bhaṅḍurī sṭešan par ṭreīnno traṇ minaṭno «holt» ṭā'īm — ṭebalmāṅ* **sucavāyelo** (M.Cun., 92) 'В расписании было сообщено о трехминутной остановке на станции Бхандури'; *meḍikal kolejnā trījā cothā varṣnā abhyās māṭe tyāṅ* **goṭhvān karelī che** (R.P., Bh.Š., 19) 'Там был организован (создан) трехчетырехгодичный курс медицинского колледжа'; *tamām mašīnarī leningreḍmāṅ* **banavelī che**. *darek kriyā mašīnthī thāy che* (R.P., Bh.Š., 119) 'Все машины были сделаны в Ленинграде. Каждая операция выполняется при помощи машины'.

2. Группа прошедших времен

Претерит (прошедшее совершенное простое время) по форме равен причастию I прошедшего времени (в единственном числе *-yo, -yī, -yū*, во множественном числе *-yā, -yī, -yā*). Он выражает действие, законченное в прошлом; при этом акцентируется лишь факт совершения действия, независимо от времени, которое может быть указано и опущено: *divaso* **gayāṅ** (Bh.Š., 23) 'Прошли дни'; *farī pachī e strīnā vadan upar* **surkhī farī valī** (G.Br. I, 149) 'Снова лицо той женщины покраснело'; *traṇ varṣe laḍā'ī paṇ* **baṅdh paḍī** (M.Cun., 128) 'За три года и вражда прекратилась'.

Иногда претерит может выражать совокупность одно-

родных действий, представленных как единое целое: *stešan bahārnā yogānmāṅ sabhā maḷī, svāgat pravacno thayāṅ ane ame yuvropā hoṭel taraf haṅkārī gayāṅ* (R.P., Bh.Š., 116) 'На привокзальной площади состоялся митинг, произносились приветственные речи, и мы отправились в гостиницу «Европейская»'.

Претерит может выступать в значении ближайшего будущего, например: «*kaṅ'ī nahi, huṅ te ā* **cālyo**» *kahi šašī tenī sāme jo'ī jarā basīne darvājānī bahār nīklī gayo* (G.Br. I, 82) 'Сказав «Ничего, я пойду!» [и] посмотрев на нее с улыбкой, Шаши вышел за дверь'.

Имперфект (прошедшее несовершенное время) обозначает отнесенность действия ко времени, предшествующему моменту высказывания, причем окончание действия не указывается. Имперфект выражает следующие основные значения:

а) незавершенное действие в прошлом без указания конкретного периода или момента: *ṭelifonmāṅ, miyāṅsā'b* **boltā hatā** *tyāre haṅftā hatā* (G.Br. I,2) 'Когда Миянсаб говорил по телефону, то [он] тяжело дышал'; *khaḷ-khaḷ pāṇī* **vaheṭā hatā** (Bh.Š., 1) 'Журча, текла вода'; *rāt* **vīttī hatī...** *ramatnī gatišīltā* **vadhatī jātī hatī** (M. Cun., 138) 'Ночь продолжалась... темп игры возрастал'.

Иногда имперфект может выражать длительное действие при указании времени в прошлом: *rātre agiyār vāgye briṭišlāvā pahoṅcyo. rastāmāṅ amārā svāgat māṭe rah joīne ek ṭoluṅ traṇ kalākthī ubhuṅ hatuṅ. ā bāḷako, strīo ane puruṣo «Šaṅtī jhīndābād»* **pokartāṅ hatāṅ** *«bhāratjhek dostī amar raho»* **boltāṅ hatāṅ** (R.P., Bh.Š., 204) 'Вечером в 11 часов приехали в Братиславу. По дороге, ожидая встречи с нами, в течение трех часов стояла толпа [народа]. Дети, женщины и мужчины выкрикивали: «Да здравствует мир!» [Восклицали]: «Да будет вечно индийско-чешская дружба!»'; *Mahāšivarātrīnā divasomāṅ bhavešvarne meḷe yātrīo* **jatā hatā** (M.Cun., 83) 'В дни праздника Махашиваратри шли паломники на ярмарку Бхавешвара';

б) обычность, повторяемость действия: *ko'ī ko'ī vār dayā* **māgtī.** *bāḷak māṭe ṭaḍhe faḍfaḍtā bāḷak māṭe ekad fāṭyuṅtūṭyuṅ vastra* **māgtī hatī.** (G.Br., 12) 'Иногда она просила милостыню. Для ребенка, дрожащего от холода ребенка просила рваную тряпицу';

в) длительное действие, в течение или в один из моментов которого совершается другое действие: *mārā ane enā nānpaṇnā keṭlā keṭlā vicāro ā vāto* **cāltī hatī** *tyāṅ mārā magajmāṅ āvī gayā* (G.Br. I, 112) 'Сколько мыслей о моем и его детстве возникало в уме, когда шел этот разговор'.

Плюсквамперфект I (предпрошедшее время) выражает отнесенность действия ко времени, предшествующему какому-либо моменту в прошлом. Кроме того, он указывает на завершенность действия в прошлом, с одной стороны, и сохранение результата осуществленного действия в прошлом,— с другой: *moskonī yuvropā hoṭel ame choḍtāṅ hatāṅ. amāro sāmān basmāṅ* **caḍi gayo hato** *ne ame mosconī vidāy laī rahyāṅ hatāṅ* (R.P., Bh.Š., 155) 'Мы покидали московскую гостиницу «Европейская». Наш багаж уже был положен в автобус, и мы прощались с Москвой'; *lāl jhaṅḍī jo'īne enjine brek lagāvī tyāre pleṭform pūruṅ thāvā* **āvyuṅ hatuṅ** (M.Cun., 86) 'Платформа уже кончилась, когда, увидев красный флажок, [машинист] остановил паровоз'.

Сохранение результата действия в прошлом для настоящего наиболее ярко выражено в следующем предложении: *bīje divase savāre das vāge kheṭīvāḍī pradaršan jovā gayuṅ... soviet saṅgnā... prāṅtoe potānī sthāpatya kaḷānā sarvottam maṅḍapo tyāṅ* **ubhā karyā hatā** (R.P., Bh.Š., 117) 'На другой день в 10 часов утра мы отправились смотреть сельскохозяйственную выставку... Там были построены прекрасной архитектуры павильоны... республик Советского Союза'; *akhonuṅ lagbhag samagra jīvan ane premānaṅdnā jīvannāṅ prāraṁbhnāṅ trīsek varṣo gujarātnī sthirtānā ane svasthatānā ek saikā* (*1573—1663*) *daṛmyān* **pasār thayāṅ hatāṅ** (D.J., стр. 47) 'Почти вся жизнь Акхо и первые 30 лет жизни Премананда прошли в одном веке (между 1573—1663 гг.) — веке укрепления и расцвета Гуджарата' (в этом предложении подчеркивается, что действие завершено в прошлом и, по-видимому, чем-то отделено от настоящего времени).

Плюсквамперфект II (эмфатическое предпрошедшее время) указывает на (а) завершенность действия в некоторый или к некоторому моменту в прошлом и (б) акцентирует несомненную результативность действия в прошлом: а) *ā traṇ cār varṣamāṅ teno* [*hīrāno*] *bāp* **marī gayelo hato,** *bhā'ī pardeš* **cālyo gayelo hato** (G.Br. III, 60) 'За эти три-четыре года его (Хиры) отец умер, брат уехал за границу'; *ṭikiṭmāṅ chapāyelī tārīkh ūpar najar gaī to temāṅ jūnnī bavīsmī tārīkh* **chapāyelī hatī** (G.Br. II, 75) 'Он посмотрел на число, отпечатанное на марке — на ней было напечатано [число] 22 июня'.

3. Будущее время

Простое будущее время современного гуджарати по значению сходно с будущим временем русского языка, как с простым (несовершенного вида), так и со сложным

(совершенного вида). Простое будущее гуджарати выражает следующие значения:

а) отнесенность действия ко времени, предстоящему по отношению к моменту высказывания; несомненный факт совершения действия в будущем: «*mane māf karjo. ā beṅk baṅdh che?*» «*hā jī, kāle savāre āṭh vāgye* **khulāše!**» (R.P., Bh.Š., 215) 'Извините меня, пожалуйста, этот банк закрыт?» — «Да, завтра в 8 часов утра откроется!»'; *mārā pravacanonī asar ā ajāṇyā āvelā mehmān par thāi hatī, paraṅtu patnī bahārthī* **āvaše** *to jarūr āne cer* **mānše,** *labāḍ* **gaṇaše** *ane rātvāse sāf* **na saṁbhaḷāvaše** (By.Š., 66) 'Моя речь произвела большое впечатление на незнакомого гостя, но когда вернется моя жена, то она непременно примет его за вора, посчитает его мошенником и наотрез откажется пустить его переночевать' (оттенок предположения);

б) выражение условно-предположительной модальности: «*ne mā laḍā'īmāṅ* **jā'īš** *tyāṅ paṅdar pagār vadhāre, badho pagār mā, ahīṅ sarkārī māṇas āvīne j āpī jaše*» (Bh.Š., 56) 'И, мама, если я пойду на войну, то зарплата возрастет на 15 [рупий], всю зарплату тебе здесь же передаст государственный служащий'; *ā patra tane bīḍīne tartaj huṅ evī jagyae* **cālī jā'īš** *jyāṅ tuṅ game teṭlā prayatna karīš to ye mane nāhi šodhī šake* (G.Br. II, 211) 'Заклеив письмо, я сейчас же уеду в такое место, где, сколько бы ни старался, ты меня не сможешь найти';

в) выражение вежливой просьбы: *agāšīmāṅ paḍelī ek ārām-khuršī upar bestāṅ bestāṅ te bolyā:* «*jarā, ek ciruṭ* **āpašo?**» (G.Br. I, 55) 'Сидя в кресле, находящемся на террасе, он сказал: «Будьте добры, принесите сигарету (букв. не принесете ли [Вы] сигарету?»'.

Глагол-связка hovũ 'быть' в будущем времени[3] выражает возможность, предположение: *Barobar ājna vararājā jevoj e juvān. raṅge eṭloj goro sahej* **višeṣ haše** (G.Br. I, 56) 'Этот юноша точно похож на сегодняшнего жениха. Цвет кожи такой же светлый, может быть, немного светлее'; «*mārā bāp, keṭlī moṭī rāt! varṣanī ā lāṁbāmāṅ lāṁbī rāt* **haše!**» (G.Br. II, 75) '«Боже мой, какая долгая ночь! Это, должно быть, самая длинная ночь в году!»'.

В самом будущем времени, как видно из приведенных выше примеров, заложен оттенок модальности, так как нет полной уверенности в завершении действия. Поскольку сам глагол-связка будущего времени содержит оттенок предположительности, вполне естественно наличие значения пред-

[3] Глагол-связка *thavũ* в будущем времени употребляется непосредственно для выражения общего будущего времени: *bhaviṣyamā evū j* **thaše** (P., II, 35) 'Так оно будет и впредь'.

положения в производных формах — несовершенной и совершенной. Это дает основание выделить их в самостоятельное наклонение — предположительное, которое лишь по форме тяготеет к будущему времени.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Сложные формы будущего времени используются в современном гуджарати только в значении предположительного наклонения.

Несовершенная форма предположительного наклонения образуется сочетанием причастия настоящего времени в соответствующем роде и числе с формами глагола-связки *hovū* в простом будущем времени. Она выражает предположение о незавершенном действии, относящемся к настоящему времени или прошедшему:

а) возможность протекания действия в настоящем без указания на его завершение: *farī pācho prabodhno gusso bhabhūkī ūṭhyo: «ne pote to atyāre nirāṅte pathārīmāṅ paḍyā paḍyā* **ghortā haše**» (G.Br. I, 46) 'Снова вспыхнул гнев Прабодха: «А сам-то, наверное, преспокойно лежа в кровати, похрапывает»; *ene* **sāṁbhartuṅ haše** *ke pote das varṣāno thayo tyāre hāthī par besīne paraṇvā nīkaḷele* (Dhūm. I, 38) 'Он, должно быть, еще помнит, что выехал на слоне на свою свадьбу, когда ему было 10 лет';

б) возможность протекания действия в прошлом: *mẽ sājā thaī jašone to klās to bījo* **āvte haše** *to pahelo āvše, paṇ ājej huṅ tamne ciṭṭhī lakhī āpuṅ chuṅ, tame hospiṭalmāṅ dākhal thaī jā'o* (G.Br. II, 95) [Если до лечения], наверно, у Вас был бы второй класс, то [теперь, после лечения], получите первый. А я сегодня же пишу направление, ложитесь в больницу!'.

Совершенная форма предположительного наклонения образуется сочетанием причастия совершенного вида в соответствующем роде и числе с формами глагола-связки *hovū* в простом и будущем времени. Совершенная форма предположительного наклонения выражает следующие значения:

а) возможность завершения действия безотносительно ко времени в прошлом: *sarvasva ūṭhāvī gayā pachī paṇ ā ek šīše choḍtāṅ javā badal jānkīnāthne ene soso vār ābhār* **mānyo haše** (M.Cun., 48) 'Он, должно быть, сотни раз поблагодарил Джанкинатха за то, что тот оставил одно зеркало, после того как увез все вещи'; *prayatṇane saphaḷtā paṇ maḷtī lāgī. ne kadāc huṅ* **uṅglī** *paṇ* **gayo hoīš,** *paṇ tyāṅ to bājunā kanuvāḷā orḍamāṅ prakāš thayo...* (G.Br. II, 72)

'Казалось, старание увенчалось успехом. Глаза смыкались. И возможно, я даже задремал, но в соседней комнате Кану зажегся свет...';

б) возможность завершения действия к настоящему времени: «*bicārī bā*», *te gangaṇyo:* «*āṅtā māre che*». «*ne pitā śrī to*, «*teṇe gussāthī vicāryuṅ: «e... nirāṅte* **paḍhyā haše**» (G.Br. I, 47) '«Бедная мама,— шептал он,— хлопочет» (букв. ходит туда-сюда). «А отец,— подумал он злобно,— он... наверно, уже беззаботно спит»'.

Итак, причастия в предположительном наклонении выражают несовершенность действия, в то время как связка указывает на модальный характер его протекания.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В современном литературном гуджарати сослагательное наклонение представлено тремя формами — общей, несовершенной и совершенной (см. табл. на стр. 120). Оно придает реально существующим действиям оттенки неуверенности, опасения, пожелания, возможности и т. д.:

1) неуверенность, неизвестность: *ko'ī pūche to kahetāṅ: «nā bā'ī, gharmāṅ vahu bicārī* **māṅdī hoy** *ne huṅ kyāṅ bahār āthaḍuṅ? chokro* **māṅdo hoy** *to to vahu bicārī enī cākrī kare. paṇ vahunuṅ koṇ kare?*» (G.Br. III, 96) 'Когда его кто-нибудь спрашивал, то он отвечал: «Если бедная невестка дома больна, куда я пойду болтаться? Но если сын заболеет, то будет ухаживать бедная жена. А кто же за невесткой?»'; *āvuṅ vastu hāthmāṅ āvī jāy ane ākhī vāt manmāṅ goṭhvāī gaī* **hoy,** *pachī munīr jevā lekhak māṭe «muškel» šuṅ hoī šake?* (G.Br. II, 131) 'Если в руки попалась такая тема и весь рассказ продуман в голове, что может быть «трудного» для такого писателя, как Мунир?';

2) опасение: *huṅ kāmdār* **hoũṅ** *to āṭlī vār lāge kharī?* (Dhūm. I, 30) 'Было бы так поздно [принять участие в забастовке за повышение заработной платы], если бы я был рабочим?'; *mane ke moṭā bhāīne jarā paṇ tāv* **āvyo hoy** *to rāte be-traṇ vār ba amāro bhāv pūchī j jāy. Vasaṅtne ke bhābhīne maṅdmaṅd* **jholuṅ āvyuṅ hoy** *tyāṅ j bāno āvāj āve: «bhāī have kem che?*» (G.Br. III, 51) 'Если бы у меня или у старшего брата хотя бы немного поднялась температура, то ночью мать обязательно спросила бы несколько раз о нашем здоровье. Едва успевали Васант или невестка вздремнуть, как тут же слышался голос матери: «Как самочувствие брата?»';

3) пожелание (обычно относится к будущему времени или иногда к общему настоящему): *āvtīkāle bā* **amārī sāthe hoy**

tyāre to mane e bhūkhmāre karvā detāṅ aj nahi (M.Cun., 28) 'Если бы моя мать была завтра со мной, то я бы не голодал'; *kaṅ'ī* **bhūl thāi hoy,** *to māf karjo* (Dhūm. III, 5) 'Извините меня, если я ошибся'; *emnī kalpanā murti ākār le ane citr saphal* **thāy** *to hindbharmāṅ amne ḍaṅke vāgī jāy* (M.Gun., 10) 'Если бы его (художника) воображение приняло конкретную форму, то он стал бы известным во всей Индии';

4) возможность, предположение: *padhāro! padhāro! āpne kyāṅthī* **dhyāṅ hoy** *ke ā kanaiyo rāh jue che!* (Dhūm. I, 28) 'Заходите! Милости просим! Как можете вы знать, что этот Канай ждет вас!'; *jāṇe ā* **sāṁbhaḷtoj na hoy** *ten bālmukūnde koṭ utāryo* (Bh.Š., 131) 'Балмукунд снял пиджак, как будто не слышал этого'; *«bījā sāthe e* **game evī haše** *paṇ mane to e cāhtī hoṅ! kharekhar!» e vicāre enuṅ puruṣābhimāṅ saṅtoš pāmyuṅ* (G.Br. I, 33) '«Может быть, она нехорошая с другими, но меня она любила! Действительно» — когда он так думал, его мужская гордость была удовлетворена'; *kapāḷ par, moṅ par ke āṅkmāṅ kyāṅ'y tej na hoy tyāre māṇas ghaṇuṅ karīne goldsmithno «vilej skūlmāstar» ā sadīno karkun ke posṭmāstar* **hoy** *che* (Dhūm. I, 7) 'Если не светят ярко [мыслью] лоб, лицо или глаза, то человек, пожалуй, является преподавателем деревенской школы в Голдсмите, современным клерком или начальником почты'.

В приведенных выше примерах формы сослагательного наклонения выражают предположение с оттенком сомнения и возможности. Если предположение очень уверенное, категоричное, то в этом случае глагол-связка употребляется в будущем времени: *tyāre āyešānī umar māṅḍ agiyār bār varasnī* **haše** (G.Br. I, 191) 'Тогда Аеша было, наверное, лет одиннадцать-двенадцать'; *baṅne juvān hatī, paṇ temāṅnī ek kartāṅ bījī jarā višeṣ. juvān* **haše** G.Br. II, 5) 'Обе были молодые, но вторая из них, наверное, моложе первой'.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Морфологическая структура условного наклонения современного гуджарати представлена флективными и аналитическими формами. По характеру протекания действия глагольные времена условного наклонения можно разделить на три группы: настоящее простое, настоящее сложное и прошедшее.

Простое настоящее время совпадает с краткой формой причастий (с окончанием на *-t* для любого лица, числа и рода). Оно выражает пожелание, предположение, нереальное условие, которое не может быть осуществлено,

так как налицо факт совершения противоположного: *cālo ṭhīk che ke huṅ hato. bījo* **hot** *to jān laī jāy!* (M.Cun., 87) 'Хорошо, что был я. Если бы был другой, убил бы'; *Šeṭhjī, āp to savārmāṅ cālī javānā cho nahĩtar e chorko āpne* **batāvat.** *eṭlo khūb sūrat che!* (G.Br. I, 196) 'Господин хозяин, Вы утром уезжаете, а то я бы Вам показал того мальчика. Какой он красивый!'.

Из приведенных примеров видно, что эти нереальные условия и предположения относятся к настоящему времени.

Настоящее сложное и прошедшее времена образуются аналитически — путем сочетания причастий соответственно настоящего и прошедшего времени с глаголом-связкой условного наклонения *hot* (для любого лица, числа и рода). Настоящее сложное время выражает нереальное условие и пожелание, а прошедшее время обозначает законченное действие, которое не имеет результатов, в настоящем, например: *māsīe haḷvā nisāsā sāthe umeryuṅ: «nāniyo* **jīvto hot** *to āje kevḍo moṭo* **thaī gayo hot»** (Dhūm. IV, 25) 'Тетя добавила с легким вздохом: «Если бы жив был Нанио, каким большим бы он стал!'; *e samaye jo rašiyan šramjīvī varge krāṅtikarīne jharvādī rājvaṅšne uthalatvī* **na paḍyo hot,** *to soviyet saṅgmāṅ šāhīvādī hastakṣep karvānī temne jarūr j* **na paḍī hot.** *e uparāṅt, ā jagatnā sau pratham samājvādī dešne bhūkh mārīne ane ārthik khaṅdnātmak pravṛtti dvārā, eniṅ gayuṅ ghoṅṭvāno paṇ šāhīvādī pūrī jarāe* **prayatna na karyo hot** (L.S., 19.7.1966) 'Если бы пролетарская революция в России не свергла тот строй эксплуатации и национального угнетения, который безраздельно правил прежде миром, то не было бы империалистической интервенции в Советскую страну. Кроме того, не было бы попыток империалистов задушить первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян с помощью голодной блокады и экономических диверсий'.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В современном литературном гуджарати формы повелительного наклонения, равные основе глагола, оканчивающиеся на *-o* и *-jo*, соответственно, выражают грубый приказ, категоричную просьбу и вежливое обращение (однако между формами с окончанием на *-o* и *-jo* нет резко выраженной грани как в литературном, так и в разговорном гуджарати):

1) грубый приказ: *Šeṭh krodhthī kaṅptā ūbhā thaī gayā. mehtājī nī sāme jo'ī būm mārī: «Āne* **kaḍh** *ā vejāne ahīṅthī, kāmmāṭe jīv le che!»* (G.Br. I, 11) 'Дрожащий от гнева

господин встал и, глядя прямо на секретаря, закричал: «Выгони этого Веджу отсюда, мешает во время работы!»';

2) приказание, категоричная просьба: *tame* **kām** *to* **karo!** (G.Br. II, 134) 'Вы работайте!'; «*eno nokar* **rākhjo**», *dādāe farmāvyuṅ* (G.Br. II, 135) '«На них (10 рупий) наймите слугу»,— приказал дедушка';

3) просьба, вежливое обращение: «*lo, hujur, ā kampanī bāg. āp* **ārām karo**» (G.Br. I, 196) 'Вот это Кампани парк, Ваше Величество. Отдыхайте'; *teo āve tyāre mane* **khabar āpjo** (Bh.Š., 47) 'Дайте мне знать (скажите), когда он придет'; *nāke āvyā tyāṅaj tenā sasrāe bhanunā kākāne kahyuṅ: «juo, tamāre badhāe nāhī dhoīne jamvānuṅ māre tyāṅ che hoṅ!* **jaldī āvī pahoṅcjo.** *rasoī taiyār haše*» (G.Br. I, 163) 'Как только они завернули за угол его (дома), его свекор сказал дяде Бхану: «Смотрите, Вы должны пообедать у нас после омовения. Приходите, пожалуйста, поскорее. Обед будет готов!»'.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

G.Br. I — Gulābdās Brokar, Ūbbī-vāṭe, Surat, 1956.
G.Br. II — Gulābdās Brokar, Prakašnuṅ smit, Surat, 1956.
G.Br. III — Gulābdās Brokar, Latā ane bījī vāto, Surat, 1957.
M.Cun. — Maḍiyā Cunīlāl, Vārtāvalī, Mumbaī, 1956.
Bh.Š — Bhānubbā'ī Šukla, Sagī āṅkhe, Surendranagar, 1957.
R.P., Bh.Š — Rāmnārāyan Nā. Pāthak, Bhānubbāī Šukla, Paḷṭātī duniyānā daršane, Surendranagar, 1959.
D.J. — Dī. Dī. Jāḍejā, Madhyakālīn gujarātī sāhityanuṅ rekhādaršan, Aṇand, 1959.
Dhūm. I—IV — Dhūmaketu, Taṇakhā, Amdābād, 1956, bhāg pabelo-cotho.
L.S. — «Loksattā».
G.S. — «Gujarāt Samācār».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельева Л. В., Язык гуджарати, М., 1965.
2. Clarkson N. W., A Grammar of Gujarati Language, Bombay, 1847.
3. Dalal D. D., A Manual of Gujarati Grammar Explained in English, Surat, 1889.
4. Drummond R., Illustrations of the Grammatical Parts of the Guzerattee, Maratha & English Languages, Bombay, 1808.
5. Edalji Sh., A Grammar of the Gujarati Language, Bombay, 1867.
6. Leckey E., Principles of Goojurattee Grammar, Bombay, 1857.
7. Phadake G. Sh., The Principles of Gujarati Grammar Comprising the Substance of the Gujarati Grammar, Bombay, 1842.

7a. Robert J., Gujarati Exercises or a New Mode of Learning to Read, Write or Speak the Gujarati Language on the Ollendorffian Sistem, London, 1860.

8. Taylor G. P., The Students Gujarati Grammar with Exercises and Vocabulary, Surat, 1893.

9. Tisdall W. St., Clair, A Simplified Grammar of the Gujarati Language together with a Short Reading Book and Vocabulary, New York, 1961.
10. Jhaverī M., Pāṭhyapustak tarīke manjūr gujarātī bhāṣā vyākaraṇ ane lekhan, Mumbaī, 1956.
11. Taylor G. P., Gujarātī bhāṣānuṅ, vyākaraṇ Surat, 1903.
12. Taylor P., Gujarātī bhāṣānuṅ vyākaraṇ, [б.м.], 1867.
13. Taylor P., Gujarātī bhāṣānuṅ navuṅ vyākaraṇ, [б.м.], 1870.
14. Trivedī A. K., Gujarātī bhāṣānuṅ bṛhad vyākaraṇ, Surat, 1958.
15. Trivedī K. P., Gujarātī bhāṣānuṅ bṛhad vyākaran, 1-lī avṛittī, Kalkattā—Madrās—Laṅdan, 1919.
16. Trivedī K. P., Gujarātī bhāṣānuṅ mādhya vyākaraṇ, Mumbaī, 1961.
17. Dalpatrām N., Vyavahārū gujarātī vyākaraṇ, [б.м.], 1935.
18. Desāī A., Laghuvyākaraṇ, [б.м.], 1906.
19. Desāī R., Methā J., Gujarātī vyākaraṇ ane lekhan, I—III, Surat, 1960—1962.
20. Dvarkadas, Navuṅ gujarātī bhāṣānuṅ vyākaran, [б.м.], 1869.
21. Narmadāśaṅkar, Narmavyākaraṇ, I—II, [б.м.], 1866.
22. Baṛodiyā, Gujarātī vyākaraṇasar, [б.м.], 1866.
23. Bhaṭṭ Bhagvān, Gujarātī vyākaraṇanāṅ mūḷatva, [б.м.] 1889.
24. Bhāyāṇī H. C. Anušīlno (prāyaḥ gujarātī ane apabhraṃśa Viṣayak adhuayan—lekhono saṅgrah), Surat, 1965.
25. Bhāyāṇī H. C., Vāgvyāpār (bhāṣāvaigñyānik lekhasaṅgrah), Mumbaī, 1954.
26. Bhāyānī H. Ch., Yagñik A. Bh., Subodh vyākaraṇ ane lekhan (dhoraṇ dasmā māṭe), Mumbaī, Saṁvat 2011.
27. Mahīpatrām R., Gujarātī bhāṣānuṅ navuṅ vyākaraṇ, [б.м.], 1880.
28. Vyās K., Gujarātī bhāṣānuṅ vyākaraṇ ane šuddh lekhan, I—III, Amdāvād, 1953.
29. Šāstrī K. K., Gujarātī bhāṣāšāstra, II, 3, Vaṛodrā, 1960.
30. Hope T. S., Gujarātī bhāṣānuṅ vyākaraṇ, [б.м.], 1858.

Е. К. Молчанова

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье речь идет о грамматической категории числа у имени существительного в современном таджикском языке. Здесь делается попытка: 1) определить значения форм единственного числа и множественного числа и 2) установить денотативные функции каждой из них. В соответствии с этим статья состоит из двух разделов. В качестве материала используется язык современной художественной литературы и прессы.

В литературе по таджикскому языку преимущественное внимание уделяется формам выражения категории числа, а также способам выражения множественности в более широком смысле [см. 10]. Значение грамматических категорий имени существительного в таджикском языке рассматривается в докторской диссертации Ш. Рустамова «Имя существительное в современном таджикском литературном языке» (Душанбе, 1972), защита которой состоялась после того, как настоящая статья была сдана в набор.

I. Обращаясь к значению форм единственного и множественного числа, мы будем исходить из той информации (грамматической), которая передается только этими формами и не вносится контекстом [о значении как информации — применительно к уровню лексики — см. 8 и 9].

Грамматическая категория числа у имени существительного в таджикском языке строится на основе оппозиции форм единственного числа — с нулевым аффиксом — и множественного числа — с аффиксами *-он*, *-ҳо* (и их вариантами).

Рассмотрим сначала форму множественного числа. Для определения ее значения удобно сопоставить следующие предложения, где чередуются формы единственного и множественного числа одного и того же слова, причем денотат и в том и в другом случае — некоторое множество объектов: 1) *Бегоҳ шуд.* **Мол** *омад, дӯшиданд* (С.) 'Наступил вечер. Пришла скотина, подоили'; 2) *Рӯзе чӯпон вақти чошт гоҳӣ овардани* **молҳо...** *баромадани он дилбохтагонро дида монд...* (С.) 'Однажды утром пастух, гоня скотину,

заметил, как выходили влюбленные...'. На основании формы множественного числа *молҳо* в предложении № 2 (в отличие от *мол* в № 1) получаем отчетливое представление об **отдельных головах** скота, о раздельном множестве. Ср. обращение в газете или журнале: *хонандаи мӯҳтарам*//*хонандагони мӯҳтарам* 'уважаемые читатели!'. При одном и том же денотате во втором случае — выраженный признак расчлененности на отдельные единицы. Еще пример: *Дар як дам поёни суфаи ҳавлии калон аз* **одам** *пур шуд* (С.Ш., 12—69) 'В один миг подножие суфы большого двора заполнилось людьми'; *Ба пеши саҳна чандин* **одамон**... *баромаданд, албатта ҳама зэча-лӯхтакҳо буданд* (там же). 'На сцене появилось несколько человек... конечно, все это были марионетки'.

Денотатом формы множественного числа могут быть две единицы какого-либо класса: **нависандагони** *ҳамқалам Ҷ. Икрэмӣ ва Х. Назаров бо повести ҳаҷвӣ... шуморэ шод хоҳанд кард* (С.Ш., 10—68) 'Писатели Дж. Икрами и Х. Назаров порадуют вас сатирической повестью...'; три, несколько, много (известное и неизвестное количество): *Мисолҳо ҳам аз забони адабӣ, ҳам аз лаҳҷаҳо оварда мешаванд* (Ҷ.) 'Примеры берутся как из литературного языка, так и из диалектов'; *Кӯдакони Саидабибӣ дар гирди модарашон ҷам омада фиғон мебардоштанд* (С.Ш., 10—68) 'Дети Саида-биби, собравшись вокруг матери, подняли крик'; *шумо... оид ба китобҳои дарсӣ, рисолаҳои илмӣ, сурудҳо ва гуфторҳои адабии радио ва телевизион... оид ба спектакльҳо, сифати концертҳо, забони рӯзномаҳо, тарҷимаҳо ва ғайра андешаҳои худро бинависед* (С.Ш., 10—68) 'Пишите свои соображения... об учебных пособиях, научных трудах, музыкальных и литературных радио- и телепередачах...; о спектаклях, о качестве концертов, о языке газет, о переводах и т. д.'; наконец, все единицы данного класса: *Казэқэни Масчэҳ пахтаро «махта» талаффуз мекунанд* (С.Ш., 3—69) 'Казахи Матчи произносят «пахта» как «махта»'.

Выражение количества для форм множественного числа в отличие от числительных — признак, очевидно, несущественный. Элемент «множественности» входит в их значение в самом общем виде: некоторый ряд более одной единицы. Более важный аспект значения, связанный с суффиксами множественного числа,— значение отдельных единиц. Исследователи отмечали, что эти отдельные единицы имеют общий признак, по которому они выделены (значение основы). В остальном они обычно различаются: «Множественное число не является количественным размножением предмета, обозначенного единственным числом. Множественное число обозначает несколько существенно самостоятельных пред-

метов, относящихся к тому же виду, роду, к той же группе» [В. Бланар, цит. по: 3, 41. См. также: 2, 101 сл.].

Таким образом, форму множественного числа можно охарактеризовать положительным семантическим признаком «раздельной множественности» или «расчлененности» [3, 35 сл.]. Признак расчлененности отличает форму множественного числа, с одной стороны, от формы единственного числа, с другой — от имен с лексическим значением собирательности или совокупной множественности типа *гала*, *пода* 'стадо', *издиҳом* 'толпа' и т. п.

Примечание. В собирательных именах типа *нон-пон*, *чой-пой* речь идет о совокупной множественности единиц (даже и разных классов), связанных функционально. Например, *пальто-мальто* — это может быть пальто, шапка и шарф, *пиёз-мийоз* — лук и пр. и т. д. Этим именам может быть свойственно также значение неопределенности и стилистический оттенок уничижительности [7, 289].

Принимая признак расчлененности в качестве различительного, мы рассматриваем форму множественного числа как маркированный (сильный) член оппозиции [ср. распределение маркированного и немаркированного члена в числовых корреляциях русского языка: 4, 154].

Форма единственного числа с нулевым аффиксом не несет информации о наличии или отсутствии данного признака (исторически, по-видимому, результат совпадения форм номинатива ед. и мн. ч. основ на *-а* и последующего выравнивания, по аналогии, других основ), т. е. без достаточного контекста нельзя сказать, означает ли *дарахт* 'дерево' или 'деревья', *зан* 'женщина' или 'женщины', *китоб* 'книга' или 'книги', *даст* 'рука' или 'руки'. Например: *Харро магас мегазад* (С.) допускает перевод 'Осла (ослов) кусают мухи'// 'Осла кусает муха'.

Что касается денотата этой формы, то им может быть и одна, и две, и несколько, и много единиц какого-либо класса: **Аспи** *ӯ аз* **аспи** *дигарон фарқ мекунад* 'Его лошадь отличается от лошадей других'; *Илтимос аз камии маҳсулоти* **заводи хишти** *иқлиматон шикоят накунед. Дар шаҳрҳои дигар ҳам* **заводи хишт** *дорем* (Х., 9—69) 'Не жалуйтесь, ради бога, на то, что ваш кирпичный завод дает мало продукции. У нас есть еще кирпичные заводы в других городах'. В обоих предложениях в первом случае денотат — одна единица, во втором — много. *...бо* **дасти** *чапаш санг ва бо* **дасти** *росташ чақмоқро гирифта...* (С.Ш., 9—68) '...взяв в левую руку кремень, а в правую огниво...'; ср.: *Чӣ илоҷ? Дигар китоб надорем,— гуфт лейтенант* **даст**ашро *ба ду тараф ёзонда* (С.Ш., 3—69) 'Что делать? Других книг у нас нет,— сказал лейтенант, разводя руками (букв. в 'обе стороны)'. В первом предложении денотат —

одна единица, во втором — две; **Бачабек** *омада истодаast,— гуфт Давлат* (С.Ш., 9—68) 'Идут большевики,— сказал Давлат'; **Зану мард** *дар як ҷо тӯда шуда, хомӯш бо зери чашм ба онҳо нигоҳ мекардем* (С.Ш., 9—68) 'Женщины и мужчины, столпившись, мы смотрели на них исподлобья'. В диалектах: *шабангӣ* **артис** *омэдос* (Кассансай) 'вечером приезжают артисты'; *имшаб гов кушодаст, бутун хурдаст мондаст* **гула!** (Ш.) 'сегодня корова открыла [калитку] и все цветы съела'; **пистайя** *шикаста додсос* 'он раскалывает [для нее] фисташки' (там же). Денотат — много единиц.

Поскольку в форме единственного числа отсутствует указание на расчлененность или нерасчлененность денотата, решающая роль принадлежит контексту и ситуации.

В связи со сказанным выше форму единственного числа с нулевым аффиксом можно рассматривать как немаркированную в отношении признака расчлененности. Ср. типологически сходную картину в тюркских языках: «Слово *таш* может означать не только 'камень', но и 'камни...' Форма *таш* не есть единственное число с *точки зрения русского* и других языков. Это — недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия „камней вообще". Она может функционировать и по линии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия. Итак, слово *таш* есть понятие коллективной неопределенности». «...тюркское слово... обозначает целую категорию...» [1, 68].

II. Обратимся теперь к другой стороне вопроса — проблеме денотации. В каких случаях употребляется в современном таджикском форма множественного числа и в каких — единственного числа?

Немаркированность формы единственного числа по признаку *расчлененности обусловливает тот факт, что центром* внимания становится **качественная** характеристика денотата, принадлежность денотата к тому или иному классу, роду или виду [5, 537]. (В форме множественного числа, как упоминалось, значение класса связывается с отдельными единицами, составляющими этот класс). Поэтому одним из условий употребления формы единственного числа является несущественность для данного высказывания факта расчлененности денотата. Примеры: *Чӣ илоҷ? Дигар* **китоб** *надорем...* [С.Ш., 3—69] 'Что делать? Других книг у нас нет...'; *Тирамоҳи соли гузашта* **плащи балонья** *дар Душанбе нав расм мешуд* (С.Ш., 3—69) 'Осенью прошлого года в Душанбе стали входить в моду плащи «болонья»'; **...дӯзандаю пазанда, дуредгару оҳангар, кулолу ҳаммол,** *хурду калони шаҳр ба малахкушӣ баромад* (Ҷ.) '...на борьбу с саран-

чой вышли городские портные и повара, плотники и кузнецы, гончары и грузчики, старые и малые'; *Бачабеки мучик — деҳқони камбағал гуфтагиашон будааст* (С.Ш., 9—68) 'Мужики-большевики, оказывается, бедные крестьяне'. Ср. в диалектах: *Инҷо калуш не?* (Аш.) 'А здесь разве нет калош?'; *Хамин шаҳрои шумо тоҷик ҳай-о?* (Хх.) 'В ваших городах есть таджики?'; *Афтоб ношшт, мола овардӣ!* (Хх.) 'Солнце еще не село, а ты пригнал скотину!'.

Примечание. Замена единственного числа на множественное в этом случае будет связана с конкретизацией значения (см. ниже). Иногда можно предполагать русские кальки: **Духтурҳо** *ба чои дору хоб ҳаминро тавсия карданд* (Х., 9—69) 'Доктора рекомендовали это (телевизор.— *Е.М.*) вместо снотворного'; **Дар магазинҳое ки портфельҳои** *мактабию чомадонҳои истеҳсолкардаи фабрикаи чарчинвории Вазорати саноати маҳаллӣ фурӯхта мешаванд, аз бисьёрии харидорон китф зада гузаштан амри маҳол аст* (там же) 'В магазинах, где продаются школьные портфели и чемоданы галантерейной фабрики Министерства местной промышленности, не протолкнуться из-за обилия покупателей'; *қабули телеграммаҳои идораҳо* (вывеска на почте) 'прием телеграмм от учреждений'; *қабули переводҳо* (там же) 'прием переводов'.

Именно из значения объекта качества вытекает использование формы единственного числа существительного:

1. В именной части сказуемого, независимо от формы единственного или множественного числа подлежащего, например: *Инглисҳо ҳам мусулмонанд-чӣ? — пурсид яке аз ҳозирон* (С.Ш., 9—68) 'И англичане — тоже мусульмане? — спросил один из присутствующих'.

Примечание. Ср., однако, с формой мн. ч.: *Деҳқонон... тарафдорони моёнанд* (Ч.) 'Крестьяне... наши сторонники'; *Инҳо созандагонанд...* (Ч.) 'Они — музыканты...'.

2. В аналитическом глаголе и устойчивых сочетаниях, например: *даст гирифтан* 'схватить', *ҷавоб додан* 'отвечать', *шарҳ додан* 'объяснять', *нигоҳ кардан* 'глядеть', *фикр кардан* 'думать', *либос пӯшидан* 'одеваться', *чашм дӯхтан* 'пристально смотреть' и др.

Примечание. Показатель мн. ч., присоединяемый к именной части аналитического глагола, нарушает его целостность [6, 21]. То же происходит, если соответствующее имя принимает определение, т. е. конкретизируется.

Примеры: *Ҷӯраҳо хурсандиҳо карданд* (Ч) 'Друзья радовались' [Другие примеры см. 10, 137—138]. Показатель мн. ч. придает действию значение многократности и, возможно, длительности, что вытекает из общего значения расчлененности.

3. В сочетаниях имени с количественным числительным или словами, имеющими количественное значение: *чанд, бисьёр, як тӯда, як гала, як пода, як олам* и т. п. [Ср.

аналогичное явление в тюркских языках: 1, 69]. Значением объекта качества у имени вызвано, на наш взгляд, и широкое использование нумеративов (семантический контекст: обозначение количества + название единиц + название класса): *шаш нафар қаровул* (Ҷ.) 'шесть караульщиков'; *чор дона кулчаи мулоим* (Ҷ.) 'четыре мягкие лепешки'; *даҳта даст* (Ҷ.) 'десять рук'; *ҳама вилоят* (Ҷ.) 'все районы'; *чанд нафар одам* (С.Ш., 9—68) 'несколько человек'; *аспи зиёде* (С.Ш., 9—68) 'много коней'; *як гала фарзанд* 'множество детей' и т. п.

Примечание. Ср., однако, с формой мн. ч. при числительном — в литературном языке и в диалектах: *Падари Кумрӣ — падари 6 бачаҳои ғилмаку ширмак буд* (Ҷ.) 'Отец Кумри был отцом шестерых грудных детей'. Даже у одного автора: *чил нафар кӯкнорӣ//чил нафар кӯкнориён* (там же) 'сорок наркоманов'. То же с *бисьёр, чанд* и др.: *бисьёр чавонҳои мактабхон* (С.Ш., 12—68) 'много школьников'; *...номаҳои зиёде омад* (С.Ш., 6—69) 'пришло много писем...'; *хеле босмачиҳо* (С.Ш., 10—68) 'много басмачей'; *чанд солҳо пеш аз ин* (М.) 'несколько лет тому назад'. Здесь, по-видимому, имеет место тенденция грамматически отразить реальную расчлененность. Следствие этого — большая конкретность образа (см. об этом ниже).

4. В атрибутивных сочетаниях в качестве относительных прилагательных: *шеъру ғазали тоҷик* 'таджикские стихи', *мардуми афғон* 'афганский народ', *сарзамини дӯст* 'дружеская страна', *истгоҳи автобус* 'автобусная остановка', *дарахтони зардолу* 'абрикосовые деревья', *заводи нон* 'хлебозавод', *заводи хишт* 'кирпичный завод', *пункти пахта* 'пункт по приему хлопка' и т. п.

5. При сравнении: *сафедорэн ҳамчун посбони шаҳр саф кашида...* (С.Ш., 3—69) 'Серебристые тополя, выстроившись в ряд, как стражи города...'; *...оби дидагонаш ҳамчун марҷон қатор шуда мечакиданд* (Ҷ.) '...из глаз ее капали слезы, подобно цепочке жемчужин'. Но: *...зару сим дар пеши ин шеър монанди сангпораҳост* (Ҷ.) '...золото и серебро по сравнению с этими стихами — камешки'.

Форма единственного числа употребляется для обозначения парных предметов, которые в этом случае воспринимаются как целое (*чашм* 'глаза', *гӯш* 'уши', *мӯза* 'сапоги', *ҷӯроб* 'чулки'), т. е. со значением класса. Примеры: *Мӯйсафед ба чашми марди кителдор нигоҳ карда, то чӣ андоза самимӣ будани сухани ӯро месанҷад* (С.Ш., 10—68) 'Старик, взглянув в глаза человеку в кителе, проверяет, насколько искренне он говорит'; *...оҳиста гуфт яке ба гӯши шарикаш* (С.Ш., 9—68) '...тихо сказал один на ухо приятелю'; *Саидабибӣ... Расули синамакрэ сари даст бардошта ба тарафи дарахтони зардолу рафт...* (С.Ш., 10—68) 'Саида-биби, взяв на руки грудного Расула, направилась к абрикосовым деревьям...'; *Шарфаш пой аз байни дарах-*

тон шунида мешуд... (С.Ш., 9—68) 'Среди деревьев слышался шум шагов (букв. ног)'; *...юбкачаҳои аз зонуяш боло* (С.Ш., 3—69) '...ее юбочки выше колен'.

Примечание. Ср. форму мн. ч. при конкретных характеристиках парных частей тела и других парных предметов, т. е. выраженный признак расчлененности: *мӯйсафеди тамоман лоғар ки чашмонаш фурӯ рафтааст* (С.Ш., 10—68) 'тощий старик с провалившимися глазами'; *Қайюм... чашмони бодомсурати майдаашро ба тарафи Мирзо дӯхта... як табассум кард* (С.Ш., 9—68) 'Каюм... пристально глядя своими маленькими миндалевидными глазами на Мирзо... улыбнулся'; *Одамон яке дар гӯшҳояш ангушт халонда, дигаре ҷомаашро ба сар кашида... интизор мешуданд* (там же) 'люди ждали... один — заткнув пальцами (свои) уши, другой — натянув на голову халат'; *...амаки Зокирамро даст гирифтанд, дастонашро баста...* (С.Ш., 10—68) '...дядю Закира схватили, связали ему руки...'; *Аҳмади Зард... дасти росташро болои китфони ӯ монда роҳ мерафт* (С.Ш., 3—69) 'Рыжий Ахмад... шел, положив правую руку ей на плечи'; *Калла китфонашро дарҳам кашид...* (С.Ш., 3—69) '«Калла» пожал плечами...'; *...пойҳои хушрӯй дорад* (С.Ш., 3—69) '...у нее красивые ножки'; *Ду ҷавон... пойҳояшро мемолиданд* 'Двое юношей растирали ему ноги'; *Дасту поҳояш ларзид* (С.Ш., 9—68) 'Руки и ноги у него дрожали'.

Множественное число может употребляться также, если речь идет более чем об одном человеке, т. е. о множестве рук, ног и т. п.:

Аз фишори дастҳо
Аз шарори чашмҳо
Оташе боло гирифт...

(Ш. Мастон
«Дастҳо ва чашмҳо»)

'От пожатий рук
От блеска глаз,
Зажегся огонь...'.

В зависимости от установки автора речи один и тот же денотат может быть отражен грамматически по-разному. В связи с этим форма единственного числа существительного может иметь место, например, в сочетании с качественным прилагательным. Примеры: *ӯ бо дасти ларзон онро мегирад* (С.Ш., 10—68) 'Он берет их дрожащими руками'; ср. также: *Аммо чашму абрӯи зебо дорад. Абрӯвонаш ғиҷимбахмали сип-сиёҳ барин. Чашмонаш калон-калони мешӣ* (С.Ш., 3—69) 'Но у нее красивые брови и глаза. Брови ее напоминают черный-черный бархат, а глаза — большие-большие и ласковые'.

В случае эмфазы двойственность или парность передается описательно: с помощью *ду* 'два', *ҳар ду* 'оба' или *ҷуфт* 'пара' и др. [10, 57—58]: *Ҳар ду чашмашро пӯшид...* (С.Ш., 9—68) 'Он зажмурил оба глаза...'; *Баъд Тӯқсабо... бо ду дасташ қундоки камонро ба китфаш ҷафс кард* (С.Ш., 9—68) 'Затем Т. обеими руками прижал приклад ружья к плечу'.

Форма единственного числа употребляется, если денотат — одна единица данного класса (у исчисляемых, в том числе и парных, объектов). Значение единичности здесь выступает в связи с отдельным, конкретным объектом, т. е. в конечном счете определяется контекстом или ситуацией. Примеры: *Чомаи имом аз дарозӣ ба пойҳояш печида буд* (С.Ш., 9—68) 'Халат у имама был такой длинный, что путался в ногах'; *...ҳамин риш ба ман ҳаром — дасташро ба риши сиёҳаш бурд...* (С.Ш., 9—68) '...Клянусь вот этой бородой! — он поднес руку к своей черной бороде'; *Тӯқсабо бо дасти чапаш санг ва бо дасти росташ чақмоқро гирифта...* (С.Ш., 9—68) 'Туксабо взял в левую руку кремень, а в правую — огниво'; *Лӯндаи қандро чӯпонҳо байни худ даст ба даст мегардонданд ва ба навбат мелесиданд* (С.Ш., 9—68) 'Пастухи передавали кусок сахара из рук в руки и облизывали его по очереди'.

Примечание. При подчеркивании используется числительное *як: Вай як дасту як пой надошт* (Ч) 'У него не было одной руки и одной ноги'.

Форма единственного числа имени употребляется в семантическом контексте распределительности («у каждого — свой»). При этом либо у энклитического местоимения (суффигированного этому имени), либо у другого имени (соотносящегося с данным), либо (реже) у глагола обязательна форма множественного числа, т. е. указание на расчлененность денотата сохраняется в другом слове. Примеры: *бачаи зебосурате... нӯги чилими нашаолударо ба даҳони бойбачаҳои ҳушьёру маст мебарад* (С.Ш., 10—68) '...красивый юноша прикладывает кончик кальяна с анашой ко рту байских детей, пьяных и трезвых'; *Базм ба охир мерасад. Ба навозандаҳо ҷомаю миёнбанд медиҳанд* (С.Ш., 10—68) 'Пир кончается. Музыкантам дарят халаты и поясные платки'; *Афту андомашон чӣ хел будааст?* (С.Ш., 9—68) 'А как они выглядят?'; *— Ана ин тӯморҳо чашмро дар дастаи камонатон бандед* (С.Ш., 9—68) 'Вот, привяжите эти амулеты к прикладам ваших ружей'; *...ҳамаашон корду милтиқ доранд* (там же) '...у них у всех есть кинжалы и винтовки'; *Думи аспҳояшон калта, зини чармин доранд* (там же) 'у их лошадей короткие хвосты и кожаные сёдла'; *...дар пояшон мӯза, дар сарашон лапар доранд* (там же) '...на ногах у них сапоги, на головах — фуражки'; *Омаданду аз асп фуромада... байни худ гап заданд...* (там же) 'Приехали, спешились (сошли с лошадей)... стали говорить между собой'. Ср. в диалектах: *ру-шон сърх-сърх шудастодан* (Г.) 'У них очень красные лица'.

Здесь возможна взаимозаменяемость с множественным

числом (хотя предпочтение отдается, по-видимому, единственному числу): *...дар назди падару модарҳоямон худситой мекардем* (С.Ш., 3—69) 'Мы хвастались перед своими родителями...'; *Чашмонашон* (мн. ч.) *кабуд ва мӯи сарашон* (ед. ч.) *зард аст* (С.Ш., 9—68) 'У них голубые глаза и светлые волосы'; *Насими салқин* **шохаҳои** *аз барг хеле сабукгаштаи* **бедҳоро** *оҳиста-оҳиста бар рӯи об хам мекунад* (С.Ш., 3—69) 'Свежий ветерок слегка склонял над водой ветви ив, освободившиеся от листьев'.

В форме множественного числа, как упоминалось, благодаря числовому аффиксу на передний план выступает значение ряда отдельных единиц, в которых реализуется класс. В связи с этим форма множественного числа имеет более конкретное значение, чем форма единственного числа и употребляется для обозначения отдельных, часто известных, единиц.

Примечание. Точка зрения Н. К. Дмитриева на соотношение форм ед. и мн. ч. в тюркских языках: «Вопрос о семантической связи между грамматическими формами слов *ат* 'конь', *un cheval* и *ат-лар* 'кони', *les chevaux* разъясняется следующим образом: *ат* — это вообще категория, группа лошадей, количественно, в деталях, неподсчитанная, а *ат-лар* — такая группа, которая распадается на определенное число известных нам единиц. В первом случае перед нами интегральная группа, которая не подвергалась индивидуальному подсчету, а во втором — такая, отдельные единицы которой нам достаточно хорошо известны» [1, 69]. Интересно было бы проследить связь категории числа с категорией определенности. Заметим в связи с этим, что нередки случаи, когда при первом упоминании употребляется форма ед. ч., при втором — форма мн. ч.

Ср. при одновременном употреблении единственного и множественного числа одного и того же слова: *...зудтар* **фонаи** *кундаи дасту поямро суст тар кунонед...* (А.) '...скорее ослабьте клинья колодок на моих руках и ногах...'.

и:

Зиндонбон **фонаҳоро** *суст тар карда паи кори худ рафт* (там же) 'Тюремщик, ослабив клинья, ушел по своим делам';

Дар суд.

— Шумо исбот карда метавонед, ки ҷабрдидаро бо **помидор** *задаед?*

— Бале, ҷаноби судья!

— Ба сари кафидааш чӣ мегӯед?

Помидорҳо *дар дарунӣ қуттӣ буданд, ҷаноби судья* (Х., 9—69).

'В суде.

— Вы можете доказать, что избили пострадавшего помидорами?

— Да, господин судья!

— А что Вы скажете о его разбитой голове?

— Помидоры были в ящике, господин судья!';

Дар заводи **нони** *Исфара ордро ба булочкаю* **нонҳои** *гуногуншакл табдил медиҳанд* (Х., 9—69) 'На хлебозаводе Исфары муку превращают в разнообразные булочки и хлеб'; *Мо ба истгоҳи* **автобус** *омадем.* **Автобусҳо** *ликқӣ одам* (С.Ш., 3—69) 'Мы пришли на автобусную остановку. Автобусы переполнены'.

Ср. в диалектах:

Ванч: *raft bay seu* (ед. ч.) 'Она пошла за яблоками'; *e, sevóta* (мн. ч.) *vadrák mekinán* 'Эй, сейчас они отберут твои яблоки';

Хиштхона: *Себ адо* 'Яблоки кончились'; *сéби мондагúйа ман медонам* 'Я знаю, что остались яблоки'; *себом* (мн. ч.) *чиндэги не* 'У меня яблоки не собраны'; *мебийорат, бад себóйа гирӯн мебӯравим* 'Принесет он (ведро), тогда мы понесем яблоки';

Риштан: *зăндолӯ кӯшодэгӣ бӯт-мӣ?* 'Абрикосы были открыты?'; *ӣн зăндолӯйӣ мехӯрӣ?* 'Ты будешь есть эти абрикосы?'; *зăндолӯйӣ ăфшонсос* 'Он стряхивает с дерева абрикосы'; *ă йăк бех зăндолӯ сăт кӣло мешăт...* 'С одного дерева абрикосов бывает сто килограммов...'; *зăндолӯҳо* (мн. ч.) *мечӣндэгӣ?* 'Намереваетесь собирать абрикосы?'. Там же: *Дӣлбăр мӯйăшӣ бофсодӣйăм* 'Я заплетаю волосы Дилбар'; *мӯҳом йăлтăс кӯнонсос-мӣ?* 'У меня волосы блестят?'; *бăстсос-мӣ бӯвӣ нонӣ* (ед. ч.) 'Мама делает лепешки?'; *ӣн нонóи мехӯрдэгӣ севӣ ӣнҷӣ мондӣтон?* 'Почему вы оставили здесь лепешки, приготовленные для еды?'. Множественное число также в значении «хлебные крошки»: *Мӯăззăмӣ нонойӣ резондэгӣшӣ меӯвам...* 'я... выметаю крошки хлеба, рассыпанные Муаззам...'.

Возможно, этим, более конкретным значением формы множественного числа обусловлено ее употребление в ряде случаев после числительного, в именном сказуемом, при сравнении (см. выше).

Ограниченные рамки статьи не дают возможности остановиться на частных случаях употребления форм множественного числа — от имен с абстрактным и вещественным значением — для выражения ряда конкретных воплощений той или иной абстракции (чувства, качества, состояния и т. д.) или конкретной реализации вещества (оппозиции типа *умр* 'жизнь'— *умрҳо*, *пахта* 'хлопок'—*пахтаҳо* и др.), см. нашу статью: «О числовых корреляциях в современном таджикском языке» — сб. «Иранское языкознание» (в печати). Но и подобного рода употребление обусловлено общим значением формы множественного числа.

Итак, форма единственного числа употребляется, когда признак расчлененности денотата несуществен для высказывания, форма множественного числа — когда хотят указать на расчлененность денотата. В результате противопоставление единственного и множественного числа осознается как противопоставление объекта качества ряду отдельных единиц (часто известных) этого объекта качества.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

А. — С. Айнӣ, Асарҳои мунтахаб, Сталинобод, 1949.
Аш. — диалект Аштa. Цит. по: В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии, вып. 2, М., 1952.
Г. — диалект Горона. Цит. по: Ю. И. Богорад, Горонский говор таджикского языка,— «Иранский сборник», М., 1963.
М. — газ. «Маориф ва маданият».
С. — Сорбон, Гап дар дил, Ҳикояҳо, Душанбе, 1969.
С.Ш. — журн. «Садои Шарқ».
Х. — журн. «Хорпуштак».
Хх. — говор Хиштхона. Цит. по: В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии, вып. 2, М., 1952.
Ш. — говор Шахристана. Цит. по: В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии, вып. 4, М., 1961.
Ч. — О. Ч. Ҷалолов, Категорияи ҷамъ ва баъзе масъалаҳои забони ҳозираи тоҷик, Сталинобод, 1961.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев Н. К., Категория числа,— «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, Морфология, М., 1956.
2. Исаченко А. В., Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. I, Братислава, 1954.
3. Исаченко А. В., О грамматическом значении,— ВЯ, 1961, № 1.
4. «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», М., 1968.
5. Расторгуева В. С., Краткий очерк грамматики таджикского языка,— в кн. «Таджикско-русский словарь», М., 1954.
6. Расторгуева В. С., Керимова А. А., Система таджикского глагола, М., 1964.
7. Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967.
8. Селиверстова О. Н., Семантический анализ слов типа *все*, *all* и типа *кто-нибудь*, *some* в русском и английском языках, автореф. канд. дисс., М., 1965.
9. Селиверстова О. Н., Значение слова и информация,— сб. «Теория речевой деятельности», М., 1968.
10. Ҷалолов О. Ч. Категорияи ҷамъ ва баъзе масъалаҳои забони ҳозираи тоҷик, Сталинобод, 1961.

Б. Я. Островский

ОСНОВЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОСТАВЕ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ КАБУЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА

§ 1. В системе глагола кабульского диалекта (как и прочих диалектов таджикско-персидского языкового массива) различаются две основы — основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Каждой основе настоящего времени соответствует основа прошедшего времени: *ras-* — *rasīd-* (от *rasīdan* 'достигать', 'прибывать'), *bar-* — *bōrd-* (от *bōrdan* 'нести', 'уносить'), *xēz-* — *xēst* (от *xēstan* 'вставать') и т. д. Исключение составляют основы настоящего времени *dē(y)-* (*'бить') и *part(ō)-* ('бросать'), не имеющие соответствий среди основ прошедшего времени.

Среди глагольных основ диалекта различаются основы простые и составные. Простая основа настоящего времени состоит из одной корневой морфемы: *xar-* (от *xarīdan* 'покупать'), *dōz-* (от *dōxtan* 'шить'), *bāš-* (от *bodan* 'быть'). В составную основу настоящего времени помимо корневой морфемы входит один из словообразующих префиксов *bar-/br-*, *war-*, *dar-/-dr-*, *far-/fr-* или каузативный суффикс *-ān:* *bar-āy-* (от *barāmadan* 'выходить'), *war-dār-* (от *wardāštan* 'подымать'), *daw-ān-* (от *dawāndan* 'гонять'), *časp-ān* (от *časpāndan* 'приклеивать').

Основы настоящего времени выступают в кабульском диалекте в составе утвердительных и отрицательных форм настояще-будущего времени, аориста и императива; ср. основа *xar-* (от *xarīdan* 'покупать'): *mē-xar-om* 'я покупаю', *na-mē-xar-ēn* 'вы не покупаете', *be-xar-a* 'пусть он купит', *na-xar-ēm* 'не купить ли нам?', *be-xar* 'купи', *na-xar-ēn* 'не покупайте' и т. д. Исключение составляют: основа *dār-* (от *dāštan* 'иметь'), выступающая только в формах настояще-будущего времени: *dār-om* 'я имею', *na-dār-a* 'он не имеет', и основа *dē(y)-*, выступающая только в утвердительной форме аориста и императива: *dēy-an* 'пусть они ударят', *dē* 'бей!'.

Кроме того, многие основы настоящего времени выступают в составе именных частей речи либо без аффиксов: *gorēz* 'бегство' (основа от *gorēxtan* 'убегать'), *tawān* 'мощь' (основа от *tānestan* 'мочь'), либо в сопровождении аффиксов: *rēz-eš* 'насморк' (*rēz-* — основа от *rēxtan* 'литься'), *xōr-āk* 'еда' (*xōr-* — основа от *xōrdan* 'есть'), *nā-xān* 'неграмотный' (*xān-* — основа от *xāndan* 'читать'), *raw-ā* 'дозволенный' (*raw-* — основа от *raftan* 'идти', 'ходить'), либо, наконец, в сложных словах самого различного состава: *sāt-sāz* 'часовой мастер' (*sāz-* — основа от *sāxtan* 'строить'), *syā-pōš* 'одетый в черное' (*pōš-* — основа от *pōšīdan* 'надевать'), *pas-mān-ī* 'отсталость' (*mān-* — основа от *māndan* 'оставаться'), *šešt-o-xēz* 'общение' (*xēz-* — основа от *xēstan* 'вставать') и т. п.

В настоящее время все меньшее количество глагольных основ участвует в образовании личных форм. Это обусловлено наблюдающимся в кабульском диалекте процессом вытеснения простых глаголов глагольными словосочетаниями: *porsān kadan* 'спрашивать' вместо *porsīdan*, *basta kadan* 'закрывать', 'запирать' вместо *bastan* и т. п. [см. также: 1, 47]. При этом многие основы настоящего времени, не выступая в личных глагольных формах, сохраняются в составе именных частей речи: *āš-paz* 'повар' (*paz-* — основа неупотребительного глагола *pəxtan* 'варить', 'готовить'), *nawīs-enda* 'писатель', 'человек, умеющий писать' (*nawīs-* — основа неупотребительного глагола *naweštan* 'писать') и т. д.

В современном кабульском диалекте насчитывается, по-видимому, не более двухсот основ настоящего времени, достаточно широко употребительных в личных глагольных формах. По своему фонематическому составу, сочетаемости с другими морфемами, морфонологическим особенностям составных частей и иным признакам они отличаются как от прочих основ диалекта, так и от аналогичных основ литературного языка.

Некоторые особенности основ настоящего времени, входящих в личные глагольные формы, уже отмечались в литературе, посвященной кабульскому диалекту. Так, Л. Богданов указывает на необычный с точки зрения литературного языка фонематический состав основы *bān-* (от *māndan* 'класть', 'оставлять', 'допускать') [7, 36]; Т. Н. Пахалина отмечает стяжения в некоторых личных формах, в частности, *mōšom*, *mēšī* и т. д. глагола *šodan* 'становиться', 'делаться', *mēgom*, *mēgī* и т. д. глагола *goftan* 'говорить', 'сказать' [6, 59]. Вопросы морфонологической характеристики некоторых основ затрагиваются в наших работах [2], [3], [4].

Наиболее полные сведения об основах настоящего времени содержатся в известной монографии Абд-ул-Гафура

Равана Фархади, где специальный раздел посвящен чередованиям вариантов этих основ [8, 81—82], а таблица глагольных форм дает богатый материал о фонематическом составе, сочетаемости с другими морфемами и иных аспектах системы основ [8, 93—96].

В настоящей статье предпринимается попытка дать более детальную характеристику основ настоящего времени в составе личных глагольных форм кабульского диалекта.

§ 2. Почти всем основам настоящего времени кабульского диалекта соответствуют аналогичные основы в литературном языке дари («фарси-кабули»). Между фонематическими составами многих основ настоящего времени литературного языка и диалекта, входящих в личные глагольные формы, обнаруживается ряд различий, из которых ниже перечислены наиболее характерные.

Во-первых, многие основы настоящего времени диалекта по своему составу проще аналогичных им основ литературного языка.

Так, ряду простых основ, двусложных в литературном языке, соответствуют в диалекте односложные основы, в которых отсутствует следующая за согласной инициалью краткая гласная фонема; ср.: лит. *gozar-* — каб. *gzar-* (от *gozaštan* 'проходить'), лит. *forōš-* — каб. *frōš-* (от *forōxtan* 'продавать'), лит. *šenaw-* — каб. *šnaw-* (от *šonidan* 'слышать'), лит. *tarāš-* — каб. *trāš-* (от *tarāšidan* 'строгать'). Гласная фонема *a*, следующая за согласной инициалью, отсутствует также и в некоторых вариантах составных основ, содержащих словообразующие префиксы; ср.: лит. *bar-ā(y)-* — каб. *brāy-* (другой вариант — *barāy-*, — от *barāmadan* 'выходить'), лит. *dar-ā(wa)r-* — каб. *drār-* (другой вариант — *darār-*, от *darāwardan* 'вносить'). В тех случаях, когда первый слог двусложной основы является закрытым, выпадения гласной фонемы в диалекте не происходит; ср.: *farmāy-* (от *farmūdan* 'приказывать', 'изволить'), *wardār* (от *wardāštan* 'поднимать').

Основам литературного языка, начинающимся с гласной фонемы *a*, соответствуют в диалекте основы, не содержащие этой фонемы; ср.: лит. *aft-* — каб. *-ft-* (от *aftīdan* 'падать', 'ложиться'), лит. *andāz-* — каб. *-ndāz-* (от *andāxtan* 'бросать').

Некоторым основам литературного языка, содержащим сочетание фонем *aw*, соответствуют в диалекте основы, лишенные указанного сочетания, причем в некоторых вариантах его замещает гласная фонема *ō*; ср.: лит. *raw-* — каб. *-r-*, *-rō* (от *raftan* 'идти'), лит. *šaw-* — каб. *-š-*, *šō-* (третий вариант — *šaw-*, от *šodan* 'делаться'), лит. *tawān-* — каб. *tān-* (от *tānestan* 'мочь').

У ряда основ диалекта в некоторых вариантах отсутствует конечная согласная фонема, имеющаяся у аналогичных основ литературного языка; ср.: лит. *xēz-* — каб. *-xē* (другой вариант — *xēz-*, от *xēstan* 'вставать'), лит. *kon-* — каб. *kū*, *kō* (третий вариант — *kon-*, от *kadan* 'делать'), лит. *bīn-* — каб. *bī-* (от *dīdan* 'видеть'), лит. *gīr-* — каб. *gī* (от *gereftan* 'брать'); в других вариантах двух последних основ долгой гласной фонеме *ī* литературного языка соответствует в диалекте краткая гласная *е*.

Во-вторых, некоторым согласным и, реже, гласным фонемам в составе основ литературного языка соответствуют другие фонемы в составе тех же основ диалекта (иногда — лишь в одном из вариантов); ср.: лит. *deh-* — каб. *-t-*, *tē-* (от *dādan* 'давать'), лит. *mān-* — каб. *bān-* (другой вариант — *mān-*, от *māndan* 'класть'), лит. *xāh-* — каб. *xāy-* (от *xāstan* 'хотеть'), лит. *šenās-* — каб. *šnāš-* (другой вариант — *šnās-*, от *šenāxtan* 'знать'), лит. *gorēz-* — каб. *grōz-* (другой вариант — *grēz-*, от *gorēxtan* 'убегать'), лит. *šekan-* — каб. *šken-* (от *šekestan* 'разбиваться'). При этом иногда основа настоящего времени диалекта оказывается ближе по своему фонематическому составу к основе прошедшего времени того же глагола, нежели аналогичная основа литературного языка; ср.: лит. *yāb-* — каб. *yāf-*, при основе прошедшего времени — *yāft* (от *yāftan* 'находить'), лит. *mīr-* — каб. *mor-*, при основе прошедшего времени — *mōrd-* (от *mōrdan* 'умирать').

Приведенные сведения представляют интерес не только в сравнительном плане, но и с точки зрения структуры самого кабульского диалекта, ибо многие основы настоящего времени ранее выступали в личных глагольных формах диалекта в том фонематическом составе, в котором они теперь выступают в литературном языке, и следы этого можно обнаружить в диалекте в его современном состоянии.

Во-первых, хотя гласные фонемы не выступают более после согласной инициали некоторых простых основ, гласный компонент формообразующего префикса *be-/bo-* до сих пор продолжает ориентироваться на тембр этих фонем; ср.: *be-šnaw* 'послушай' (под влиянием фонемы *е* в *šenaw-*), *bo-grēz* 'беги' (под влиянием фонемы *о* в *gorēz-*) [5, 120].

Во-вторых, многие основы, фонематический состав которых в личных формах претерпел изменения, выступая в именных частях речи, сохранили свой более архаичный состав; ср.: *tānestan* 'мочь'— *mē-tān-om*, *be-tān*, но *tawān* 'мощь', *nā-tawān* 'немощный', *tawān-gar* 'богатый'; *andāxtan* 'бросать'— *me-ndāz-om*, *be-ndāz*, но *pāy-andāz* 'ковровая дорожка', *xāk-andāz* 'свалка'; *raftan* 'идти'— *mē-r-om*, *bo-rō*, но *raw-ān* 'идущий', 'посланный', *tēz-raw* 'быстроходный',

raw-ā 'дозволенный'; *gereftan* 'брать'— *me-ger-om*, *be-gī*, но *qaf-gīr* 'шумовка', *gīr-ā* 'тиски'; *xāstan* 'хотеть'— *mē-xāy-om*, *bo-xāy*, но *tan-xā* 'жалованье', *bad-xā* 'недоброжелатель'.

Приведенные примеры показывают, что одна и та же корневая морфема в составе личных глагольных форм и именных частей речи выступает иногда в разных фонетических вариантах. По-видимому, это объясняется, во-первых, большей устойчивостью морфем, входящих в именные части речи, а во-вторых, прослеживающимися в диалекте принципиальными различиями морфем, входящих в имена, и морфем, входящих в личные глагольные формы, по фонематическому составу (см. § 3). Так, простые основы настоящего времени в личных формах редко бывают многосложными, и поэтому вариант *forōš-* (основы от *forōxtan* 'продавать'), выступающий в именах типа *forōš* 'продажа', *teka-forōš* 'продавец тканей', нежелателен в составе личных глагольных форм. Наоборот, среди корневых морфем, выступающих в составе имен, редко встречаются морфемы с двусогласным началом (это главным образом сочетания согласных с полугласными), и поэтому вариант *frōš-* той же основы, выступающий в личных формах типа *me-frōš-om* 'я продаю', *bo-frōš* 'продай', нежелателен в составе именных частей речи.

§ 3. Основы настоящего времени кабульского диалекта, выступающие в составе личных глагольных форм, весьма однородны по своему фонематическому составу.

С точки зрения последовательности гласных и согласных фонем все простые основы настоящего времени (включая и их варианты) можно подразделить на пять групп, каждая из которых содержит более трех основ (в формулах приняты обозначения: V — гласные, C — согласные и полугласные):

CVC

C+ā+C: *bāš-* (от *bodan* 'быть'), *pāl-* (от *pālīdan* 'искать'), *fām-* (от *fāmīdan* 'понимать'), *mān-*, *bān-* (от *māndan* 'класть'), *tān-* (от *tānestan* 'мочь'), *kār-* (от *kāštan* 'сеять'), *xāy-* (от *xāstan* 'хотеть'), *yāf-* (от *yāftan* 'находить') и др.;

C+a+C: *bar-* (от *bōrdan* 'нести'), *tap-* (от *tapīdan* 'трепетать'), *zan-* (от *zadan* 'бить'), *šaw-* (от *šodan* 'делаться'), *čak-* (от *čakīdan* 'капать'), *kaš-* (от *kašīdan* 'вынимать'), *ras-* (от *rasīdan* 'достигать') и др.;

C+ō+C: *pōš-* (от *pōšīdan* 'надевать'), *dōz-* (от *dōxtan* 'шить'), *nōš-* (от *nōšīdan* 'пить'), *gōy-* (от *goftan* 'говорить'), *lōl-* (от *lōlīdan* 'извиваться') и др.;

C+ē+C: *pēč-* (от *pēčīdan* 'свертывать'), *dēy-* (от 'бить'), *xēz-* (от *xēstan* 'вставать'), *lēs-* (от *lēsīdan* лизать') и др.;

C+o+C: *bor-* (от *borīdan* 'резать'), *mor-* (от *mōrdan* 'умирать'), *kon-* (от *kadan* 'делать'), *xor-* (от *xōrdan* 'есть') и др.;

C+e+C: *ben-* (от *dīdan* 'видеть'), *čen-* (от *čendan* 'собирать'), *šen-* (от *šeštan* 'садиться'), *ger-* (от *gereftan* 'брать').

CVCC

C+a+C+C: *baxč-* (от *baxčīdan* 'дарить', 'прощать'), *part-* (от 'бросать'), *talb-* (от *talbīstan* 'требовать'), *tarq-* (от *tarqīdan* 'лопаться'), *časp-* (от *časpidan* 'прилипать'), *sanj-* (от *sanjīdan* 'рассчитывать'), *ɣalt-* (от *ɣaltīdan* 'обрушиваться'), *larz-* (от *larzīdan* 'дрожать') и др.;

CCVC

ndāz- (от *andāxtan* 'бросать'), *trāš-* (от *tarāšīdan* 'строгать'), *gzar-* (от *gozaštan* 'проходить'), *grēz-* (от *gorēxtan* 'убегать'), *frōš-* (от *forōxtan* 'продавать'), *šken-* (от *šekestan* 'разбиваться'), *skol-* (от *soklīdan* 'обрываться') и др.;

CV

C+ō: *-gō* (от *goftan* 'говорить'), *-rō* (от *raftan* 'идти'), *šō-* (от *šodan* 'делаться'), *-xō* (от *xōrdan* 'есть'), *kō-* (от *kadan* 'делать');

C+ī: *-čī* (от *čendan* 'собирать'), *-bī* (от *dīdan* 'видеть'), *-šī* (от *šeštan* 'садиться'), *-gī* (от *gereftan* 'брать');

C+ē: *-xē* (от *xēstan* 'вставать'), *dē* (от 'бить');

C+ū: *kū* (от *kadan* 'делать');

C

-t- (от *dādan* 'давать'), *-š-* (от *šodan* 'делаться'), *-r-* (от *raftan* 'идти'), *-g-* (от *goftan* 'говорить').

Кроме основ перечисленных типов в кабульском диалекте имеются также основы, начинающиеся с гласной фонемы *ā*: *ā(y)-* (от *āmadan* 'приходить'), *ār-* (от *āwɔrdan* 'приносить'); двусложные основы: *partō-* (от 'бросать'), *farmāy-* (от *farmūdan* 'изволить'); основа, состоящая из двух согласных фонем: *-ft-* (от *aftīdan* 'падать').

Как видно из приведенных данных, подавляющее большинство простых основ настоящего времени (являющихся одновременно глагольными корневыми морфемами) содержит не более одной гласной фонемы; при этом гласная *ā* встречается только в начале основ и в основах типов CVC и CCVC; гласные *ī*, *ū* — только в основах типа CV; гласные *ē*, *ō* — в основах всех типов, кроме CVCC, гласные *e*, *o* — в основах всех типов, кроме CV и, по-видимому, CVCC, а

гласная *a* — в основах всех типов, кроме CV. Из согласных фонем в начале простых основ не зафиксированы только *w*, *ž*, *q*; в конце основ наиболее распространены согласные *r*, *n*, *š*, *z* и не зафиксированы *ž*, *γ*, *x*; из двусогласных сочетаний в начале основ встречаются сочетания шумных и сочетания сонантов с шумными (в любом порядке), а в конце основ — сочетания шумных и сочетания типа «сонант+шумный».

Корневые морфемы основ настоящего времени в составе личных глагольных форм по своему фонематическому составу отличаются от прочих корневых морфем диалекта. Например, в отличие от прочих корневых морфем они могут не содержать гласных фонем; почти не бывают многосложными; не могут начинаться ни с какой гласной фонемы, кроме *ā*; имея состав CVC, не содержат гласных фонем *ī*, *ū*; имея состав CVCC, не могут содержать практически никаких гласных фонем, кроме *a*. В отличие от корневых морфем, входящих в именные части речи, они могут начинаться с последовательности двух шумных согласных и с сочетаний сонантов с шумными; не могут иметь конечных сочетаний согласных типа «шумный+сонант»; не могут оканчиваться на гласные фонемы *a*, *ā*. Кроме перечисленных существуют также другие, более мелкие различия, и все они, вместе взятые, резко выделяют корневые морфемы глагольных основ настоящего времени в личных формах среди прочих корневых морфем кабульского диалекта.

Составные основы настоящего времени, содержащие каузативный суффикс *-ān*, подразделяются по фонематическому составу на три типа:

CVCVC

rasān- (от *rasāndan* 'доставлять'), *xēzān-* (от *xēstāndan* 'поднимать'), *dawān-* (от *dawīndan* 'гонять'), *fāmān-* (от *fāmāndan* 'объяснять'), *kafān-* (от *kafāndan* 'разрывать') и др.;

CVCCVC

tarsān- (от *tarsāndan* 'пугать'), *časpān-* (от *časpāndan* 'приклеивать'), *gardān-* (от *gaštāndan* 'возвращать') и др.;

CCVCVC

gzarān- (от *gozaštāndan* 'проводить'), *šnāsān-* (от *šenāxtāndan* 'ознакомлять') и др.

Составные основы настоящего времени, содержащие словообразующие префиксы, подразделяются по фонематическому составу на два типа. К первому типу относятся

основы, состоящие из гласноначальных корневых морфем *āy-* и *ār-* и префиксов *bar-/br-*, *dar-/dr-*, *far-/fr-* и, следовательно, имеющие состав CVCVC, чередующийся с CCVC: *barāy-/brāy-* (от *barāmadan* 'выходить'), *darār-/drār-* (от *darāwordan* 'вносить') и др. Ко второму типу относится одна основа — *wardār-* (от *wardāštan* 'поднимать'), имеющая состав CVCCVC.

Есть основания полагать, что составные основы первого типа находятся на пути преобразования в простые основы: во-первых, их компоненты никогда не разрываются другими морфемами (что характерно для литературного языка); во-вторых, в одном из своих вариантов они сходны по фонематическому составу с простыми основами типа C+C+ā+C; в-третьих, этимологически корневой элемент *āy-* в составе этих основ не чередуется с *-ā*, как в простой основе (ср.: *my-āy-om* 'я прихожу' — *by-ā* 'подойди', но *me-br-āy-om* 'я выхожу' — *bar-āy* 'выйди'), и поэтому основы, содержащие этот элемент, нельзя считать простыми механическими соединениями словообразующих префиксов с корневой морфемой *ā(y)-*; наконец, в-четвертых, по данным А. Г. Фархади, перед этими составными основами, как перед простыми основами, может выступать формообразующий префикс *be-* [8, 77], в то время как в литературном языке и в большинстве диалектов этот префикс в составе глагольной словоформы со словообразующими префиксами несовместим.

§ 4. Характерной чертой системы основ настоящего времени кабульского диалекта является то обстоятельство, что разные основы в составе одних и тех же личных глагольных форм по-разному сочетаются с формообразующими морфемами.

В состав тех личных форм, где выступают основы настоящего времени, входят также формообразующие префиксы *mē-* (с вариантами *me-*, *my-*, *m-*, см.: [8, 76]) и *be-* (с вариантами *bo-*, *bī-*, *by-*, *b-*, см.: [8, 77—78], [5]), отрицательная частица *na(y)-* и первичные личные окончания: единственное число — *-om*, *-ī*, *-a*, множественное — *-ēm*, *-ēn*, *-a'n*.

В составе форм настояще-будущего времени большинство основ настоящего времени выступает в таком морфемном окружении:

mē + **основа** + окончание (утвердит. форма);

na + *mē* + **основа** + окончание (отрицат. форма).

Например: *mē-r-om* 'я иду', *mē-wardār-a* 'он поднимает', *mē-säz-an* 'они строят'; *na-mē-xor-ī* 'ты не ешь', *na-mē-g-ēm* 'мы не говорим'; *na-me-brāy-ēn* 'вы не выходите'.

Основа *dār-* (от *dāštan* 'иметь') выступает в ином окружении:

основа + окончание (утвердит. форма);

na+**основа**+окончание (отрицат. форма).

Например: *dār-om* 'я имею', *na-dār-a* 'они не имеют'.

Основа *dē*(*y*)- (от 'бить') в составе форм настоящего-будущего времени не выступает вовсе (см. § 1).

В составе утвердительных форм аориста и императива большинство основ настоящего времени выступает в таком морфемном окружении:

be+**основа**+окончание (аорист и мн. ч. императива);

be+**основа** (ед. ч. императива).

Например: *bo-bar-om* 'должен ли я унести?', *be-ben-a* 'пусть он увидит', *be-t-ēn* 'дайте'; *by-ā* 'подойди', *bo-pāl* 'поищи', *bo-šōy* 'вымой'.

Основы *bāš-* (от *bodan* 'быть'), *šō-*, *šaw-* (от *šodan* 'делаться'), *dē*(*y*)- (от 'бить'), *part*(*ō*)- (от 'бросать') выступают в этих формах в ином окружении:

основа+окончание (аорист и мн. ч. императива);

основа (ед. ч. императива).

Например: *bāš-a* 'пусть он будет', 'пусть он останется', *šaw-om* (*tā šawom* 'должен ли я сойти?'), *dēy-an* 'пусть они ударят', *part-ēn* 'бросьте'; *bāš* 'подожди', *dē* 'бей'.

Основы *bān-* (от *māndan* 'класть'), *kon-*, *-kū*, *kō* (от *kadan* 'делать') сочетаются в указанных формах с префиксом *be-* факультативно:

(*be*+) **основа**+окончание (аорист и мн. ч. императива);

(*be*+) **основа** (ед. ч. императива).

Например: *bān-a*//*bo-bān-a* 'пусть он положит', *kon-ēn*//*bo-kon-ēn* 'сделайте', *bān*//*bo-bān* 'положи', *kū*//*bo-kū* 'сделай'.

Если оба указанных варианта словоформ с основой *bān-* взаимозаменимы во всех случаях, то эти же варианты словоформ с основой *kon-* (*kū*, *kō*) взаимозаменимы лишь в тех случаях, когда словоформы принимают фразовое ударение; безударные же словоформы префикса *be-* не имеют; ср.: *aga ī kár-a kón-ī...*//*aga ī kár-a bó-kon-ī...* 'если ты сделаешь эту работу...; *ī kár-a kú*//*ī kár-a bó-kū* 'сделай эту работу'; но: *aga kár kon-ī-...* 'если ты будешь работать...', *kár kū* 'работай'.

Основы, содержащие словообразующие префиксы, в указанных формах также не сочетаются с префиксом *be-*: *barāy-a* 'пусть он выйдет', *wardār* ‡ 'подними'. Однако, А. Г. Фархади допускает факультативное употребление префикса *be-* в сочетании с некоторыми из этих основ: *be-drāy* 'войди', *be-frāy* 'спустись' (см. § 3).

Основа *dār-* (от *dāštan* 'иметь') в составе указанных форм не выступает вовсе (см. § 1).

В составе отрицательных форм аориста и императива большинство основ настоящего времени выступает в таком морфемном окружении:

na+**основа**+окончание (аорист и мн. ч. императива);
na+**основа** (ед. ч. императива).

Например: *na-xar-om* 'не купить ли мне?', *na-drāy-a* 'пусть он не входит', *na-part-ēn* 'не бросайте', *na-gō* 'не говори', *na-frāy* 'не спускайся'.

Основы *ā(y)-* (от *āmadan* 'приходить') и *ār-* (от *āwordan* 'приносить') могут сочетаться в указанных формах с префиксом *be-* (А. Г. Фархади считает, что в таком же окружении могут выступать также основы *-ft-* (от *aftīdan* 'падать') и *-ndāz-* (от *andāxtan* 'бросать'): *ne-be-ft* 'не падай', *na-be-ndāz* 'не бросай' [8, 91], однако, как представляется, для говора коренных кабульцев это нехарактерно):

na+(*be*)+**основа**+окончание (аорист и мн. ч. императива);
na+(*be*)+**основа** (ед. ч. императива).

Например: *na-by-āy-om*/*nay-āy-om* 'не прийти ли мне?', *na-by-ār-ēn*/*nay-ār-ēn* 'не приносите', *na-by-ā*//*nay-ā* 'не приходи', *na-by-ār*//*nay-ār* 'не приноси'.

Основы *dār-* (от *dāštan* 'иметь') и *dē(y)-* (от 'бить') в составе отрицательных форм аориста и императива не выступают вовсе (см. § 1).

§ 5. Некоторые основы настоящего времени кабульского диалекта имеют несколько фонетических вариантов. В ряде случаев выбор того или иного варианта обусловлен тем, в какую часть речи входит данная основа, так что различаются варианты, в которых основы выступают в составе именных частей речи, и варианты, в которых они выступают в составе личных глагольных форм (см. § 2). Однако, даже выступая в личных глагольных формах, не все основы имеют постоянный фонематический состав.

Некоторые варианты основ в личных формах являются взаимозаменимыми: *grōz-*//*grēz-* (основы глагола *gorēxtan* 'убегать'), *kū*//*kō* (основы глагола *kadan* 'делать'), *spor-*//*spār-* (основы глагола *soрordan* 'поручать'), *šnāš-*//*šnās-* (основы глагола *šenāxtan* 'узнавать') и др.; ср.: *me-grōz-om*// *me-grēz-om* 'я убегаю', *na-kū*//*na-kō* 'не смей', 'перестань'.

Другие же варианты основ являются взаимоисключающими и входят между собой в морфонологические чередования. В кабульском диалекте зафиксирована 21 основа, имеющая в составе личных форм чередующиеся варианты. Две из них имеют по три чередующихся варианта: *šaw-*/*-š-*/*šō* (от *šodan* 'делаться'), *gōy-*/*-g-*/*-gō* (от *goftan* 'говорить'). Остальные — по два чередующихся варианта: *kon-*/*kū* (//*kō*) (от *kadan* 'делать'), *āy-*/*-ā* (от *āmadan* 'приходить'), *-r-*/*-rō* (от *raftan* 'идти'), *be-*/*bī* (от *dīdan* 'видеть'), *xor-*/*-xō* (от *xōrdan* 'есть'), *-t-*/*-tē* (от *dādan* 'давать'), *ger-*/*-gī* (от *gereftan* 'брать'), *mān-*/*bān-* (от *māndan* 'класть'); *dēy-*/*dē* (от 'бить'), *še-*/*šī* (от *šeštan* 'садиться'), *xēz-*/*xē* (от *xēstan*

'вставать'), *čen-/čī* (от *čendan* 'собирать'), *barāy-/brāy* (от *barāmadan* 'выходить'), *barār-/brār* (от *barāwordan* 'выносить'), *darāy-/drāy* (от *darāmadan* 'входить'), *darār-/drār-* (от *darāwordan* 'вносить'), *farāy-/frāy* (от *farāmadan* 'спускаться'), *farār-/frār-* (от *farāwordan* 'опускать'), *part-/partō* (от 'бросать').

С точки зрения фонематического состава возможно выделение семи различных типов парных чередований вариантов основ:

CV/C: *-tē/-t-*, *rō/-r-*, *-gō/-g-*, *šō/-š-*;

V/VC: *-ā/āy-*;

CVC/CV: *ben-/-bī*, *čen-/-čī*, *šen-/-šī*, *ger-/-gī*, *dēy-/dē*, *xēz-/-xē*, *gōy-/gō-*, *šaw-/šō*, *xor-/-xō*, *kon-/kū* (*kō*);

CVC/C: *šaw-/-š*, *gōy-/-g-*;

CVCVC/CCVC: *barāy-/brāy-*, *barār-/brār-*, *darāy-/drāy-*, *darār-/drār-*, *farāy-/frāy-*, *farār-/frār-*;

CVCCV/CVCC: *partō/part-*;

CVC/CVC: *mān-//bān-*.

Некоторые из перечисленных чередований приведены в монографии А. Г. Фархади [8, 81—82]. При анализе этих чередований А. Г. Фархади ставит выбор того или иного варианта основы в зависимость от временно́й и модальной характеристик глагольной формы, в которую эта основа входит. Так, А. Г. Фархади утверждает, что из трех вариантов основы настоящего времени глагола *šodan* 'делаться' вариант *-š-* выступает только в настояще-будущем времени, вариант *šaw* — только в аористе, а вариант *šō* — только в императиве. Подобно этому из двух вариантов основы глагола *gereftan* 'брать' вариант *ger-*, по мнению А. Г. Фархади, выступает только в настояще-будущем времени и в аористе, а вариант *-gī* — только в императиве.

Однако эти утверждения А. Г. Фархади опровергаются языковыми данными. Так, вариант *-š-* может выступать не только в настояще-будущем времени (*mē-š-a: tā mēša* 'он сходит'), но и в аористе (*na-š-a: tā naša* 'как бы он не сошел'), а вариант *šaw-* не только в аористе (*šaw-a: tā sawa* 'пусть он сойдет'), но и в императиве (*šaw-ēn: tā šawēn* 'сходите'). Подобно этому, вариант *ger-* выступает не только в настояще-будущем времени и аористе (*me-ger-om* 'я беру', *be-ger-a* 'пусть он возьмет'), но и в императиве (*be-ger-ēn* 'возьмите', *be-ger-eš* 'возьми его'). А. Г. Фархади явно упускает из виду, что аорист и императив имеют не только утвердительные, но и отрицательные формы, что императив имеет не только форму единственного числа, но и форму множественного числа, что к любой личной глагольной форме, в том числе и к форме единственного числа императива, может присоединяться одно из энклитических место-

имений, замещающих дополнение, оформляемое послелогом *-(r)a*. Таким образом, критерий, которым руководствуется А. Г. Фархади, для описания чередований вариантов основ настоящего времени неприемлем.

Наблюдения показывают, что основы настоящего времени в личных глагольных формах выступают в том или ином варианте в зависимости от своего положения по отношению к границам слова и ритмической группы, а также в зависимости от характера окружающих морфем. Выбор варианта зависит от того, выступает ли основа: 1) в конце ритмической группы, 2) в начале глагольной словоформы, 3) после формообразующего префикса *mē-*, 4) после формообразующего префикса *be-*. Отвечая на эти вопросы, можно получить исчерпывающие данные о функционировании вариантов основ настоящего времени.

Ниже приводятся результаты анализа функционирования вариантов основ.

Таблица 1

В конце ритмической группы	
да	нет
-tē	*-t-*
-rō	*-r-*
-bī	*ben-*
-gī	*ger-*
-šī	*šen-*
-čī	*čen-*
-xē	*xēz-*
-dē	*dēy-*
-ā	*āy-*
kū, kō	*kon-*
-xō	*xor-*
parīō	*part-*

Таблица 2

В начале глагольной словоформы	
да	нет
barāy-	*brāy-*
barār-	*brār-*
darāy-	*drāy-*
darār-	*drār-*
farāy-	*frāy-*
farār-	*frār-*

Примеры к табл. 1: *be-tē* 'дай'— *mē-t-om* 'я даю', *be-t-a* 'пусть он даст', *be-t-eš* 'дай ему'; *be-šī* 'сядь'— *me-šen-om* 'я сажусь', *na-šen-a* 'пусть он не садится'; *dē* 'бей'— *dēyom* 'должен ли я ударить?'; *by-ā* 'подойди'— *my-āy-ēm* 'мы придем', *by-āy-ēn* 'приходите'; *partō* 'брось'— *mē-part-om* 'я бросаю', *part-an* 'пусть они бросят', *part-eš* 'брось его'.

Примеры к табл. 2: *barāy* 'выйди', *barāy-om* 'должен ли я выйти?'— *me-brāy-ēm* 'мы выходим', *na-brāy-a* 'пусть он не выходит', *na-brāy* 'не выходи'; *darār* 'внеси', *darār-an* 'пусть они внесут'— *me-drār-a* 'он вносит', *na-drār-ēn* 'не вносите', *na-drār* 'не вноси'.

Таблица 3

		В конце ритмической группы	
		да	нет
В начале глагольной словоформы	да	*šō* (1)	*šaw-* (2)
	нет	*-šō* (3)	*-š-* (4)

Примеры: (1) *šō: tā šō* 'сойди'; (2) *šaw-a: tā šawa* 'пусть он сойдет'; (3) *na-šō: tā našō* 'не сходи'; (4) *mē-š-a: tā mēša* 'он сходит', *na-š-a: tā naša* 'пусть он не сходит'.

Таблица 4

		После префикса *mē-*	
		да	нет
В конце ритмической группы	да		*-gō* (1)
	нет	*-g-* (2)	*-gōy-* (3)

Примеры: (1) *bo-gō* 'скажи'; (2) *mē-g-om* 'я говорю'; (3) *bo-gōy-a* 'пусть он скажет'; *na-gōy-ēn* 'не говорите'.

Таблица 5

		После префикса *be-*	
		да	нет
В начале глагольной словоформы	да		*bān-* (1)
	нет	*-bōn-* (2)	*mān-* (3)

Примеры: (1) *bān-om* 'должен ли я положить?', *bān* 'положи'; (2) *bo-bān-om* 'должен ли я положить?', *bo-bān* 'положи'; (3) *mē-mān-a* 'он кладет', *na-mān-ēn* 'не кладите'.

Как показывают приведенные данные, многие основы, которые имеют чередующиеся варианты, выступая в конце ритмической группы, оканчиваются гласной фонемой, а выступая в прочих положениях, оканчиваются согласной фонемой. Это объясняется тем, что все морфемы, следующие за основами настоящего времени в пределах ритмической группы, начинаются с гласной фонемы, и поэтому те варианты основ, которые выступают перед этими морфемами, во избежание зияния должны быть согласноконечными. С этой целью в конце основ настоящего времени либо восстанавливается согласный компонент (*-bī — ben-*, *-gī — ger-*, *-šī —*

šen-, *-xē — xēz-*, *kū-/kō — kon-*, *xō — xɔr-*, *-čī — čen-*), либо наращивается полугласная фонема *y* (*dē — dēy-*, *-ā — āy-*), либо выпадает гласный компонент (*-tē — -t-*, *-rō — -r-*, *partō — part-*). В двух основах зияние предотвращается двумя способами (*šō — šaw* и *šō — -š-* — восстановление согласного и выпадение гласного компонентов, *-gō — -g-* и *-gō — gōy-* — выпадение гласного компонента и наращение фонемы *y*). Примечательно, что подобных чередований не наблюдается, когда эти же основы входят в состав именных частей речи; ср.: *xōr-āk* 'еда' — *pɔr-xōr* 'прожорливый', *gīr-ā* 'тиски' — *qaf-gīr* 'шумовка' и т. п.

Чередования *barāy-/brāy-*, *darār-/drār-* и т. п. объясняются тем, что, с одной стороны, составные основы этого типа, находясь на пути преобразования в простые основы, уподобляются последним в отношении фонематического состава (см. § 3) и поэтому в середине слов выступают в своих односложных вариантах, а с другой стороны, сочетания шумных с плавными в начале слов для диалекта нехарактерны, и поэтому варианты, содержащие эти сочетания, в начале глагольных словоформ нежелательны.

Выбор между вариантами *šaw-/-š-* основы глагола *šodan* обусловлен закономерностями ударения в личных глагольных формах диалекта. Все личные формы, в которых участвуют основы настоящего времени, принимая фразовое ударение, имеют его на первом слоге. Поэтому ударение падает обычно на глагольные префиксы, а если последние отсутствуют или не в состоянии принять ударение, ударной оказывается глагольная основа; ср.: *dár-om* 'я имею', *párt-a* 'пусть он бросит', *m-yáf-om* 'я найду', *by-á* 'подойди' и т. п. Следовательно, в тех случаях, когда основа глагола *šodan* выступает в начале глагольных словоформ, она непременно должна содержать гласный компонент, чтобы быть в состоянии принять ударение: *šáw-om*, *šáw-ī* и т. д., а в прочих случаях в присутствии гласной фонемы необходимости нет.

Чередование *mān-/bān-* основы глагола *māndan*, по всей вероятности, является результатом ассимиляции: **bo-mān > bo-bān > bān*. Именно так оно характеризуется в исследованиях, посвященных кабульскому диалекту (см.: [7, 36], [8, 31]).

Наконец, чередование *gōy-/-g-* основы глагола *goftan* является единственным чередованием, к которому применим критерий А. Г. Фархади (см. выше): выбор между этими двумя вариантами обусловлен чисто морфологически, так что вариант *-g-* выступает только в составе форм настоящего-будущего времени, а вариант *-gōy-* — в составе форм аориста и императива.

Рассмотренный материал позволяет выделить следующие

характерные черты основ настоящего времени в составе личных глагольных форм кабульского диалекта:

1. Многие основы настоящего времени в личных формах по фонематическому составу отошли от аналогичных основ литературного языка; изменение шло в основном либо по линии упрощения, либо по линии сближения с соответствующими основами прошедшего времени.

2. Некоторые основы настоящего времени имеют в личных глагольных формах иной фонематический состав, нежели в именных частях речи; варианты, в которых эти основы выступают в именных частях речи, более архаичны.

3. Основы настоящего времени в личных формах весьма однородны по фонематическому составу, и их корневые морфемы обладают рядом фонематических признаков, выделяющих их из прочих корневых морфем диалекта.

4. Составные основы настоящего времени, содержащие словообразующие префиксы, с точки зрения морфонологических признаков находятся на пути преобразования в простые основы.

5. Разные основы настоящего времени в одних и тех же личных формах неодинаково сочетаются с формообразующими морфемами.

6. В зависимости от своего положения относительно границ ритмической группы и глагольной словоформы, а также в зависимости от характера окружающих морфем, многие основы настоящего времени в составе личных форм выступают в разных фонетических вариантах.

1966 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорофеева Л. Н., Язык фарси-кабули, М., 1960.
2. Островский Б. Я., Вопросы морфонологической системы разговорного языка кабули (чередования и дистрибуция алломорф), автореф. канд. дисс., М., 1969.
3. Островский Б. Я., Моделирование дистрибуции алломорф в разговорном языке кабули,— «Вестник МГУ, Востоковедение», 1970, № 1.
4. Островский Б. Я., Дистрибуция вариантов морфем в кабульском диалекте,— сб. «Иранская филология», М., 1971.
5. Островский Б. Я., Чередование звуковых форм *be-/bo-* глагольного формообразующего префикса в кабульском диалекте»,— сб. «Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии», М., 1971.
6. Пахалина Т. Н., К характеристике кабульского просторечия,— сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
7. Bogdanov L., Stray Notes on Kâbulī Persian,— JASB, new series, 1930, vol. XXVI.
8. Farhâdi Abd-ul-Ghafûr, Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kâboli, Paris, 1955.

Б. Я. Островский

К СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОНОЛОГИИ ПЕРСИДСКОГО, ДАРИ И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ
(простые личные глагольные формы)

1. Введение. Морфонология понимается здесь как изучение фонематической репрезентации морфем того или иного языка, и прежде всего — как изучение разных способов репрезентации одних и тех же морфем этого языка [ср., например, 8, 135]. Сравнительная морфонология близкородственных языков понимается как сравнительное изучение сопоставимых морфем этих языков, и прежде всего — как изучение неодинаковой репрезентации сопоставимых морфем в сравниваемых языках. Морфемы разных языков считаются здесь сопоставимыми, если они идентичны этимологически и сходны в смысловом и грамматическом отношениях.

В настоящей статье предпринимается попытка сравнительно-морфонологического описания трех современных литературных языков иранской группы — персидского (далее — П.), дари Афганистана, или фарси-кабули (Д.) и таджикского (Т.) — на ограниченном материале. Описание ограничено теми высказываниями на трех языках, которые представляют собой простые личные глагольные формы и состоят из морфем, входящих в приводимый далее список (см. п. 3). К простым личным глагольным формам здесь отнесены положительные и отрицательные формы действительного залога трех лиц обоих чисел настояще-будущего времени, аориста, простого и длительного прошедшего времени, а также синтетические положительные и отрицательные формы обоих чисел императива.

Описание построено здесь в форме сравнительно-морфонологической модели (далее — СМ-модель). На вход СМ-модели подается запись, представляющая высказывания в виде цепочки морфемных инвариантов (М-запись), а на выходе принимается запись, представляющая те же высказывания в виде цепочки фонем (Ф-запись). В процессе работы модели в запись вводятся все внутри- и межъязыковые различия

между фонематическими репрезентами сопоставимых морфем. (Более подробную характеристику СМ-модели см. п. 4.)

2. Ф-запись. Ф-запись, или результирующая запись СМ-модели, представляет собой последовательность символов, каждый из которых передает одну фонему. Фонемы разных языков, наиболее часто корреспондирующие между собой в сопоставимых высказываниях (т. е. в высказываниях, состоящих из сопоставимых морфем), передаются одинаковыми символами.

Примеры Ф-записи: П. *mīfurūšad* 'он продает', *nanivīs* 'не пиши'; Д. *šunīdam* 'я услышал', *biyārand* 'пусть они принесут'; Т. *mēxōrāndi* 'ты кормил', *bɨbinēd* 'посмотрите'.

Алфавит символов Ф-записи: a, ā, b, č, d, ē, f, g, γ, h, i, ī, ǰ, k, l, m, n, ō, p, r, s, š, t, u, ū, v, x, y, z, ž.

Комментарии к Ф-записи. Для Ф-записи высказываний на всех трех языках используется единый алфавит символов, ибо использование для разных языков разных алфавитов привело бы к необходимости вводить в запись межъязыковые различия, отражающие неодинаковые традиции транскрибирования, или, в лучшем случае, фонетическое несовпадение фонем разных языков, что прямого отношения к морфонологии не имеет. Символы *ē* и *ō* не употребляются в Ф-записи высказываний на П., а *ī* и *ū* — в Ф-записи высказываний на Т., что объясняется количественными различиями между фонемными инвентарями сравниваемых языков; кроме того, в приведенном выше алфавите отсутствуют символы для передачи некоторых фонем, не встречающихся в описываемом материале. «Дифтонги» П. и Д. передаются как двуфонемные сочетания: П. *iy*, *uv*, Д. *ay*, *av* (например, П. *piyvast*, Д. *payvast* 'он присоединил(ся)', П. *buruv*, Д. *birav* 'уйди'). В передаче согласных фонем и гласных монофтонгов отличия принятого здесь алфавита символов от систем фонематической транскрипции на латинской основе, использованных в [1], [2] и [6], сводятся к следующему (в каждой паре знаков на первом месте стоит символ из принятого здесь алфавита): для П.: *ǰ* — *ǧ*, *γ* — *q*; для Д.: *v* — *w*; для Т.: *ā* — *o*, *ē* — *e*, *ō* — *ů*.

3. М-запись. М-запись, или исходная запись СМ-модели, представляет собой последовательность символов, каждый из которых передает одну морфему; соседние символы отделяются друг от друга знаком +, а границы слова обозначаются знаком ++. Сопоставимые морфемы разных языков передаются одинаковыми символами (а следовательно, сопоставимые высказывания на разных языках в М-записи всегда совпадают).

Примеры М-записи: П./Д./Т. ++*mē′*+*dān*+*ad*++ 'он знает', ++*bi*+*xān*+*ēm*++ 'давайте прочитаем', ++*na*+

girift+*and*++ 'они не взяли'; П. ++*dar'*+*mē'*+*ā*+*i*++ 'ты выходишь', Д. ++*šikast*+*ān*+*d*+*am*++ 'я сломал', Т. ++*rav*+*ēd*++ 'идите'.

Список символов М-записи:

а) *символы служебных морфем* — *am*, *ī*, *ad*, *ēm*, *ēd*, *and* — личные окончания; *mē'*, *bi* — формообразующие приставки; *na* — частица отрицания; *-īd*, *-d*, *-ād-*, *-ist* — суффиксы основ прошедшего времени; *-ān* — суффикс каузатива; *bar'-*, *dar'-*, *farā'-*, *furō'-*, *vā'-* — словообразующие приставки;

б) *символы корневых морфем* — *afkan* 'бросать', *afrōz*, *-xt* 'зажигать', *afzā*, *-ūd* 'увеличивать', *anbār*, *-št* 'наполнять', *andāz*, *-xt* 'бросать', *angār*, *-št* 'полагать', *arz* 'стоить', *ā*, *āmad* 'приходить', *āmōz*, *-xt* 'изучать', *āvar* 'приносить', *band*, *-st* 'связывать', *bar*, *burd* 'нести', *baxš* 'дарить', *bāf* 'ткать', *bār* 'идти (об осадках)', *bāš*, *būd* 'быть', *bāz*, *-xt* 'проигрывать', *bīn*, *did* 'видеть', *bur* 'резать', *čak* 'капать', *čar* 'пастись', *časp* 'прилипать', *čīn*, *-d* 'собирать', *dar* 'разрывать', *darav* 'косить', *daraxš* 'блестеть', *dav* 'бежать', *dān* 'знать', *dār*, *-št* 'иметь', *dih*, *dād* 'давать', *dōz*, *-xt* 'шить', *farmā*, *-ūd* 'приказывать', *firēb*, *-ft* 'обманывать', *firist* 'посылать', *furōš*, *-xt* 'продавать', *gard*, *-št* 'вращаться', *girā* 'стремиться', *giry*, *-rīst* 'плакать', *gīr*, *girift* 'брать'; *gō*, *guft* 'говорить', *gunj* 'вмещаться', *gurēz*, *-xt* 'убегать', *gusal*, *-st* 'разрывать', *gustar* 'расстилать', *guzar*, *-št* 'проходить', *guzār*, *-st* 'класть', *guzīn*, *-d* 'выбирать', *ɣalt* 'катиться', *ɣirēv* 'кричать', *harās* 'бояться', *'īst* 'стоять', *jah*, *-st* 'прыгать', *jōy*, *just* 'искать', *junb* 'двигаться', *kan* 'отрывать', *kaš* 'тащить', *kāh*, *-st* 'уменьшать', *kār*, *-št* 'сеять', *kāv*, *-ft* 'копать', *kōb*, *-ft* 'ударять', *kōš* 'стараться', *kun*, *kard* 'делать', *kuš* 'убивать', *kušā* 'открывать', *laɣz* 'скользить', *larz* 'дрожать', *lēs* 'лизать', *mak* 'сосать', *māl* 'намазывать', *mān* 'оставаться', *mān'* 'быть похожим', *mur* 'умирать', *namā*, *-ūd* 'делать', 'казаться', *navāz*, *-xt* 'ударять', *navīs*, *-išt* 'писать', *nigar*, *-rīst* 'смотреть', *nigār*, *-št* 'сочинять', *nih* 'класть', *nihān*, *-uft* 'прятать', *nišān* 'сажать', *nišīn*, *-ast* 'садиться', *niyūš* 'слушать', *nōš* 'пить', *par* 'лететь', *parākan* 'рассеивать', *pardāz*, *-xt* 'платить', *parvar* 'воспитывать', *paymā*, *-ūd* 'проходить', *payvand*, *-st* 'соединять', *paz*, *puxt* 'варить', *pažūh* 'исследовать', *pindār*, *-št* 'полагать', *pisand* 'одобрять', *pirā*, *-āst* 'украшать', *pōš* 'надевать', *purs* 'спрашивать', *rah*, *-st* 'спасаться', *ranj* 'обижаться', *ras* 'достигать', *rav*, *-ft* 'идти', *rān* 'прогонять', *rēz*, *-xt* 'литься', *rōb*, *-ft* 'мести', *rōy*, *rust* 'расти', *rubā*, *-ūd* 'похищать', *sanj* 'измерять', *sarā*, *surūd* 'петь', *sāz*, *-xt* 'строить', *sipar* 'вручать', *sitā*, *-ūd* 'хвалить', *sōz*, *-xt* 'гореть', *sunb*, *-ft* 'сверлить', *šav*, *šud* 'делаться', *šikan*, *-st* 'ломаться', *šikuf* 'цвести', *šinav*, *-id* 'слышать',

šināš, *-xt* 'узнавать', *šitāb*, *-ft* 'спешить', *šōy*, *šust* 'мыть', *tap* 'трепетать', *tarāš* 'скоблить', *tark* 'лопаться', *tars* 'бояться', *tavān* 'мочь', *tāb* 'сверкать', *tāz*, *-xt* 'мчаться', *uft* 'падать', *varz* 'практиковать', *xand* 'смеяться', *xar* 'покупать', *xaz* 'ползти', *xāb*, *xuft* 'спать', *xāh*, *-st* 'хотеть', *xān* 'читать', *xāy* 'жевать', *xēz*, *-st* 'вставать', *xirām* 'плавно выступать'; *xur* 'есть', *xusp* 'спать', *yāb*, *-ft* 'находить', *zan*, *-d* 'бить', *zā* 'рождать', *zida*, *-ūd* 'чистить'.

Комментарии к М-записи. Каждый символ М-записи представляет собой цепочку морфонем, сопровождаемую иногда пометой (′). По своему морфонемному составу символ М-записи графически совпадает с одним из репрезентантов передаваемой им морфемы (или сопоставимой с ней морфемы другого языка); причем этот состав в большинстве случаев подобран с таким расчетом, чтобы обеспечить кратчайший переход к прочим репрезентантам. Пометы в одних случаях расподобляют символы разных морфем, совпадающие по морфонемному составу, а в других — служат для упрощения некоторых формальных операций (см. далее, п. 4).

Морфемы списка (б) — суть корневые морфемы, совпадающие с простыми (т. е. не содержащими служебных морфем) основами настоящего и прошедшего времени (далее, соответственно, Н-корни и П-корни). Н-корни перечисляются в алфавитном порядке составляющих их морфонем; за каждым Н-корнем следует соответствующий ему П-корень (в случае наличия такового), а затем — одно из типичных значений глагола. Символ П-корня чаще всего дается в сокращении (после дефиса); для восстановления его полного вида необходимо подставить сокращение в символ соответствующего Н-корня по следующим правилам: если сокращение начинается с гласного сегмента (список гласных сегментов — см. п. 4), оно ставится на место конечной цепочки морфонем символа Н-корня, начинающейся последней гласной; в прочих случаях — на место конечной цепочки морфонем символа Н-корня, следующей за последней гласной (например: *navis*, *-išt*, полный вид символа П-корня — *navišt*; *band*, *-st*, полный вид символа П-корня — *bast*).

Следует указать, что принятое здесь выделение инвентаря морфем не является единственно возможным. Допустима, например, иная трактовка основ прошедшего времени, при которой все эти основы рассматривались бы как состоящие по меньшей мере из двух морфем — Н-корня и одного из суффиксов основ прошедшего времени (здесь же такая структура признается лишь у основ прошедшего времени так называемых правильных глаголов и глаголов, «подобных правильным», см.: [5, 10—11]). Такая трактовка является не менее правомерной, чем та, которая принята здесь: она дает

лишь иное распределение данных между морфонологией и морфологией (ср.: [7; 229]). Однако принятие этой трактовки привело бы к необходимости отражения в модели большого количества фактов, общих для всех сравниваемых языков и поэтому не представляющих интереса с точки зрения сравнительной морфонологии. Таким образом, способ выделения инвентаря морфем выбран здесь в соответствии с задачей сравнительно-морфонологического описания.

4. СМ-модель. СМ-модель, преобразующая М-запись в Ф-запись, представляет собой серию упорядоченных правил преобразования записи с матрицей их применимости в трех языках. Каждое правило предусматривает замену, снятие или введение отрезка в том или ином месте записи и в каждом данном языке может либо применяться обязательно, либо применяться факультативно (в случае наличия взаимозаменимых вариантов), либо не применяться, либо, наконец, быть безразличным (в случае, если применение или неприменение правила не влияет на окончательный результат или если отрезок, для которого правило предусматривает преобразование, в данном языке не встречается).

Условные обозначения СМ-модели:

а) *в тексте правил* —

V (гласный сегмент) — любой из следующих отрезков записи: *a*, *ā*, *ē*, *i*, *ī*, *ō*, *u*, *ū*;

C (согласный сегмент) — любой из следующих отрезков записи: *b*, *č*, *d*, *f*, *g*, *γ*, *h*, *ǰ*, *k*, *l*, *m*, *n*, *p*, *r*, *s*, *š*, *t*, *v*, *x*, *y*, *z*, *ž*;

$\overset{\alpha}{\beta}$ — α или β; (α) — α или пустой отрезок; $((\alpha))$ — любой отрезок (в том числе пустой), кроме α (где α и β — два разных непустых отрезка записи);

X | A | Y→B — преобразование XAY в XBY; X | A | Y→Ø — преобразование XAY в XY; X | Y→B — преобразование XY в XBY (где A и B имеют вид α или $\overset{\alpha}{\beta}$, а X и Y отсутствуют или имеют вид $\alpha, \overset{\alpha}{\beta}$, (α), $((\alpha))$ или их сочетание);

б) *в матрице применимости правил* —

(+) — правило применяется обязательно; (±) — правило применяется факультативно; (—) — правило не применяется; (0) — правило безразлично.

Текст СМ-модели:

	П.	Д.	Т.
1. $+k\|a\|\check{s}+\rightarrow i$	±	—	—
2. $+r\|a\|s+\rightarrow i$	±	—	—
3. $+d\|a\|rax\check{s}+\rightarrow i$	±	—	—
4. $+p\|a\|\check{z}\bar{u}h+\rightarrow i$	±	—	—
5. $+n\|a\|m\overset{\bar{u}d}{\bar{a}}+\rightarrow i$	±	—	—
6. $+\|a\|ng\bar{a}\overset{\check{s}t}{r}+\rightarrow i$	±	—	—

	П.	Д.	Т.
7. $+n\|a\|v\overset{išt}{\underset{īs}{}}+\to i$	+	—	—
8. $+d\|a\|rav+\to i$	+	±	—
9. $+h\|a\|rās+\to i$	±	+	—
10. $+gus\|a\|st+\to i$	—	+	+
11. $+d\|a\|raxš+\to u$	—	±	+
12. $+dur\|a\|xš+\to u$	0	+	—
13. $+p\|a\|žūh+\to u$	±	±	—
14. $+n\|a\|m\overset{ūd}{\underset{ā}{}}+\to u$	±	±	—
15. $+sip\|a\|r+\to u$	±	—	+
16. $+gus\|a\|l+\to ē$	—	—	+
17. $+γ\|i\|rēv+\to a$	+	—	—
18. $+p\|i\|sand+\to a$	+	—	—
19. $+f\|i\|rē\overset{ft}{\underset{b}{}}+\to a$	±	—	—
20. $+n\|i\|huft+\to a$	±	—	—
21. $+š\|i\|nīd+\to a$	±	—	—
22. $+p\|i\|ndā\overset{št}{\underset{r}{}}+\to a$	±	—	—
23. $+x\|i\|rām+\to a$	±	±	—
24. $+g\|i\|rā+\to a$	±	—	±
25. $+z\|i\|dūd+\to u$	±	+	+
26. $+s\|i\|tūd+\to u$	±	±	+
27. $+š\|i\|kuf+\to u$	—	+	+
28. $+n\|i\|huft+\to u$	—	+	+
29. $+š\|i\|nīd+\to u$	—	+	+
30. $+s\|i\|p\overset{a}{\underset{u}{}}r+\to u$	—	—	+
31. $+š\|i\|nav+\to u$	—	—	+
32. $+z\|i\|dā+\to u$	—	—	+
33. $+x\|i\|rām+\to u$	±	—	—
34. $+b\|u\|rd+\to ō$	—	±	—
35. $+x\|u\|r+\to ō$	—	—	+
36. $+r\|u\|bā+\to a$	—	—	+
37. $+r\|u\|būd+\to a$	—	±	+
38. $+f\|u\|rō\to i$	—	±	—
39. $+k\|ā\|št+\to i$	±	±	±
40. $+p\|ī\|rā(st)+\to ē$	0	—	±
41. $+r\|ō\|ft+\to u$	+	+	—
42. $+x\|ē\|st+\to ā$	+	±	±
43. $+af\|k\|an+\to g$	—	+	—
44. $+parā\|k\|an+\to g$	±	+	—
45. $+š\overset{i}{\underset{u}{}}\|k\|uf+\to g$	±	±	—
46. $+\|k\|ušā+\to g$	+	±	—
47. $+\|g\|unǰ+\to γ$	—	—	±
48. $+la\|γ\|z+\to ž$	—	—	+
49. $+la\|γ\|z+\to xš$	±	±	0
50. $+kā\|v\|+\to b$	—	—	±
51. $+tar\|k+\to a$	+	—	—
52. $+\|nī\|šān+\to ø$	—	±	±

	П.	Д.	Т.
53. $s\|p\|+\longrightarrow b$	±	±	—
54. $\|n\|b\longrightarrow m$	+	±	—
55. $\|a\|y((V))\longrightarrow i$	+	—	—
56. $+gir\|y\|+\to ī$	+	+	+
57. $((+))+ā\|+\to{}'$	+	+	+
58. $ā\|+\longrightarrow y$	±	±	±
59. $\|a\|v+\longrightarrow u$	+	—	—
60. $\|ū\|h+\longrightarrow ō$	—	—	+
61. $\|i\|h+\longrightarrow ē$	—	—	+
62. $+āv\|a\|r+((+))\to u$	±	—	—
63. $\overset{d}{\underset{n}{}}\|i\|h+((+))\to a$	±	—	—
64. $+bur\|+((+))\to r$	—	—	±
65. $+dar\|+((+))\to r$	—	—	±
66. $+par\|+ān+\to r$	—	—	±
67. $+čak\|+ān+\to k$	—	—	±
68. $+mak\|+ān+\to k$	—	—	±
69. $+āv\|a\|r+d+\to u$	±	±	—
70. $+gust\|a\|r+d+\to u$	—	±	+
71. $+sip\|a\|r+d+\to u$	±	+	0
72. $+x\|u\|r+d+\to ō$	—	+	0
73. $+\|u\|ft+ād+\to a$	—	±	±
74. $+\|u\|ft+īd+\to a$	0	+	0
75. $ā\|v\|a\|r+((d+))\to ø$	±	±	±
76. $+m\|u\|r+((d+))\to ī$	+	±	±
77. $+s\overset{i}{\underset{u}{}}p\|a\|r+((d+))\to ā$	±	—	±
78. $+\|u\|ft+((ād+))\to a$	—	±	+
79. $\overset{}{\underset{f}{š}}+\|d\|+\to t$	+	+	+
80. $+n\|a\|+mē+\to i$	±	—	—
81. $+na\|+V\longrightarrow{}'$	—	—	+
82. $+na\|'\|+ā\longrightarrow ø$	0	0	±
83. $V\|+V\longrightarrow y$	+	+	+
84. $\|i\|y(+)V\longrightarrow ī$	+	—	0
85. $+b\|i\|+b\longrightarrow u$	—	—	±
86. $b+\|i\|+C\overset{ō}{\underset{u}{}}\to u$	±	—	—
87. $((+))+f\left\|\overset{i}{\underset{u}{}}\right\|rō\overset{xt}{\underset{š}{}}+\to ø$	±	±	±
88. $((+))+g\|u\|\ CV\to ø$	±	±	±
89. $(+))+n\left\|\overset{i}{\underset{a}{}}\right\|CV\to ø$	±	±	±
90. $((+))+\overset{š}{\underset{s\|u}{}}\left\|\overset{i}{}\right\|CV\to ø$	±	±	±
91. $\|ē\|\longrightarrow ī$	+	—	—
92. $\|ō\|\longrightarrow ū$	+	—	—
93. $\|ī\|\longrightarrow i$	—	—	+
94. $\|ū\|\longrightarrow u$	—	—	+
95. $\|'\|\longrightarrow ø$	+	+	+
96. $\|+\|\longrightarrow ø$	+	+	+

Комментарии к СМ-модели. Приведенная СМ-модель может быть грубо подразделена на ряд ступеней: правила

1—55 предусматривают такие преобразования символов морфем (главным образом корневых), которые никак не обусловлены позицией или окружением этих морфем; правила 56—65 предусматривают преобразования, обусловленные позицией корневых морфем относительно конца слова; правила 66—90 предусматривают такие преобразования символов морфем, которые обусловлены окружающими морфемами; правила 91—94 предусматривают преобразования, обусловленные межъязыковыми различиями в фонемных инвентарях; правила 95—96 снимают знаки и пометы, лишние для Ф-записи. Таким образом, в приведенной модели принят иной порядок расположения правил, чем тот, который предложен в [4].

Следует особо остановиться на функциях пометы (′): помимо различения символов морфем, совпадающих по морфонемному составу (см. п. 3), помета служит в правилах 57, 87—90 для противопоставления морфем *bi* и *na* прочим глагольным приставкам; в правиле 57 — для того, чтобы исключить получение на выходе неправильных цепочек **biyāy* и **nayāy*; в других случаях — для того, чтобы исключить вставку фонемы *y* (по правилу 83) на тех морфемных стыках, где зияние не предотвращается.

Примеры работы СМ-модели:

П. $++na+mē'+ras+ad++$ 'он не достигает'— (2) → $++na+mē'+r^i_a s+ad++$ —(80)→ $++n^i_a+mē'+r^i_a s+ +ad++$ —(91)→ $++n^i_a+mī'+r^i_a s+ad++$ —(95)→ $++n^i_a+ +mī+r^i_a s+ad++$ —(96)→ $n^i_a mī r^i_a sad$;

П. $++bi+āmōz+ēd++$ 'научитесь' —(83)→ $++biy+ +āmōz+ēd++$ → —(84)→ $++bīy+āmōz+ēd++$ —(91)→ $++bīy+āmōz+īd++$ —(92)→ $++bīy+āmūz+īd++$ —(96)→ *bīyāmūzīd*;

Д. $++na+šikuf+d+and++$ 'они не расцвели' —(27)→ $++na+šukuf+d+and++$ —(45)→ $++na+šu^k_g uf+d+ +and++$ —(79)→ $++na+šu^k_g uf+t+and++$ —(90)→ $++na+š(u)^k_g uf+t+and++$ —(96)→ $naš(u)^k_g uftand$;

Д. $++furō'+mē'+āvar+am++$ 'я опускаю' —(38)→ $++f^i_u rō'+mē'+āvar+am++$ —(75)→ $++f^i_u rō'+mē'+ +ā(va)r+am++$ —(95)→ $++f^i_u rō+mē+ā(va)r+am++$ —(96)→ $f^i_u rōmēā(va)ram$.

Т. $++mē'+rubūd+ī++$ 'ты похищал' —(37)→ $++mē'+rabūd+ī++$ —(93)→ $++mē'+rabūd+i++$ —(94)→ $++mē'+rabud+i++$ —(95)→ $++mē+rabud+i++$ —(96)→ *mērabudi*;

Т. $++na+\bar{a}mad++$ 'он не пришел' $-(81)\rightarrow$ $++na'+\bar{a}mad++$ $-(82)\rightarrow$ $++na(')+\bar{a}mad++$ $-(83)\rightarrow$ $++na'_y+\bar{a}mad++$ $-(95)\rightarrow$ $++na(y)+\bar{a}mad++$ $-(96)\rightarrow$ $++na(y)\bar{a}mad$.

5. Заключение. Содержащееся в данной статье описание простых личных глагольных форм персидского, дари и таджикского языков может рассматриваться как фрагмент полного сравнительно-морфонологического описания этих языков (хотя, разумеется, привлечение более обширного материала потребует изменения и уточнения ряда правил приведенной здесь СМ-модели). Полное сравнительно-морфонологическое описание трех языков будет представлять как теоретический, так и практический интерес. С одной стороны, оно может оказаться полезным для лиц, овладевающих одним из сравниваемых языков, отправляясь от другого. С другой стороны, оно позволит установить с большей точностью степень и характер сходства и различия между тремя языками с точки зрения фонематической репрезентации сопоставимых морфем. Впрочем, и сейчас, если судить по уже готовым фрагментам описания (один из них содержится в данной статье, другой — в [3], остальные не опубликованы), можно утверждать, что более всего в этом плане различаются, по-видимому, П. и Т., а менее всего — Д. и Т.

1971 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаприндашвили Ш. Г., Гиунашвили Дж. Ш., Фонетика персидского языка, Тбилиси, 1964.
2. Дорофеева Л. Н., Язык фарси-кабули, М., 1960.
3. Островский Б. Я., К сравнительно-морфонологической модели персидского, дари и таджикского языков,— «VI Всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии (тезисы докладов)», Тбилиси, 1970.
4. Островский Б. Я., К моделированию сравнительной морфонологии персидского, дари и таджикского языков,— «Вестник МГУ. Востоковедение», 1971, № 2.
5. Расторгуева В. С., Керимова А. А., Система таджикского глагола, М., 1964.
6. Соколова В. С., Фонетика таджикского языка, М.— Л., 1949.
7. Hockett Charles F., Problems of Morphemic Analysis,— «Readings in Linguistics», ed. by M. Joos, Washington, 1957.
8. Hockett Charles F., A Course in Modern Linguistics, New York, 1958.

Ю. А. Рубинчик

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ИМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Накопление обширного материала по персидской фразеологии и необходимость включения его в толковые и переводные словари, в учебники и учебные пособия требуют особого внимания к вопросам изучения структуры фразеологических единиц (далее — ФЕ) персидского языка. Мы полностью разделяем мнение Н. Н. Амосовой, которая писала: «В наши дни составлять словари, не имея в своем распоряжении строго продуманных и подкрепленных хорошо разработанной теорией фразеологии принципов их комплектования и построения, представляется уже невозможным» [2, 66]. К сожалению, до последнего времени практика лексикографической работы в области иранских языков опережала научную разработку вопросов лексикологии и фразеологии, что, естественно, не могло не отразиться на качестве выпускаемых словарей.

За последние годы в Иране наметился некоторый сдвиг в области изучения фразеологии. Изданы словари разговорной лексики, устойчивых оборотов, пословиц и поговорок, которые, хотя и отличаются от обычных фразеологических словарей принципами отбора материала, пониманием объема фразеологии, тем не менее содержат много ФЕ различной грамматической и семантической структуры [см.: 14, 13, 12]. В этих словарях фразеология получает настолько широкое толкование, что теряет свою качественную определенность как самостоятельный раздел языкознания, существующий на равных правах с лексикологией. Что касается теоретических исследований, специально посвященных вопросам фразеологии, то их в Иране пока не имеется.

Небольшое количество работ по персидской фразеологии, посвященных как общим, так и частным проблемам, опубликовано в нашей стране и за рубежом [см.: 15; 6; 9]. В этих работах, разных по своему характеру и охвату фактического материала, сделаны первые попытки исследования и класси-

фикации персидских фразеологизмов. Однако эти попытки не устраняют необходимости уточнения самого предмета персидской фразеологии и ее объема, а также более глубокого изучения структурных и семантических разновидностей персидских ФЕ.

Теоретические взгляды на фразеологию акад. В. В. Виноградова послужили важным стимулом для изучения фразеологии многих языков, а семантические критерии, разработанные им на материале русской фразеологии, стали широко применяться для типологического анализа ФЕ разных языков [3; 4; 5]. Однако выдвинутые им три основные разновидности фразеологизмов — фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания — не были основаны на единых семантических критериях; семантические признаки не подкреплялись никакими другими объективными признаками, в частности структурными, поэтому они не могли служить надежным и универсальным средством классификации фразеологии для всех языков. А если учесть, что законы семантических отношений между словами в составе словосочетаний и предложений отличаются друг от друга в различных языках, то попытки отдельных исследователей многообразные виды ФЕ того или иного языка втиснуть в рамки классификационной схемы В. В. Виноградова не дали положительных результатов. Более подробный критический разбор работ В. В. Виноградова по фразеологии дается в книгах Н. Н. Амосовой [1, 6—9] и А. В. Кунина [7, 271—275].

Персидская фразеология благодаря многообразию структурных форм, богатству значений и их оттенков, выражаемых различными ФЕ, обладает огромными стилистическими возможностями и широко используется во всех сферах существования языка. При ее изучении нельзя классификацию ФЕ строить только на основе семантических критериев, ибо четких границ между ними таким путем установить не удается, да и вряд ли такая классификация имела бы практическое значение. При классификации персидских фразеологизмов необходимо учитывать также их структурные и грамматические свойства. Такой подход позволяет наиболее полно охватить основные разновидности фразеологизмов персидского языка и отразить выполняемые ими функции — номинативную и коммуникативную. На основе структурно-семантического анализа выделяются фразеологизмы, имеющие форму словосочетаний, и фразеологизмы, имеющие форму предложений [10, 809—811].

Настоящая статья посвящена характеристике персидских именных ФЕ, т. е. таких фразеологизмов-словосочетаний, в которых стержневое слово выражено именной частью речи.

В качестве материала для исследования послужила картотека двухтомного «Персидско-русского словаря», подготовленного в Институте востоковедения АН СССР [8].

Классификация именных фразеологизмов проводится с учетом их структурно-грамматических особенностей. При этом главное внимание обращается на строение ФЕ, на их структурные различия, хотя и семантические отношения между составляющими их компонентами также учитываются. Вид грамматической связи между компонентами ФЕ оказывает влияние на характер семантических отношений между ними, что будет показано при рассмотрении семантической структуры фразеологизмов.

Именные фразеологические словосочетания в зависимости от характера грамматической связи между компонентами подразделяются на изафетные, предложные, копулятивные и фразеологизмы с примыкающей связью. Перечисленные выше ФЕ характеризуется тем, что перед первым компонентом фразеологизма отсутствует предлог. Всем этим фразеологизмам противостоят именные фразеологизмы с препозитивным предлогом, играющим существенную роль в определении их грамматической функции. Они включают в свой состав устойчивые именные словосочетания с разной грамматической связью между компонентами и названы нами препозитивно-предложными ФЕ.

Каждая из разновидностей именных ФЕ тесно соприкасается со сложными словами и свободными словосочетаниями, внешне имеющими аналогичное строение. При этом далеко не всегда удается провести четкие разграничительные линии между этими единицами, принадлежащими к разным языковым уровням. Но рассмотрение этой большой проблемы не входит в задачу данной статьи.

1. Среди именных ФЕ наибольшее распространение получили изафетные фразеологизмы, обычно состоящие из двух и, реже, из трех компонентов. Первый компонент (стержневой) выражается именем существительным, а последующие компоненты, присоединяемые к нему изафетным показателем, могут быть выражены существительными, прилагательными, причастиями. Это наиболее продуктивная модель фразеологических словосочетаний данного типа.

На основе анализа семантических взаимоотношений между компонентами в зависимости от утраты или сохранения ими лексических значений и выводимости или невыводимости общего значения ФЕ из значений компонентов можно выделить три вида фразеологизмов: мотивированные, частично мотивированные и немотивированные. На материале таджикского языка подробная структурно-грамматическая характе-

ристика и семантическая классификация изафетных ФЕ дается в монографии С. В. Хушеновой [11]. Эти виды ФЕ отражают наиболее общие типы семантических взаимоотношений между компонентами фразеологизмов. Однако данное деление, как почти всякая классификация, не может отразить полностью все многообразие семантических отношений — существуют разновидности фразеологизмов, которые занимают промежуточное положение между одним и другим видом.

Мотивированные фразеологизмы представлены словосочетаниями, где компоненты сохраняют свое лексическое значение, образуя структурно-семантическое единство. Общее значение ФЕ непосредственно выводится из значений составных компонентов: *тӑназэ'-э бӑ̈г̇а* 'борьба за существование', *мосабэг̇э-йе тӑслиһати* 'гонка вооружений', *зӑман-э һал* 'настояще-будущее время (глагола)', *фэ'л-е лазэм* 'непереходный глагол' и т. д. Такого рода изафетные словосочетания включаются в состав фразеологии на основе ряда общих признаков, а именно: устойчивость структуры и вытекающая из нее невозможность или ограниченная возможность замены компонентов, регулярная воспроизводимость данного словосочетания в качестве готовой единицы, целостность общего значения словосочетания. Основную массу мотивированных именных ФЕ составляют термины.

У частично мотивированных фразеологизмов один из компонентов употребляется в своем реальном значении, а другой утрачивает лексическое значение, подвергаясь переосмыслению. Среди ФЕ этого вида выделяются словосочетания с первым мотивированным компонентом: *йар-э г̇ар* 'преданный друг' (букв. 'друг пещеры'), *ӑнгур-э ӑхтэ* 'виноград без косточек' (букв. 'кастрированный виноград'), *хӑтт-э кур* 'тупик (железнодорожный)' (букв. 'слепая колея') и т. д.— и словосочетания со вторым мотивированным компонентом: *таг̇-э ӑбру* 'изгиб бровей' (букв. 'арка брови'), *тӑһвил-е сал* 'смена года' (букв. 'сдача года'), *зӑбан-э г̇ӑлӑм* 'кончик, острие пера' (букв. 'язык пера') и т. д.

Немотивированные фразеологизмы характеризуются тем, что их компоненты полностью утрачивают лексическое значение; общее значение не вытекает из суммы значений составных компонентов и может быть раскрыто только в контексте: *энг̇элаб-э мӑзадӡ* 'тошнота', 'морская болезнь' (из *энг̇элаб* 'революция', 'изменение' и *мӑзадӡ* 'здоровье', 'состояние здоровья'), *тӑмӑддод-э ӑ'саб* 'отдых', 'передышка' (из *тӑмӑддод* 'вытянутость' и *ӑ'саб* 'нервы'), *бӑрг-е сӑбз* 'скромный дар' (букв. 'зеленый лист') и т. д. В связи с потерей компонентами в составе такого рода

фразеологизмов своих лексических значений ФЕ приобретают особую устойчивость, а синтаксическая функция изафета — служить средством атрибутивной связи — в значительной степени утрачивается.

Среди именных ФЕ с немотивированным значением большое количество составляют фрезеологизмы с образным значением, возникшим на основе переосмысления значения свободных словосочетаний с аналогичным лексемным составом. Метафоричность ФЕ особенно ощутима тогда, когда сосуществуют реальное значение свободного словосочетания и образовавшееся на его базе фразеологическое значение, например: *зăhр-э мар* 'мерзость', 'пакость' (букв. 'яд змеи'), *джоўфоруш-е гăндомнăма* 'ханжа', 'лицемер' (букв. 'продавец ячменя, показывающий пшеницу').

Персидская фразеология содержит множество устойчивых метафорических оборотов, получивших распространение в поэзии. Большинство из них имеет структуру изафетных словосочетаний. Это так называемые *кенайе* (в переводе 'аллегория', 'метафора'), широко употреблявшиеся в классической поэзии. Многие из них перешли в современную поэзию. Кроме того, по устоявшимся моделям мастерами поэтического слова создаются новые поэтические фразеологизмы. Такого рода ФЕ занимают особое место в общем фразеологическом фонде персидского языка. В настоящее время ощущается большая необходимость в создании словаря таких фразеологизмов, во всестороннем изучении их структурных и семантических свойств, а для решения этой задачи потребуется объединение усилий языковедов и литературоведов.

2. Предложные фразеологизмы — это устойчивые словосочетания, компоненты которых объединены при помощи предлогов *ба*, *бэ*, *дăр* и др. В некоторых фразеологизмах (в разговорной речи число их значительно увеличивается), несмотря на наличие предлога между именами, возможно употребление также изафетного показателя, например: *вăкил-е дăр тоўкил* 'доверенное лицо, имеющее право передачи своих полномочий третьему лицу', *мар-э дăр пираhăн* 'скрытый враг' (букв. 'змея в рубашке').

Предложные фразеологизмы не так многочисленны, как изафетные ФЕ, а с семантической точки зрения они менее многообразны. Тем не менее отмеченные выше виды фразеологических значений наблюдаются и у этих ФЕ: общее значение фразеологизма полностью мотивируется значениями составляющих его компонентов (например: *сал бэ сал* 'год от году', 'из года в год', *морăххăси-йе ба hоғуғ* 'оплаченный отпуск'), частично мотивируется (например: *тăлғин бэ нăфс* 'самовнушение', *тăрh-э ру-йе аб* 'нереальные планы'),

либо не мотивируется (например: *дäст бэ синэ* 'покорно', 'смиренно', *ѓäрн-и бэ ѓäрн-и* 'очень редко'). Следует отметить, что значительную часть предложных фразеологизмов составляют повторы: *дэраз бэ дэраз* 'вытянувшись', 'лежа', *дäһан бэ дäһан* 'из уст в уста', *ѓäдäм бэ ѓäдäм* 'шаг за шагом', 'постепенно' и т. д.

3. Фразеологизмы с примыкающей связью представлены главным образом сочетаниями имен существительных с местоимениями или числительными, находящимися в препозиции. Такого рода ФЕ обычно выполняют функции местоимений и наречий и могут быть мотивированными (например: *че дӂур?* 'какой?', 'как?', 'каким образом?', *һämин дӂур* 'такой же', 'таким же образом'), частично мотивированными (например: *чäнд моѓабэл* 'в несколько **раз**', *йек омр* 'всю жизнь'), немотивированными (например: *йек һäва* 'чуточку', 'немножко', *си сал!* 'никогда в жизни!'). Поскольку наречная функция несвойственна стержневым словам данных словосочетаний и появляется только у фразеологизмов, ФЕ данной структуры (даже мотивированные) приобретают большую устойчивость.

Здесь уместно также отметить повторы имен существительных (без предлогов), имеющих ограничительно-количественное значение. Поскольку образование такого рода оборотов носит регулярный характер и сами они имеют чисто распределительное значение, то значение таких словосочетаний следует отнести к разновидности грамматического значения, а сами словосочетания — рассматривать как аналитические конструкции: *зоўдӂ зоўдӂ* 'пáрами', 'попарно', *тäк тäк* 'по одному', *горуһ горуһ* 'группами', 'группа за группой' и т. д.

4. К копулятивным фразеологизмам относятся такие, в которых связующим элементом выступает соединительный союз *вä/о* 'и', произносимый как 'о'. При помощи этого союза объединяются слова, принадлежащие к одинаковым частям речи: имена существительные или прилагательные.

Фразеологизмы этого типа представлены словосочетаниями разной степени устойчивости. Основная функция сочинительного союза *вä* — соединять однородные по синтаксической функции слова — теряет свою силу. Об утрате прежней синтаксической функции сочинительного союза свидетельствует возможность замены его в отдельных случаях другим видом связи — подчинительным: примыканием или изафетом. При этом новый вид связи не меняет общего значения ФЕ: *лазэм-о мäлзум* и *лазэм мäлзум* 'взаимонеобходимые', 'взаимообусловленные', *доўр-о тäсäлсол* и

доўр-э тäсäлсол 'замкнутый круг', 'заколдованный круг' и т. д.

Если в изафетных фразеологизмах мотивированность и немотивированность словосочетания благодаря подчинительному характеру связи удается установить сравнительно легко, то в копулятивных ФЕ характер семантических взаимоотношений между компонентами выявляется труднее, ибо при лексикализации или фразеологизации словосочетаний с соединительной связью создаются очень тесные семантические единства.

В силу особого характера соединительной связи основную массу копулятивных фразеологизмов составляют ФЕ с частично мотивированным или немотивированным значением. Именно эти виды значений обеспечивают устойчивость копулятивных словосочетаний.

В копулятивных ФЕ с частично мотивированным значением все словосочетание приобретает значение одного из компонентов (первого или второго), при этом другой компонент вносит какой-либо дополнительный семантический оттенок или полностью утрачивает свое значение: *шäрh-о бäст* 'подробное объяснение', 'толкование', *фэкр-о зэкр* 'помыслы', *ähл-о äйал* 'семья', 'жена и дети', 'чада и домочадцы', *зэбр-о зэрäнг* 'шустрый', 'расторопный', *туп-о тäшäр* 'ругань', 'брань'.

Копулятивные фразеологизмы с немотивированным значением характеризуются тем, что ни отдельные значения компонентов, ни сумма их значений не равняются значению всего словосочетания: *дäхл-о тäсäрроф* 'вмешательство', 'вторжение' (букв. 'касательство и захват'), *зäмин-о зäман* 'все сущее', 'вселенная' (букв. 'земля и время'), *нан-о нäмäк* 'гостеприимство' (букв. 'хлеб и соль') и т. д.

Количество копулятивных фразеологизмов с мотивированным значением весьма невелико. К их числу можно отнести устойчивые словосочетания, в которых в результате повторения синонима достигается усиление значения, выражаемого каждым компонентом в отдельности: *täк-о täнhа* 'один-одинешенек', 'совсем одиноко', *täр-о тазэ* 'очень свежий (о фруктах)', *ғäл'-о ғäм* 'полный разгром', 'истребление' и т. д.

Весьма близко к копулятивным фразеологизмам с мотивированным значением стоят сочетания, в которых общее значение вытекает из суммы значений составляющих их компонентов: *кот-о шäлвар* 'мужской костюм' (букв. 'пиджак и брюки'), *кот-о дамäн* 'женский костюм' (букв. 'жакет и юбка'), *сäрф-о нähв* 'грамматика' (букв. 'морфология и синтаксис'). Следует отметить, что в современном персидском языке довольно часто не удается установить четких

границ между словами копулятивного типа и копулятивными фразеологизмами, ибо во многих случаях такие сочетания сохраняют двойственную природу. Трудности разграничения такого рода сочетаний, возникающие также вследствие отсутствия четко выработанных фонетических и семантико-грамматических критериев, приводят к тому, что подобные сочетания в словарях даются то самостоятельными вокабулами как сложные слова, то включаются в состав словарных статей как словосочетания по первому или второму компоненту.

В связи с рассмотрением копулятивных ФЕ с мотивированным значением нельзя не отметить довольно частое употребление в персидском языке свободных словосочетаний, состоящих из синонимов, объединенных сочинительным союзом «о». Употребление таких словосочетаний, в состав которых входят персидские и арабские по происхождению слова, вызывается чисто стилистическими целями, стремлением автора придать речи большую торжественность и красочность: *бäст-о тоўсээ* 'расширение', 'распространение', *сä'й-о кушеш* 'старание', *д͡жah-о д͡жäлал* 'роскошь', 'великолепие', *сост-о зäиф* 'слабый', *ашкар-о роўшäн* 'ясный' и т. д. Второе слово-синоним в составе словосочетания делает общее значение выраженным более ярко, но не вносит никаких дополнительных лексических значений. Некоторые из таких словосочетаний настолько часто употребляются в языке, что по характеру своей воспроизводимости приближаются к фразеологизмам.

5. Препозитивно-предложные фразеологизмы охватывают уже рассмотренные выше виды грамматической связи и семантических отношений между компонентами. Конструктивной особенностью этих ФЕ является то, что в их состав входит предлог, находящийся в препозиции по отношению ко всему словосочетанию. Предлог выступает как неотъемлемый структурный элемент словосочетания, без него не могла бы существовать данная ФЕ. В предложении устойчивые словосочетания данного типа наиболее часто выступают в роли обстоятельств.

Среди такого рода фразеологизмов выделяются словосочетания с изафетной связью: *äз täh-э дэл* 'от всей души', 'от всего сердца', *äз бон-э дäндан* 'покорно', 'послушно', 'с готовностью', *бэ зäнн-э ғäви* 'по всей вероятности', *дäр ағуш-е täби'äт* 'на лоне природы'; словосочетания с предложной связью: *äз ин бэ бä'д* 'после этого', 'отныне', *äз сир та пийаз* 'все от начала до конца', 'со всеми подробностями'; словосочетания с примыкающей связью: *дäр ин зэмн* 'между тем', 'тем временем', *дäр йек чешм бэ häм зäдäн* 'в мгновение ока', в один миг', *äз häр д͡жehäт* 'во

всех отношениях'; словосочетания с копулятивной связью: *аз дэл-о д͡жан* 'от всей души', 'всем сердцем', *бэдун-э тäклиф-о тäкäллоф* 'без церемоний', 'непринужденно', *дäр хäла'-о мäла'* 'тайно и открыто' и т. д.

Таковы основные разновидности именных ФЕ персидского языка. Более глубокое изучение семантических взаимоотношений между компонентами именных фразеологизмов, всестороннее исследование синтаксических функций, выполняемых ими в составе предложения, будет содействовать совершенствованию способов и критериев разграничения ФЕ данного типа и сложных слов, чего настоятельно требует практика лексикографической работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н. Н., Основы английской фразеологии, Л., 1963.
2. Амосова Н. Н., Современное состояние и перспективы фразеологии,— ВЯ, 1966, № 3.
3. Виноградов В. В., Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины,— «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Л., 1946.
4. Виноградов В. В., Об основных типах фразеологических единиц в русском языке,— сб. «Академик А. А. Шахматов», М.— Л., 1947.
5. Виноградов В. В., Основные типы фразеологических единиц в русском языке,— в кн.: «Русский язык. Грамматическое учение о слове», М.— Л., 1947.
6. Зульфигарова Ф. И., Идиоматические выражения в персидском языке (По материалам произведений С. Хедаята), автореф. канд. дисс., Баку, 1964.
7. Кунин А. В., Английская фразеология, М., 1970.
8. Персидско-русский словарь, под ред. Ю. А. Рубинчика, т. I—II, М., 1970.
9. Рубинчик Ю. А., Образование устойчивых словосочетаний в современном персидском языке на основе сложных предложений с придаточными определительными,— «Иранский сборник», М., 1963.
10. Рубинчик Ю. А., Грамматический очерк персидского языка. Основные структурные типы фразеологических единиц,— в кн.: «Персидско-русский словарь», т. II, М., 1970.
11. Хушенова С. В., Изафетные фразеологические единицы таджикского языка, Душанбе, 1970.
12. Ämир Ġоли Ämини, Фäрһäнг-е äвам йа täфсир-э ämсал вä эстэлаһат-э зäбан-э парси, [Тэһран], [б.г.].
13. Саййед Моһämмäд Äли Д͡жämалзадэ, Фäрһäнг-е лоġат-э амийанэ, Тэһран, 1341.
14. Йусэф-э Рäһмäти, Фäрһäнг-е амийанэ, ämсал, лоġат вä мостäлäһат, Тэһран, 1330.
15. Mansour Shaki, Principles of Persian Bound Phraseology, Prague, 1967.

Р. Р. Сикоев

ПАРНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПУШТУ И ИХ РОЛЬ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Параллельное употребление двух слов, синонимичных или антонимичных по характеру, равно как и удвоение одного и того же слова в фонетически измененной или неизмененной формах, как своеобразный художественно-стилистический прием находит широкое распространение почти во всех литературных жанрах современного литературного языка пушту.

Парное словоупотребление представляет собой весьма разнородное явление лексического параллелизма, включающее в себя самые различные типы парных слов, которые по наиболее общей характеристике в языке пушту возможно подразделить на следующие группы: парные сочетания, куда входят синонимические и антонимические слова и слова-повторы, представленные повторами аллитерационного, ономатопоэтического и тавтологического характера. В задачу данного исследования входит не только описание и характеристика каждого из указанных типов парных слов, но и главным образом анализ этого явления в современном литературном пушту с целью определения отношения каждого типа к словообразованию, в частности, к именному словосложению. Прежде чем перейти к непосредственному описанию каждого типа, представляется целесообразным отметить некоторые общие черты, свойственные различным типам парных слов.

Семантический анализ категории парных слов позволяет по степени их семантической слитности выделить в пушту следующие три группы.

Первая группа, представленная в основном сочетаниями антонимического порядка, характеризуется тем, что в результате частичной или полной десемантизации составляющих элементов все сочетание приобретает в сумме новое значение, которое уже не выводится из частной семантики каждого элемента; происходит определенный семантический сдвиг, и все сочетание зачастую приобретает новую идиоматическую окраску. Например: *торсúн* 1) 'тайна' 2) гра-

мота' (букв. 'черный—белый'); *тор-у-бо́р* 1) 'суть дела', 2) 'существо вопроса' (букв. 'черный—бурый'); *са̄рь та̄вдъ* 'похлебка с луком' (букв. 'холод—жара'); *шна хъ́ра* 'время перед рассветом', 'предрассветные сумерки' (букв. 'синяя—серая'); *сра-у-зарғуна́* 'радуга' (букв. 'красная—зеленая'); *на́ста вала́ра* 'поведение', 'обычай', 'нравы' (букв. 'сидение—вставание').

Парные сочетания такого типа в пушту с точки зрения степени их семантической слитности, вероятно, следует рассматривать как своего рода фразеологические сращения.

Вторая группа представлена также антонимическими, редко синонимическими, парными сочетаниями, однако степень их семантической слитности гораздо меньше, общее значение всего образования, несмотря на то, что оно приобретает более абстрактный характер, может быть объяснено частными значениями составных его частей. Например: *вици видъ́* 'полусонный', 'находящийся в полусонном состоянии' (букв. 'неспящий—спящий'); *мържва́ндай* 'полуживой', 'полумертвый' (букв. 'мертвый—живой'); *мор-у-пла́р* 'родители' (букв. 'мать—отец'); *шпа вра́дз* 'сутки', 'время' (букв. 'ночь—день'); *лмарспожмъ́й* 'светила' (букв. 'солнце—луна'); *лик ав лваст* 'грамота' (букв. 'написание—чтение'); *лва́ра дзва́ра* 1) 'горы—долы', 'подъем—спуск', 2) 'пересеченная местность' (букв. 'возвышенность—низина').

Такие типы сочетаний в пушту в семантическом аспекте также следует считать фразеологическими оборотами, которые, вероятнее всего, можно соотнести с категорией фразеологических единств.

Наконец, третью группу составляет большинство синонимических, аллитерационных и тавтологических парных слов, которые не выражают каких-то новых, отличных от частной семантики составляющих их элементов, значений, а лишь привносят различные дополнительные смысловые оттенки. По семантическим оттенкам в одну группу можно отнести **синонимические сочетания,** представленные именами прилагательными, **аллитерационные повторы** с первым, реально значимым компонентом — прилагательным и **тавтологические повторы** имен прилагательных.

Образуемые подобным способом соединения обычно используются для выражения какого-то усиленного качества или признака, превосходной степени прилагательных.

При этом один из компонентов, как правило, утрачивает свое первоначальное значение и выступает в роли своеобразного интенсифицирующего слова к другому компоненту. Например: *рог рама́т* 'совершенно здоровый' (букв. 'здоровый—целый'); *стърай стума́на* 'совершенно усталый' (букв.

'усталый—утомленный'); *арйа́н дарйа́н* 'очень удивленный', 'совершенно изумленный' (букв. 'удивленный', второй элемент самостоятельного значения не имеет); *ча̄ғ ча̄ғ* 'очень жирный', 'жирный-прежирный' (букв. 'жирный—жирный'); *ли́ри ли́ри* 'очень дальний', 'отдаленнейший' (букв. 'далекий—далекий').

Аналогичным образом в ряде случаев **синонимические парные сочетания,** представленные именами существительными, равнозначны по передаваемым смысловым оттенкам аллитерационным повторам с реально значимым компонентом — существительным. При этом все сочетание выражает оттенки неопределенной множественности, собирательности, обобщения. Например: *ба̄ғ-у-баӈ* 'сады', 'всякого рода сады' (букв. 'сад—сад'); *джанг джагрӣ* 'войны', 'всякие войны', 'битвы и схватки' (букв. 'война—война'); *пущтъна утъна* 'расспросы', 'всякого рода вопросы—расспросы' (букв. 'вопрос', второй элемент самостоятельного значения не имеет); *ча̄й ма̄й* 'чаи', 'всякого рода чаи—напитки' (букв. 'чай', второй элемент самостоятельного значения не имеет).

Анализируя рассматриваемую категорию в морфологическом аспекте, представляется возможным выделить две разновидности парных слов: единооформленные и раздельнооформленные.

Образования, называемые нами единооформленными, могут выступать в предложении или как неизменяемые, застывшие в определенной морфологической форме, монолитные единицы, неспособные в парадигме склонения изменять присущие этой форме флексии рода, числа, падежа, или как морфологически цельнооформленные соединения, в которых указанные флексии оформляют все сочетания в целом, а не каждый его элемент в отдельности. Например:

(1) *дъ фарӣда̄ба̄д оседу́нко пащто́ жъба дъ пашта́но́ либа́с, а̄дату́на, на́ста вала́ра ћар цъ са̄тъли ди...* (Х.С., 52) 'Жители Фарибабада сохраняют афганский язык, афганскую одежду, традиции и обычаи'.

Антонимическое сочетание *на́ста вала́ра* (ж. р. ед. ч.) выступает как неизменяемая морфологическая единица (ср. в неидиоматическом употреблении: *дъ на́ст(и) на вала́ра тър вала́р(и) ла́ра цъ да* погов. 'Лучше стоять, чем сидеть'; 'лучше идти, чем стоять');

(2) *ца́мла ћалъка! пъ де шнахъра́ цъ каве́!* (К., 61, 1964, 538) 'Спи, парень! Что ты делаешь в этакую рань!'. Антонимическое сочетание *шнахъра́* (ж. р. ед. ч.) также употребляется в неизменяемой форме (ср. формы *шне* — ж. р. мн. ч. и *хъре* — ж. р. мн. ч. в отдельном употреблении). Если же образования подобного типа и оформляются какими-то грам-

матическими показателями, то эти показатели присоединяются ко всему сочетанию в целом.

Например, во фразеологическом обороте *дъ лāс-у-пщ(о) кāр кавъл* 'заниматься физическим трудом' показатель множественного числа косвенной формы *о* присоединяется ко всему сочетанию, а не к обоим компонентам [ср. с исходной формой мн. ч. ж. р. *лāс-у-пщ(é)*].

Раздельнооформленные образования, куда входит большинство синонимических (редко антонимических) парных сочетаний, а также аллитерационные и тавтологические повторы, характеризуются тем, что флексии (родовые, числá и падежа) оформляют каждый элемент сочетания в отдельности. Например:

(1) *...че дъ Дзалмú дъ шовъндзи дъ рухсатъй шп(е) врáдз(и) дъ хпъл мāмá пъ кор ки тéри шве...* (Х., 24.12.60) 'когда прошло время школьных каникул Зальмая в доме его дяди...'. Антонимическое сочетание *шпа врадз* — 1) 'время' 2) 'сутки' — присоединяет показатели мн. ч. *е*, *и* к обоим элементам сочетания.

(2) *дъ зāлимáно исрáр луцавú ав дъ мазлýм ав лýц(о) лаґáр(о) пъ котó варнънавýдзи...* (Ғ.Н., «вав») 'он обнажает тайны тиранов и входит в дома угнетенных и обездоленных'.

Синонимическое парное сочетание *луц лаґáр* (букв. 'голый — раздетый') в субстантивном употреблении присоединяет показатель множественного числа косвенной формы *о* к обоим элементам сочетания.

(3) *зой йе вýвайъл нава гáд(а) вáд(а) да...* (К., 1962, 12) 'Сын его сказал: погода неустойчива... (букв. перемешалась)'.

Аллитерационное сочетание *гад(а) вад(а)* — ж. р. ед. ч. от *гад вад* — присоединяет окончание женского рода *а* к обоим элементам.

(4) *кавú андáм... ғáт(и) ғáт(и) стъргu...* (О.Л., 10) 'мощная фигура... огромные глаза...'.

Тавтологический повтор *ғáти ғáти* — мн. ч. м. р. от *ғат ғат* — 'очень большой', 'большущий', 'громадный', 'огромный' — присоединяет флексии множественного числа к обоим элементам сочетания и, хотя в данном примере мы имеем явление несколько иного порядка, чем антонимические или синонимические парные сочетания, тем не менее раздельнооформленность элементов заставляет отнести тавтологические повторы к разряду свободных синтаксических сочетаний.

Использование двух основных критериев при разборе парных слов в пушту — семантической слитности и морфологической единооформленности — позволяет сделать некоторые выводы.

Категория парных слов в пушту представляет собой такое сложное и специфическое явление, в котором со словообразовательной точки зрения возможно выделить различные типы образований, стоящих на различных ступенях развития и отличающихся друг от друга как по степени семантической слитности, так и по грамматическим свойствам.

«Собственно» сложными словами сочиненного типа в пушту следует считать антонимические (редко синонимические) парные сочетания, которые в результате соединения двух функционально и семантически равноправных слов образуют в сумме новую форму, характеризующуюся своей морфологической цельнооформленностью и наполненную новым содержанием, отличным от частного содержания каждого компонента. Таким образом, сложными словами следует считать лишь образования типа *торспи́н* 1) 'тайна', 2) 'грамота'; *сра-у-зарґуна́* 'радуга' и т. п.

Однако даже в категории антонимических парных сочетаний, которые мы считаем сложными словами, имеется определенная группа образований, обладающая семантической цельностью, но характеризующаяся морфологической раздельнооформленностью. Эту группу образований можно условно назвать «потенциальными» сложными словами. К таким «потенциальным» сложным словам в пушту можно отнести образования типа *шпа врадз* 1) 'время', 2) 'сутки' с вариантными формами: *шпе врадзи*, *шпо врадзо; мържва́ндай* 'полуживой', 'полумертвый' с вариантными формами: *мражванда*, *мрежванде* и т. д.

Следует заметить, что, очевидно, на степень морфологической цельнооформленности существенное влияние оказывает степень их семантической слитности: там, где она больше, все соединение, как правило, выступает в виде цельнооформленной единицы, там, где она меньше,— в виде раздельнооформленной единицы.

Большинство синонимических и тавтологических повторов в пушту следует отнести к категории свободных словосочетаний на том основании, что, во-первых, они морфологически раздельнооформленные образования, во-вторых, не передают каких-либо новых значений, а лишь выражают различные дополнительные оттенки значений.

Словосочетаниями следовало бы считать и аллитерационные слова-повторы, обладающие теми же свойствами, что и синонимические и тавтологические повторы, однако, учитывая тот факт, что один из компонентов сочетания не обладает реальной семантикой, а лишь выполняет роль эвфонического элемента, вероятно, аллитерационные повторы правильнее будет считать фразеологическими словосочетаниями.

Ономатопоэтические слова-повторы в пушту представляют собой неизменяемые в морфологическом аспекте, застывшие единицы, что сближает их со сложными словами, но, с другой стороны, оба элемента таких соединений не обладают реальной семантикой, при передаче их смысла речь может идти только об эквивалентной интерпретации передаваемых ими звуковых или других образов. С учетом сказанного ономатопоэтические парные слова в пушту можно считать особой разновидностью сложных слов.

Что касается остальных трех критериев, которые могут быть также использованы при анализе категории парных слов в пушту, а именно, структурного, фонетического и графического, необходимо сказать следующее.

Подавляющее большинство парных слов может употребляться в обоих вариантах: полнослитном и неполнослитном. В настоящее время трудно проследить какую-то закономерность в формах их употребления, так как одни и те же парные слова могут соединяться посредством союза *ав(ау)*, соединительного гласного *у* или без них, за исключением тавтологических повторов имен существительных, которые имеют более определенные формы употребления и могут соединяться посредством предлогов или послелогов. Соединительный гласный *а*, встречающийся среди тавтологических парных слов, очевидно, также восходит к предлогу[1].

Можно лишь отметить некоторые тенденции, наметившиеся в их употреблении. Так, парные слова, элементы которых представлены именами прилагательными, чаще образуют парные соединения без союза или соединительного гласного (*спин спецъ̀лай*, *шнахъ̀ра* и т. д.), а парные слова с компонентами-существительными — с соединительным гласным (*ба̀г-у-баѓ*, *ла̀с-у-пцé* и т. д.). Несомненно, что парные слова, используемые в полнослитном варианте, имеют больше возможностей для перехода в разряд сложных слов. Однако, как уже отмечалось, процесс стабилизации структуры парных слов все еще продолжается, и в данный момент в языке пушту какие-либо единые правила употребления не сформировались. Что касается фонетического признака, то и здесь не существует четко установившихся правил ударения, тем более что ударение в пушту вообще имеет подвижный и нефиксированный характер. Чаще всего в парных словах ударение падает на второй компонент: *торспи́н*, *сра-у-шна́*, *сра-у-зарѓуна́*, *тор-у-бо́р*, *шнахъ̀ра* и т. д. Вместе с тем

[1] «Морфема *ā*, ставшая в современных иранских и новоиндийских языках соединительной гласной, по-видимому, восходит к индоиранскому предлогу *ā* 'вплоть до', 'к', 'на'...» (А. С. Бархударов, Суффиксальное словообразование в современном литературном хинди, канд. дисс., Л., 1953, стр. 330).

имеется ряд примеров, когда ударными оказываются оба компонента: *сувáл-у-дзавáб*, *нáста валāра*, *лидъна катъна* и т. д. Для языков с арабской графикой, к каким принадлежит и пушту, графический критерий практически не имеет существенного значения: в пушту одно и то же словосочетание или сложное слово может писаться как слитно, так и раздельно.

Таким образом, специфика категории парных слов (как и самого языка) не всегда позволяет использовать при словообразовательном анализе рассмотренные выше критерии выделения сложного слова. Заканчивая словообразовательный анализ категории парных слов в пушту, необходимо отметить, что по способу образования все парные слова в пушту можно классифицировать как два основных словообразовательных типа:

а) синтаксический, куда относятся синонимические, антонимические и тавтологические парные слова;

б) фонетико-синтаксический, представленный аллитерационными и ономатопоэтическими словами.

Перейдем к непосредственной характеристике каждого типа парных слов в языке пушту.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ТИП СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Синонимические (или близкие по значению) парные сочетания в пушту целесообразно рассматривать в следующих аспектах.

1. **По значению** составляющих элементов слова́, входящие в состав парных сочетаний, могут быть по самому общему подразделению:

а) полными синонимами: *джанг джагрá* 'война — битва', 'война — побоище'; *мúна муhаббáт* 'любовь — любовь'; *бāғ-убáн* 'сад — сад'; *мрáста ав кумáк* 'помощь — помощь'; *кож-кин* 'кривой — кривой'; *луц-лағáр* 'голый — раздетый'; *шкълай ав пъймъхай* 'красивый — прекрасный'; *чатáл ав черк* 'грязный — грязный'.

б) неполными синонимами (или близкими по значению словами): *млāтáр ав мрáста* 'помощь — поддержка'; *лидъна катъна* 'смотрение — глядение'; *шовъна розъна* 'обучение — воспитание'; *тинг ав клак* 'твердый и крепкий'; *нанг-уғайрáт* 'честь и доблесть'; *хвахужúй ав hамдардú* 'сочувствие и соболезнование'; *спин спецълай* 'белый и чистый'; *вуч клак* 'сухой — крепкий'.

Иногда синонимичные пары образуются сочетанием разных форм одного и того же слова: *коркāлъ* 'дом — дом' (*кāлъ* — косв. ф. ед. ч. от *кор*); *ахла вахиста* (осн. наст.

и прош. вр. глагола от *ахистъл* 'брать — получать'); *ҳал аҳвал* (ед. и мн. ч. от *ҳал* 'состояние', 'положение').

2. **По генезису.** Слова, входящие в состав синонимических сочетаний, по своему происхождению могут быть: «исконно» пуштунскими, арабскими или персидскими, редко английскими (или интернациональными). Все синонимические пары можно подразделить в пушту на три этимологические группы:

а) сочетания, где оба компонента представлены «исконно» пуштунскими словами: *мла̄та́р ав мра́ста* 'помощь и поддержка'; *пущтъ́на гарвежъ́на* 'вопросы — расспросы'; *церъ́на лата̄въ́на* 'поиски — розыски', 'исследование — проверка'; *лидъ́на катъ́на* 'смотрение — глядение', 'обзор — встреча'; *стъ́рай стума́на* 'усталый — утомленный'; *вуч клак* 'сухой — крепкий'; *роғ джор* 'здоровый — невредимый'; *спин спецъ́лай* 'белый — чистый';

б) сочетания, где компоненты представлены разноязычными словами: (пушт., ар.) *ми́на муҳаббат* 'любовь', 'влюбленность'; (перс., инд.) *джанг джагра́* 'войны'; (перс., пушт.) *ба̄г-у-ба̄ҳ* 'сады'; (пушт., перс.) *ханд-у-ха̄р* 'шип — колючка'; (пушт., ар.) *белту́н ав фара̄к* 'разлука — расставание'; (пушт., перс.) *чата́л ав че́рк* 'грязный — испачканный'; (пушт., ар.) *хвар ав ғари́б* 'жалкий — бедный'; (перс., пушт.) *лъӝ-у-кам* 'мало — мало', 'маленький — маленький'; (пушт., перс.) *цкъ́лай ав зиба́* 'красивый — прекрасный';

в) синонимические парные сочетания, где оба компонента представлены заимствованными словами: (ар., перс.) *чам-у-хам* 'кокетство', 'жеманство', 'кривлянье'; (ар., перс.) *ғам-у-дард* 'печаль — боль'; (ар., ар.) *акл ав фикр* 'разум — мысль'; (ар., перс.) *муҳиб ав хатарна́к* 'страшный — опасный'; (перс., инд.) *па̄к сутра* 'чистый — чистый'; (ар.-перс., перс.) *накш-у-нега́р* 'рисунок — картина'; (англ., араб.) *ка̄лчар ав сака̄фат* 'культура — культура'; (ар.-перс., англ.) *ша́ук ав интрес* 'интерес — интерес'; (англ., ар.) *пропа̄га̄нд ав таблиғат* 'пропаганда — пропаганда'.

3. **По структуре** синонимические парные сочетания могут быть выражены двумя типами:

а) неполнослитные (с союзом или соединительной гласной): *шин ав зарғу́н* 'цветущий'; *кума́к ав мра́ста* 'помощь — поддержка'; *цкъ́лай ав пъймъ́хай* 'красивый — прекрасный'; *ба̄ғ-у-ба̄ҳ* 'сады'; *ха̄р-у-ха́нд* 'шипы'; *каҳр-у-ғаза́б* 'гнев', 'ярость', 'злость'; *банд-у-ба́с* 'мероприятие — организация'; *та̄р-у-на̄р* 'худой', 'тощий', 'тщедушный';

б) полнослитные: *спин спецъ́лай* 'чистейший — белейший'; *стъ́рай стума́на* 'очень усталый — очень утомленный'; *луц лаға́р* 'совсем нагой — совершенно голый'; *роғ джор* 'со-

вершенно здоровый'; *пāк сутрá* 'совершенно чистый — чистейший'; *лидʹна катʹна* 'обзор — осмотр'; *пущтʹна гарвежʹна* 'вопросы — расспросы'.

4. **По оттенкам значений,** передаваемых всем сочетанием в целом:

а) сочетание имен существительных. Сочетания двух синонимических (или близких) по значению существительных служат в основном для передачи таких оттенков как обобщенность, множественность, усилительность. Например:

(1) *дъ ватан пъ* **бāғ-у-баӈ** *ки рāз рāз вýни ав бýщи ви че пáӈи, мевé ав гулýна йе йав лъ бʹéла дер фарк ларí* (И.И., 190) 'В садах страны имеются разнообразнейшие деревья и кустарники, чьи листья, фрукты и цветы резко отличаются друг от друга'. Сочетание двух полных синонимов: (перс.) *бāг* и (пушт.) *баӈ* 'сад' выражает оттенок множественности.

(2) *дā пъ* **ханд-у-хáр** *ки йе ham назāкáт ham истиклáл, ғъщтълтйá... ав джурáт* (Б., 15) 'Это в его шипах как нежность, так и независимость, сила... и смелость'.

Сочетание двух синонимов (пушт.) *ханд* 'шип', 'нарост', 'колючка' и (перс.) *хāр* 'колючка', 'шип' передает оттенок множественности.

(3) *дъ делí дъ лидʹно катʹно програ́м* (Х.С., 22) 'программа осмотра Дели'. В этом примере сочетание синонимов *лидʹна* 'наблюдение', 'рассмотрение', *катʹна* 'рассмотрение', 'разглядывание' в сумме передает некий обобщенный, собирательный характер действия.

(4) *дā цъ мúна муһаббáт цъ āшикú да?..* (Ад.А., 66) 'Какая же это любовь, какая же это влюбленность?..'.

Сочетание, представленное двумя синонимами: *мúна* (пушт.) 'любовь', 'симпатия' и *муһаббáт* (ар.) 'любовь', 'дружба', 'расположение', приобретает усилительно-выделительный оттенок;

б) сочетание имен прилагательных. Как правило, синонимическое парное сочетание, образованное именами прилагательными, служит для выражения усиленного качества или признака предмета: *стʹрай стумáна* 'совершенно усталый — очень утомленный', 'обессилевший' (*стʹрай* 'усталый', *стумана* 'утомленный'); *луц лағáр* 'совсем нагой — совершенно голый' (*луц* 'голый', 'нагой', *лағар* 'раздетый'); *спин спецʹлай* 'очень белый — белейший', 'очень чистый — чистейший' (*спин* 'белый', *спецʹлай* 'чистый'); *рог джор* 'совершенно здоровый', 'здоровехонький' (*рог* 'здоровый', *джор* 'здоровый'); *вуч клак* 'совсем сухой', 'совершенно высохший' (*вуч* 'сухой', *клак* 'крепкий'); *пāк сутрá* 'совершенно чистый', 'чистейший' (*пак* 'чистый', *сутра* 'чистый') и т. д.

Антонимические (или неоднородные по значению) парные сочетания

Хотя антонимические парные сочетания в количественном отношении и уступают синонимическим, тем не менее они представляют явление, широко распространенное в современном языке пушту. Антонимические парные сочетания могут выполнять различные функции. Кроме того, они используются как средство художественно-стилистического приема. Употребление в предложении нескольких так называемых замкнутых пар, образуемых путем примыкания двух противоположных по значению слов, представляет особый синтаксический и художественно-стилистический прием. Примерами таких замкнутых пар могут служить в пушту сочетания типа *къшр мъшр* 'младший — старший'; *хпъл прадай* 'свои — чужие'; *жвāк ав марг* 'жизнь и смерть'; *зāръ вāръ* 'стар и млад'; *врáнди врýста* 'вперед — назад', 'раньше — позже', *шпа врадз* 'ночь — день' и т. д.

Возникая первоначально как свободные сочетания противопоставляемых значений, большинство парных сочетаний в результате частичной или полной десемантизации компонентов начинают употребляться в переносном, более абстрактном значении. Так, например, *вранди врýста* 'задержка', *шпа врадз* 1) 'время', 2) 'сутки'; *ланди банди* 'перевернутый' и т. д.

Зачастую такие сочетания приобретают идиоматическую окраску, полностью утратив семантическую связь с составными элементами. Например: *...háга пъ хпъл жванд ки дéри* **сарé ав тавдé** *лидъли ве...* (Ар., 1) '...он в своей жизни испытал много превратностей...' (букв. 'много холодного и горячего видел'). Сочетание *сарé ав тавдé (лидъл)* 'испытать много превратностей', 'много пережить', 'много увидеть' в результате утери компонентами первоначальных значений (*тавде* — ж. р. мн. ч. от *тавдā* 'жаркая', 'горячая' и *саре* — ж. р. мн. ч. от *сарá* 'холодная', 'прохладная') получает новое идиоматическое значение.

Таким образом, первым отличием свободных сочетаний антонимического характера от аналогичных лексикализованных является степень их семантической слитности. Свободное сочетание слов наряду с семантической самостоятельностью составных частей отличается также их раздельнооформленностью: *...дъ хáлко дъ гулавъло кāр пъки цъ пъ тезъй равāн дъй ав ср(е)шн(е) объ пъки дъ дāрý пъ нāмъ харцéжи* (Х., 24.12.1960) 'Дело обмана народа распространяется очень быстро, и красную-синюю воду продают под видом лекарства' (ср. с идиомой *срáшна* 'радуга' — букв. 'красная —

синяя',— которая употребляется как морфологически неизменная единица).

Менее четкая граница существует между свободными сочетаниями художественно-стилистического порядка и использованием антонимических сочетаний в номинативной функции. Антонимические парные сочетания могут использоваться при простом перечислении лиц, предметов или их признаков: *...нар ав щьдзи, вāръ ав зāрь пъ гáда кāр кавú* (К., 518, 1962, 37) 'Мужчины и женщины, молодые и старые работают сообща'.

Ср. номинативную функцию антонимического сочетания, однако с некоторым оттенком обобщения: *Ка Икбáл пъ йурóп ки пайдá щьвай вāй но нън бъ hар* **лой варýкай** *дъ haгь дъ hāл на хабáр ву* (Х.Л., 43) 'Если бы Икбал родился в Европе, сегодня все (букв. каждый большой и малый) знали бы о нем (букв. об его положении были бы осведомлены)'.

Сочетание *лой варýкай* 'все', 'стар и млад' состоит из компонентов *лой* 'большой', *варýкай* 'маленький'.

Для более полной характеристики антонимических парных сочетаний в пушту представляется целесообразным отметить также и некоторые другие их признаки.

По своему морфологическому составу компоненты антонимических парных сочетаний могут быть представлены:

а) именами существительными: *мор-у-плáр* 'родители' (букв. 'мать — отец'); *шпа врадз* 1) 'время', 2) 'сутки' (букв. 'ночь — день');

б) отглагольными именами существительными: *таг рāтáг* 'движение', 'сообщение' (букв. 'уход — приход'); *вáркра рáкра* 'торговля', 'обмен' (букв. 'дача, отдача — прием, принятие'); *нáста валāра* 'поведение', 'обычай' (букв. 'сидение — вставание');

в) прилагательными (наречиями): *шна ав зарғунá* 'цветущий' (букв. 'синяя — зеленая'); *лвар ав дзвар* 'горы и долы' (букв. 'высокий — низкий'); *шнахъра* 'раннее утро', 'предрассветные сумерки' (букв. 'синяя — серая').

По своей структуре антонимические парные сочетания, как и синонимические, встречаются в двух вариантах: полнослитном и неполнослитном.

Наиболее распространенным типом с точки зрения генезиса составляющих компонентов является «исконно» пуштунский (т. е. оба компонента представлены словами собственно пуштунскими по происхождению): *торспин* 1) 'грамота', 2) 'тайна'; *сра-у-зарғунá* 'радуга'; *вищ видъ* 'полусонный' и т. д.

Заимствованный тип представлен единичными примерами, обычно персидскими по генезису: *āb-u-hава* 'климат', *āb-u-tāb* 'блеск', 'великолепие', *hасти нисти* 'имущество', 'пожитки'.

«Разноязычные» антонимические пары, как правило, неупотребительны.

Тавтологические слова-повторы

Удвоение слов (основ) в виде тавтологического повтора как особый синтаксический прием свободного словосочетания широко используется в современном пушту. Удвоению могут подвергаться почти все части речи. Чаще всего в составе тавтологических повторов выступают имена прилагательные (наречия), имена существительные, различные глагольные формы. Здесь мы ограничимся разбором тавтологических повторов, образованных сочетанием имен существительных и прилагательных (наречий).

В целом тавтологические повторы не участвуют в словообразовании. Случаи их полной лексикализации, когда вся композита приобретает новую семантику, крайне редки: *bār bār* 'свежий', 'радостный' (от *bār* 'сад'); *tār pъ tār* 1) 'разметавшийся', 2) 'разбросанный', 3) 'развевающийся' (от *tār* 'нить', 'струна', 'волос').

Обычно тавтологические повторы используются для выражения различных смысловых оттенков.

Так, повтор имен существительных может выражать множественность, указательность, усилительность, дистрибутивность и т. п. Повтор имен прилагательных (наречий) обычно служит для выражения усиленного качества или признака или превосходной степени. В этом плане тавтологические повторы сближаются с синонимическими сочетаниями.

Грамматическая функция повторов заключается в том, что в результате повтора одного и того же слова, например имени существительного, образуется новая часть речи. Так, повтор существительных обычно служит для образования имен прилагательных и наречий: *даул даул* 'разнообразный' (от *даул* 'вид', 'род', 'образ', 'способ'); *ранг-ā-ранг* 'разноцветный' (от *ранг* 'цвет'); *кисм-ā-кисм* 'различный', 'разный' (от *кисм* 'вид', 'сорт'); *мъх-а-мъх* 'напротив', 'перед чем-либо', 'лицом к лицу' (от *мъх* 'лицо', 'поверхность'); *врадз пъ врадз* 'изо дня в день', 'день за днем'. В структурном отношении тавтологические повторы имен могут быть сведены в пушту к следующим типам.

Тавтологический повтор имен существительных

С+С (повтор без соединительных элементов): *жарӣ жарӣ* 'долгий плач', 'продолжительные рыдания'; *дӑна дӑна* 'зернышки', 'росинки'; *бех бех* 'корни', 'корешки'; *тӏукър тӏукър* 'куски', 'частицы' (*тӏукър тӏукър кавъл* 'разрывать на мельчайшие части', 'разбивать на кусочки'); *дзӑи дзӑи* 'местами', 'кое-где'.

С+$с_г$+С (повтор с соединительной гласной *ӑ*): *кор-ӑ-кор* 'из дома в дом', 'дом за домом'; *мъх-ӑ-мъх* 'напротив', 'перед чем-либо', 'лицом к лицу'; *мӑл-ӑ-мӑл* 'переполненный', 'обильный', 'полный до краев'; *кисм-ӑ-кисм* 'разнообразный'.

С+п+С (повтор с предлогами *пъ* и *пър*): *лӑс пъ лӑс* 'рука об руку'; *вахт пъ вахт* 'время от времени', 'иногда'; *врадз пъ врадз* 'изо дня в день', 'день за днем'; *дзай пър дзай* 'на месте', 'на том самом месте'; *шпа пър шпа* 'в ту же самую ночь', 'той же ночью'; *лаӷ пър лаӷ* 'с боку на бок', 'бок о бок'.

С+С+п (повтор с послелогом): *мъх-ки мъх-ки* (в современном языке в результате слияния с послелогом выступает как одно слово) 'вперед', 'впереди'.

Тавтологический повтор имен прилагательных

В результате повтора имен прилагательных (наречий) все сочетание приобретает усилительный оттенок, который может переводиться превосходной степенью имени прилагательного.

$П_{(п)}+П_{(н)}+П_{(п)}$: *джиг джиг* 'очень высокий', 'высочайший'; *лири лири* 'самый дальний', 'отдаленнейший'; *лой лой* 'самый большой', 'величайший'; *ғаӷ ғаӷ* 'очень большой', 'большущий', 'крупнейший'; *чӑғ чӑғ* 'очень жирный', 'очень толстый', 'толстый-претолстый', 'жирный-прежирный'; *спин спин* 'самый белый', 'белейший', 'белый-пребелый'.

Таковы вкратце основные типы тавтологических повторов, образованных именами существительными и прилагательными.

ФОНЕТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ТИП СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аллитерационные слова-повторы

В пушту, особенно в разговорной речи, аллитерации и рифмовке могут подвергаться почти все категории слов. Наряду с «устоявшимися» типами аллитерации имеется ряд

окказиональных видов. Наиболее распространенными типами следует считать образования, вторые компоненты которых *начинаются со звуков м, б, в, п. Семантическая особенность* такого рода повторов заключается в том, что они приобретают оттенки усилительности, неопределенной множественности, пренебрежительности, иронии и т. д.

Рассмотрим некоторые типы аллитерационных повторов, в которых первые, обладающие реальным значением, компоненты представлены именами существительными и прилагательными. Вторые компоненты, не имеющие реального значения и часто образно называемые слова-«эхо», удобнее систематизировать по фонетическому облику начального звука.

Имя существительное в качестве первого компонента

Слово-«эхо» начинается со звука *м*: *гугъ́р мугъ́р* 'спички и тому подобное', 'всякие там спички' (от *гугър* 'спички'); *ло́щи мо́щи* 'какое-то неопределенное количество посуды', 'всякая разная посуда' (от *лощи* 'посуда'); *пити мити* 'всякого рода супы', 'суп и что-то подобное' (от *пити* 'суп'); *да̄на ма̄на* 'всякие там зернышки', 'зерна и тому подобное' (от *да̄на* 'зерно'); *хабъри мабъри* 'всякого рода разговоры-переговоры' (от *хабъра* — мн. ч. *хабъри* 'слово').

Слово-«эхо» начинается со звука *ш: гап шап* 'всякого рода разговоры', 'пересуды', 'болтовня' (от *гап* 'слово', 'речь').

Слово-«эхо» начинается со звука *п: тъп пъп* 'болтовня', 'пустословие' (от *тъп* 'хвастовство', 'спесь', 'бахвальство').

Слово-«эхо» начинается со звука *х: дарак-у-харак* 'какой-либо адрес', 'какие-нибудь сведения', 'известия', 'ни слуху ни духу' (от *дарак* 'адрес', 'местонахождение').

Слово-«эхо» начинается со звука *р: ашна̄и рошна̄и* 'всевозможные связи и знакомства', 'всякого рода сношения' (от *ашна̄и* 'знакомство').

Слово-«эхо» начинается со звука *а: хабъри атъри* 'всякого рода разговоры, переговоры' (от *хабъра* 'слово').

Слово-«эхо» начинается со звука *у: пущтъна утъна* 'всякого рода расспросы, вопросы' (от *пущтъна* 'вопрос').

Имя прилагательное в качестве первого компонента

Имена прилагательные в сочетании со словами-«эхо» придают всему компоненту значение интенсификации качества или признака, выражают крайнюю степень чего-либо, вносят в семантику более экспрессивный характер.

Слово-«эхо» начинается со звука *п: hиш пиш* 'крайне изумленный', 'очень удивленный' (от *hиш* 'удивленный', 'изумленный)'; *ҭиҭ пиҭ* 'совсем низкий', 'согбенный' (от *ҭиҭ* 'низкий'); *лит пит* 'совершенно стертый', 'абсолютно гладкий' (от *лит* 'гладкий', 'скользкий', 'истертый'); *сор пор* 'совершенно хладный', 'совсем застывший' (от *сор* 'холодный', 'прохладный'); *хър пър* 'совершенно серый', 'очень пыльный' (от *хър* 'серый').

Слово-«эхо» начинается со звука *в: гад вад* 'совершенно смешанный', 'совсем перепутанный' (от *гад* 'спутанный', 'смешанный'); *кож вож* 'абсолютно кривой', 'совершенно искривленный', 'очень извилистый' (от *кож* 'кривой', 'изогнутый'); *дари вари* 'совершенно изломанные, разбитые', 'разбитые на части', 'разорванные на кусочки' (от *да́ри* — ж. р. мн. ч. от *да́ра* 'изломанная', 'поломанная', 'разбитая').

Слово-«эхо» начинается со звука *б: ръд бъд* 'совершенно открытый', 'очень ясный', 'совершенно отчетливый' (от *ръд* 'явный', 'очевидный'); *арджал барджал* 'совершенно перепутанный', 'совсем перемешанный' (от *арджал* 'смешанный', 'перепутанный'); *анджар банджар* 'совсем заблудившийся', 'совершенно затерявшийся' (от *анджар* 'заблудившийся', 'потерявшийся').

Слово-«эхо» начинается со звука *д: ариа́н дариа́н* 'крайне удивленный', 'совершенно изумленный' (от *ариа́н* 'удивленный', 'изумленный').

Слово-«эхо» начинается со звука *т: хараб тара́б* 'совершенно испорченный', 'разгромленный в пух и прах' (от *хараб* 'испорченный', 'плохой', 'разрушенный').

Таковы в основном типы аллитерационных повторов, встречающихся в пушту. Однако, как уже отмечалось, многие из них носят окказиональный и редкий характер, являясь подчас плодом индивидуального творчества какого-нибудь писателя или поэта.

Ономатопоэтические слова-повторы

Ономатопоэтические (звукоподражательные) слова, занимающие значительное место в лексике пушту, служат для передачи различных звуковых образов. По передаваемым ими семантическим оттенкам ономатопоэтические слова в пушту возможно подразделить на две большие группы:

1. Слова, передающие звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми, человеком: *ғрумб* 'рев', 'рычание'; *ғап* 'лай'; *карк* 'квохтанье'; *пъм* 'шипение'; *къҭ* 'хохот'.

2. Слова, передающие звуки, издаваемые неодушевленными предметами, в том числе и сопровождающие природные явления: *драб* 'лязганье'; *шранг* 'журчание'; *так* 'битье'; *чър* — звук, издаваемый рвущейся одеждой, и т. д.

Ономатопоэтические слова в пушту представлены следующими тремя структурными группами:

1) простые (односложные) — *кранг*, 2) суффиксально оформленные — *кранг* (*нар*), 3) парные сочетания — *кранг кранг*.

Здесь мы остановимся на разборе парных сочетаний. По своей семантике эта категория слов значительно отличается от всех других именных частей речи, так как при их переводе речь скорее может идти об эквивалентной интерпретации передаваемых значений, нежели о точной передаче смысла. Характерной особенностью ономатопоэтических слов является их конкретно-образная направленность, повышенная экспрессивность.

Повторы ономатопоэтического характера в пушту можно классифицировать по двум основным признакам: фонетическому и структурному.

С точки зрения фонетического оформления ономатопоэтические слова в пушту обладают рядом специфических признаков:

1) очень редко начинаются с гласных звуков (при анализе материала нам встретилось всего лишь несколько примеров типа *ис*, *ах* и т. п.);

2) никогда не оканчиваются на гласный, а как правило, на согласный: *даз*, *драз*, *шранг*, *крап* и т. д.;

3) по звуковой структуре (наличие согласных и гласных) ономатопоэтические слова в пушту могут быть сведены к следующим типам: а) СГС — *тас*, *кът*, *тап*, *рап*, б) ССГСС — *шранг*, *ғрумб*, *кранг*, в) ССГС — *крап*, *трап*, *крас*, г) ГС — *ис*, *ах*.

Наиболее распространенными следует считать типы «а» «б», «в»; тип «г» малораспространен.

По характеру фонетических изменений, наблюдаемых среди парных слов, различаются «деформированные» и «недеформированные», структурно «полнослитные» и «неполнослитные». «Деформированными» мы будем называть повторы, для которых характерно изменение в вокализме второго компонента, «недеформированными» — сочетания, где повтор воспроизводит первый компонент без изменений в вокализме и консонантизме.

В «деформированных» повторах чаще всего прослеживается чередование *а/у*, гораздо реже — *а/и*, *и/у*. Рассмотрим некоторые примеры.

«Деформированные» повторы

Полнослитные

Тип *а/у: црак црук* 'кап-кап', 'капанье', 'непрерывное капанье';*трак трук* 'стук', 'хлопанье', 'удары'; *дранг друнг* 'позвякиванье', 'стукотня'; *тас тус* 'перестрелка', 'стычка', 'суматоха', 'шум'; *даз дуз* 'перестрелка', 'пальба', 'канонада'; *дам дум* — звуки барабана, 'барабанный бой'; *даб дуб* 'столкновение', 'стычка', 'перестрелка'.

Тип *а/и: тап тип* — звуки, издаваемые обувью при ходьбе: 1) 'шлепанье туфель', 2) 'медлительность', 'вялость', 3) 'старость'.

Тип *и/у: чиҕачуҕа* — звуки, издаваемые обувью при ходьбе, 'шарканье'.

Неполнослитные

драб-у-друб 1) 'грохот', 'шум', 2) 'торжество', 'величие', 'пышность'; *дранг-у-друнг* — звуки музыки, 'пение и музыка'; *тах-у-тух* 'покашливание', 'кашель'.

«Недеформированные» повторы

Обычно слитные

крас крас — звуки скрипучего, трескучего смеха; *кат кат* — звуки заливистого смеха; *трап трап* — звуки беспрерывной ходьбы, 'шаганье', 'маршировка'; *даз даз* — звуки беспрерывной пальбы, стрельбы, 'пальба'; *хърхър* — звуки беспрерывного храпения, 'храп', 'хрип'; *кранг кранг* 'звон', 'дребезжание'; *кър кър* 'бульканье', 'бурление', 'журчание'; *тап тап* — звуки беспрерывных хлопков, 'хлопанье', 'стук', 'треск'.

Помимо двух перечисленных типов имеется возможность проследить еще один тип, условно называемый «разнокорневым», представляющий соединение двух разных корней (основ): *āх-у-да б* 'столкновение', 'война', 'драка', 'побоище' (*āх* — междометие, выражающее удивление, испуг и т. д., *даб* — звук палочного удара); *āх-тух* (*āх-у-тух*) 'покашливание' (*ах* — междометие и *тух* — звук, издаваемый при покашливании); *даз-у-ҕап* 1) 'стычка'; 2) 'мигом', 'вмиг' (*даз* — звукоподражание «выстрел», *ҕап* — 'глоток').

Как можно заметить, повторы звукоподражательных слов служат для выражения беспрерывного, многократного, повторяющегося характера действия или процесса.

В заключение отметим еще одну характерную особенность ономатопоэтических слов. Довольно часто наблюдается перенос и использование звукового образа для обозначения самого предмета, который получает свое название от производимых им звуков: *таптапанáй* 'мотоцикл' (*тап* 'хлопóк', 'шлепок'); *тактакáна* 'дятел', 'кулак (мельничный)', (*так* 'стук'); *тъптъпанай* 'детское духовое ружье' (*тъп* — звук слабого выстрела); *пърпърькай* 'пропеллер', 'винт' (*пър* — звук крыльев, шум пропеллера).

Рассмотрев категорию парных слов в современном литературном пушту, следует сказать следующее.

Парное словоупотребление в современном литературном пушту — явление чрезвычайно своеобразное и разнородное как в семантическом, так и в грамматическом аспекте. Помимо того что парные слова употребляются как средство художественно-стилистического назначения, определенная их разновидность служит базой для создания сложных слов сочиненного типа. Нередко в лингвистической литературе все типы парных слов рассматривают как сложносочиненные слова, исходя при этом из формального способа их соединения, однако без учета семантической и морфологической специфики каждого типа.

Между тем, если считать сложное слово таким неразрывным единством формы и содержания, при котором изменение формальной стороны влечет к коренному изменению содержания, лишь некоторые типы парных слов (в основном это антонимические и редко синонимические сочетания) могут считаться в пушту сложными словами копулятивного типа (сложносочиненными словами). Остальную же, большую часть парных слов, находящихся на разных этапах развития — от свободных словосочетаний до «потенциальных» сложных слов, следует рассматривать в пушту с учетом семантических и морфологических особенностей каждого типа как различные переходные формы от словосочетания к словосложению.

1967 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Ад.А. — Абдулбари Ашна, Адабийат, Кабул, 1336.
Ар. — Абдурраууф Катил Хугиани, Арман Кабул, 1344.
Б. — Нангрaхарай М. К., Бахир, Кабул, 1957.
Ғ.Н. — Гуль Пача Ульфат, Ғвара насруна, Кабул, 1336.
И.И. — Гуль Пача Ульфат, Имла ав инша, Кабул, 1339.
К. — Журн. «Кабул».
О.Л. — Гулам Гаус Хайбари, Дъ ор ламбе, Кабул, 1335.
Х. — газ. «Хивад».
Х.Л. — Хважа латифа.
Х.С. — Риштин Садикулла, Дъ Хенд сафар, Кабул, 1334.

О. Г. Ульциферов

О ВЫДЕЛИМОСТИ И ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ
(на материале хинди)

Вопрос о выделимости и классификации словосочетания как особой формальной синтаксической категории ставился преимущественно для тех языков, где слово обладает большой автономностью и легко выделяется, как, например, в русском и немецком языках, но по отношению к хинди подобный вопрос рассматривался только в прикладном плане, что объясняется не только меньшей степенью изученности самого языка, но и более слабой выделимостью слова.

Словосочетание представляет собой особое формальное синтаксическое единство, отличающееся от слова и предложения, в силу этого для него должны быть определены его основные признаки: а) объем, т. е. минимальное количество слов, из которых может состоять словосочетание; б) состав, или принадлежность этих слов к тем или другим лексико-грамматическим классам слов; в) способ и модели соединения слов в словосочетании и г) наименьшая семантическая полнота сочетания. Кроме того, необходимо определить отношение словосочетания к другим единицам синтаксиса, к предложению и слову.

Пожалуй, ни одна грамматическая категория не вызывала столько споров и разногласий в истории отечественного языкознания, как категория словосочетания. Ф. Ф. Фортунатов, а за ним А. М. Пешковский и М. Н. Петерсон пытались строить синтаксис, опираясь на учение о словосочетании, о соединении слов, понимаемых ими весьма широко. Однако игнорирование ими ведущей роли предложения привело к снижению общетеоретической и практической работы по синтаксису русского языка. «30-е годы,— пишет В. П. Сухотин,— характеризуются постепенным разочарованием в синтаксисе словосочетания, прежде всего в рядах методистов и нашего учительства, и стремлением восстановить отвергнутую схему анализа предложения по его членам и „по вопросам". Вышедший в свет в 1938 г. стабильный учебник С. Г. Бархударова, полностью устранивший понятие словосочетания, узаконил этот поворот, по крайней мере для нашей школьной практики» [30, 137]. Но уже в 40-е годы в советском языкознании вновь пробуждается интерес к проблемам словосочетания, который во многом обязан деятельности акад. В. В. Виноградова.

Наиболее полно взгляды В. В. Виноградова на проблемы словосочетания выражены в его основополагающих статьях и во введении к «Грамматике русского языка» [7; 8; 9; 10; 11; 12]. В. В. Виноградов считает, что «предметом синтаксиса является изучение способов соединения слов в словосочетания и предложения... Следовательно, в синтаксис кроме учения о предложении... входит и описание видов словосочетаний, описание видов сочетания слов в предложении...» [14, ч. II, 6].

В. В. Виноградов и его последователи основной синтаксической единицей называют предложение, а словосочетание считают не основной, а побочной, элементарной синтаксической единицей, которая выделяется на основе изучения предложения как один из элементов его структуры.

Однако описание видов словосочетаний В. В. Виноградов и его последователи проводили с точки зрения морфологических или понятийных категорий, что не могло не вызвать нареканий со стороны целого ряда ученых, справедливо считавших, что явления синтаксиса следует рассматривать, опираясь на категории синтаксиса, а не на категории морфологии и логики. В противовес лексико-грамматической концепции В. В. Виноградова и его последователей начали появляться новые течения, представители которых стремились избежать морфологических и понятийных критериев при характеристике синтаксических явлений.

Одним из первых против «морфологического направления в грамматике» выступил Т. П. Ломтев, который отказался признать словосочетание элементарной синтаксической единицей и ввел в синтаксис новую элементарную единицу «позицию словесной формы». Словосочетание Т. П. Ломтев назвал морфологической группой, т. е. сложной синтаксической единицей, и, по существу, исключил его из системы синтаксиса [22, 31—47]. Однако, верно наметив принципы синтаксического подхода к синтаксическим явлениям, Т. П. Ломтев построил анализ самих принципов, главным образом исходя из понятийных категорий. «Словесная форма *топор* и *топором* в выражениях *делаю топор* и *делаю топором* имела бы одну позицию, если бы последняя определялась только по одному признаку, в данном случае... по связи с одним глаголом. Но такое определение позиции нельзя считать правильным; необходимо учитывать... что *топор* и *топором* — разные словесные формы; при глаголе *делаю* первая из них указывает на то, что *топор* является объектом действия, а вторая — орудием действия. Если бы, например, в творительном падеже было употреблено не слово *топор*, а слово *день*, то эта падежная форма указывала бы на время, в один из моментов которого осуществилось действие, выраженное глаголом *делаю*» [22, 69]. Избежать «понятийных» ошибок Т. П. Ломтева попытался А. Б. Шапиро, который при анализе словосочетаний предложил исходить из формального типового анализа, опираясь на отношения (только строго синтаксические) между их членами. «В области словосочетаний язык... располагает стабилизировавшимся ассортиментом моделей, складывающихся из определенных форм слова, между которыми соответственно установились определенные синтаксические отношения» [32; 33, 205—213]. На основании формального анализа словосочетаний и словосочетательных целей А. Б. Шапиро вновь возвращается к мысли о том, что основным предметом синтаксиса является изучение словосочетаний [32, 81].

Подобные разногласия между представителями различных направлений и течений не могли не сказаться на классификации словосочетаний, которая проводилась на основе самых различных критериев: 1) речевой коммуникации [30, 162; 19, 60; 32, 81], при этом словосочетания подразделялись на предикативные и непредикативные; 2) степени семантической спаянности [10; 30, 143; 4, 453], исходя из которой усматривали словосочетания свободные и «несвободные» — семантически связанные; 3) структуры и состава; здесь словосочетания подразделя-

лись на простые и сложные [14, ч. II, 19], на простые, переходные и сложные [25, 258], на основные, расширенные и распространенные [31, 439]; кроме этого, рассматривали словосочетания низшего и высшего порядка [25, 258]; 4) ведущего (главного, опорного) члена, при котором выделяли словосочетания субстантивные, адъективные, адвербиальные, прономинальные, нумеральные, вербальные, или словосочетания с существительным, прилагательным, наречием, местоимением, числительным, глаголом в функции главного слова словосочетания [14; 25]; 5) зависимого, образующего слова, при котором различали словосочетания общие, частные, единичные, переносные и т. д. [2, 10]; 6) выражаемых логических отношений, т. е. отношений объектных, пространственных, определительных и т. п. [25, 252]; 7) выражаемых синтаксических отношений: отношений квалифицирующих, сказуемостно-квалифицирующих, завершительных, пояснительно-дополняющих и дополнительных [33, 205—213]; 8) по степени продуктивности — продуктивные и непродуктивные [20, 33]; 9) по функциям в предложении (один член предложения равен слову, два — словосочетанию) [23, 175—176].

Такое обилие опорных критериев классификации, часть из которых затрагивает одну из возможных характеристик словосочетания, иногда не самую основную, затрудняет формальное синтаксическое, а не логико-синтаксическое исследование данного вопроса. Устранение подобного недостатка, на наш взгляд, должно идти не по линии сокращения опорных критериев, т. е. признания одних критериев более, а других менее важными, а по линии уточнения сферы использования каждого из них. Дело в том, что авторы практически всех приведенных работ, посвященных словосочетанию, обходят молчанием вопрос о том, с какой точки зрения рассматривается ими словосочетание: с точки зрения «языка» или с точки зрения «речи»?

В этой связи весьма примечательной является затянувшаяся дискуссия между сторонниками двух основных концепций в учении о словосочетании. Первую из них условно можно назвать формально-синтаксической. Ученые, придерживающиеся этой концепции [26; 31], считали словосочетание основной синтаксической единицей и признавали за ним только коммуникативную функцию. Формально-синтаксическая концепция понимания словосочетания получила дальнейшую разработку в трудах В. П. Сухотина, который усматривал в словосочетаниях не только коммуникативную, признаваемую им ведущей, но и номинативную функцию [30, 162].

Вторая концепция обязана своим появлением В. В. Виноградову. Ее можно назвать лексико-синтаксической. В отличие от первой концепции она считает словосочетания номинативной единицей языка. По концепции В. В. Виноградова и его последователей словосочетанием можно называть только непредикативное подчинительное сочетание слов. Формально-синтаксическая концепция включает в синтаксис словосочетания все виды и типы сочетаний слов (свободные сочинительные и подчинительные, предикативные словосочетания, фразеологические обороты и даже аналитические конструкции), а концепция В. В. Виноградова ограничивает синтаксис словосочетания только свободными непредикативными подчинительными сочетаниями слов.

Оставляя за собой право в дальнейшем высказать свое отношение к обеим упомянутым выше концепциям, мы хотим остановиться на номинативной и коммуникативной функциях словосочетания. По нашему мнению, в этом плане обе концепции, несмотря на свое кажущееся различие, имеют право на существование, но должны различаться сферами упот-

ребления. Когда мы говорим о номинативном характере словосочетаний, об их известной близости к слову, мы вторгаемся в сферу «языка», ибо, как верно подметил А. Гардинер, «любой словарь и любая совокупность синтаксических моделей образует „язык" [13, 14]; когда же мы говорим о коммуникативной функции словосочетания, мы вторгаемся в сферу «речи», этой «кратковременной, исторически неповторимой деятельности, использующей слова» [13, 14]. Но, как известно, язык и речь являются не различными явлениями речевой деятельности, а двумя сторонами одного и того же явления. Поэтому словосочетание *kitāb paṛhnā* 'читать книгу', являясь высшей абстрагированной моделью всех его возможных парадигматических вариантов, в то же самое время входит вместе со своими парадигматическими моделями и в сферу «речи».

Таким образом, анализ словосочетаний следует, на наш взгляд, проводить в двух планах: в плане «языка» и в плане «речи». При этом номинативные словосочетания, будучи лишь абстрактной моделью коммуникативных словосочетаний, сами по себе коммуникативной функции не выполняют, потому что лишены конкретного значения, которое является на уровне «языка» предельно абстрагированным. Лишь в сфере «речи», получая индивидуальное наполнение и значение, номинативные словосочетания начинают выполнять коммуникативную функцию. Коммуникативность, присущую словосочетаниям на уровне «речи», очевидно, следует отличать от коммуникативности предложения на этом же уровне. Представляется правильным коммуникативность словосочетания называть относительной, а коммуникативность предложения — абсолютной, поскольку предложение представляет собой цельную единицу речевого общения.

Предикативные словосочетания также входят в систему языка и речи, но совершенно на другом уровне. Они не имеют абстрактной типовой модели на уровне «языка», отличающейся семантической полнотой. Так, предложение *vah kitāb paṛhtā hai* 'он читает книгу' состоит из двух словосочетаний: предикативного *vah paṛhtā hai* 'он читает' и непредикативного *kitāb paṛhtā hai* 'читает книгу'. На уровне «языка» словосочетание *kitāb paṛhtā hai* 'читает книгу' может быть сведено к абстрактной типовой модели *kitāb paṛhnā* 'читать книгу', а словосочетание *var paṛhtā hai* 'он читает' — нет. Предикативные отношения в словосочетании *vah paṛhtā hai* 'он читает' противопоставляется, таким образом, атрибутивным отношениям в словосочетании *kitāb paṛhtā hai* 'читает книгу'.

В некоторых индоевропейских языках, например в русском, существуют структурные типы предложений (предика-

тивных словосочетаний), внешне напоминающие отношения определяемого и определяющего, например: *здания высокие*, *улицы широкие*. На уровне «языка» подобные конструкции тождественны непредикативным словосочетаниям и вряд ли различимы, однако на уровне «речи» они, бесспорно, предицируются и становятся полностью тождественны предикативным словосочетаниям типа *он читает*. В языках, где связка в настоящем времени обязательна, такие конструкции не могут иметь места, ср.: хинди *imāratē ūcī hāĩ* 'здания высокие суть', *saṛakē caurī hāĩ* 'улицы широкие суть'; англ. *buildings are high* 'здания суть высокие', *streets are broad* 'улицы суть широкие'. Невозможны такие конструкции и в языках инкорпорирующего и полисинтетического строя, где определяющее значение в бинарной синтагме имеет линейная позиция составных элементов со строго фиксированной позицией ведущего слова.

В предикативных словосочетаниях один член выполняет функцию отождествления (подлежащего), а второй — функцию различения (сказуемого). На уровне «речи» предикативные словосочетания обладают обязательной законченной интонацией (законченностью интонации) и, кроме того, принадлежат одному из видов сообщения: изъявительному, вопросительному или повелительному. В. П. Сухотин, признавая особую близость предикативных словосочетаний к предложениям, не считал возможным поставить между ними знак равенства. Он считал подобные словосочетания структурной основой, «костяком» предложения, которые остаются словосочетаниями до тех пор, пока не получат всех признаков предложения и не включатся в контекст речи как самостоятельное синтаксическое целое [30, 162]. Но ведь центральная идея метода трансформационного анализа как раз и заключается в том, что на уровне «языка» выделяется «костяк», состоящий из элементарных ядерных (kernal) предложений, которые служат основой для построения остальных моделей с более сложной синтаксической структурой [15, 111—134]. Поэтому то, что В. П. Сухотин называл структурной основой, «костяком» предложения, является на самом деле не словосочетанием, а элементарными ядерными предложениями на уровне «языка», которые на уровне «речи» обладают в отличие от непредикативных словосочетаний абсолютной коммуникативностью.

Нам представляется правильным рассматривать как собственно словосочетания только непредикативные словосочетания, обладающие на уровне «языка» абстрактной типовой моделью, а на уровне «речи» относительной коммуникативностью. Непредикативные словосочетания не могут предицироваться и иметь одну из возможных интонаций сообще-

ния[1]. Даже в составе предложения на уровне «речи» они по-прежнему выражают атрибутивные отношения.

Выше уже отмечалось, что до недавнего времени словосочетания анализировались преимущественно на базе морфологических и понятийных критериев. Об этом убедительно говорят приведенные выше опорные критерии классификации словосочетаний. Из девяти критериев анализа только три с теми или иными оговорками можно отнести к синтаксическим: а) структурный состав словосочетания, б) синтаксические отношения между его членами и в) установление типовой модели по ведущему (или зависимому) слову.

Анализ словосочетаний необходимо проводить на основе только синтаксических критериев, причем инвентаризационную классификацию их следует начинать на уровне «языка». Подобная классификация должна быть многоступенчатой и, как правило, должна базироваться на грамматически главном (опорном) слове. Сначала все словосочетания разбиваются на классы согласно принадлежности ведущего слова к той или другой части речи. Слово представляет собой конечную, высшую, структурную единицу морфологии и в то же время — низшую, элементарную, единицу синтаксиса[2]. Именно слово объединяет морфологический и синтаксический уровни языка. Поэтому анализ словосочетания надо начинать как бы на стыке морфологии и синтаксиса. В индоевропейских языках ясно различаются шесть классов ведущего слова: класс имен существительных (N), прилагательных (A), глаголов (V), наречий (Av), числительных (Num) и местоимений (P). Дальнейшая классификация происходит внутри классов, они подразделяются на типы и виды. Для каждого типа словосочетаний существует абстрактная модель типа. После анализа типовой модели начинается видовая единичная (реже групповая) классификация словосочетаний, но уже в составе предложений и на уровне «речи». Если классификация на уровне «языка» является более или менее общей для всех индоевропейских языков, то классификация на уровне «речи» вскрывает специфику различных языков, показывает тождественные и нетождественные видовые структуры для выражения идентичных или неидентичных понятий в сравниваемых языках.

Прежде чем приступить к классификации словосочетаний и разбивке их на классы, необходимо четко установить границы и объем словосочетаний, т. е. отграничить его от

---

[1] За исключением случаев, отмеченных в настоящей работе, это положение применимо к русскому языку.

[2] Мы разделяем точку зрения Т. П. Ломтева, который считает слово (точнее, позицию словесной формы), а не словосочетание элементарной синтаксической единицей [22, 31—38, 46—47].

слова, как правило, — сложного, и установить минимальное число слов, из которых оно может состоять.

В отечественном языкознании объем и границы словосочетания, по существу, до сих пор еще не определены. Поскольку практически все исследователи в этой области рассматривают словосочетания в плане «речи», они, естественно, не могут установить четких границ словосочетания, так как в «речи» подобных границ в синтаксическом плане не существует. Отсюда и проистекает подразделение словосочетаний на простые и сложные, составные, расширенные, распространенные, многочленные и т. п. Характерным для исследователей словосочетания на уровне «речи» является следующее утверждение: «Следует отметить также, что объем словосочетания зависит не только и не столько от семантико-синтаксических возможностей стержневого члена, не столько от осведомленности говорящего (или пишущего), сколько от характера и цели в ы с к а з ы в а н и я (выделено нами.— *О. У*).

Так, теоретически возможно, например, такое словосочетание: *жадно и с интересом слушать с друзьями летом у беседки в саду за столом по вечерам при луне около тополей в тени на свежем воздухе были и небылицы...* однако ни в одном предложении мы не найдем такого словосочетания и ни один, даже самый безграмотный... „стилист" не использует подобного словосочетания в своей письменной речи, не говоря уже об устной» [25, 257]. При таком определении границ словосочетания их, очевидно, определить нельзя, ибо в словосочетании будет столько членов, сколько разнотипных зависимых слов смогут определить стержневое, не нарушая при этом норм стилистики данного языка. Автор приведенного высказывания В. Н. Перетрухин правильно подмечает, что в пределах одного словосочетания может быть только один стержневой, грамматически господствующий член, но автор неправомерно расширяет границы этого члена, считая, что он может быть выражен и фразеологическим оборотом, и сочинительным сочетанием слов. Так, в примерах *пойти вечером в кино, новый учебник по грамматике, продажа и покупка книг, собаку съели драть* В. Н. Перетрухин усматривает одно словосочетание [25, 258].

Однако если исходить из инвентаризационной синтаксической классификации словосочетаний на уровне «языка», то в приведенных примерах, кроме последнего, несомненно, по два словосочетания: а) *пойти в кино, пойти вечером*; б) *новый учебник, учебник по грамматике*; в) *продажа книг, покупка книг*. Последнее словосочетание *собаку съели драть* выступает несколько обособленно и нуждается в некотором комментарии. Во-первых, словосочетание *собаку съели драть* может выступать только в «речи», так как в языке номинативной абстрактной типовой моделью для части словосочетания будет *съесть собаку* (точнее, *есть собаку*), которая ничем не отличается от словосочетаний *есть курицу, есть лягушку, есть рябчика* и т. п., включая словосочетание *есть хлеб*. Есть страны, где, скажем, едят собак, но не едят лягушек. В «речи» фразеологическое единство *съесть собаку* свойственно русскому языку, но не свойственно хинди или английскому.

Если модель *съесть собаку* мы признаем особой, специфической неразложимой единицей на уровне «языка», то как быть с идентичными по семантическому сращению синтаксическими моделями *намылить голову, махнуть рукой?* И если в русском языке еще можно утверждать, что абстрактными моделями будут словосочетания *есть собаку, мылить голову, махать рукой*, а неразложимыми единицами — их совершенные формы *съесть собаку, намылить голову, махнуть рукой*, то как быть с теми языками, где нет подобного различия форм, например, в хинди и английском? Ср.: хинди *hāth dhonā* 'мыть руки' и 'ли-

шиться чего-либо'; *sir uthānā* 'поднимать голову' и 'восставать'; англ. *to smell a rat* 'учуять крысу' и 'почуять неладное'; *to feed the fishes* 'кормить рыб' и 'страдать морской болезнью'. Во-вторых, различие между свободным словосочетанием и связанным можно сделать только в «речи». *Он съел собаку* — предложение законченное и вполне понятное: «некто съел собаку, а не курицу или лягушку». Здесь мы имеем подлежащее, сказуемое и прямое дополнение к сказуемому. Но в предложении *он съел собаку драть* мы имеем подлежащее *он*, сказуемое (простое) *съел собаку* и прямое дополнение *драть*. Вот тут-то, на уровне «речи» мы имеем право говорить о словосочетании *собаку съел драть*, которое имеет не номинативную, а только коммуникативную функцию.

В любом языке, разумеется, встречаются словосочетания, которые употребляются только переносно, например, хинди *jhakh mārnā* 'убивать время' и русск. *бить баклуши*, но подобные словосочетания по своему синтаксическому строению ничем не отличаются от словосочетаний хинди *šatru mārnā* 'убивать врага' и русск. *бить посуду*. Мы полностью согласны с И. Е. Аничковым, который считает, что «идиоматизмы, поговорки и пословицы, взятые в отвлечении от стилистических свойств их, ничем не отличаются не только от фраз, но и от так называемых свободных словосочетаний, и с точки зрения структуры и состава должны рассматриваться вместе с фразами и со „свободными словосочетаниями"» [1, 47]. От обычных свободных словосочетаний приведенные выше словосочетания отличаются лишь тем, что с точки зрения зависимого слова они не имеют модели, т. е. *баклуши* можно только *бить* (то же самое со словом *jhakh*, которое употребляется только со словом *mārnā*). Но с точки зрения зависимого слова не имеет модели также ряд терминов и наименований, например: хинди *barānī kheti* 'поливное земледелие', *panāliyā patr* 'бульварная пресса', *alamh dhātu* 'цветной металл', *betārkā tār* 'беспроволочный телеграф' (все приведенные прилагательные хинди употребляются только с данными существительными), русск. *коленчатый вал*, *очковая змея*, *глауберова соль*. Не имеют модели и некоторые свободные словосочетания с единичным определением в качестве зависимого слова: хинди *mūsaldhār varṣā* 'проливной дождь', *baingani rang* 'баклажанный (фиолетовый) цвет' и русск. *окладистая борода*, *проселочная дорога* (*проселочный путь*).

Исходя из изложенного выше, мы полагаем, что стержневой, грамматически господствующий член должен быть выражен только одним словом. В этой связи мы можем согласиться с В. Н. Перетрухиным, который считает, что «в пределах одного словосочетания одно и то же слово не может быть и стержневым и зависимым» [25, 258].

На этом основании В. Н. Перетрухин справедливо, на наш взгляд, подвергает сомнению классификацию двух примеров на словосочетания,

приводимых В. В. Виноградовым и В. П. Сухотиным: *с глубоким волнением спросить об исходе сегодняшнего состязания* (пример В. В. Виноградова) и *принять участие в работе кружка* (пример В. П. Сухотина), считая, что они состоят не из одного сложного словосочетания, как утверждают их авторы, а из нескольких. Однако В. Н. Перетрухин, анализируя эти примеры, «останавливается на полпути» при их классификации и противоречит сам себе. В первом примере В. Н. Перетрухин выделяет такие словосочетания: *с волнением спросить об исходе состязания, с глубоким волнением, об исходе состязания, сегодняшнего состязания:* во втором — *принять участие в работе* и *в работе кружка.*

Здесь сразу же возникает несколько вопросов. Во-первых, в каком плане рассматривает В. Н. Перетрухин приводимые примеры? Если в плане «речи», то на каком основании у слов *волнение* и *состязание* отбрасываются их определения? Если же их не отбрасывать, а рассматривать словосочетание так, как оно дано в «речи», то тогда слова *волнение, исход* и *состязание*, являясь грамматически господствующими словами, в то же самое время являются грамматически зависимыми, что противоречит положению автора. В действительности же мы имеем здесь, на уровне «речи», словосочетание более высокого порядка, куда входят несколько простых словосочетаний, образующих (или имеющих) в «языке» типовую модель: *глубокое волнение, с волнением спросить, спросить об исходе, исход состязания, сегодняшнее состязание*; по-иному следует членить словосочетание и во втором примере: *принять участие, участие в работе, работа кружка.* Отсюда вытекает, что в словосочетание на уровне «языка» также должен входить только один зависимый член, выраженный знаменательным словом, иногда в сочетании со служебным.

Трехсловные (составленные из трех знаменательных слов) «неразложимые» словосочетания приравниваются к простым только на основе семантического критерия. В синтаксическом плане они ничем не отличаются от сложных. На это указывает и В. В. Виноградов: «Трехсловные словосочетания типа *человек твердого характера* близки к простым только с семантической точки зрения, в синтаксическом же отношении они, в сущности, ничем не отличаются от сложных» [7, ч. II, 19] (разрядка наша.—*О. У.*). Следовательно, трехсловные сочетания типа *мужчина средних лет, праздник седьмого ноября* и *человек острого ума, книга в сто страниц, колонна в триста человек, воля тысяч людей* мы относим к словосочетаниям, образованным в «речи», потому что некоторые из них имеют в «языке» простую двусловную модель: *человек ума* (по аналогии с *человек дела, человек слова*) и *острый ум*, отсюда — *день ноября* и *седьмое ноября, воля людей* и *тысячи людей*, а некоторые в силу своей определенной конкретности образуются только в «речи», хотя также могут быть сведены к простым двусловным моделям, например: *колонна людей* (словосочетание *колонна человек* невозможно в русском языке из-за языковой несовместимости, хотя вполне возможно в хинди: *logõ kī katār*). Это же можно сказать и о словосочетании *человек лет*, невозможное в

русском языке, но вполне возможное в хинди. Ср.: *adher umr kā ādmī* 'человек средних лет' и *umr kā ādmī* 'человек в летах' букв. 'человек лет' (что же касается словосочетания *книга в сто страниц*, то оно вообще не имеет модели в «языке» из-за смысловой несовместимости: *книга в страниц*).

Таким образом, на уровне «языка» мы будем иметь только простые двучленные и двусловные словосочетания, обладающие абстрактной типовой моделью. В «речи» эти простые, «изначальные» словосочетания могут развертываться, входить в словосочетания более высокого порядка. На уровне «речи» валентность и объемность словосочетания определяются грамматическим строем и стилистическими нормами данного языка. Но на уровне «языка» все сложные словосочетания «речи» могут быть сведены к элементарным типовым моделям, за исключением случаев, когда такая модель отсутствует ввиду языковой или смысловой несовместимости. «Сложные словосочетания, — пишет В. В. Виноградов, — не всегда являются продуктом соединения целых словосочетаний. Очень часто они образуются путем распространения какого-нибудь слова или словосочетания. Однако широкое взаимодействие и взаимосвязь разных видов словосочетаний ведут к тому, что по типам и образцам простых словосочетаний широко образуются аналогичные типы сложных словосочетаний» [7, ч. II, 21]. Подобную мысль высказал и Н. Н. Прокопович: «...подчинительные соединения слов, даже многословные, многочленные (три и более знаменательных слова) **по самому способу своего построения** всегда бинарны, или двучленны в том смысле, что в их основе всегда лежит модель двучленная» [27, 12—13].

Большинство исследователей ограничивают компоненты словосочетания знаменательными словами. Впервые в русистику подобное ограничение ввел Ф. Ф. Фортунатов, которое в наши дни было поддержано В. В. Виноградовым. Однако совсем недавно В. М. Жирмунский подверг сомнению, казалось бы, прочно укоренившееся положение. «Под словосочетанием, — писал В. М. Жирмунский в статье „О границах слова", — в широком смысле я понимаю всякую группу слов, объединенную в смысловом или грамматическом отношении, если она не образует предложения» [17, 23]. Далее В. М. Жирмунский указывает, что различать словосочетания и простые сочетания слов представляется ему ничем не оправданным педантизмом [17, 23][3]. На мате-

[3] В этой связи В. М. Жирмунский выступает против точки зрения О. С. Ахмановой, настаивавшей на подобном различении [4, 454].

риале новоиндоарийских языков точка зрения В. М. Жирмунского нашла поддержку в статье Е. М. Быковой «Словосочетание в бенгальском языке» [6, 109—126]. По целому ряду соображений нам подобная точка зрения не представляется правильной. Во-первых, говоря о служебных словах, В. М. Жирмунский и Е. М. Быкова ограничивают их, с одной стороны, предлогами, а с другой — аналитическими формами слов и сочетаниями с вспомогательными и служебными глаголами.

Во-вторых, далеко не все предлоги (послелоги в новоиндоарийских языках) сохранили свои переходные оттенки между знаменательными и служебными словами, многие предлоги (послелоги) полностью грамматикализовались и ничего, кроме грамматической абстракции, не выражают, например: *of* в английском языке, *de* во французском, *kā* и *ko* — в хинди. И если *of* и *de* можно назвать аналитической формой родительного падежа, как это делает В. М. Жирмунский, против чего еще раньше возражал О. Есперсен [16, 46], то формой какого падежа можно назвать послелоги *kā* и *ko* в хинди? Послелог *kā* может передавать отношения и родительного и творительного падежа, *ko* может передавать отношения дательного и винительного падежа, к тому же в некоторых конструкциях *ko* выполняет функцию слова-выделителя и равен по значению определенному артиклю. Даже послелог *se* в хинди, обладающий известным вещественным значением, в сочетании со знаменательным словом не выражает четкого, законченного отношения: *bhāī se* 'с братом', 'от брата', 'у брата' (например: *bhāī se puchnā* 'спросить у брата'). Следовательно, в данном случае речь может идти только о сочетаниях знаменательных слов с теми предлогами (послелогами), которые практически не утратили своего вещественного значения, например: *bhītar ānā* 'входить внутрь', *ghar ke bhītar* 'внутри дома' и т. п. Здесь, действительно, могут наблюдаться переходные случаи, что, однако, не нарушает общего положения о знаменательных словах как компонентах словосочетания.

В-третьих, при анализе сочетаний со служебными и вспомогательными глаголами необходимо исследовать каждый конкретный язык. Например, в хинди процесс грамматикализации причастий с формами глагола *honā* 'быть' зашел настолько далеко, что подобные сочетания образуют личные глагольные формы, где причастие несет на себе смысловую и грамматическую нагрузку, а формы вспомогательного глагола — только грамматическую нагрузку: *parhtā hai* 'читает', *parhtā thā* 'читал'. Данные формы только очень условно можно разложить на составляющие: *parhtā hai* 'он есть читающий' и *parhtā thā* 'он был читающий'.

Более того, в современном хинди аналитические формы глагола выступают как одно целое, потому что с подлежащим или дополнением связана вся аналитическая форма в целом, а не ее отдельные части. Сочетания «инфинитив плюс модальный глагол», о которых упоминает Е. М. Быкова [6, 114], не встречаются в хинди, поскольку вместо инфинитива в хинди в подобных случаях выступает основа глагола. Та же основа выступает и в так называемых интенсивных глаголах, передающих различные видовые оттенки действия. Здесь основа сочетается с различными полувспомогательными (образующими, по терминологии хинди) глаголами, частично или полностью утратившими в подобных сочетаниях свое лексическое значение. В хинди количество таких глаголов достигает двенадцати.

В-четвертых, в словосочетаниях принято усматривать опорное, грамматически ведущее слово и зависимое слово. Подобная зависимость, как это было уже сказано выше, основана на противопоставлении предикативных отношений, свойственных предложению,— атрибутивным, свойственным словосочетаниям [21, 49]. В сочетаниях «служебное слово+знаменательное» или «знаменательное слово+служебное» мы не усматриваем атрибутивных отношений между членами словосочетания и, более того, затрудняемся назвать грамматически ведущее слово. Атрибутивных отношений и, следовательно, ведущего слова нет и в так называемых сочинительных словосочетаниях, которых на этом основании большинство лингвистов исключают из числа словосочетаний в «узком смысле» [27, 10—14].

Таким образом, мы окончательно пришли к выводу о том, что классификации должны подлежать двучленные словосочетания, состоящие из двух знаменательных и одного служебного слова, когда это служебное слово определяет зависимый компонент словосочетания. Нас не интересуют конструкции, в которых служебное слово относится к ведущему члену словосочетания, потому что в подобном случае служебное слово не оказывает влияния на типовую модель словосочетания. Словосочетание *baṛe ghar mẽ* 'в большом доме' можно без труда свести к словосочетанию *baṛā ghar* 'большой дом', но такая трансформация невозможна в словосочетании *ghar mẽ āg* 'пожар в доме'.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению вопроса об отграничении словосочетания от сложного слова, состоящего из двух слов-основ. Сложные слова, или словостяжения, состоящие из трех и более основ, не входят в сферу нашего анализа, потому что они могут быть сведены, как правило, к простым двусловным моделям. Хочется еще раз подчеркнуть тот факт, что, поскольку слово (позиция сло-

весной формы) является элементарной единицей синтаксиса, а словосочетание — следующей укрупненной единицей, принципиальное разграничение их представляется весьма существенным.

На материале хинди отграничение сложных слов, состоящих из двух основ, соединенных по правилам «сандхи», не представляет трудностей, так как при этом оба слова на стыке претерпевают различные фонетические изменения, например:

grām 'деревня'+*udyog* 'промышленность'=*grāmodyog* 'сельская промышленность';

ratna 'драгоценный камень'+*ākar* 'склад'=*ratnākar* 'копь';

kapi 'обезьяна'+*īš* 'царь'=*kapīš* 'царь обезьян'.

Не представляет особых трудностей разграничение словосочетания со сложным словом и тогда, когда сложное слово структурно не совпадает со словосочетанием, например: *bhūkhmarī* 'голодная смерть' и *bhūkh se marā* 'умерший от голода'; *bijlī-saplāī* 'энергоснабжение' и *bijlī se saplāī* 'снабжение электроэнергией': *saralhṛiday* 'добродушный' и *hṛiday se saral*, с тем же значением. Так же не вызывает трудностей анализ сложных слов, первый компонент которых употребляется только как компонент словосложения и никогда не выступает самостоятельно, например: *adh* от *ādhā* 'половинный', *aṭh* от *āṭh* 'восемь', *gāṭh* от *gāṭh* 'узел', *ghuṛ* от *ghoṛā* 'лошадь', *pan* от *pānī* 'вода', *rāj* от *rājā* 'раджа', *hath* от *hāth* 'рука'. Трудности возникают тогда, когда имя в форме чистой основы, поставленное перед другим именем, выполняет синтаксическую функцию определения.

В ряде языков, в том числе и в хинди, практически невозможно внешне определить, сложное ли это слово, или словосочетание. К подобным конструкциям неприменим критерий цельнооформленности А. И. Смирницкого, потому что цельнооформленность и раздельнооформленность не имеют здесь значения в силу ограниченного использования морфологических средств или полного их отсутствия. Это положение распространяется не только на изолирующие или полисинтетические языки, но и на некоторые флективные языки (например, на ряд новоиндоарийских языков — хинди, непали, маратхи, гуджарати, панджаби). Кроме того, критерий цельнооформленности вряд ли универсален и для самого английского языка, потому что и здесь он является скорее всего не критерием, а «искомым в языке, где основа не имеет особого морфологического оформления» [18, 7]. При образовании сложных слов в хинди по словообразовательным моделям данного языка в соединяющихся компо-

нентах, как правило, не происходит никаких изменений. Практически безразлично, будут ли оба компонента сложного слова написаны слитно или раздельно. Поэтому во многих случаях в хинди сложное слово, состоящее из двух слов-основ, ничем с морфологической точки зрения не отличается от словосочетания.

Проблема сложного слова в хинди имеет давнюю и весьма устойчивую традицию описания, восходящую к правилам словосложения в санскрите.

Сложные слова, заимствованные или созданные в хинди, обычно делятся по этой традиционной классификации на:

1) словосложения, в которых главенствует второе слово (по традиционной индийской терминологии — т а т п у р у ш а);

2) словосложения, в которых выступают два равноправных слова (д в а н д в а);

3) словосложения, в которых первый компонент управляется вторым, а все сложное слово выступает как прилагательное-определение (б а х у в р и х и);

4) словосложения, в которых главенствует первое слово (а в ь я и б х а в а).

Из четырех приведенных типов сложных слов нас может интересовать только один — т а т п у р у ш а. Сложные слова б а х у в р и х и представляют собой, строго говоря, синтаксическое использование сложных слов т а т п у р у ш а и его разновидностей, поэтому б а х у в р и х и «не является самостоятельным типом словосложения, а выделяется лишь в предложении» [5, 35]. Кроме того, сложные слова б а х у в р и х и обычно осложняются дополнительной адъективирующей суффиксацией. Выступая в виде чистых основ, слова б а х у в р и х и, как правило, не совпадают с соответствующими словосочетаниями по своей структуре. Сложные слова д в а н д в а относятся к так называемым сочинительным сочетаниям, сложные слова-наречия (а в ь я и б х а в а) непродуктивны в хинди, в большинстве своем заимствованы из санскрита и на современном этапе развития языка выступают как застывшие формы.

Среди цельнооформленных и раздельнооформленных сочетаний, традиционно относимых к сложным словам т а т п у р у ш а, встречаются образования, не отличающиеся структурной целостностью, которая, на наш взгляд, является одним из основополагающих критериев для разграничения сложных слов, цельных по структуре, и словосочетаний. Структурная целостность (цельность) предполагает: 1) семантическое единство[4]; 2) соотнесенность единицы об-

[4] Подробнее о семантическом единстве слова и об отличии сложного слова от словосочетания см. статью В. З. Панфилова «Об определении понятия слова» [24, 138—146].

разования с одним парадигматическим классом; 3) отсутствие у компонентов способности определяться в отдельности другими словами; 4) компактность компонентов; 5) устойчивый порядок следования компонентов, который не допускает ни дистантного расположения компонентов в речи, ни присоединения к первому слову какой-либо словообразовательной морфемы.

Возьмем для примера несколько сочетаний, относимых традиционно к сложным словам татпуруша: *jalpipāsu* 'жаждущий воды', *svargprāpt* 'приобретший рай', *pradhānmantrī* (*pradhān mantrī*)[5] 'премьер-министр', *varg-sangharṣ* (*varg sangharṣ*) 'классовая борьба', *bhārat-sarkār* (*bhārat sarkār*) 'правительство Индии', *lekhak sangh* 'союз писателей', *udyog-mantrālay* 'министерство промышленности'. Большинство из них может определяться в отдельности другими словами, например: *svacch jalpipāsu* 'жаждущий чистой воды', *pratham uppradhān mantrī* 'первый заместитель премьер-министра' (определение *pratham* 'первый' относится к слову *uppradhān* 'заместитель премьера'), *svatantra bhārat sarkār* 'правительство свободной Индии', *bhārī udyog-mantralay* 'министерство тяжелой промышленности', *mazdūr varg sangarṣ* 'борьба рабочего класса', *pragatišīl lekhak sangh* 'Союз прогрессивных писателей'; некоторые сочетания могут менять парадигматический класс: *use svarg prāpt huā hai* 'Он попал в рай' (букв. 'Ему получился рай'); некоторые допускают дистантное расположение компонентов: *bhārat sarkār —bhārat-īya sarkār* (к слову *bhārat* 'Индия' присоединяется адъективирующий суффикс *-īya—bhāratīya* 'индийский'). Компактность и устойчивость компонентов нарушается, если первый из них выступает во множественном числе: *vargō kā sangharṣ* 'борьба классов' вместо *varg sangharṣ* 'классовая борьба'; *vidyārthiyō kā āndolan* 'движение студентов' вместо *vidyārthī āndolan* 'студенческое движение'.

Основываясь на этих особенностях приведенных выше образований, некоторые исследователи языка хинди считают, что подобные сочетания соединены друг с другом по принципу словостяжения и находятся на границе между свободными словосочетаниями и сложными словами [5, 39]. Однако мы склонны относить подобные образования только к словосочетаниям, потому что они не обладают структурной цельностью и по своей синтаксической природе не могут вступать в словообразовательные связи, подобно сложным словам. Подлинные сложные слова обладают такой способностью и наряду с простыми словами служат базой для словообразования, например:

[5] В круглых скобках дается второй вариант написания.

bhikhmangā 'нищий' (букв. 'просящий милостыню') и *bhikhmangāpan* 'нищенство';

uttardāyī 'ответственный' (букв. 'дающий ответ') и *uttardāitva* 'ответственность';

sabhāpati 'председатель собрания' и *sabhāpatitva* 'председательство на собрании';

vicārdhārā 'идеология' (букв. 'течение мыслей') и *vicārdhārātmak* 'идеологический'.

Следовательно, сложные слова в хинди отличаются от словосочетаний следующими структурными признаками: 1) компоненты соединены по правилам сандхи; 2) первый компонент представляет собой усеченную основу, самостоятельно не употребляющуюся; 3) все сложное слово структурно не омонимично словосочетанию и 4) отличается структурной цельностью. Последнее положение, как мы уже отмечали выше, особенно важно для разграничения сложных слов и словосочетаний. В хинди встречаются сложные слова, которые структурно полностью тождественны словосочетанию, часто выступают раздельнооформленно, но обладают структурной цельностью и поэтому не могут быть отнесены к словосочетанию, например:

samācār-patr (*samācārpatr*, *samācār patr*) 'газета' — *samācār* 'новость', *patr* 'лист';

varṣgāṭh (*varṣ gāṭh*) 'годовщина' — *varṣ* 'год', *gāṭh* 'узел';

rel-gāṛī (*rel gāṛī*) 'поезд' — *rel* 'железная дорога', *gāṛī* 'повозка'.

А. И. Смирницкий, исходя из выдвинутых им критериев определения слова, считал подобного рода раздельнооформленные единицы словосочетаниями [28, 97—116; 29, 33]. И. Е. Аничков, со своей стороны, предложил считать подобные единицы составными словами, исходя при этом из того факта, что они обозначают одно понятие, часто не вытекающее из суммы значений составляющих их компонентов [3, 153]. По нашему мнению, последнее определение более подходит к хинди.

Приведенные выше критерии отграничения сложных слов от словосочетаний, естественно, не являются всеобъемлющими, потому что фонетическое и морфологическое оформление единства и цельности сложных слов целиком зависит от морфологических особенностей данного языка. Для других языков, очевидно, более подойдут другие критерии, например критерий ударения для немецкого языка и т. д.

Разграничив сложные слова и словосочетания, мы можем дать рабочее определение словосочетания на уровне «языка». Словосочетанием на уровне «языка» можно считать непредикативное синтаксическое единство, отличающееся наименьшей семантической полнотой и состоящее из

двух знаменательных слов, между которыми существуют атрибутивные отношения.

В зависимости от опорного, грамматически главенствующего слова все словосочетания на уровне «языка» можно подразделить на следующие классы: субстантивные, адъективные, вербальные, адвербиальные, нумеральные и прономинальные.

Тип словосочетания определяется по морфологическому составу компонентов внутри класса.

Внутри класса N вычленяются следующие типы:

AN — *baṛā ghar* 'большой дом',
NN — *bhārat sarkār* 'правительство Индии',
PN — *hamārā ghar* 'наш дом',
Num.N — *pāc ghar* 'пять домов',
VN — *jāne kī icchā* 'стремление уехать'.

Внутри класса A вычленяются следующие типы:

AA — *baṛā muškil* 'очень трудный' (букв. 'большой трудный'),
NA — *jalpipāsu* 'жаждущий воды',
Av.A — *bahut acchā* 'очень хорошо',
Num.A — *donõ se acchā* 'лучше обоих',
VA — *paṛhne yogya* 'способный учиться',
PA — *itnā baṛā* 'столь большой'.

Внутри класса V вычленяются следующие типы:

NV — *bhāṣā sīkhnā* 'учить язык',
Av.V — *šīghra sīkhnā* 'быстро учить',
VV — *paṛhnā sīkhnā* 'учиться читать',
Num.V — *ek karnā* 'объединять' (букв. 'делать одним'),
AV — *dṛṛh karnā* 'укреплять' (букв. 'делать крепким'),
PV — *apnā banānā* 'делать своим'.

Внутри класса Av вычленяются следующие типы:

Av.Av. — *bahut āhiste* 'очень медленно',
NAv. — *golī se šīghra* 'быстрее пули'.

Внутри класса P вычленяются следующие типы:

NP — *chātrõ mẽ se koī* 'кто-то из студентов',
PP — *kuch aisā* 'нечто такое'.

Внутри класса Num. вычленяются следующие типы:

NNum. — *logõ mẽ se ek* 'один среди людей',
PNum. — *sab mẽ se ek* 'один из всех'.

Каждый тип словосочетаний имеет свою структурную модель, под которой понимается обобщенное выражение сочетаемости данного слова: слово (в его данном значении или в некотором комплексе значений) плюс те слова, которые потенциально могут быть к нему присоединены в данном структурном типе.

Математически модель словосочетания можно выразить следующим образом: $\Sigma f = X_1(f),\ X_2(f),\ \ldots X_i(f)$,
где Σf — сумма возможных словосочетаний, X_1, X_2, ... X_i — группа слов, которая может присоединиться, не нарушая принципа смысловой совместимости и стилистической сочетаемости, к f — основному, стержневому слову при $X \rightarrow i$. Интересно отметить, что приведенная формула не изменится и при классификации по зависимому слову. В этом случае f будет обозначать зависимое слово, а X — опорное.

Вид словосочетания выделяется внутри типа, причем при видовом анализе словосочетаний инвентаризационный анализ на уровне «языка» тесно переплетается с лексико-семантическим анализом на уровне «речи». И если, как уже отмечалось выше, структурные типы словосочетаний являются во многом общими для всех индоевропейских языков, то видовой анализ показывает их различие как в плане видовой структуры, так и в лексико-семантическом плане.

Так, внутри типа NN выделяются не только виды NN и NpN, но и раскрываются обе формулы, например, формула NpN рассматривается в плане раскрытия послелога p, причем дальнейший анализ сводится к раскрытию отношений, выражаемых словосочетанием с данным послелогом. Здесь же анализируются и синонимические отношения, выражаемые словосочетаниями с разными послелогами.

Внутри типа AN выделяются словосочетания с качественными и относительными прилагательными, словосочетания прилагательных с модификаторами плюс существительное, сочетания прилагательных в сравнительной и превосходной степени (аналитический и синтетический варианты) с существительным и т. п. На основе видовых моделей исследуются и трехчленные, неразложимые словосочетания.

Дальнейший анализ словосочетаний проводится на уровне «речи», где словосочетания подразделяются на словосочетания высшего и низшего порядка. На уровне «речи» изучаются словосочетания свободные, устойчивые и фразеологически связанные. После этого исследуется вопрос о связи словосочетаний с членами предложения и анализируются продуктивные и непродуктивные их типы. Анализ словосочетаний завершается статистическим подсчетом частотности употребления тех или других структурных типов.

Таковы в общих чертах принципы вычленения, классификации и анализа словосочетаний в двух планах — в плане «языка» и в плане «речи».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков И. Е., Идиоматика идиом и идиоматика идиоматизмов,— сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964.

2. Аничков И. Е., О классификации, определениях и названиях частных языковедческих наук,— «Уч. зап. ЛГПИ», 1962, т. 181, вып. 3.
3. Аничков И. Е., Об определении слова,— сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
4. Ахманова О. С., Словосочетание, — сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.
5. Бархударов А. С., Словообразование в хинди, М., 1963.
6. Быкова Е. М., Словосочетание в бенгальском языке,— КСИНА, 1964, вып. 62.
7. Виноградов В. В., Введение, — «Грамматика русского языка», М., 1951.
8. Виноградов В. В., Вопросы изучения словосочетаний,— ВЯ, 1954, № 3.
9. Виноградов В. В., Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского...,— сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.
10. Виноградов В. В., Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, — сб. «А. А. Шахматов», М., 1947.
11. Виноградов В. В., Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, — сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.
12. Виноградов В. В., Синтаксис русского языка акад. А. А. Шахматова, — сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.
13. Гардинер А., Различие между «языком» и «речью», — сб. «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях», ч. II, М., 1960.
14. «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, М., 1954.
15. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., Язык пали, М., 1965.
16. Есперсен О., Философия грамматики, М., 1958.
17. Жирмунский В. М., О границах слова, — сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
18. Иванова И. П., О принципах анализа сложного слова в современном английском языке, — сб. «Исследования по английской филологии», III, Л., 1965.
19. Илия Л. Н., Синтаксис современного французского языка, М., 1962.
20. Кротевич Е. В., Словосочетание как строительный материал предложения, — «Вопросы славянского языкознания», кн. 4, Львов, 1955.
21. Курилович Е., Очерки по лингвистике, М., 1962.
22. Ломтев Т. П., Основы синтаксиса современного русского языка, М., 1958.
23. Никольский Л. Б., Корейское словосочетание как типологическая единица, — сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965.
24. Панфилов В. З., Об определении понятия слова,— сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
25. Перетрухин В. Н., Словосочетание как специфическая синтаксическая единица в составе предложения, — «Уч. зап. МГПИ», 1958, т. 75, вып. 4.
26. Петерсон М. Н., Очерк синтаксиса русского языка, М.—Пг., 1923.
27. Прокопович Н. Н., Учение о словосочетании, его предмет и место в системе синтаксиса, — «Уч. зап. МГПИ», 1965, № 326.
28. Смирницкий А. И., Образования типа: *stone wall*, *speech sound* в английском языке, — «Доклады и сообщения ИЯ», М., 1952.

29. Смирницкий А. И., Лексикология английского языка, М., 1957.
30. Сухотин В. П., Проблема словосочетания в современном русском языке, — сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.
31. Фортунатов Ф. Ф., О преподавании грамматики русского языка в средней школе, — «Избранные труды», т. II, М., 1957.
32. Шапиро А. Б., О предмете синтаксиса, — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1961, № 3.
33. Шапиро А. Б., Словосочетание в русском языке, — сб. «Славянское языкознание», М., 1959.
34. Ярцева В. Н., Предложение и словосочетание, — сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

А. Р. Усманов

О СЛУЧАЕ СДВИГА В ЗНАЧЕНИИ АДРЕСАТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В УРДУ[1]

Анализ сочетаемостных свойств глаголов позволяет учитывать такие их особенности, которые обычно не находят должного отражения в грамматических описаниях. В частности, если для характеристики сочетаемостных свойств глаголов урду ввести такие двоичные признаки, как «обязательность/необязательность употребления зависимого слова при глаголе» и «предсказуемость/непредсказуемость формы зависимого от глагола слова», то глаголы, грамматическая характеристика которых обычно ограничивается указанием на их переходность, могут оказаться разбитыми на два разряда. Так, например, если глагол *lenā* 'брать' характеризуется обязательной связью с именем — названием объекта соответствующего действия и детерминирует форму этого имени, то такой глагол, как *khānā* 'есть' (принимать пищу), удовлетворяет лишь второму условию, так как он не всегда реализует свойственную ему объектную валентность. О нереализации объектной валентности глаголом *khānā* могут свидетельствовать следующие примеры: *Mātādīn ākhē nikāl kar bolā — terā koī akhtiyār nahī hai, kam kartī hai khātī hai...* (P. G., 408) 'Матадин, вытаращив глаза, сказал: «У тебя нет никакого права. [Хватит с тебя того, что] ты работаешь и ешь...»'; *āj na khāūgā kal khāūgā... abhī muj se na khāyā jātā* (P. Kh., 178) 'Сегодня не буду есть, завтра поем, ...сейчас мне не до еды'.

Следует подчеркнуть, что в приводимых выше примерах отсутствие имени объекта при глаголе обусловлено утратой данным глаголом объектной направленности, а не тем, что имя объекта соответствующего действия известно из контекста или ситуации. Ср. примеры, в которых при

[1] Данная статья тематически связана с нашей предыдущей статьей «О свойствах сочетаемости каузативных глаголов в урду»,— сб. «Исследования по восточным языкам», М., 1973.

отсутствии имени объекта глагол сохраняет значение направленного действия: *thoṛī der mẽ bandar cha sāt gucche angūrõ ke toṛ kar lāyā aur sab ne peṭ bhar kar khāyā. khane ke ba'd Munnā ne kahā...* (K. L., 46) 'Через некоторое время обезьяна сорвала и принесла пять-шесть кистей винограда, и все они наелись досыта. Наевшись, Мунна сказал...'; *sādhū ne apne jhūle ko ṭaṭolā aur us mẽ se ek roṭī... nikāl kar Jangli ko de kar kahā «le bacca, khā le»* (K. S., 29) 'Садху пошарил в своем мешке и, вынув оттуда лепешку, протянул ее Джангли и сказал: «Возьми-ка, мальчик. Поешь»'.

Глагол *khānā*, как и многие глаголы урду, обладает двумя валентностями: а) субъектной и б) объектной. Субъектная валентность реализуется в имени существительном (или местоимении) в форме прямого падежа или — что обусловливается формой глагола — в форме косвенного падежа с послелогом *ne*. Объектная валентность реализуется именем существительным (или местоимением) в форме прямого падежа или косвенного падежа с послелогом *ko*. Слово, в котором реализуется субъектная валентность глагола, имеет семантическую характеристику производителя действия, а слово, в котором реализуется объектная валентность, — семантическую характеристику объекта действия (предмета или лица, подвергающегося действию, обозначаемому глаголом, или появляющегося в результате данного действия; см. табл. 1).

Таблица 1

Валентность глагола	Форма имени, связанного с глаголом	Семантическая характеристика имени
Субъектная	прямой падеж или косвенный падеж с послелогом *ne*	производитель действия
Объектная	прямой падеж или косвенный падеж с послелогом *ko*	объект действия

Примеры: *bhālū bare maze se gurc aur angūr khā rahā thā* (K. L., 48) 'Медведь с большим удовольствием ел плоды и виноград'; *tum ne merī roṭī khāyī* (K. S., 35) 'Ты съел мой хлеб'.

Но среди всего множества глаголов, обладающих отмеченными валентностями, глагол *khānā* входит в круг таких глаголов, при осложнении которых семой «каузировать» соответствующие им однокоренные глаголы наряду с субъ-

ектной и объектной валентностями приобретают еще одну валентность, которую можно назвать косвенно-объектной: *khānā* 'есть'→*khilānā* 'кормить'; *pīnā* 'пить'→*pilānā* 'поить'; *paṛhnā* 'читать'→*paṛhānā* 'обучать'; *sīkhnā* 'изучать'→*sikhānā* 'обучать'; *sunnā* 'слушать'→*sunānā* 'рассказывать'.

Формальная и семантическая характеристика таких глаголов с добавочной валентностью представлена в табл. 2, где под V^1 имеется в виду двухвалентный глагол, с которым словообразовательно связан глагол, получивший добавочную валентность.

Таблица 2

Валентность глагола	Форма имени, связанного с глаголом	Семантическая характеристика имени
Субъектная	прямой падеж или косвенный падеж с послелогом *ne*	побудитель к выполнению действия V^1
Объектная	прямой падеж или косвенный падеж с послелогом *ko*	объект действия V^1
Косвенно-объектная	косвенный падеж с послелогом *ko*	производитель действия V^1

Примеры: *vah Indrā ke hā jāegā, use... peṛe khilāegā* (A. Z., 103) 'Он пойдет к Индре и накормит ее лакомствами'; *vah abhī tak use kaṛvī davāyē pilātī thī* (P. D., 103) 'Она все еще поила его горькими лекарствами'; *mãĩ baccõ ko angrezī paṛhātī hū̃* 'Я обучаю детей английскому языку'; *mãĩ āj use sabaq sikhānā cāhtā hū̃* (K. S., 36) 'Сегодня я хочу дать ему урок'; *mã ne unhẽ rām kahānī sunāī kis tarah...* (K. L., 128) 'Мать рассказала им длинную историю о том, как...'.

Косвенно-объектная валентность глагóла (если исходить из возможности описания одной и той же ситуации) реализуется в том же слове, в котором реализуется субъектная валентность глаголов типа *khānā: laṛkā angūr khātā hai* 'Мальчик ест виноград' — *dukāndār laṛke ko angūr khilātā hai* 'Лавочник кормит мальчика виноградом'.

Квалификация добавочной валентности как косвенно-объектной обусловлена тем, что в соответствующих глаголах нами усматривается такое же значение адресатной направленности, каким обладает глагол *denā* 'давать'. Об этом можно судить на основании сопоставления следующих пар примеров: *bhāī laṛke ko roṭī khilātā hai* 'Брат

кормит мальчика хлебом' — *mā laṛke ko kitāb detī hai* 'Мать дает мальчику книгу';

laṛke ko roṭī khilāyī jātī hai 'Мальчика кормят хлебом' — *laṛke ko kitāb dī jāti hai* 'Книга дается мальчику'.

Иными словами, если семантическую характеристику слов, в которых реализуется валентность этих глаголов (*khilānā*, *pilānā*, *sikhānā* и др.), определять не по отношению к действию V^1, а по отношению к действиям, выраженным самими этими глаголами, то она окажется такой же, как и у глагола *denā* (см. табл. 3).

Таблица 3

Валентность глагола	Форма имени, связанного с глаголом	Семантическая характеристика имени
Субъектная	прямой падеж или косвенный падеж с послелогом *ne*	производитель действия
Объектная	прямой падеж или косвенный падеж с послелогом *ko*	объект действия
Косвенно-объектная	косвенный падеж с послелогом *ko*	адресат

Как и соответствующие двухвалентные глаголы (V^1), глаголы, обладающие косвенно-объектной валентностью, тоже не всегда реализуют объектную валентность, например: *khūd nahī khāyā tumhē khilāyā* (P. D., 160) 'Сама не ела, тебя кормила'; *māl̃ baccõ ko paṛhātā hū̃* (K. M., 49) 'Я обучаю мальчиков' и др.

Возможным следствием нереализации объектной валентности является тенденция к тому, чтобы слово, в котором реализуется косвенно-объектная валентность, получило семантическую характеристику объекта действия, т. е. тенденция к сдвигу в присущем глаголу значении адресатной направленности в сторону значения объектной направленности. В результате такого сдвига глагол «превращается» из трехвалентного в двухвалентный, характеризующийся субъектной и объектной валентностью. Именно этим, на наш взгляд, объясняется появление в урду конструкций типа *'aurat samjhāī gaī* 'женщина была утешена'; *vah sikhāī gaī hai* 'она обучена'; *laṛke khilāye gaye* 'мальчики были накормлены', которые в лингвистической литературе квалифицируются как неправильные [1, 86; 2, 521]. Эти конструкции выступают как пассивные трансформы конструкций с двухвалентным переходным глаголом.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

A.Z. — Khwāja Ahmad 'Abbās, Za'frān ke phūl aur dūsrī kahāniyā, Bambaī, 1948.
K.M. — Krišan Candar, Māī intizār karūgā, Dehlī, 1953.
K.S. — Krišan Candar, Sarak vāpas jātī hai, Dillī, [б. г.].
K.L. — Krišan Candar, Lāl tāj, Dehlī, 1960.
P.D. — Premcand, Dūdh kī qīmat aur āṭh dīgar afsāne, Dehlī, [б. г.].
P.G. — Premcand, Ga'ūdān, Dehlī, 1955.
P.Kh. — Premcand, Khāk parvānā, Amritsar, [б. г.].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елизаренкова Т. Я., Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди, — сб. «Вопросы грамматики языка хинди», М., 1962.
2. Bailey T. G., The Meaning and Usage of Causal Verbs in Urdu and Panjabi, — BSOS, 1929, vol. V, pt 3.

Н. А. Хонелия

СУФФИГИРОВАННЫЕ ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАШМИРИ

По своим значениям, а также по тем синтаксическим функциям, которые они выполняют, местоимения в кашмири делятся на следующие разряды: личные, указательные, притяжательные, возвратные, вопросительные, относительные, неопределенные.

В кашмири нет личных местоимений 3-го лица, их функцию выполняют указательные местоимения (которые мы будем условно называть личными либо лично-указательными местоимениями 3-го лица).

Однако помимо форм собственно личных местоимений в кашмири имеются и так называемые суффигированные личные местоимения, которые заменяют собственно местоимения в функции субъекта действия в предложениях с эргативной и посессивной конструкциями, а также в функции прямого и косвенного объектов действия, присоединяясь к глаголу в форме суффиксов.

Суффигированные местоимения (СМ) свойственны многим языкам. Так, например, они наличествуют в языках семитской семьи, тюркских, тибето-бирманских (префигированные местоимения) и в индоевропейских языках. Из индоевропейских языков СМ свойственны армянскому, иранским, дардским, индоарийским. Встречаются они также в одном из дравидийских языков — брауи. Из индоарийских языков СМ отмечены в языках синдхи, ленди и ассами [9, 44, 50].

Система и функции СМ в указанных языках различны. Так, в синдхи, присоединяясь к именам существительным и послелогам, СМ выступают в функции определения, а присоединяясь к глаголам,— в функции прямого или косвенного объекта действия или субъекта действия в предложениях с эргативной конструкцией. В ленди СМ присоединяются к глаголам и именам существительным и соответственно выполняют те же функции, что и в синдхи.

В дардских языках, которые подразделяются на три группы (восточно-, или собственно, дардская, центральнодардская и западнодардская), СМ употребляются следующим образом.

В восточнодардских языках СМ отмечаются только в языках кашмири и пхалура. В кашмири они употребляются с глаголами (хотя нами отмечены случаи употребления СМ 1-го лица с именами существительными в функции определения при обращении, например: *Pātashĕham!* 'Мой падишах!'. Здесь суффикс 1-го лица *-m* обозначает притяжательное местоимение «мой»). В языке пхалура СМ употребляются с глаголами, но довольно редко.

В языках центральнодардской группы СМ употребляются преимущественно с именами существительными и глаголами, а в языках западнодардской группы — преимущественно с именами существительными. В языке прасун этой же группы — с именами существительными и предлогами, причем здесь употребляются не суффиксы, а префиксы, т. е. префигированные местоимения.

В отличие, например, от синдхи, где можно употреблять либо СМ, либо собственно местоимения в косвенных падежах, в кашмири употребляются: а) либо косвенные формы личных местоимений, б) либо СМ, в) либо как собственно местоимения, так и СМ.

Рассмотрим для сравнения таблицы склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица (табл. 1) и 3-го лица (табл. 2) и таблицу СМ (табл. 3).

Таблица 1

Склонение личных местоимений

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	прямая форма	косвенная форма	прямая форма	косвенная форма
1-е	*boh*	*mĕ*	*as'*	*asĕ*
2-е	*cəh*	*cĕ*	*toh'*	*tohĕ*

Несмотря на довольно развитое флективное склонение имен в кашмири, личные местоимения 1-го и 2-го лица имеют всего два падежа. Функцию именительного падежа выполняет прямая форма, а функцию косвенных падежей (дательного, агентного и отделительного) — косвенная форма.

Исключение составляют формы родительного падежа, которые образуются путем слияния косвенной формы

(*здесь* — основы) личного местоимения 1-го и 2-го лица со словообразующими аффиксами родительного падежа *-un* и *-hond*, вызывая изменения в основе. Здесь мы наблюдаем явления фузии:

mĕ + *un* = *myōn* 'мой'
cĕ + *un* = *cyōn* 'твой'
asĕ + *un* = *sōn* 'наш'
tohĕ + *hond* = *tuhond* 'ваш', 'Ваш'

Личные местоимения, стоящие в форме родительного падежа, относятся к разряду притяжательных, которые изменяются по родам, числам и падежам.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица не имеют грамматической категории рода. Род этих местоимений определяется путем соотнесения с реальным полом лица, на которое они указывают. Личные местоимения 3-го лица не выделились из группы указательных местоимений. Им присущи категория рода, числа и полная парадигма склонения. Однако лично-указательные местоимения в кашмири обладают характерной особенностью: семантически они делятся на пять ступеней удаленности. В единственном числе у них различаются категории одушевленности и неодушевленности (табл. 2).

Как видно из таблиц 2 и 3, еще одной особенностью местоимений 3-го лица является наличие рода во множественном числе, хотя это характерно только для местоимений в именительном падеже. Во всех косвенных падежах род местоимения определяется тоже по контексту. Как видно из таблицы 4, СМ изменяются по лицам, числам и падежам, но не изменяются по родам.

У СМ 3-го лица не наблюдается и различий, выражающих пять ступеней удаленности. Для СМ множественного числа характерен один общий косвенный падеж. Поэтому в дальнейшем, когда мы будем называть падеж СМ в единственном и во множественном числе, мы не будем делать оговорку о том, что во множественном числе существует единый косвенный падеж для СМ 2-го и 3-го лица. СМ 1-го лица множественного числа отсутствуют.

Местоимения представляют собой слова-заместители, ситуационные слова. СМ имеют еще более узкое значение, которое определяется контекстом, если собеседник знает, кто, кому, о чем или о ком говорит, только тогда можно понять предложение. Так, например, фразу типа *Dopnas* без знания контекста можно перевести следующим образом: 1) 'он сказал ей'; 2) 'она сказала ему'; 3) 'он сказал ему'; 4) 'она сказала ей'.

Если сказуемое выражено синтетической формой, то СМ присоединяются непосредственно к глаголу, например:

Таблица 2

Склонение лично-указательных местоимений

Число / Падеж	Единственное число									
	одушевленные предметы					неодушевленные предметы				
	I (близкий видимый)	II (близкий видимый)	III (удаленный видимый)	IV (удаленный видимый)	V (далекий невидимый)	I (близкий видимый)	II (близкий видимый)	III (удаленный видимый)	IV (удаленный видимый)	V (далекий невидимый)
Именительный	*yih*	*nŏh*	*huh* (м. р.) *hoh* (ж. р.)	—	*suh* (м. р.) *sa* (ж. р.)	*yih*	—	*huh*	—	*tih*
Дательный	*yɨmis*	*nomis*	*humis*	*amis*	*tamis tas*	*yɨth*	*noth*	*huth*	*ath*	*tath*
Агентный	*yim'*	*nom'*	*hum'*	*am'*	*tam'*	*yim'*	*nom'*	*hum'*	*am'*	*tam'*
Родительный	*yim'-sond*	*nom'-sond*	*hum'-sond*	*am'-sond*	*tam'-sond*	*yimyuk*	*nomyuk*	*humyuk*	*amyuk*	*tamyuk*
Отделительный	*yimi* *yɨwa*	*nomi* *nowa*	*humi* *huwa*	*ami* *awa*	*tam'* *tawa*	*yim'* *yɨwa'*	*nomi* *nowa*	*humi* *humyuk*	*ami* *awa*	*tami* *tawa*

Таблица 3

Склонение лично-указательных местоимений

Число / Падеж	Множественное число				
	I (близкий видимый)	II (близкий видимый)	III (удаленный видимый)	IV (удаленный видимый)	V (далекий невидимый)
Именительный	*yim* (м. р.) *yima* (ж. р.)	*nom* (м. р.) *noma* (ж. р.)	*hum* (м. р.) *huma* (ж. р.)	*am* (м. р.) *ama* (ж. р.)	*tim* (м. р.) *tima* (ж. р.)
Дательный	*yiman*	*noman*	*human*	*aman*	*timan*
Агентный	*yimau*	*nomau*	*humau*	*amau*	*timau*
Родительный	*yiman-hond*	*noman-hond*	*human-hond*	*aman-hond*	*timan-hond*
Отделительный	*yimau*	*nomau*	*humau*	*amau*	*timau*

Таблица

Суффигированные местоимения

Лицо	Единственное число			Множественное число
	дательный и родительный падежи	винительный падеж	агентный падеж	общий косвенный падеж
1-е	*m*	*m*	*m*	—
2-е	*y*	*th*, *y*	*ty*, *y*	*w*
3-е	*s*	*n*	*n*	*kh*

Wučhu-n 'Он увидел'; *Wana-y dalīlă* 'Я расскажу тебе историю'.

Если сказуемое выражено аналитической формой, то СМ присоединяются к вспомогательному глаголу, например: *Pānawən' ōsu-kh kasam kormut* 'Они дали друг другу клятву'. Здесь сказуемое выражено аналитической формой *ōsukh kormut* 'дали', где *ōs*[1] является вспомогательным глаголом.

По тем функциям, которые СМ выполняют в предложении, заменяя личные местоимения в косвенных падежах, их можно разделить на две группы: СМ, обозначающие

[1] Обо всех изменениях гласных перед СМ см. ниже, стр. 229.

субъект действия, и СМ, обозначающие прямой или косвенный объект действия.

К местоимениям I группы относятся СМ агентного падежа (*-m*, *-th* [*y*], *-n*, *-wə*, *-kh*) и СМ дательного падежа (*-m*, *-y*, *-s*, *-wə*, *-kh*).

СМ агентного падежа всегда выполняют функцию субъекта действия в предложениях с эргативной конструкцией, т. е. в предложении, где сказуемое выражено переходным глаголом в прошедшем времени совершенного вида. Если в предложении есть прямой объект действия, то сказуемое согласуется с ним в роде и числе.

Как известно, прямое дополнение обычно стоит в винительном падеже, однако в кашмири формы винительного падежа имен совпадают с формами именительного падежа. Поэтому в парадигмах склонений имен отсутствует винительный падеж.

Несмотря на то что у местоимений формы винительного падежа совпадают с формами именительного падежа, в кашмири существуют СМ винительного падежа (табл. 4).

Рассмотрим несколько предложений с СМ, употребляющимися в предложении с эргативной конструкцией, например: *Mörikh hun'zəh* (РК, 176) 'Они убили двух собак'. Здесь субъект действия выражен СМ 3-го лица множественного числа *-kh*. Сказуемое *mör'* представляет собой простую форму прошедшего времени совершенного вида от глагола *marun*, которая согласуется в роде и числе с прямым объектом действия *hun' zəh* 'двух собак', выраженным существительным мужского рода множественного числа.

В предложении *Wüčh^{ü}n sa zanāna* (SK, 125) 'Он увидел ту женщину' субъект действия *-n* 'он' является СМ 3-го лица единственного числа. Сказуемое *wüčh^{ü}* представляет собой простую форму прошедшего времени совершенного вида от глагола *wučhun*, которая согласуется в роде и числе с прямым объектом действия *sa zanāna* 'эту женщину', выраженным именем существительным женского рода единственного числа.

В предложении *Dyutum hukum wazīran* (РК, 175) 'Я дал приказ визирям' субъект действия *-m* 'я' является СМ 1-го лица единственного числа. Сказуемое *dyut* является простой формой прошедшего времени совершенного вида от глагола *diyun* и согласуется в роде и числе с прямым объектом действия *hukum*, выраженным именем существительным мужского рода единственного числа.

В предложении *Yih kyāzi koruth?* (РК, 173) 'Почему ты

сделала это?' субъект действия *-th* 'ты' представляет собой СМ 2-го лица единственного числа. Сказуемое *kor* является простой формой прошедшего времени совершенного вида от глагола *karun*, выступающей в форме мужского рода единственного числа, поскольку прямое дополнение отсутствует.

Если прямой объект действия отсутствует, то сказуемое выступает в форме мужского рода единственного числа. Например, в предложении *yiman dopun* 'Она сказала им' субъект действия выражен СМ 3-го лица единственного числа *-n* 'она'. Сказуемое *dop* является простой формой прошедшего времени совершенного вида от глагола *dapun* и стоит в 3-м лице единственного числа, так как прямой объект действия отсутствует.

В предложении *Am' čhun dyutmot konḍ* (РК, 172) 'Она отдала колючку' субъектом действия является личное местоимение 3-го лица единственного числа *am'* 'она' и соответствующее ему СМ 3-го лица единственного числа *-n*, присоединенное к вспомогательному глаголу *čhu*. Сказуемое *čhu dyut mot* 'отдала' выражено причастием совершенного вида *dyut mot* от переходного глагола *diyun* 'давать' и формой настоящего времени мужского рода единственного числа 3-го лица *čhu* от вспомогательного глагола *āsun*. Прямой объект действия выражен именем существительным мужского рода единственного числа в прямом падеже *konḍ* 'колючка'.

В предложении *Ös^{ü}kh bür^{ü}müc^{ü} tröm' lalau* (РК, 174) 'Они наполнили медный ковш драгоценностями' субъект действия выражен СМ 3-го лица множественного числа *-kh* 'они', которое присоединено к вспомогательному глаголу *ös^{ü}*. Сказуемое *ös^{ü} bür^{ü}müc^{ü}* 'наполнили' состоит из причастия совершенного вида *bür^{ü}müc^{ü}* от глагола *barun* 'наполнять' и формы прошедшего времени женского рода единственного числа 3-го лица *ös^{ü}* от вспомогательного глагола *āsun*. Прямой объект выражен именем существительным женского рода единственного числа в прямом падеже *tröm'* 'медный ковш'.

Как уже отмечалось, к I группе СМ относятся и местоимения дательного падежа, когда они употребляются в предложениях с посессивной конструкцией. Субъект в предложении с посессивной конструкцией стоит в дательном падеже, а сказуемое, выраженное глаголом бытия *āsun* в соответствующем времени, согласуется в роде и числе с прямым объектом, стоящим в прямой форме.

В предложении *Narĕn zangan ōsun dŏd* (KR, 10) 'У меня болели руки и ноги' (букв. 'У меня была боль в руках

и ногах') субъект выражен СМ дательного падежа 1-го лица единственного числа *-m* 'у меня', 'я'. Прямой объект выражен именем существительным мужского рода единственного числа *dŏd* 'боль'. Сказуемое *ōs* представляет собой форму прошедшего времени глагола бытия *āsun* и согласуется с прямым объектом в роде и числе. В предложении *Gari ös^{ü}s zanāna* (KR, 25) 'Дома у него была жена' субъект выражен СМ 3-го лица единственного числа *-s* 'у него', 'он'. Сказуемое выражено глаголом *āsun* в форме прошедшего времени женского рода единственного числа *ös^{ü}*. Оно согласуется с прямым объектом *zanāna* 'жена' в роде и числе.

Ко II группе суффигированных личных местоимений относятся местоимения дательного, родительного и винительного падежей. Они употребляются в предложениях не только с эргативной, но и с номинативной конструкцией. Эти СМ выполняют функции косвенных дополнений.

СМ дательного падежа употребляются для обозначения лица или предмета, к которому направлено действие, например: *Tim ām* 'Они пришли ко мне'. Здесь подлежащим является личное местоимение 3-го лица мужского рода множественного числа *tim* 'они'. Сказуемое *āy* 'пришли' является формой прошедшего времени совершенного вида от непереходного глагола *yun* 'приходить', согласуется с подлежащим в лице, роде и числе (номинативная конструкция). Косвенное дополнение выражено СМ 1-го лица единственного числа *-m*. В предложении *Az ōsum amot panun khāwand* (РК, 121) 'Сегодня ко мне приехал мой муж' подлежащее выражено существительным мужского рода единственного числа *khāwand* 'муж'. Сказуемое *ōs āmot* 'приехал' является формой прошедшего времени совершенного вида непереходного глагола *yun* 'приходить', 'приезжать'. Сказуемое согласуется с подлежащим в роде, числе и лице (номинативная конструкция). Косвенное дополнение выражено СМ 1-го лица единственного числа *-m* 'ко мне', которое присоединено к вспомогательному глаголу.

В предложении *Mucaray bar* (KR, 16) 'Я открою тебе дверь' подлежащее опущено. Сказуемое *mucara* 'открою' является простой формой будущего времени 1-го лица единственного числа от переходного глагола *mucarun* 'открывать'. Прямое дополнение выражено существительным *bar* 'дверь' в форме мужского рода единственного числа в прямом падеже. К сказуемому присоединено косвенное дополнение, выраженное СМ 2-го лица единственного числа *-y* 'тебе'.

В предложении *Pātshāh čhukh dapān* (РК, 124) 'Пади-

шах говорит им' подлежащим является имя существительное *pātshāh* 'падишах'. Сказуемое выражено формой настоящего времени несовершенного вида *čhi dapīn* 'говорит' и согласуется с подлежащим в роде и числе (номинативная конструкция). К вспомогательному глаголу присоединено косвенное дополнение, выраженное СМ 3-го лица множественного числа *-kh* 'им'.

СМ **родительного падежа** по форме совпадают с СМ дательного падежа, но имеют другие значения. Присоединяясь к глаголу-сказуемому, СМ родительного падежа могут быть приименными и приглагольными. Как местоимения приименного родительного падежа они имеют посессивное значение и являются в предложении определением, например: *Karıs mŏl* (РК, 183) 'Назначь цену этому (этой вещи)'. Подлежащее в этом предложении подразумевается, так как глагол-сказуемое стоит в форме единственного числа повелительного наклонения *kar!* 'сделай!' (здесь 'назначь!'). Прямое дополнение выражено именем существительным *mŏl* 'цена'. СМ *-s* является определением к подразумеваемому косвенному дополнению (о котором нам может быть известно только из контекста).

В предложении *Nazar čhĕs pātashĕhsaıdĕn dŏn bācan kun* (РК, 178) 'Взор падишаха был обращен на обоих супругов' подлежащее выражено существительным *nazar* 'взор'. Сказуемое выражено глаголом *āsun* 'быть' в форме настоящего времени *čhĕ* и согласуется с подлежащим в роде, числе и лице. *Pātashĕhsaıdĕn* 'падишаха' является определением к подлежащему *nazar* 'взор'. СМ *-s*, присоединенное к глаголу *čhĕ*, является эквивалентом определения.

В предложении *As' čhiy gabar* (РК, 175) 'Мы твои сыновья' подлежащее выражено личным местоимением 1-го лица множественного числа *as'* 'мы'. А лично-притяжательное СМ *-y*, присоединенное к глаголу-связке *čhi*, является определением к именной части сказуемого и эквивалентом лично-притяжательного местоимения 2-го лица единственного числа *cyān* 'твои'.

Нами отмечены случаи употребления СМ в **приглагольном родительном падеже**, когда они выполняют функции косвенного дополнения, например: *Gom cēr* (KR, 10) 'Я опоздал' (букв. 'У меня произошло опоздание'). Здесь субъект действия обозначен СМ 1-го лица единственного числа *-m* 'я', 'у меня', которое присоединено к сказуемому, выраженному непереходным глаголом *gachun* 'происходить' в форме прошедшего времени совершенного вида, и которое согласуется с прямым дополнением *cēr* 'опоздание'.

СМ винительного падежа выражают при глаголах прямой объект, на который переходит действие: *Kaḍun nĕbar* (SK, 128) 'Вынеси это (эту вещь) на улицу'. Здесь прямое дополнение «это» — СМ 3-го лица единственного числа — присоединено к сказуемому, которое выражено переходным глаголом *kaḍun* 'выносить' в форме единственного числа повелительного наклонения *kaḍ* 'вынести'.

В предложении *Tim māranakh* (PK, 176) 'Они убьют их' подлежащим является местоимение 3-го лица мужского рода множественного числа. Сказуемое выражено переходным глаголом *mārun* 'убивать', 'бить' в форме будущего времени 3-го лица множественного числа. К сказуемому присоединено прямое дополнение, выраженное СМ 3-го лица множественного числа *-kh*.

СМ агентного падежа мы можем назвать субъектными суффигированными личными местоимениями, СМ дательного, родительного и винительного падежей — объектными суффигированными личными местоимениями.

В синтаксисе кашмири есть еще одна специфическая особенность — возможность употребления субъектно-объектных суффигированных личных местоимений, которые одновременно присоединяются к глаголу-сказуемому. Однако такое употребление СМ возможно только в предложениях с эргативной конструкцией, и это употребление так же факультативно, как и в упомянутых выше случаях. Факультативно не только одновременное употребление субъектно-объектных СМ, но и употребление одного из них. Совершенно исключено одновременное употребление двух объектных СМ. При наличии в предложении двух объектов действия, выраженных личными местоимениями, один из них может быть суффигирован, а второй остается в своей полной форме. В этом их отличие от собственно местоимений, когда при одном глаголе-сказуемом может быть несколько объектов действия, выраженных личными местоимениями.

В случае одновременного употребления субъектно-объектных СМ сначала к глаголу-сказуемому присоединяется СМ-субъект, а затем — СМ-объект. Неупотребительны и двойственные СМ в предложении с посессивной конструкцией, так как, выполняя функции субъекта, они по своему характеру остаются СМ-объектами. Так же, как и одиночные СМ, двойственные СМ присоединяются к смысловому глаголу при синтетической форме сказуемого и к вспомогательному глаголу при аналитической форме. Так же, как и одиночные СМ, двойственные СМ не употребляются в 1-м лице множественного числа.

В предложении *Dopnakh* 'Он сказал им' субъект действия, сказуемое и косвенный объект соединены в одно слово. Субъект действия выражен СМ 3-го лица единственного числа агентного падежа *-n* 'он'. Сказуемое *dop* 'сказал' представляет собой форму простого прошедшего времени совершенного вида от переходного глагола *dapɪn* 'сказать' и поскольку прямое дополнение отсутствует, то сказуемое стоит в мужском роде единственного числа (эргативная конструкция). Косвенное дополнение выражено СМ 3-го лица множественного числа *-kh* 'им'. Это предложение можно выразить также следующими способами:

1) заменить субъектное СМ 3-го лица единственного числа соответствующим собственно местоимением (нужным по ситуации, одним из местоимений 3-го лица), например *tam*': *Tam' dopɪkh;*

2) заменить объектное СМ 3-го лица множественного числа дательного падежа соответствующим собственно местоимением, например *timaɪ*: *Timaɪ dopɪn;*

3) заменить субъектно-объектные СМ соответствующими личными местоимениями в агентном и дательном падежах: *Tam' dop timaɪ.*

В предложении *Thōwɪas darwīza* (РК, 174) 'Она открыла ему дверь' субъектом действия является СМ 3-го лица единственного числа агентного падежа *-n* 'она'. Сказуемым является переходный глагол *thīwɪn* 'держать', 'открывать' в форме простого прошедшего времени совершенного вида *thōw*. Прямой объект действия *darwīza* 'дверь' является именем существительным мужского рода единственного числа. Сказуемое согласуется с прямым дополнением в роде и числе. Косвенное дополнение выражено СМ 3-го лица единственного числа дательного падежа *-s* 'ему'.

Рассмотрим правописание личных СМ.

1. Если СМ 2-го лица единственного числа агентного падежа присоединяется к вспомогательному глаголу, то, как правило, употребляется не суффикс *-th*, а суффикс *-y*.

2. Если основа глагола, к которому присоединяется одно СМ (субъектное или объектное), оканчивается на согласный, то между основой, стоящей в форме прошедшего времени совершенного вида мужского рода единственного числа, и СМ появляется гласный *-u-*:

dop 'сказал'—*dopum* 'я сказал', 'сказал мне';

kor 'сделал'—*koruth* 'ты сделал', 'сделал тебе (тебя)';

ōs 'был'—*ōsum* 'у меня был'.

Исключение составляют случаи присоединения СМ 2-го лица множественного числа, когда конечный звук

основы глагола не изменяется: *korwa* 'вы сделали', 'вам сделали'; *dopwa* 'вы сказали', 'вам сказали'; *ōswa* 'у вас был'.

3. Если основа глагола-сказуемого, стоящего в форме прошедшего времени совершенного вида мужского рода множественного числа, оканчивается на палатализованный согласный и к основе присоединяется субъектное или объектное СМ, то конечный согласный депалатализуется, и между основой и СМ появляется гласный *-i-*, например:

kar' 'сделал' (прямой объект действия стоит в мужском роде множественного числа);

karim 'я сделал', 'сделал мне (меня)';

ös' 'они были';

ösim 'у меня были'.

Исключение составляет СМ 2-го лица множественного числа, где конечный согласный основы глагола остается палатализованным: *kar'wa*, *ös'wa*.

4. Если основа глагола-сказуемого оканчивается на *-w* или *-y*, то при присоединении СМ конечный согласный выпадает, например:

āv 'пришел'—*ām* 'пришел ко мне'—*ās* 'пришел к нему';

gōv 'ушел, уехал'; 'произошло'—*gōm* 'ушел ко мне'; 'произошло со мной'.

5. Если к глаголу-сказуемому присоединяется субъектно-объектное СМ, то:

а) между основой и первым, субъектным СМ не происходит никаких изменений;

б) между субъектным и объектным СМ появляется гласный;

в) если субъектное СМ стоит в 3-м лице множественного числа *-kh*, то *-k* опускается, например:

dyut 'отдал' (прямой объект стоит в мужском роде единственного числа)—*dyutnas* 'он отдал ему';

kor 'сделал'—*kornakh* 'он сделал им';

dop 'сказал'—*dophas* 'они сказали ему'.

6. Происходит изменение конечного гласного основы при присоединении СМ к вспомогательному глаголу *āsun* в формах будущего времени 3-го лица единственного числа: *āsi* 'он будет', *āsěm* 'у меня будет' и т. д.

В аналогичных формах множественного числа, а также в сослагательном наклонении между основой и СМ вставляется *-na:* *āsa* 'они будут', *āsanam* 'у меня будут', *āsaha* 'они были бы', *āsahanam* 'у меня были бы'.

Между основой глагола и СМ не происходит никаких изменений, если:

глагол-сказуемое стоит в форме прошедшего времени совершенного вида женского рода единственного числа,

где конечный согласный палатализован: *karĕ* 'сделал' (прямой объект действия стоит в женском роде единственного числа); *karĕm* 'я сделал', 'мне сделали'.

Основа глагола-сказуемого, независимо от его формы (наклонения, рода, числа), оканчивается на гласный:

karĕ 'сделал' (прямой объект стоит в форме женского рода множественного числа)— *karĕm* 'я сделал', 'мне сделали';

asa 'были'— *āsam* 'у меня были'— *āsihe* 'он был бы'— *āsihem* 'у меня был бы';

čhu 'он есть' — *čhum* 'у меня есть';

kara 'я сделаю' — *karay* 'я сделаю тебе'— *kari* 'он сделает'— *kariy* 'он сделает тебе'.

СМ в дардских языках, за исключением кашмири, мало изучены из-за отсутствия письменности у этих языков. СМ в кашмири исследованы в известных нам работах Дж. Грирсона и К. Бурхарда [7—12].

Как уже отмечалось, СМ свойственны также и индоарийским языкам синдхи и ленди. СМ в синдхи, например, рассмотрены в работах В. С. Воробьева-Десятовского и Р. П. Егоровой [3—5].

Однако, отдавая должное упомянутым выше работам, где многосторонне и глубоко изучен интересующий нас вопрос о СМ, мы не можем согласиться с отдельными положениями, изложенными в них. Прежде всего — о самом термине, который дан во многих работах описываемому явлению. Многие авторы называют его «местоименными суффиксами», что, с нашей точки зрения, неверно. Что такое суффикс?

«Суффикс — часть слова, стоящая между корнем и окончанием» [2, 122].

«Суффикс (суффиксальная морфема). 1. Выделяющаяся в составе словоформы послекорневая аффиксальная морфема; 2. То же, что и окончание» [1, 464].

«Аффиксы — это морфемы с грамматическим значением. Аффиксы не существуют в языках вне слов, они сопровождают корень, служа для словообразования и словоизменения» [6, 262].

Мы не можем отнести СМ к суффиксам, так как они не являются ни словообразующими, ни словоизменяющими элементами — при присоединении к глаголам СМ в языке кашмири не изменяют ни семантики, ни морфологического значения, ни синтаксических функций глагола. СМ имеют свою семантику, свое морфологическое значение и свои синтаксические функции, что совершенно несвойственно суффиксам. Нельзя удалить суффикс, не изменив морфологического значения или семантики слова. Нельзя заменить суффикс частью речи. СМ, присоединенное к глаго-

лу (в кашмири), можно легко удалить, заменив его соответствующим личным местоимением, не изменив при этом ни семантики, ни морфологического значения, ни синтаксических функций глагола.

Словообразующие и словоизменяющие суффиксы можно практически присоединить к любому глагольному корню или основе. СМ можно присоединить только либо к синтетической форме глагола-сказуемого, либо к вспомогательному глаголу в аналитической форме глагола-сказуемого. У глагола-сказуемого не может быть суффикса, выражающего категорию падежа. СМ, присоединенное к глаголу, имеет категорию падежа (дательного, родительного, винительного, агентного), так как оно является не суффиксом, а эквивалентом местоимения. Суффикс не может существовать вне слова и, будучи присоединенным к слову, придает ему более конкретное или иное значение, понятное и без контекста. СМ, присоединенное к слову, не может быть понято без предыдущего текста.

В советском языкознании, в работах, посвященных иранским и индийским языкам, установился термин «местоименные энклитики», или «энклитические местоимения». Нам представляется неприемлемым и этот термин. Что такое энклитика? «Энклиза — акцентуационное примыкание безударного слога или слова к предшествующему ударному элементу с образованием одной акцентирующей единицы... Энклитика — слово, подвергшееся энклизе: *на́ берег*, *при́ смерти* и т. д.» [6, 526].

С нашей точки зрения, это определение может подойти к разбираемому явлению лишь по внешним признакам, т. е. тогда, когда при образовании одной акцентирующей единицы безударный слог или слово примыкают к предшествующему ударному.

Исходя из этого, мы предлагаем термин «суффигированные личные местоимения». Мы добавляем к слову «суффигированный» слово «личный», так так суффигироваться могут только личные местоимения. СМ в кашмири — это личные местоимения, присоединяющиеся к глаголу-сказуемому в виде суффиксов, но имеющие значения местоимения в косвенных падежах и употребляющиеся в функции субъекта действия в предложениях с эргативной и посессивной конструкциями, а также прямого и косвенного объектов действия в предложениях с номинативной и эргативной конструкциями.

В известных нам работах Дж. Гирсона и В. С. Воробьева-Десятовского содержится утверждение о том, что «местоименные суффиксы» и личные суффиксы глаголов являются местоименными суффиксами именитель-

ного падежа, поскольку «местоименные суффиксы» именительного падежа употребляются в предложениях с номинативной конструкцией.

Мы полностью разделяем мнение Р. П. Егоровой о том, что личные глагольные окончания и СМ (Р. П. Егорова называет их «местоименными энклитиками») — это далеко не одно и то же, и вот почему:

1) СМ заменяют и могут быть заменены личными местоимениями в косвенных падежах и выражают либо субъект, либо прямой или косвенный объект действия, т. е. являются частью речи и членом предложения. Личные суффиксы не заменяют и не могут быть заменены личными местоимениями. Они указывают на лицо субъекта действия, но не являются субъектом действия и тем более — объектом действия, т. е. не могут быть частью речи и членом предложения;

2) субъектные СМ употребляются только в предложениях с эргативной конструкцией, а личные — только в предложениях с номинативной конструкцией;

3) с удалением субъектного СМ глагол-сказуемое не теряет своего морфологического значения, не изменяет синтаксических функций и семантики. С удалением личного суффикса изменяется морфологическое значение глагола, его синтаксическая функция нарушается, так как теряется связь в лице, числе и роде с подлежащим;

4) при наличии субъектного СМ в предложении можно ввести и соответствующее ему собственно местоимение, и наоборот. В предложении с номинативной конструкцией подлежащее может быть опущено, а личный суффикс — никогда.

В кашмири некоторые СМ совпадают по форме с личными суффиксами.

Личные суффиксы		Суффигированные местоимения
1-е л. *-s* (ед. ч.)	настоящее и прошедшее время	3-е л. *-s* (дат. и род. пад. ед. ч.)
2-е л. *-kh* (ед. ч.)		3-е л. *-kh* (косв. пад. мн. ч.)
-wa (мн. ч.)		2-е л. *-wa* (косв. пад. мн. ч.)
3-е л. *-n* (мн. ч.)	будущее время	3-е л. *-n* (аг. и вин. пад. ед. ч.)

Таким образом, мы можем выделить СМ из состава личных суффиксов глагола.

1968 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

SK — Sodagara-sünzū kath,— «Kashmiri Stories and Songs, Recorded with the Assistance of Pandit Govind Kaul and Sir Aurel Stein, with Translation, Linguistic Analysis, Vocabulary, Indexed, with Note

on the Folklore of the Tables by Grooke, Edited by Sir G. A. Grierson», London, 1923.

PK — Pādshah-sünz^{ü} kath, — там же.

KR — «Kashmiri Reader», pt II, [б. м.], [б. г.].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С., Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. П., Цапукевич В. С., Современный русский язык, М., 1964.
3. Воробьев-Десятовский В. С., Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М.—Л., 1956.
4. Егорова Р. П., Местоименные энклитики, присоединяемые к глаголу в языке синдхи, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
5. Егорова Р. П., Местоименные энклитики в новоиндийских языках,— сб. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М., 1968.
6. Реформатский А. А., Введение в языкознание, М., 1966.
7. Эдельман Д. И., Дардские языки, М., 1965.
8. Burkhard K. F., Essays on Kashmiri Grammar,—«Indian Antiquary», 1895—1900, vol. XXIV—XXIX.
9. Grierson G. A., On the Modern Indo-Aryan Vernaculars, — «Indian Antiquary», 1931, vol. LX, Supplementary.
10. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, Calcutta, 1919, vol. VIII, pt II.
11. Grierson G. A., Essays on Kaçmiri Grammar, London—Calcutta, 1899.
12. Grierson G. A., A Manual of the Kashmiri Language, Oxford, 1911.

М. Хельзиг

ПЕРЕМЕНА СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ У СЛОЖНЫХ СОВЕРШЕННЫХ ПРИЧАСТИЙ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ХИНДИ

В языке хинди сложным причастиям совершенного вида, образованным от переходных глаголов, в целом присуще страдательное значение. С синтаксической точки зрения это значение проявляется в том, что сложное совершенное причастие переходного глагола согласуется с объектом действия, которому оно подчиняется. Например, выступая в функции определения, сложное причастие совершенного вида подчиняется имени существительному, с которым оно согласуется в роде, числе и падеже, например: (1) *wah wahī khaṛā āsū-bharī ākhō se ūdhar dekhtā rahā jahā grās mē uske* toṛe hue *seb girkar ākhō se ojhal ho gae the* («Ajñeya», Ye tere pratirūp, Dillī, 1961, стр. 12) 'Стоя там же, он смотрел глазами, полными слез, туда, где сорванные им яблоки, упав в траву, исчезли из виду'.

Сложное причастие совершенного вида переходного глагола *toṛnā* 'сорвать', 'оторвать' характеризует здесь имя существительное *seb* 'яблоко' и согласуется с ним в мужском роде, прямом падеже и множественном числе. Оно, несомненно, передает страдательное значение. Действие переходных глаголов обычно направлено на какой-то объект, который управляется личными формами переходного глагола в действительном залоге и является прямым дополнением, стоящим в прямом падеже или в косвенном падеже с послелогом *ko* (местоимения соответственно также в объектном падеже). У сложных причастий совершенного вида от тех же переходных глаголов отношение зависимости меняется, и объект действия становится главной, доминирующей частью данного словосочетания; он подчиняет себе сложное совершенное причастие, которое с ним согласуется. В примере (1) *seb* 'яб-

локо' является объектом действия, обозначенного сложным совершенным причастием переходного глагола *tornā* 'рвать', 'сорвать', *uske* 'им' стоит для уточнения перед причастием.

Выступая в функции обстоятельства образа действия[1], совершенное страдательное причастие переходного глагола, согласуется (в роде, числе и падеже) с подлежащим предложения, функцию которого выполняет объект действия, выраженного данным причастием, например: (2) *is lie yahā ākar uske swabhāw kī tejaswitā māno puckārī huī-sī baiṭhtī jātī hai* (Ilācandra Jośī, Lajjā, Prayāg, 2014, стр. 139) 'Поэтому темперамент его натуры каждый раз успокаивается, как бы приласканный [после того], как он приходит (букв. придя) сюда'.

Однако очень часто сложные совершенные причастия переходных глаголов выступают в предложении с явно действительным значением. Каковы же грамматические показатели этого явления?

Сложное совершенное причастие переходного глагола выступает в функции обстоятельства: (3) *caik pakṛe hue uskā hāth hawā mē uṭhā rah gayā* (Kulbhūṣaṇ, Pagḍaṇḍī aur parchāiyā̃, Dillī, 1955, стр. 31) 'Со схваченным чеком (букв. схватившая чек) его рука была поднята высоко в воздухе'. Прежде всего следует отметить, что здесь нет согласования между сложным совершенным причастием глагола *pakaṛnā* 'хватать', 'схватывать' и другими членами предложения. Подлежащее предложения — имя существительное *hāth* 'рука', следующее за причастием, требует от зависимых слов согласования с ним в мужском роде, прямом падеже и единственном числе, т. е. форму прилагательных и причастий с окончанием *-ā*, как это показывает местоименное определение *uskā* 'его'. Однако причастие выступает здесь в форме с окончанием на *-e* (*pakṛe hue*), а имя существительное, стоящее перед ним, может являться только прямым дополнением, т. е. объектом действия глагола *pakaṛnā* 'хватать'.

Это же окончание *-e* и в других синтаксических функциях сложных совершенных причастий, образованных от переходных глаголов, выступает в обоих компонентах сложного причастия, когда значение этого сложного совершенного причастия явно действительное. Например, в функции обстоятельства образа действия, которое характеризует действие или состояние, происходящее при отсутствии какого-либо другого действия или

[1] В таких примерах функцию сложного причастия можно истолковать также как постпозитивное определение.

состояния, с совершенным причастием используются предлоги *binā*(*vinā*) или *baġair* 'без': (4) *binā kisī se kuch kahe hue wah gāy kī talāś mẽ nikal paṛā* (Premcand, Jangal kī kahāniyā̃, Illāhābād, 1961, стр. 6) 'Никому не сказав ни слова, он пошел искать корову'.

Можно было бы подумать, что окончание *-e* у причастия вызвано только употреблением предлога *binā* для выражения косвенного падежа. Однако и в следующем примере (5), где сложное совершенное причастие в функции предикатива образует (вместе с глаголом-связкой *honā* 'быть') вид действия, обозначающий его результат, который можно назвать результативно-комплетивным видом[2], выступает окончание *-e*. Здесь окончание *-e* присоединяется только к двум компонентам причастного предикатива, а связка согласуется с подлежащим в роде, числе и лице: (5) *āp ko yād hogā mis mancandā kitnī sundar sāṛī pahne hue thī* (Kṛśna Candar, Kāc ke ṭukṛe, Dillī, стр. 67) 'Вы, наверно, помните, в какое красивое сари была одета мисс Манчанда'.

Окончание *-e*, присоединяемое во всех приведенных примерах к сложным совершенным причастиям переходных глаголов, мы называем нейтрализованным, так как оно исключает согласование с какой-нибудь другой частью предложения. Это окончание служит у рассматриваемых причастий одним из показателей действительного значения. В таких случаях совершенные причастия обозначают либо действие, предшествующее какому-то другому действию, либо состояние подлежащего, возникшее в результате осуществленного им действия.

Так как нейтрализованное окончание *-e* омонимично окончанию причастия в косвенном падеже мужского рода единственного и множественного числа, необходимо отыскать по крайней мере еще один показатель действительного значения сложных совершенных причастий, образованных от переходных глаголов. В первых двух примерах, где совершенное причастие имело страдательное значение, объект действия подчинил себе причастие. В рассмотренных же нами примерах (3—5) объект действия (в третьем примере — *caik* 'чек', в четвертом — *kuch* 'ничего' и в пятом — *kitnī sundar sāṛī* 'красивое сари') выступает в качестве прямого дополнения, управляемого причастием. Наряду с нейтрализованным окончанием *-e* это управляемое причастием прямое дополнение является вторым важным показателем действительного значения причастия, который может отсутствовать только тогда, когда оно

[2] Термин Ю. А. Смирнова. См.: Ю. А. Смирнов, Язык ленди, М., 1970, стр. 116.

выступает в функции обстоятельства. Однако основным показателем действительного значения причастия является то, что объект действия остается прямым дополнением и подчиняется причастию.

Показателем действительного значения причастий, выступающих в функции предикатива и образующих вместе с глаголом-связкой *honā* 'быть' результативно-комплетивный вид, является эргативная конструкция в предложении, когда подлежащее выступает с послелогом *ne*, а все компоненты сказуемого (предикатив и связка) согласуются с прямым дополнением в роде, числе и падеже (если только последнее выступает в прямом падеже), например: (6) *jāpānī farm ne tīn sāl kī gāraṇṭī dī huī hai* («Hindustān», 18.VIII.1964, стр. 8) 'Японская фирма дает гарантию на три года'.

Когда прямое дополнение выступает в косвенном падеже с послелогом *ko* (местоимения, соответственно, также в объектном падеже), все сказуемое принимает в эргативной конструкции окончание 3-го лица мужского рода единственного числа *-ā*, например: (7) *ab us se burqā kyā kare? yō hī sir par dupaṭṭā rakh letī aur phir usne use dekhā to huā hī thā* (Yaśpāl, Wo duniyā, Lakhnaū, 1956, стр. 87) 'К чему ей теперь еще нужна бурка? Она просто прикрывала голову покрывалом, и потом ведь он ее уже видел (и такой увиденной она и осталась!)'.

Следовательно, сложные совершенные причастия выступают в предложении всегда в действительном значении тогда, когда они управляют своим объектом—прямым дополнением и когда оба их компонента имеют нейтрализованное окончание *-e*. Кроме того, в случае результативно-комплетивного вида существует еще один способ употребления причастия в действительном значении, состоящий в применении эргативной конструкции при обязательном присутствии прямого дополнения у рассматриваемого причастия.

Эта перемена страдательного значения на действительное наблюдается у сложных совершенных причастий в определенных синтаксических функциях. Прежде всего надо отметить, что в функциях, в которых данные причастия выступают в субстантивированном виде, эта перемена не наблюдается. Это касается также функции определения. В этих функциях рассматриваемые причастия выступают всегда со страдательным значением; их объект действия либо содержится в самом причастии, когда причастие субстантивировано, либо является господствующим членом словосочетания, когда причастие выступает в качестве определения.

Широко используются сложные совершенные действительные причастия от переходных глаголов в результативно-комплетивном виде: (8) *ḍākṭar kī is hidāyat ne uske man par ek bhayaṅkar ātaṅk biṭhāyā huā thā* (Mulqrāj Ānand, Marne se pahle, Dillī, [б. г.], стр. 26) 'Это предписание врача вселило большой страх в его душу'.

Совершенные причастия с действительным значением выступают в функции обстоятельства чаще, чем со страдательным значением: (9) *sāmne kalyāṇī bhauṁhẽ sikoṛe hue khaṛī thī* (Premcand, Nirmalā, Banāras, 1957, стр. 30) 'Перед ним, насупив брови, стояла Кальяни'.

В некоторых синтаксических функциях анализируемые причастия выступают только в действительном значении и указывают, как и в функции обстоятельства, на действие, предшествующее другому, обозначенному сказуемым, но продолжающемуся в своих результатах. К этим функциям принадлежат:

а) функция обстоятельства времени, выраженного абсолютным совершенным причастием: (10) *is ne xud batāyā ki nāṭak apnāye hue use tīs sāl ho gaye* (Yaśpāl, Ṭark kā tūfān, Lakhnaū, 1956, стр. 98) 'Он сам сказал, что прошло тридцать лет с тех пор, как он стал актером';

б) функция обстоятельства, выраженного сложными совершенными причастиями *liye hue* и *pakṛe hue*, приближающимися здесь по своему значению к послелогам: (11) *sabko cāy ḍekar apnā pyālā liye hue choṭī usī ke pās ā baiṭhī* (Amṛtlāl Nāgar, Būd aur samudrā, Ilāhābād, 1964, стр. 72) 'Разлив (букв. раздав) всем чай, младшая [сестра] подсела со своей чашкой именно к ней';

в) функция обстоятельства, выраженного сложными совершенными причастиями, с предлогами *binā*(*vinā*) или *bagair*, которые указывают на действие, в отсутствие которого происходит другое действие: (12) *phir ek xās bāt yah thī ki, binā amīrõ ke dhan par qabzā kiye hue, bhūmi ke pāne se hī kyā ho saktā thā* (А. П. Баранников. Хиндустани, Л., 1934, стр. 365) 'Дело еще и в том, что без конфискации богатства состоятельных людей пользы от одной полученной земли не могло быть'.

В этой функции прямое дополнение необязательно. Оно может отсутствовать, и только нейтрализованное окончание *-e* указывает на действительное значение причастия: (13) *bina dekhe hue māl samajh rahī thī ki rājū usī āścaryā-cakit dṛṣṭi se ham logõ kī or tāke hue hai* (Hācandra Jośī, Lajjā, Prayāg, 2014, стр. 50) 'Даже не взглянув, я понимала, что Раджу смотрит на нас тем же удивленным взглядом'.

Л. М. Чевкина

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЕНГАЛИ

Части сложного предложения могут находиться между собой в более или менее тесной структурно-семантической связи, что находит выражение в двух основных типах сложного предложения — сложносочиненном предложении (ССП) и сложноподчиненном (СПП).

При определении зависимости частей сложного предложения мы не случайно обращаем внимание на структурную сторону, ибо бóльшая или меньшая семантическая зависимость свойственна не только частям сложного предложения, но и отдельным предложениям связного текста[1].

Мы считаем целесообразным ввести термин «структурная цельнооформленность» (признак 1). Этому признаку отвечают части сложных предложений, структура которых позволяет использовать их изолированно, в качестве самостоятельных предложений.

Практически можно пользоваться данным признаком, если указанная союзная конструкция может быть трансформирована в бессоюзную, в этом случае мы имеем дело с ССП; если же такая процедура проведена быть не может,— то перед нами СПП[2].

Анализ сложных предложений бенгали показывает, что отсутствие цельнооформленности как признака соподчинения структур частей сложного предложения может проявляться, во-первых, в неполноте структуры, во-вторых, в несистемном (необычном для системы сложных предложений бенгали) построении данной синтаксической конструк-

[1] См. также: Л. И. Чевкина, Классификация сложных предложений в современном бенгали,— сб. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М., 1968.

[2] Исключение составляют изъяснительные конструкции (и то лишь те, которые не содержат коррелята, см. ниже), сохраняющие одни и те же (подчинительные) связи благодаря высокой валентности переходных глаголов.

ции и, в-третьих, в наличии соотносительных элементов (союзов, союзных слов, коррелятов), указывающих на тесную и необходимую связь данной конструкции с другой.

Применительно к союзным конструкциям эти признаки проявляются следующим образом. Неполнота структуры свойственна части сложной синтаксической конструкции при изъяснительной связи между частями[3], например: *ami jani ye tumi aſbe* 'Я знаю, что ты придешь'. Главное предложение *ami jani*, содержащее переходный глагол и не содержащее прямого дополнения, является в структурном отношении неполным. Несистемным построением (признак 2) отличаются конструкции с союзами *pache* 'чтобы не' и *boliya* 'так как'. В первом случае эта несистемность связана с тем, что *pache* — это единственный союз, содержащий отрицание и придающий, таким образом, всей конструкции отрицательное значение; во втором случае это связано с тем, что союз *boliya* — это единственный союз, занимающий конечную позицию в предложении. Эти союзы образуют конструкции со столь структурно зависимыми частями, что построение их осуществляется по особым, не свойственным остальным сложным конструкциям схемам. Что касается соотносительных элементов (признак 3), то это наиболее регулярно встречающийся признак нецельнооформленного предложения. Дело в том, что подавляющее большинство союзных конструкций с тесной семантической зависимостью частей образуется в современном бенгали при помощи *y*-формы. Они могут быть образованы при помощи или единичной *y*-формы или соотносительной пары (*y*-формы в главной части и *t*-формы в придаточной). В любом случае наличие *y*-формы в одной из частей конструкции указывает на ее соотнесенность с другой частью.

Таким образом, к союзным СПП нами относятся:

1) все конструкции, образованные при участии *y*-формы (единичной или в составе соотносительной пары);

2) конструкции, построенные при помощи союзов *pache* и *boliya*. Все остальные конструкции мы относим к ССП.

Такой структурно-семантический подход к классификации сложных предложений заставил нас отнести сложные конструкции с причинными и следственными отношениями к ССП, тогда как при традиционном рассмотрении сложные предложения этого типа относятся к СПП.

---

[3] Это лишь один из вариантов построения изъяснительных конструкций. Возможно их построение и по другой модели, а именно — переходный глагол-сказуемое главной части может иметь прямое дополнение (см. ниже).

Что касается бессоюзных конструкций, то разграничение на подчинительные и сочинительные конструкции должно, по нашему мнению, производиться и здесь, поскольку основой такого разграничения мы считаем не семантические отношения, единственными выразителями которых часто являются союзы, а структурную организацию частей[4]. Правда, при бессоюзии не находит применения такой важный критерий, как наличие соотносительных элементов, присутствующих исключительно в союзных конструкциях, однако два других критерия (неполнота структуры и несистемное построение) могут быть применены и к бессоюзным конструкциям.

К союзным ССП относятся все сложные союзные конструкции, за исключением тех, которые образованы при помощи *y*-формы и союзов *pache* и *boliya*.

По принципу идентичности плана содержания союзные сложносочиненные конструкции могут быть сгруппированы следующим образом:

1) ССП с союзами *ebong* 'и' *ar* 'и' *abar* 'и', передающими соединительные отношения: *bridho ihar upor kono kotha kohilen na*, **ebong** *binoy nije giya gari dakiya anilo* (Р.Т.III,15) 'Старик ничего на это не ответил, и Биной сам пошел за экипажем'; *tui ʃudhu amar ʃohay thakiʃ*, **ar** *ami kono chinta korine* (Ш. Ч., 4) 'Лишь бы ты была мне в помощь, а об остальном я не забочусь'; *keu boleche daktari paʃ koreche, keu boleche ukil hoyeche*, **abar** *keu boleche ʃob phāki* (Ш.Ч., 3) 'Одни говорят, что он стал доктором, другие утверждают, что он стал адвокатом, а кое-кто уверяет, что и то и другое враки';

2) ССП с союзами *kintu* 'но', *kebol* 'но', 'однако', *borong* 'напротив': *pita putro ubhoyei pondit oti birol*, **kintu** *ubhoyei cor, erup prayi dekha giya thake* (Т. Г., 10) 'Отец и сын редко бывают учеными, **но** случаи, когда тот и другой воры, встречаются достаточно часто'; *amar keho nai*, **kebol** *ma ache* (Б. Ч. 425) 'У меня никого нет, **только** мать'; *peye pawa phuroy na, borong cawa bere othe* (Р. Т. II, 70) 'Люди никогда не довольствуются достигнутым, **напротив,** желания (все время) растут';

3) ССП с союзами *tai* 'поэтому', *otoeb* 'поэтому', *ʃei*

[4] Если за основу брать семантический критерий, то окажется, что среди бессоюзных конструкций бенгальского языка, как и среди бессоюзных конструкций других языков, в частности русского, имеется немало таких, связь между частями которых можно интерпретировать двояко — и как сочинение, и как подчинение. Ср.: *я сделал этот шаг — иначе я поступить не мог.* Возможны подстановки: 1) *Я сделал этот шаг* **и** *иначе поступить не мог* (сочинительная связь) и 2) *Я сделал этот шаг,* **так как** *иначе я поступить не мог* (подчинительная связь). Этот пример еще раз свидетельствует о ненадежности семантического критерия.

jonno 'поэтому', *ʃutoraṅg* 'поэтому', передающими следственные отношения: *ʃe yeno bujhito, ʃujog pailei ami tahake pheliya coliya yaibo*, **tai** *ʃe yokhon amar kache thakito tokhono bhoye bhoye thakito* (Р. Т. I, 189) 'Он словно понимал, что при малейшей возможности я покину его, **поэтому,** даже когда он был со мной рядом, страх не покидал его'; *ei nomoʃkar jonno binoy ekebarei prostuto chilo na*, **eijonno** *hotobudhi hoiya ʃe protinomoʃkar korite parilo na* (Р. Т. III, 11) 'К этому приветствию Биной совсем не был готов, **поэтому,** смутившись, не смог на него ответить'; *manuʃ pon kore pon bhaṅgiya pheliya hāʃ charibar jonno*, **otoeb** *kotha na-dewai ʃob ceye nirapod* (Р. Т. I, 195) 'Человек дает обещание только для того, чтобы, нарушив его, с облегчением вздохнуть, **поэтому** безопаснее ничего не обещать'; *ghore toilo chilo na*, **jutoraṅ** *caler khor paṛiya cokmoki thukiya aguṇ jolite hoilo* (Б.Ч., 426) 'В доме не оказалось масла, **поэтому** пришлось снять с крыши солому и поджечь ее с помощью огнива';

4) ССП с союзами *kenona* 'так как', *karoṇ* 'потому что', 'по этой причине', передающими причинные отношения: *tahar nam dilam ʃifir*, **kenona** *ʃifire kanna haʃi ekebare ek hoiya ache* (Р.Т.I, 192) 'Я дал ей имя Шишир (роса), **так как** в росе и слезы и улыбка соединены воедино'; *ami ye grihi emon kotha bolao ʃokto*, **karon** *ghorer loker promanabhab* (Р.Т.I, 207) 'Меня трудно назвать хозяином, **поскольку** для этого нужно, чтобы была хозяйка';

5) ССП с союзами *na, noy* 'или', *noile* 'в противном случае', передающими разделительные отношения: *ei kotha mone korei ki narir ʃukh* **na** *latei narir kollyan?* (Р.Т.IV,145) 'Радость ли приносит женщине сознание этого, **или** в этом причина ее доброты?'; *tumi amar hat dhoro*, **noile** *poṛiya yaibe* (Б.Ч., 426) 'Держись за мою руку, **иначе** ты упадешь'.

В составе ССП выделяем следующие типы предложений.

I. Предложения, построенные при участии *y*-формы

1. Предложения, построенные при помощи единичной *y*-формы:

а) конструкции, образованные при помощи союза *ye* 'что', отношения между частями конструкции изъяснительные, конструкции открытые[5]: *tokhoni ami jantam, ye*

[5] Закрытые конструкции этого типа строятся обычно при помощи соотносительной пары, ср.: *lobonno* **ye** *tomar hatei ache,* **eiṭi** *tomar niʃcito jana* (Р. Т. III, 72) 'Что Лабонне целиком в твоих руках, это тебе, конечно, известно'.

e-biddroho niʃphɔl (П.М., 258) 'Я уже тогда знал, **что** это восстание обречено на провал';

б) конструкции, образованные посредством союза *ye* 'что', между частями конструкции отношения следствия, конструкции исключительно открытые: *bahok eto gelo* **ye** *tahar adam-ʃumari korite hoile kerani rakhite hoy* (Р.Т.I, 280) 'Носильщиков пришло столько, **что** понадобился бы специальный счетовод, чтобы их сосчитать';

в) конструкции, образованные при помощи союза *yahate* 'чтобы', между частями конструкции отношения цели, конструкции открытые и закрытые: *amar obortomane stri—puttro* **yahate** *onner jonno lalaito na hoy amake ʃe bebostha korite hoihe* (Т.М., 16) 'Мне нужно все уладить, **чтобы** после моей смерти жена и сын не голодали'; *tahar puttrokonna ʃokoler iccha* **yahate** *e bibaho na hoy* (Т.М., 21) 'Никто из его детей не хотел, чтобы эта свадьба состоялась';

г) конструкции, построенные при помощи союза *yeno* 'словно', между частями отношения сравнительно-уподобительные, конструкции в основном открытые: *tahar mone hiote lagilo* **yeno** *borodaʃundɔrir ei oʃobhon debosthar ʃoṅge lolitar ekta kothao yog ache* (Р.Т.III, 453) 'Ему стало казаться, **будто** и Лолита имеет какое-то отношение к этой недостойной активности Бородашундори'; **yeno** *ghuʃ ditechen emonibhabe amar hate ekkhana ekʃo ṭakar noṭ gãjhiya diyai amar ʃʃoʃur druto prosthan korilen* (Р.Т.I, 196) 'Сунув мне в руку сторупиевую банкноту так, **словно** давал взятку, мой гость поспешно ушел'.

2. Предложения, построенные при помощи соотносительных пар (*y*-форма в придаточной части и *t*-форма в главной)[6]:

а) конструкции, в которых *y*-форма представлена относительным местоимением *ye*, выступающим в функции подлежащего или дополнения; *t*-форма представлена различными вариантами местоимения *ʃe*(*taha*); конструкции закрытые и открытые: **yake** *yothartho dhormo bole polligram theke* **ʃe** *ekebare lop peyeche* (Ш.Ч., 202) 'Из деревни совершенно исчезло то, **что** называется религией';

б) конструкции, в которых *y*-форма представлена относительным местоимением *ye*, выступающим в качестве определения, *t*-форма представлена одним из вариантов указательного местоимения, выступающим в функции либо субстантивного члена (так же, как и в пункте «а»), либо определения к последующему имени. Отношения между

[6] Дается максимально полная модель, в ряде случаев одна из соотносительных форм может быть равна нулю.

частями определительно-относительные, конструкции в основном закрытые: *o mito bolle onagotake* **ye** *manuʃ egiye niye oʃe* **takei** *bole onagotobidhate* (Р.Т.II, 24) 'Омито сказал, что творцом будущего называют только **такого** человека, **который** приближает будущее'; *ei pāc botʃorer emon dinpray yay nai*, **yedin** *radharaṇi rukminikumarer kotha amar ʃakkhate ekebaro bole nai* (Б.Ч., 438) 'За эти пять лет не было **такого** дня, чтобы (букв. **в который**) Радхарани не рассказала мне о своей встрече с Рукминикумаром';

в) конструкции, в которых *у*-форма представлена относительным наречием *yekhane* 'где', а *t*-форма — наречием *ʃekhane* 'там'. Между частями отношения пространственно-соотносительные, конструкции в основном закрытые: **yekhane** *amra boli «comotkar»*, **ʃekhane** *tini bole «colonʃoi»* (Р.Т.I, 278) '**Там, где** мы говорим «превосходно», он говорит «ничего»';

г) конструкции, в которых *у*-форма представлена относительным наречием *yokhon* 'когда', а *t*-форма — наречием *tokhon* 'тогда'. Между частями отношения соотносительно-временные, конструкции в основном закрытые: *khetur* **yokhon** *baro botʃor boyoʃ* **tokhon** *ʃe ekṭi boṛo manuʃer cheleke poṛaite lagilo* (Т.М., 23) '**Когда** Кхету исполнилось двенадцать лет, **тогда** он стал давать уроки сыну одного состоятельного человека';

д) конструкции, в которых *у*-форма представлена относительным наречием *yemon* 'каков', а *t*-форма — наречием *temon* 'таков'. Между частями отношения соответствия качества или степени интенсивности действия (качественный оттенок), конструкции закрытые: **yemon** *oṅgorer molinotto ʃat bar dhot korile yay na*, **temoni** *ʃobhaber kokhono poriborton hoy na* (Т.Г., 78) 'Так же, **как** не сходит чернильное пятно, хоть три его сто раз, **так же** не меняется и человеческий характер';

е) конструкции, в которых *у*-форма представлена относительным наречием *yoto* 'сколь', а *t*-форма — наречием *toto* 'столь'. Между частями отношения соответствия (количественный оттенок), конструкции закрытые и открытые: *bhalo jiniʃ* **yoto** *beʃi hoy* **totoi** *bhalo* (Р.Т.II, 19) '**Чем** больше хороших вещей, **тем** лучше'; *kriʃɔkder joy porajoyer dike* **totoṭa** *driʃṭi tara den nai* **yotoṭa** *driʃṭi tader chilo nijeder motobader dike* (Св.) 'Они не **столько** обращали внимание на победы и поражения крестьян, **сколько** на собственные доктрины';

ж) конструкции, в которых *у*-форма представлена союзом *yodi* 'если', а *t*-форма — союзными словами *to*, *tobe* 'то', 'тогда'. Между частями отношения условно-соотносительные, конструкции закрытые: **ycdi** *apnar ʃoṅge ei big-*

gaponer kono ʃombondho nai, **tobe** *apni iha tuliya rakhiyachilen keno*? (Б.Ч., 43) '**Если** это объявление не имеет к вам никакого отношения, **то** почему вы заговорили о нем?';

з) конструкции, в которых *y*-форма представлена союзом *yodio* 'хотя', а *t*-форма — союзными словами *tobu*, *tothoco*, *tothapi* со значением «тем не менее». Между частями отношения уступительно-соотносительные, конструкции закрытые и открытые: **yodio** *binoyer ʃoṅge aloconay ʃucorita gorar kotha purbei ʃuniyachilo*, **tobu** *ei obhagotoṭi ye binoyer bondhu taha ʃe bujhe nai* (Р.Т.III, 66) '**Хотя** в беседах с Биноем Шучорита уже слышала о Горе, **тем не менее** ей трудно было поверить, что вошедший человек и есть друг Биноя'; *oti nichok nacganer dol chilo na*, **yodio** *nacgan yotheʃṭoi chilo* (Ш.Ч., 201) 'Это не была только песенно-танцевальная группа, **хотя** и песни и танцы были в ней представлены достаточно'.

II. Конструкции, построенные без участия *y*-формы

1. Конструкции, построенные при помощи союза *pache* 'чтобы не', отношения между частями запретительно-целевые, конструкции закрытые и открытые: **pache** *keho janite pare ei jonno choddabeʃe rukminikumar ray poricoye lukaiya aʃiyachilam* (Б.Ч., 433) '**Чтобы** никто меня не узнал, я укрылся под вымышленным именем Рукминикумара Рая'; *tahar boṛo ʃoṅkoc chilo* **pache** *tahar pitamatar kono sneher nidorʃon ei biddrupkarider hate poṛe* (Р.Т.I, 125) 'Он очень опасался, **как бы** свидетельства нежности его родителей **не** попали в руки этих насмешников'.

2. Конструкции, построенные при помощи союза *boliya* 'так как'. Между частями отношения причины, конструкции в основном закрытые: *aj tahar ṭaka nai* **boliya** *ei ekṭa ʃamanno khelna tini tahar cheler jonno kinite paritechen na* (Р.Т.I, 112) '**Поскольку** у него сегодня нет денег, он не может купить для своего сына даже эту пустяковую игрушку'; *aj tar mone ʃudhu ekṭu kkhob take kichu dekhte hobe na* **bole** (П.М., 254) 'Сегодня у него на душе было худо, **из-за того** что ему ничего не придется увидеть'.

Классификация сложных предложений основывается на характеристике исходной модели. Это не исключает, а предполагает определенное количество подтипов, характеризующихся бо́льшим или меньшим структурным отклонением от этой модели[7]. Приведем в качестве примера изъяс-

[7] Под исходной моделью мы понимаем минимальную структурную модель, способную передать данные отношения.

нительный тип конструкций. Основное условие, определяющее данный тип, заключается в том, что сказуемое в главной части (S_1) выражено или именем или глаголом, требующим своего раскрытия, «изъяснения»; такое раскрытие содержится в придаточной части (S_2).

Подтип А. Опорное слово[8] в S_1 выражено переходным глаголом или глагольным именем, корреляты отсутствуют, например: *ghore phiriya aʃiya dekhilo* уе *rumal diya meyeʈi tahar baper mukh muchaiya diyachilo* (Р.Т.III, 27) 'Вернувшись домой, увидел, что девушка носовым платком вытирает лицо своего отца'; *upoSthito prodhan durbhabona hoiteche* уе *tinmaʃ hoite ʃikkokera keho mahina pay nai* (Ш.Ч., 169) 'Главное беспокойство теперь заключалось в том, что никто из учителей в течение вот уже трех месяцев не получал заработной платы'.

Подтип Б. Опорное слово в S_1 выражено переходным глаголом или отглагольным именем, коррелят выражен указательным местоимением *ei* 'это' в сочетании с усилительной частицей *i* или определительно-выделительной частицей *ta*, например: *aj* eiʈa *tahar ʃobceye beʃi bajilo*, уе *beni gobindakei eto ʃomadore ḍakiya aniache* (Ш.Ч., 215) 'Сегодня его больше всего расстроило **то, что** Бени позвал Говинда с таким почтением'. Естественно, что наличие в S_1 прямого дополнения, функцию которого выполняет коррелят, не только не снимает ее коммуникативной недостаточности, но, напротив, подчеркивает ее, указывая на то, что содержание этого коррелята будет раскрыто в придаточной части.

Подтип В. При наличии коррелята изъяснительные отношения между S_1 и S_2 устанавливаются и в том случае, когда «опорное слово» выражено именем существительным и лишено признаков переходности. Ср.: *eʈa khub* ʃotto уе *tar beʃe bhuʃay emon kichui chilo na yeʈa tahake charaiya biʃeʃ koriya cokhe porite pare* (Р.Т.I, 288) 'Это абсолютная **правда, что** в ее облике не было ничего такого, что бы сразу бросалось в глаза'.

Подтип Г. Опорное слово выражено именем с абстрактным значением типа *ʃondeho* 'сомнение', *aʃoṅka* 'опасение', коррелят отсутствует, например: *tahar mone* aʃoṅka *chilo* уе *pache moni ʃoʃorire aʃiya monir dhenmadhuriʈukur proti julum koriya jay* (Р.Т.I, 266) 'У него было

---

[8] Для удобства описания целесообразно использовать два следующих термина — «опорное слово» и «коррелят». Первый обозначает слово главной части, содержание которого раскрывается в придаточной части, второй — слово главной части (обычно местоимение), указывающее на необходимость придаточной части.

опасение, что реальная Мони разрушит тот прекрасный мир, который он создал в своей душе'.

Анализ структурно-семантических типов показывает, что имеются конструкции, в главной и придаточной частях которых используются союзные средства из разных соотносительных пар[9], например: *amar* **emon** *ekdin chilo* **yokhon** *amar mone biſſaſ chilo* (Р.Т.II, 21) 'В моей жизни был такой день, когда у меня была вера' (в приведенной конструкции в S_2 используется *yokhon* из соотносительной пары *yokhon-tokhon*, а в S_1 — *emon* из соотносительной пары *emon-yemon*); *bajare* **yodi** *cari poiſar jiniſ kinite tomar nikoṭ hoite ṭhakaiya cho poiſa loy* **tahate** *tomar mormantik koſṭo bodh hoy* (Т.Г., 89) 'Если на базаре за четырехпайсовую вещь с вас обманом берут шесть пайс, это наносит вам ужасную обиду'; **yotoi** *amar alo ṭhak ar dhoni ṭhak tomar chaya* **tobu** *chaya ſe chayake ami dhore rakhte parbona* (Р.Т.II, 83) 'Сколько бы ни было у меня света и звуков, твоя тень тем не менее остается тенью, эту тень я не могу удержать' (в этой конструкции в S_2 используется *yotoi* из соотносительной пары *yotoi-totoi*, а в S_1 — *tobu* из соотносительной пары *yodio-tobu*).

Из всего сказанного достаточно очевидно, какую большую роль играют союзные средства в организации сложных синтаксических конструкций и особенно в установлении того или иного типа семантической связи между частями конструкций. В связи с этим возникает вопрос о правомерности выделения подчинительных и сочинительных конструкций в бессоюзии. Нам представляется, что и при бессоюзии можно провести разграничение на сочинительные и подчинительные конструкции, поскольку критерием «подчинения» мы считаем не степень семантической зависимости, а невозможность минимум одной части сложных синтаксических конструкций служить коммутативной единицей. Разумеется, далеко не все типы союзных конструкций находят соответствия в бессоюзных конструкциях, что связано с отсутствием союзов как носителей определенной семантической нагрузки. Однако бессоюзие, в частности бессоюзное подчинение, включает ряд новых типов, отсутствующих при союзной организации ССП.

---

[9] Такие конструкции по своим структурно-семантическим особенностям (S_2 относится к имени существительному S_1) близки к сложноподчиненным с придаточным определительным, однако по целому ряду признаков они должны быть отнесены к придаточным изъяснительным. Признаки эти следующие: а) в отличие от определительных конструкций здесь преобладают открытые конструкции; б) *ye* — союз, а не определение; в) придаточная часть не характеризует, а раскрывает содержание одного из членов главной части.

Встает также вопрос об отграничении бессоюзных конструкций от соседних синтаксических структур, в частности об отграничении бессоюзных сложноподчиненных конструкций от последовательности отдельных предложений. Последнее сделать достаточно трудно, поскольку при прочих равных условиях определяющим остается интонация. Что касается структурной организации, то тут можно отметить лишь те признаки, которые, как правило, сочетаются с интонационной незаконченностью: 1) параллелизм структуры составляющих предложений, 2) неполнота второго предложения, основанная на употреблении в этом предложении анафорических местоимений, герундиальных причастий или герундива, содержание которых раскрыто в первом предложении.

Параллелизм структуры находит свое выражение как в однородности синтаксического построения составляющих предложений, так и в наличии однородных лексических единиц. Под однородностью синтаксического построения мы имеем в виду прежде всего наличие определенных лексических соответствий в составляющих предложениях, в частности одинаковых форм сказуемых. Такие конструкции сопровождаются, как правило, интонацией перечисления: *tai pujha colitechilo, orggho bhariya uṭhitechilo, bor labher aʃa pɔrabhob maṇitechilo na* (Р.Т.I, 261) 'Поэтому преклонение продолжалось, приносились жертвы, не исчезала надежда снискать, наконец, милость богини'.

Такие конструкции весьма характерны при описании внешности. Ср.: *mukhti golgal, cokh duṭi bɔɽo, borno ujjol ʃʃam* (Р.Т.III, 59) 'Круглое лицо, большие глаза, темная лоснящаяся кожа'.

Когда мы говорим о лексических соответствиях в составляющих предложениях, то имеем в виду как повторение одних и тех же слов, так и наличие определенных лексических противопоставлений (слов-антонимов) в составляющих предложениях.

Первое иллюстрируют следующие примеры: *tomar ʃoṅge ekottre amar jayga noy — amar jayga ei yattrider ʃoṅge* (Р.Т.III, 64) 'Мое место вовсе не с тобой, мое место с этими паломниками'; *karer ʃattokarer doʃ-oporadh ache, karur miṭṭhe-opobad* (Ш.Ч., 158) 'За кем-то настоящая вина, а на кого-то напраслину возводят'.

Второе иллюстрируется следующими примерами: *tokhon amar boyoʃ chilo teiʃ, ekhon hoiyache ʃataiʃ* (Р.Т.I, 292) 'Тогда мне было 23, сейчас стало 27'; *boɽoṭi ukil hoiya tahader jela korṭe byeboʃay claiteche choṭoṭi kolikatay thakitei olauṭha hoiya mora giyache* (Р.Т.III, 53) 'Старший, став адвокатом,

работал в окружном суде, младший, заразившись в Калькутте холерой, умер'. Конструкции последнего типа сопровождаются обычно интонацией сопоставления. На этом основано частое их использование в поговорках, ср.: *karo ʃorbonaʃ, karo pouʃ maʃ* 'Кому горе, а кому радость' (букв. 'у кого ненастье, у кого месяц поуш').

Неполнота структуры второго предложения имеет место тогда, когда в нем используется глагольное имя или местоимение, содержание которых раскрыто в предыдущем предложении. Особенно употребительны в бенгальском языке конструкции с использованием во втором предложении анафорического местоимения. Оно может относиться как к одному из его членов, так и ко всему первому предложению. В первом случае предложение, включающее анафорическое местоимение, содержит дополнительные сведения о лице или предмете, обозначенных в первом предложении, ср.: *ʃoṅge ekjon yubok aʃilo, ʃe tahader dur attmio* (Р.Т.III, 59) 'Вместе с ними пришел один юноша, он — их дальний родственник'. Во втором случае предложение, содержащее анафорическое местоимение, выражает оценку действия или события, обозначенных в первом предложении, ср.: *hindu-muʃolman ekmot hoiyache eo to boṛo aʃcoryo* (Ш.Ч., 224) 'Весьма удивительно также и то, что индусы и мусульмане сумели между собой договориться' (букв. 'индусы и мусульмане сумели между собой договориться, это тоже весьма удивительно'); *ramhori-dadar ʃoṅge yaibe, tahate ar bhoy ki'* (Т.М., 29) 'Ты поедешь с Рамхори, чего тут бояться?'.

Среди сложноподчиненных бессоюзных конструкций есть всего один структурно-семантический тип, отношения внутри которого полностью совпадают с отношениями внутри такого же союзного типа. Этот тип — изъяснительный. Двоякая (союзная и бессоюзная) возможность выражения изъяснительных отношений свойственна и другим языкам, в частности русскому. Ср.: *я думаю, что ты придешь* и *я думаю, ты придешь*. Отличительной особенностью бенгальского языка в данном случае является то, что в нем довольно широко используются конструкции, придаточная часть которых раскрывает содержание не глагольного, а субстантивного члена главного предложения, например: *amar biʃʃaʃ amar lekhay ʂtail ache* Р.Т.II, 7) 'Я уверен, [что] в моих произведениях есть стиль'; *tar karoṇ, ʃekhane or doler lok keu yay na* (Р.Т.II, 56) 'Причина [заключается] в том, [что] туда из его группы никто не пошел'.

Хотя бессоюзные конструкции намного уступают союзным по разнообразию входящих в их состав структурно-

семантических типов, они тем не менее включают ряд конструкций, отсутствующих при союзной организации сложных синтаксических целых. Это прежде всего «чисто бенгальские» конструкции, построенные таким образом, что придаточная часть составлена из оборота со значением отрезка времени. Такой оборот, обычно трехчленный, состоит из существительного временно́й семантики (*din* 'день', *khon* 'мгновение', *botʃor* 'год' и т. д.), числительного или местоимения-числительного, служащего определением к этому существительному, и глагола *howa* 'быть' в форме прошедшего времени, например: *kichudin hoilo tar bouṭi mara geche* (Р.Т.I, 193) 'Недавно у него умерла жена' (букв. 'Прошло несколько дней, у него умерла жена').

Сюда же, видимо, следует отнести конструкции, одна из частей которых включает оборот с глаголом-сказуемым в форме повелительного наклонения, передающий допущение, типа *ya houk* 'каково бы ни было', *yotoi houk* 'сколько бы ни было' [например: *ʃomoy yai huok, ta maniya kortei hobe* (Ш.Ч., 221) 'Каково бы ни было общество, его следует уважать'], а также конструкции, одна из частей которых включает оборот типа *dukkher biʃoy* 'к сожалению', *ʃontoʃer biʃoy* 'к счастью', *aʃcoryo* 'удивительно', передающие отношение автора или говорящего к событию, выраженному в другой части, например: *dukkher biʃoy ei aloconar-sthole uposthit chilen amar stri* (Р.Т.I, 197) 'К сожалению, при этом разговоре присутствовала моя жена'.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Р.Т.I — Robindranath Ṭhakur, Golpoguccho, Kolikata, 1949.
Р.Т.II — Robindranath Ṭhakur, *ʃeʃer* kobiṭa, Kolikata, 1953.
Р.Т.III — Robindranath Ṭhakur, Gora, Kolikata, 1951.
Р.Т.IV — Robindranath Ṭhakur, Ghore Baire, Kolikata, [б. г.].
Ш.Ч. — *ʃ*orot—*ʃ*ahitto—*ʃ*oṅgroho, Ditiyo khoṇḍo, Kolikata, 1954.
Б.Ч. — Boṅkimroconaboli, Prothom khoṇḍo, Kolikata, 1953.
Т.Г. — Tarokonath Goṅgopadhay, *ʃ*ornolota, Kolikata, 1950.
П.М. — Premendro Mitrer, Sre*ʃ*ṭo Golpo, Kolikata, 1952.
Т.М. — Trailokanath Mukhopadhay, Koṅkaboṭi, Kolikata, 1958.
Св. — Газ. «Свадхината», 1957 (на бенгали).

В. А. Чернышев

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ФОРМАНТА *VĀLĀ* В ХИНДИ

(образования «имя+*vālā*»)

Описывая словообразование в хинди и урду, авторы как авторитетных грамматик, так и популярных учебных пособий по этим языкам в числе наиболее употребительных словообразовательных средств в хинди и урду называют формант *vālā*, при помощи которого от любого глагола и существительного — названия предмета может быть легко образовано имя деятеля [1, 136; 6, 452-453; 7, 357; 11, 130, 215-216; 12, 197-199].

Указанный формант (который вслед за английскими исследователями хинди чаще транскрибируют через *w—wālā*) большинством ученых этимологически возводится к скр. *pāla* или *pālakaḥ* 'защитник'; 'хранитель' [4, 147; 7, 355; 10, 1170].

Имя образуется от глагола по формуле «B *ne*+*vālā*» (где B *ne* — косвенная форма инфинитива)[1], и в зависимости от своей функции в предложении приобретает различные значения: либо причастия настоящего (иногда — будущего) времени, если оно выступает в функции определения к имени, либо причастия намерения, когда оно функционирует в качестве именной части сказуемого, либо, субстантивируясь, в функции существительного — названия деятеля.

Разделение имени деятеля и причастия намерения, как это делают некоторые исследователи хинди [1, 68-69], представляется нам совершенно неправомерным, на что, к слову сказать, неоднократно указывали ученые, занимавшиеся описанием грамматического строя хинди еще в конце XIX — начале XX в. [8, 216; 11, 130].

Предметом нашего исследования является «существи-

[1] В работе приняты следующие сокращения: B — base 'основа'; N — noun 'существительное'; A — adjective 'прилагательное'; Part. — participle 'причастие'; Num. — numeral 'числительное'; Pron. — pronoun 'местоимение'; app. — appositive 'аппозитивный'; n. — numbers 'большое количество'.

тельное+*vālā*» (по формуле «N *vālā*»)[2]. Как уже было сказано, имя деятеля может быть легко образовано от любого существительного — названия предмета, вещества или материала — исконно индийского или заимствованного — посредством присоединения к нему форманта *vālā*. Примеры таких образований в достаточном количестве обычно приводятся в соответствующих разделах грамматик хинди и урду: *dūdhvālā* 'продавец молока', 'молочник' [7, 355] (<*dūdh* 'молоко'), *gāṛī-vālā* 'возница' (<*gāṛī* 'повозка'), *ghar-vālā* 'хозяин дома' (<*ghar* 'дом'), *makkhan-vālā* 'продавец масла' (<*makkhan* 'сливочное масло') [8, 216], *roṭī-vālā* 'хлебник', 'булочник' <*roṭī* 'хлеб', *bakas-vālā* 'разносчик' <*bakas* (*box*) 'ящик', 'корзина' [1, 136].

К этому списку имен деятеля с *vālā* можно добавить ряд новых имен, подобных названным выше, которые встретились нам на страницах современной литературы хинди: *gāo vālā* (P, S. k., 50) 'селянин', *rel vālā* (P, S. k., 67) 'железнодорожник', *daftar vālā* (P,S. k., 156) 'служащий', 'чиновник', *hoṭal vālā* (H,N.b., 246) 'хозяин отеля', *cāy vālā* (253) 'разносчик чая', *barf vālā* (D,T.h., 3) 'разносчик льда' и т. п. (Во всех случаях сохранено написание оригинала: слитное, через дефис или раздельное.)

Однако роль *vālā*, как показывает наблюдение за языком современной прозы хинди, далеко не исчерпывается его словообразовательной функцией: сохраняя свойства словообразовательного аффикса, этот формант все более приобретает черты структурно-грамматического средства, основное назначение которого — выражать отношения между знаменательными членами предложения. Это находит свое выражение в том, что образования N *vālā* обычно выступают в функции определения к имени, обозначая его характерный, наиболее показательный признак, выраженный в другом имени, которое самостоятельно, вне сочетания с *vālā*, в этой функции выступать не может[3].

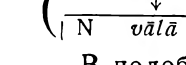
Структура такого образования остается такой же, как и у имени деятеля (N *vālā*),— изменяются лишь его синтаксические связи, т. е. оно выступает не самостоятель-

---

[2] Формант *vālā* может употребляться также с прилагательными и порядковыми числительными, приобретая избыточный (плеонастический, а по существу экспрессивно-стилистический) характер, и с притяжательными местоимениями [2, 144—147].

[3] На эту способность форманта *vālā* впервые обратил внимание Платтс, хотя интерпретировал это явление в терминах морфологии: «it is sometimes used to form adj. fr. subst., e. g. *kifāyat-wālā* 'economical' (fr. kifāyat 'economy')» [10, 1176] — и в какой-то степени Д. С. Филлотт [9, 62].

но, а как композит, зависящий от определяемого члена

В подобном атрибутивном комплексе, который функционально выступает как согласованное сложное определение [3, 66], при согласовании с определяемым словом изменениям подвергается лишь формально-грамматический его компонент — формант *vālā* (точнее, его окончание *-ā*: перед именами женского рода оно изменяется в *-ī*, перед именами мужского рода в косвенном падеже единственного числа и во множественном числе в *-e*), например: *hāsiyā vālā hāth* 'рука с серпом', но *lāṭhī vāle naujavān* 'молодцы с дубинками', *rāt vālī gāṛī* 'ночной поезд'.

Иными словами, *vālā* относится к служебным словам хинди, которые состоят из постоянного (*vāl-*) и переменного элемента (*-ā*): второй элемент оформляет первый, являясь показателем рода, числа и падежа — перед именами существительными мужского рода, только рода — перед существительными женского рода.

Посредством *vālā* оформляется в функции определения любое имя существительное, как нарицательное, так и собственное, например: *...kuch jagah āsū rukte hī nahī the, khās taur par* **āfeliyā vāle** *hisse mẽ...* (R.U.l., 152) '...в некоторых местах она не могла сдержать слезы, особенно в главе об Офелии...'; *agar* **mālo vālī** *kahānī sac hai...* (M,E.z., 153) 'Если эта история о Малло — правда...'; **hanumān jī vāle** *khāndānī cāndī ke kaṭore mẽ...* (A.Z.j., 85) 'На родовом серебряном подносе с [изображением] Хануманa...'.

При помощи *vālā* формируются определения не только от однокорневых, но и от сложных существительных, например: *zindagī ke* **bhīṛbhāṛ vāle** *rāṭmārg par...* (D,T.h., 26) 'На тернистом жизненном пути...'; **khādī bhāḍār vālā** *cappal* (H,N.b., 312) 'Туфель со склада кхади'; **vīšvās-mārg vāle** *is farhatullā ki harāmzādī dekhī āp ne cācā?* (B,B.c., 477) 'Вы видели, дядя, этого ублюдка Фархатуллу, [распинающегося] о пути веры?'.

Данная конструкция, выражающая признак имени, может обозначать:

1) случайный, частный конкретизатор имени — предмет временного обладания, выступающий как главный, основной только в данных специфических условиях и лишь на относительно короткий период времени, например: **hāsiyā vālā** *hāth* (R,K.k., 124) 'рука с серпом', но **ciṭṭhī vālā** *hāth* (Š,I.i., 93) 'рука с письмом', **pistaul vālā** *hāth* (R,P.p., 60) 'рука с пистолетом', **pistaul vālā** *yuvak* (R,P.p., 260) 'юноша

с пистолетом', но **lāṭhī vāle** *naujavān* 'молодцы с дубинками', **jhāṛū vālā** *bhāgī* (Š,B.b., 37) 'мусорщик с метлой'; **lālṭen vālī** *nāo* (D.T.h., 45; R,A.a., 26) 'лодка с фонарем';

2) назначение предмета или занятие — профессиональное или любительское — лица, например: **roṭī vālā** *ḍibbā* (M.E.z., 28) 'ларь для хлеба', **kuštī vālā** *jāghiyā* (Š,I.i., 147) 'трусы для борьбы', **cerī vālā** *lifāfā* (M,E.z., 185) 'пакет для вишни';

3) материал, из которого сделан предмет, например: **simeṇṭ vālā** *khambhā* (Š,I.i., 155) 'столб из бетона' (или 'бетонный столб'), **ṭīn vālī** *chat* (D,T.h., 10) 'крыша из железа' (или 'железная крыша'); **khaparail vālā** *rasoi ghar* (V,A., 3) 'кухня, крытая дерном';

4) направление: **mandir vālī** *saṛak* (M,E.z., 157) 'дорога к храму', **phulvāṛī vālā** *barāmdā* (M.M., 49) 'веранда, выходящая на цветник', **gujārāt vālī** *gāṛī* (G,D.r., 67) 'поезд, следующий в Гуджарат';

5) местоположение: **parāt vālā** *nac* (Š.,I.i., 120) 'танец на подносе', **tāl vālā** *khet* (P.S.k., 66) 'поле у пруда', **āgan vālā** *lān* (D,T.h., 40) 'газон во дворе', **barsātī vālā** *babū* (M,A.k., 476) 'господин в дождевике', **bālkanī vāle** *daršak* (R,U.l., 149) 'зрители на галерке', **daftar vālā** *kamrā* (B,B.c., 530) 'комната в учреждении';

6) происхождение: **jahāz vālā** *lebal* (B,B.c., 427) 'этикетка, наклеенная на пароходе', **sāsurāl vāle** *ncukar* (B,M.r., 156) 'слуги из [дома] свекра', **gorakhpur vālā** *vyavahār* (R,P.p., 194) 'горакхпурское обращение';

7) стоимость: **aṭhannī vālī** *vešyāē* (M,A.k., 12) 'полурупиевые проститутки', **rupayā vālī** *māliš* (Š,K., 32) 'массаж за рупию';

8) время суток: **rāt vālā** *khūn* (M,M., 76) 'кровь, [виденная] ночью', **šām vālī** *gāṛī* (Š,I.i., 206) 'вечерний поезд', **dopahar vālā** *prasāg* (B,B.c., 463) 'тема, [затронутая в] полдень';

9) намек на какую-то связь определяемого имени с предметом, называемым в составе определения, — связь, которая раскрывается только средствами контекста, например: *phir...* **ṭhākur vālī** *bāt use yād ā gaī* (M,M.p., 88) 'Потом... вспомнилось ему тхакурское дело' (из контекста известно, что это «тхакурское дело» заключалось в том, что незадолго до происходящих событий в деревню явился управляющий землевладельца-тхакура и передал приказ своего господина арендаторам вернуть землю и в недельный срок погасить свои долги); *nīrū thoṛā muskarāyā aur* **bargad vālī** *ghaṭnā us ke man mē kaundh gaī* (R,P.p., 105) 'Ниру слегка улыбнулся и перед его взором снова мельк-

нуло событие, связанное с баньяном' (а событие это сводилось к тому, что утром того же дня, спрятавшись за дерево, он насмерть перепугал трусливого сынка старосты);

10) качество: **hāsya-pravṛtti vālā** *ādmī* (G,D.r., 244) 'человек юмористического склада', *bhar gāo ko* **khokhī vālā** *hāl ho gaya* (H,N.b., 34) 'Вся деревня кашляла' (букв. 'у всей деревни наступило состояние кашля');

11) истолкование понятия (при употреблении с предложением в функции определения перед абстрактными существительными): «**andhõ ke āge roye apne naine khoye**» **vālī** *kahāvat hī caritārth hui* («J») 'Сбылось то, что говорится в пословице: «Перед слепыми плакать — только глаза портить»'; *insāf bhī īśvar ke yahā is ghor kaliyug mẽ aisā hai ki...* «**cor ko mazā, sāhūkār ko sazā**» **vālī** *bāt hai* (Š,H., 54) 'Даже справедливость у всевышнего в этот жестокий железный век — как в изречении: «Для вора — забава, для банкира — расправа»'.

Образования с *vālā* настолько подвижны и гибки, что позволяют выразить не только позитивный, т. е. имеющийся у имени, но и негативный признак, т. е. такой признак, стержневое понятие которого — название какого-либо предмета или явления — полностью отрицается. В этом случае все образование осложняется препозитивно употребленным отрицанием *binā* 'без' по формуле «*binā* N *vālā*». Примеры: **binā pāclaiṭ vālī** *pācayat kī kyā kīmat!* (R,M.a., 83) 'Чего уж там стóит панчаят без [газового] фонаря!'; *ākh par* **binā frem vālā** *cašmā lagāte haĩ* (R,M.a., 135) 'Надевает очки без оправы'.

Указывая на наличие семантико-синтаксической связи между именем — названием признака и определяемым и изменяясь в зависимости от таких категорий последнего, как род, число и падеж, формант *vālā*, в свою очередь, влияет на имя, с которым он употребляется, обусловливая такие же изменения, как и любой послелог, т. е. изменяемое имя мужского рода единственного числа меняет перед *vālā* окончание *-ā* на *-e*, а имена множественного числа, независимо от родовой характеристики, приобретают окончание *-õ*, типичное для косвенного падежа множественного числа имен существительных, например: **ãgoche vālā** *vyakti* (M,A.k., 371) 'человек с полотенцем'; **akhāṛe vālā** *maidān* (H,N.b., 392) '[открытое] место с площадкой [для борьбы]'; **cārkhāne vālī** *dhotī* (M,M.p., 79) 'дхоти в клеточку'; **chure vālā** *hāth svayam kaṛā ho gayā* (R,D.m., 140) 'Рука с ножом сама собою затвердела'; *koṭhī ke barāmade mẽ rakhī* **šīše vālī** *mez mujhe dikhāī detī hai* (R,K.k., 98) 'Мне виден стол, [накрытый] стеклом, стоящий

на веранде особнячка'; **nāle vāle** *paṇḍit kī biṭiyā aisī sundar hai jaise indar kī parī* (R,A,a., 44) 'Дочка пандита, [что живет] у канала, такая красивая — ну прямо пери'; **gulliyõ vālā** *daphalkoṭ* (M,A.k., 284) 'накидка с [рисунком в виде] челноков'; **binduõ vālī** *rekhā* (M,A.k., 525) 'строка из точек'; *harbāssīh... samadhī thokadār ke kandhe par* **hathkaṛiõ vāle** *hāth mārte hue bole...* (S,T., 164) 'Харбаншсинх... ударяя руками в наручниках по плечу свата-кладовщика, сказал...'; *un ko utāolā dekhkar* **kuttõ vāle** *naukar ne un ko choṛ diyā* (A,D.d., 127) 'Увидев его возбуждение, слуга, [шедший] с собачками, оставил его'; *vah* **binā dhāriyõ vālā** *lāl ūnī nikarvākar pahane hue us baṛī bhari ūcī mašin par khāṛā thā* (R,S.d., 22) 'В своих красных шерстяных брючках без полос он стоял на этой тяжелогруженой высокой машине'.

Все приведенные случаи употребления *vālā* с одиночными существительными все же можно интерпретировать в терминах словообразования, рассматривая данный формант как обычный словообразовательный суффикс, посредством которого от имен с предметным значением образуются имена со значением признака предмета.

Положение, однако, кардинально меняется, когда встает вопрос о грамматических категориях существительного, выступающего с *vālā*, и о возможности его развертывания путем введения определений или однородных членов к нему. Существительное, выступающее в сочетании с *vāla*, не утрачивает способности, в свою очередь, иметь определение, обычно прилагательное, в результате чего *vala* оформляет в функции определения уже не одно слово, как в приведенных выше примерах, а целое словосочетание по формуле «AN *vala*», например: **jild vālī** *kitab* 'книга в переплете' или **binā jild vālī** *kitāb* 'книга без переплета', но **sundar jild vālī** *pustak* (R,P.p., 129) 'книга в красивом переплете' или **rāgīn jild vālī** *kitāb* (R,S.d., 213) 'книга в разноцветном переплете'; ...*vah* **lal mũh vālā** *banar kahā se ṭapak paṛā, apne gāv mẽ?* (M,B., 55) '...и откуда только свалилась в их деревню эта краснорожая обезьяна?'; *jīp saṛak par ṭezī se bhāgne lagī, isi prakār jaise* **tez ghoṛõ vālā** *ṭāgā bhāgtā hai* (M,J.l., 255) 'Джип быстро покатился по дороге, будто легкая коляска, [запряженная] резвыми лошадьми'; **gol nāk vāle**, *kāle, nāṭe sajjan ne apne apār gyān kā paricay dete hue kahā* ...(A,Z.j., 64) 'Крохотный черный господин с круглым носом, щеголяя своими необычными познаниями, сказал...'.

Существительное в сочетании с *vālā* сохраняет все свойственные ему категории, в результате чего изменяе-

мое прилагательное, выступающее в качестве определения к такому связанному имени, согласуется с ним в роде, числе и падеже, т. е. перед именами мужского рода оно имеет окончание *-e*, перед именами женского рода — характерное окончание *-ī*, например: **baṛe peṭ vālā** *laṛkā* (R,P.p., 219) 'парнишка с большим животом' (м. р. ед. ч. косв. пад.); **nīle pannō vālī** *ḍāyarī* (M,A.k., 129) 'дневник с голубыми страницами' (м. р. мн. ч. косв. пад.); **bhaddī āvāz vālā** *jīv* (N,D.e., 9) 'существо с грубым голосом' (ж. р.); **bhūrī mūchō vālā** *ādmī* (M,A.k., 335) 'человек с рыжими усами' (ж. р. мн. ч.); *...phir bāhar paṛī* **gande ṭāṭ vālī** *caukī par leṭ jātā...* (A,Z.j., 100) '...потом укладывается на стоящий во дворе топчан, [покрытый] грязной мешковиной...'; *bhīṛ mẽ se ek* **choṭe bālō vāle** *naujavān ne... sāmne nīm ke peṛ par apnī nazar aṭkākar kahā...* (A,Z.j., 61) 'Из толпы какой-то юноша с короткими волосами... не сводя глаз с дерева, стоящего перед ним, сказал...'; *...dūsre din se... vah* **baṛī ākhō vālī** *laṛkī hamāre ghar āne lagī thī* (S,K.g., 126) '...на другой день та самая большеглазая девушка стала захаживать к нам'; **nīlī nekar vālī** *ākṛtī ghūmkar pīche kī taraf dekh rahī thī* (M,E.z., 158) 'Фигурка в синих штанишках, обернувшись, смотрит назад'.

Такое определение к существительному в сочетании «N *vālā*» может быть выражено не только прилагательными — лексико-грамматическим разрядом слов, для которых эта функция является типичной, но и другими разрядами лексики. В функции определения кроме прилагательных употребляются:

1) причастия как настоящего, так и прошедшего времени, например: **kaṭe hue bālō vālī** *mis* (M,E.z., 68) 'мисс с [коротко] подстриженными волосами'; **ḍabḍabāī ākhō vālā** *bālak* (O,K.s., 144) 'мальчик с глазами, полными слез'; *ek* **baṛhī dāṛhī vālā** *naujavān... donō pair sīṭ par rakhe ūgh rahā thā* (R,S.d., 68) 'Какой-то молодой человек с отросшей бородой... положив обе ноги на сиденье [напротив], сладко дремал'; *vahī* **jhukī kamar vāle** *buzurg hāphte hue kah rahe the* (S,K.g., 145) 'Те же самые почтенные старцы с согнутыми спинами, задыхаясь, говорили...';

2) числительные — обычно количественные (простые, сложные и составные), иногда порядковые, например: **ek laṛ vālī** *zãjīr* (R,U.l., 144) 'цепочка в одну нитку'; **do nal vāle** *do vāš-besin sāmne hī lage the* (R,U.l., 64) 'Прямо перед ним были две раковины для умывания с двумя кранами [в каждой]'; *...koṭhrī mẽ* **do maradō vālī** *aurat rahtī thī* (H,N.b., 243) 'В избушке жила женщина, [имевшая] двух мужей'; *pīche baṛā-sā* **tīn tallō vālā** *makān thā* (M,M., 113)

'Сзади стоял большущий трехэтажный дом'; ...*apne* **tīn ũgliyõ vāle** *hāth ko mũh ke pās le jākar kuch khāne kā išārā kiyā* (D,C.I., 90) 'Поднеся ко рту свою руку [всего лишь] с тремя пальцами, она показала, что хочет есть'.

Числительное в составе оборота с *vālā*, обозначающего время, обычно выступает в качестве определения к субстантивированному причастию прошедшего времени от непереходного глагола *bajnā* 'звенеть', 'бить (о часах)', например: **nau baje vālī** *bas* (R,A.a., 23) 'девятичасовой автобус', **das baje vālī** *pesējar* (Š,I.i., 75) 'десятичасовой пассажирский', **do baje vālī** *gāṛī* (H,N.b., 123) 'двухчасовой поезд'.

Определяемое существительное в составе оборота с *vālā*, обозначающего стоимость (оклад) или время, может свободно опускаться, поскольку из контекста ясно, о каких единицах отсчета идет речь, например: **ek sau sāṭh vālī (deṛh sau vālī, ek sau pachattar vālī)** *kursī* (M,A.k., 62) 'Кресло (должность) [с окладом] в сто шестьдесят (полтораста, сто семьдесят пять) [рупий]'; *kal subah* **sāt vālī** *gāṛī zyādā ṭhīk rahegī* (R,U.I., 65) 'Семичасовой поезд завтра утром будет [для меня] гораздо удобнее';

3) существительные с послелогом *kā* в функции согласованного определения, например: **ajantā ke citrõ vālī** *ḍāyarī* (M,A.k., 538) 'дневник с репродукциями [картин] из Аджанты'; **barsāt ke ant vālī** *bhayānak umas* (B,B.c., 581) 'ужасная духота, [какая бывает] в конце сезона дождей'; **bāolī ke tīr vālā** *būṛhā ḍom* (Š,I.i., 75) 'старик [из касты] дом, [что живет] на берегу пруда'; **darjiyā ke pipar vālā** *kuā* (M,M.p., 81) 'колодец около смоковницы портного'; **ḍore ke frem vālā** *cašmā* (R,P.p., 92) 'очки с оправой из бечевки'; **rešam ke dupaṭṭe vālī** *kišoriyā* (D,C.I., 82) 'девушки в накидках из шелка'; **motiyõ kī kinārī vālā** *ācal* (D,C.I., 168) 'конец сари с [вышитой] жемчугом каймою';

4) существительные в функции приложения, присоединяемые либо непосредственно, либо при помощи частицы *sā* или союзного слова *jaisā*, например: [*vah*]... *kaliyā kī gorakhpurī chātī se cipak jatī hai jaise* **kiraṇ-bãhõ vālā** *candā kisī gahre sarovar ke nīle-gahre vakṣ mē chip jātā hai* (Š,B.b., 49) '[Она]... прижимается к [широкой] горакхпурской груди Калии, будто луна с руками-лучами прячется в темно-синем лоне какого-то глубокого озера'; *vahī jālī vālā barāmadā, bādalõ mē lipaṭī cāndnī rāt aur vahī...* **bādāmõ jaisī ãkhõ vālī** *k*.... (D,T.h., 39) 'Та же веранда с [тюлевой] занавеской, та же лунная ночь, подернутая дымкой облаков, та же К. с глазами, как...миндалины'; **...ālū jaise cehre vāle** *ādmī kā mũh khulā thā* (R,S.d., 72) 'Рот у

человека с лицом, как картофелина, был [широко] открыт';

5) притяжательные или указательные местоимения, например: *svatantratā-divas par unhõ ne* **apne makān vālī** *galī ko višeṣ rūp se pattõ, balbõ se sajāyā* (R,D.m., 85) 'В день независимости он специально украшал [гирляндами] из листьев и лампочек переулок у своего дома'; **us ke bāgle vālī** *saṛak nirjan paṛī thī* (B,B.c., 658) 'Улица, [ведущая] к его бунгало, была пустынна'; **us din vālā** *sapnā tujhe yād hai na?* (D,C.l., 181) 'Ты ведь помнишь сон, [что увидел] в тот день?'.

Таким образом, подводя итог всему изложенному выше, мы имеем основание с полной уверенностью сказать, что существительное в составе оборота «N *vālā*» может быть свободно развернуто при помощи атрибутивного или аппозитивного типа связи, т. е. за счет введения разного рода определений к данному имени, выраженных различными лексико-грамматическими разрядами, которые выступают в этой функции самостоятельно либо при помощи служебно-грамматических элементов. Такое развертывание может осуществляться не только 1) в форме повтора прилагательных (1), придающего, как известно, значение усиления признака или его равноотнесенности, но и 2) в форме наращения однородных прилагательных (2), объединенных либо: а) одной интонацией перечисления, либо б) интонацией перечисления в сочетании с сочинительными союзами, например:

(1) *bagal mẽ ek* **baṛī-baṛī mũchõ vāle** *ṭīkā-dhārī baiṭhe hue the* (M,P.p., 107) 'Рядом сидел какой-то брахман с тикой на лбу и длиннющими усами'; *...vahī* **alag-alag sūratõ vālī** *khušk roṭiyā* (M,E.z., 36) '...те же сухие лепешки различной величины и формы';

(2) а) **hare lāl šīše vālī** *ek relve-lālṭen thī* (Š,I.i., 51) 'железнодорожный фонарь с зеленым [и] красным стеклом'; *kabhī mujhe uske* **jhīne rešmī kapṛe vāle** *takht par baiṭhnā paṛ jātā...* (M,E.z., 63) 'Иногда мне приходилось садиться в его кресло, [обитое] тонкой шелковой тканью'; *us choṭī ghanī jhāṛī ke āge ūcā-nīcā maidān* **ikhare-bikhare choṭe-choṭe jhāṛī-jhākāṛõ vālā** (N,A.k., 1) 'А за этим невысоким густым кустом раскинулось неровное поле с разбросанными [здесь и там] невысокими зарослями'; б) *ūgliyõ me* **safed aur hare nag vālī** *do āguṭhiyā* (R,U.l., 96) 'На пальцах — два перстня: с прозрачным и зеленым камнями'; *tīn-cār* **sāgmarmarī yā kālīnī farš vāle** *baṛe-baṛe kamrõ ke darvāzõ ke parde haṭā-haṭākar dešbandhu jī use rāstā dikhāte cal rahe the* (R,U.l., 96) 'Раздвигая рукой занавеси на дверях

больших, следовавших одна за другой комнат с мраморными или устланными ковром полами, Дешбандху показывал ему путь'.

Развертывание причастий — определений к имени с *vālā* происходит по общему правилу — путем употребления зависимых слов к ним, например: *unhõ ne apnī* **ghaṛī bādhī kalāī vālā** *ghāsā tānā* (R,U.I., 46) 'Он вытянул вперед руку, на запястье которой были надеты часы'; **gulābī rāgõ mẽ bhīge nākhūnõ vālī** *bahuẽ* (M,H.j.a., 21) 'молодые женщины с ногтями, окрашенными во все оттенки розового цвета'.

Однако здесь же следует оговориться, что, хотя грамматически имя в составе оборота «N *vālā*» выступает как главное, а прилагательное или другое слово, называющее признак, — как зависимое, подчиненное (элемент его развертывания), с точки зрения актуального членения комплекса все обстоит как раз наоборот, т. е. наиболее важным и значимым для сообщения оказывается не само имя, а именно определение к нему, которое в данном контексте, для данного сообщения несет наиболее актуальную информацию. В результате этого процесс развертывания существенно меняет акцент сообщения, перемещая его на определение к имени, а процесс свертывания существенно влияет не только на полноту, но — что особенно важно — и на само семантическое содержание оборота, так как вследствие такой процедуры меняется вся система противопоставлений, обусловленных семантикой данного образования.

Это положение можно проиллюстрировать путем сопоставления неразвернутого оборота «N *vālā*» с его развернутым аналогом: если в первом само имя выступает как характерный признак предмета, в отличие от других, ему подобных, то во втором характерный признак заключен уже не в имени, так как оно называет то, что объединяет данный предмет с массой ему подобных, а в определении к нему, которое называет признак, выделяющий предмет среди других. Так, если в неразвернутом обороте **nekar vālā** *baccā* 'мальчик в [коротких] штанишках' определение «N *vālā*» показывает, что данное лицо выделяется таким признаком, как характер одежды (и противопоставление, следовательно, будет проводиться по этому признаку: **dhotī vālā** *baccā* 'мальчик в дхоти', **peinṭ vālā** *bacca* 'мальчик в [длинных] брюках'), то в его развернутом аналоге **nīlī nekar vālā** *baccā* 'мальчик в синих штанишках' данное лицо выделяется не по характеру одежды (все остальные мальчики тоже были в коротких штанишках), а по такому признаку, как цвет одежды: в

синих был только этот мальчик, — у остальных штанишки были иного цвета, т. е. противопоставление будет проводиться по цвету, а не по характеру одежды: **lāl nekar vālā** *baccā* 'мальчик в красных штанишках', **baĩgnī nekar vālā** *baccā* 'мальчик в фиолетовых штанишках' и т. д.

Точно так же будет меняться характер семантики и обусловленных ею противопоставлений при свертывании оборота с *vālā*, стержневым словом которого служит существительное *ākhẽ* 'глаза': так, если в обороте **baṛī ā̃khõ vālā** *baccā* 'большеглазый мальчик' противопоставление мыслится по размеру глаз — **choṭī ā̃khõ vālā** *baccā* 'мальчик с маленькими глазами', а в обороте **ḍabḍabāī ā̃khõ vālā** *baccā* 'мальчик с глазами, полными слез' оно мыслится по состоянию человека, выражаемому его глазами, — **sūkhī** (или **krodhī**) **ā̃khõ vālā** *baccā* 'мальчик с сухими (или сердитыми) глазами', то свертывание этих оборотов дает **ā̃khõ vālā** *baccā* 'мальчик с глазами' (т. е. зрячий), в котором утверждается наличие способности видеть. Следовательно, противопоставление возможно только в плане отсутствия такой способности, передаваемое посредством прилагательного *andhā* 'слепой' (как, например, в заголовке одного из рассказов Раджендры Ядава: **andhā** *šilpī aur* **ā̃khõ** *vālī rājkumārī* 'слепой художник и зрячая принцесса').

Иными словами, возможное и допустимое грамматически свертывание такого развернутого оборота, в составе которого существительное выступает лишь как семантико-грамматическая основа для выражения характерного признака, заключенного в определении к нему, существенно меняет семантику слова и характер противопоставлений, в силу чего операция свертывания нередко бывает затруднена, а для некоторых оборотов с существительными типа *cehrā* (*sūrat*) 'лицо', 'лик' в качестве опорных вообще невозможна: **raubīle cehre vālā** *ādmī* (R,U.l., 96) 'человек с величественным лицом' (но нельзя *cehre vālā ādmī*); **ḍarāonī sūratõ vāle** *bhūt-pret* (M,E.z., 20) 'демоны со страшными мордами' (но без определения невозможно); **ḍemokreṭik ḍhā̃ce vāle** *deš mẽ* (G,D.r., 154) 'в стране демократического образца'; **proleṭeriet manovr̥tti vālā** *vyakti* (G,D.r., 231) 'человек пролетарского умонастроения'; **kam pāvar vāle** *balb* (R,A.a., 16) 'лампы малой мощности' и т. п.

Напротив, в составе отрицательных оборотов «*binā* N *vālā*» существительное не способно развертываться. Такие обороты существуют и употребляются только как неразвернутые. Способность существительного в таком

обороте иметь определения нейтрализуется отрицанием *binā*, так как если отрицается само наличие данного, материализованного в предмете признака, то остальные признаки имени, естественно, утрачивают всякое значение (примеры оборотов с отрицанием приведены выше).

Следует иметь в виду, что в составе такого определения может выступать имя, косвенная форма которого обусловлена влиянием не только самого форманта *vālā*, но и послелога, следующего непосредственно за именем, т. е., иными словами, в составе такого определения с *vālā* может употребляться существительное или местоимение с послелогом, как простым, так и сложным, например:

1) существительное с послелогом: **koṭhe ke kone par vāle** *kamre mẽ ek ũrat rahtī thi* (H,N.b., 237) 'В комнате, [что располагалась] в углу особняка, жила одна женщина'; **miṣṭar hairisan ke yahā̃ vāle** *ḍīnar mẽ kul bārah ādmī the* (B,B.c., 565) 'На обеде у мистера Гаррисона присутствовало в общей сложности двенадцать человек'; **ḍarvāze ke pās vālā** *ṣṭūl khālī paṛā thā* (R,U.l., 106) 'Стул у двери был не занят'; *rikšā... tārkol kī saṛak par* **sṭešan kī barsātī ke sāmne vāle** *hariyālī ke us baṛe gole kā cakkar lagākar cal paṛā* (R,U.l., 22) 'Рикша... обогнув большую клумбу перед станционным навесом, покатил по асфальтовой дороге'; *bhāgī bahū ne sakal bahū kā ek hāth pakaṛ liyā aur* **palānī ke pīche vālī** *dīvār ke bilkul karīb le āī* (H,N.b., 96) 'Бханги-баху схватила невестку Сакаля за руку и притащила почти вплотную к двери позади тахты';

2) местоимение с послелогом: **mere pās vāle** *makān mẽ* (R,D.m., 75) 'в доме рядом со мною'; **hamāre sāmne vālā** *makān* (S,K.k., 80) 'дом перед нами'; *us ne* **apne sāth vāle** *baire se kahā* (B,B.c., 435) 'Он обратился к официанту, [что был] с ним'.

Таким образом, *vālā* оформляет в функции определения не только отдельное существительное (в позитивной форме или с отрицанием), но и целое словосочетание, компоненты которого соединены между собой подчинительной (как правило, атрибутивной или аппозитивной) связью, находящей формально-грамматическое выражение в порядке размещения компонентов, часто в сочетании с согласованием либо с наличием таких средств связи, как союзы и союзные слова.

Однако развертывание «N *vālā*» может осуществляться не только посредством атрибутивного или аппозитивного типа связи, но и при помощи сочинительного (координационного) типа связи, по формуле «NN *vālā*», которая может осложняться введени-

ем между однородными членами сочинительных союзов, например:

1) без союзов: **bandar-bhālū vāle** *madāriyõ kā tāntā bādh gayā* (Š,I.i., 141) 'Собралась целая толпа фокусников с обезьянами [и] медведями'; *...tamām* **hāsī-khuśī vālī** *śāmẽ bah jātī haĩ* (D,T.h., 22) '...бегут вечера, [полные] смеха [и] веселья'; **nanadī-bhaujiyā vālī** *kitāb* (H,N.b., 142) 'книга о золовке [и] невестке';

2) с союзами: **mastūl aur pāl vālī** *baṛī naukāẽ* (N,D.e., 10) 'большие лодки с мачтой и парусом'; *...lauṭṭe hue maĩ kuch der 'eyar iṇḍia' ke daftar ke bāhar* **mūch aur pagṛī vāle** *baune kī sūktiyā paṛhtā rahā* (M,A.k., 18) '...по пути домой я некоторое время читал рекламу на здании компании «Эр Индия», где изображался карлик с усами и в чалме'; **jāliyõ aur sīkhacõ vāle** *darvāze* (M,A.k., 57) 'двери с сетками и решетками'.

Каждый из однородных членов, выступающих с *vālā*, в свою очередь, может приобретать определения, выраженные как прилагательными, так и иными частями речи,— в результате чего развертывание приобретает еще более сложный вид, например: *thoṛī hī der mẽ* **cauṛe mũh aur chāṭī mũchõ vālā** *ādmī kamre mẽ āyā* (M,P.p., 140) 'Через некоторое время в комнату вошел человек с широким ртом и [коротко] подстриженными усами'; *'sahī kahte haĩ āp!' — ek kuch lambe, patle,* **choṭī-choṭī ãkhõ tathā bhadde cehre vāle** *vyakti ne āge baṛhte hue jigyāsā kā samādhān kiyā* (A,Z.j., 63) '«Вы правильно говорите!»— разрешил их сомнения какой-то выскочивший вперед длинный худой человек с крохотными глазками и безобразным лицом'; **retīle maidānõ aur ṭūṭe pahāṛõ vālā** *murdā nakṣatra* (D,C.l., 73) 'мертвая звезда с песчаными пустынями и разрушенными горами'.

Два и более однородных члена — компоненты атрибутивной конструкции с *vālā* могут иметь одно определение, которое в равной степени относится к каждому из них и, будучи употреблено лишь один раз, является как бы вынесенным за скобки, например: *kam* **sahajbuddhi aur prātibhā vāle...** *bacce* (R,S.d., 216) 'дети, имеющие *мало* здравого смысла и таланта'; *vibhinna* **ākār aur mudrā vālī** *mūrtiyā̃* (R,A.a., 80) 'изваяния *различной* величины и формы'.

Таким образом, сложное определение «N *vālā*» при помощи как атрибутивного, так и координационного типа связи может быть развернуто до любых пределов: развертывание теоретически может быть неограниченно длинным за счет введения определений или однородных членов к существительному, число которых, однако, на

практике ограничивается таким фактором, как потребность сохранения семантического единства высказывания, и обычно равно четырем или максимум пяти (что, конечно, наблюдается не в устной речи, а в художественной прозе, где нередко возникает потребность в развернутом описании), например: *himālay kī barfīlī coṭiyõ kī chāo mẽ* **phūl, phal, jharne aur bāgalõ vāle** *kūrmācal kā nām lete hī merī ākhõ ke āge rāmgaṛh kī ek šām dhūdhlī tasvīr kī tarah khīc jātī hai* (D,T.h., 10) 'При первом же упоминании [гор] Курмачал, раскинувшихся в тени снежных вершин Гималаев, с [их] цветами, фруктами, водопадами и коттеджами, у меня перед глазами, как покрытая дымкой картина, невольно возникает один вечер, проведенный в Рамгархе'; *cāḍnī aspatāl kī paṭṭiyõ kī tarah safed aur vātāvaraṇ āparešan ke kamre kī tarah nistabdh*, **viṣād, kutūhal, bhaya aur mṛtyu ke mile-jule svād vālā** (D,T.h., 53) 'Луна — белая, как занавески в больнице, а воздух, неподвижный, как в операционной, напоен какой-то смесью скорби, любопытства, страха и смерти'; **...kuch cauṛī bhaddī sī nāk, baṛī-baṛī ākhõ aur ghanī kālī palakõ vālī** *rājeśvarī*... (A,B., 4) '...Раджешвари с широким безобразным носом, большими глазами и густыми черными ресницами...'.

Иными словами, со словосочетаниями формант *vālā* выступает по существу как грамматическое средство группового оформления — актуализации в речи отдельных слов, атрибутивных словосочетаний и даже целых предложений[4] в не свойственной им функции сложного и составного определения. В этом плане формант *vālā* можно рассматривать как групповую «прилепу», столь характерную для агглютинирующих языков.

Таким образом, простая конструкция «имя+*vālā*» может многократно осложняться, становясь в результате этого способной выразить как негативный, так и многообразные, сложные позитивные признаки предмета.

Общая формула: N *vālā*.

I. Выражение негативного признака: *binā* N *vālā*.

II. Выражение сложного позитивного признака.

Посредством подчинительной связи внутри конструкции	Посредством сочинительной связи внутри конструкции
AN *vālā*	NN *vālā*
Part. N *vālā*	N *aur* N *vālā*
Num. N *vālā*	A(N *aur* N) *vālā*

[4] Последнее было описано нами ранее [3, 64].

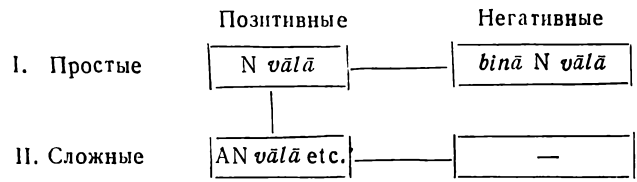
Pron. N *vālā*
N *kā* N *vāla*
N(app.) N *vālā*
N *sā* N *vālā*
N *jaisā* N *vālā*
A *aur* AN *vālā*
A_n... N *vālā*
N *mẽ* Part. N *vālā*
N *par vālā*

N_n... N *vālā*
AN *aur* AN *vālā*

Отсюда можно видеть, что посредством подчинительной связи между компонентами конструкции могут быть выражены гораздо более сложные и многообразные признаки, чем посредством сочинительной связи

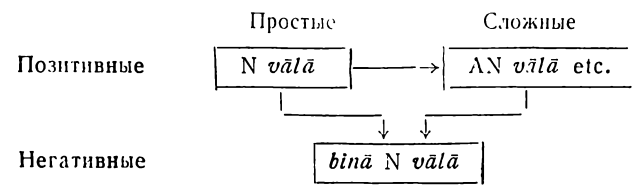
Для того чтобы более рельефно показать специфику рассматриваемого явления, следует, видимо, соотношение различных структурных типов конструкций с *vālā* изобразить в виде схемы (см. схему 1).

Схема 1

Поскольку сложные позитивные конструкции не имеют соотнесенных с ними сложных негативных конструкций, и, следовательно, противопоставление простых и сложных конструкций нейтрализуется в единой негативной конструкции, которая по необходимости может быть только простой, то схему соотношения конструкций, вероятно, можно еще более упростить (см. схему 2).

Схема 2

Наблюдая за употреблением форманта *vālā* в речи, и особенно за суммой значений, которые могут выражаться оборотами N *vālā*, нельзя не прийти к заключению, что определения с *vālā* по своей семантике нередко идентичны определениям, выраженным именами с послелогом *kā*. Это подтверждается не только возможностью замены одного другим, правильность которой подтверждается ин-

формантами, но и многими примерами, встретившимися нам на страницах современной художественной литературы, когда в составе одних и тех же словосочетаний в качестве «связующего звена» выступает то послелог *kā*, то формант *vālā*. Проиллюстрируем высказанное положение несколькими примерами из произведений нескольких писателей:

1) у Шривастава встречаем: *kandhe par bhāle se laṭaktā huā* **ḍākkhāne kā jholā** 'За плечами на палке болталась почтовая сумка' и *aur ab mahto* **ḍākkhāne vāle** *jhole se parbatiyā ke liye tel kī jalebī... nikāltā* (H,N.b., 12) 'А сейчас Махто из почтовой сумки доставал... сласти для Парбатии'; **ek rupaye kā** *noṭ* и **ek rupaye vālā** *noṭ* (H,N.b., 76) 'ассигнация в одну рупию'; **batāše vālā** *āgochā* 'полотенце со сластями' и **batāše kī** *gaṭhrī* (H,N.b., 67) 'узелок со сластями';

2) у Р. Мишры: *gande purāne āgoche mē ek or* **sattū-pisān kī** *gaṭhrī bandhī thī* 'С одной стороны был привязан узелок с жареными зернами и луком', а несколькими строками ниже: *...apnī* **sattū-pisān vālī** *gaṭhrī hī pairō ke nīce pāc minaṭ ke liye ḍāl letā* (R,P.p., 123) '...свой узелок с жареными зернами и луком бросал на несколько минут себе под ноги';

3) у Гурудатты: **bhaddī sūrat vālī** *aurat* 'женщина с безобразным лицом'; **bhadde šarīr kī** *aurat* (G,D.r., 172) 'женщина с безобразным телом';

4) у Мохана Ракеша: **«nyū hairalḍ» vālā** *dost* (M,A.k., 388); **«nyū hairalḍ» kā** *dost* (401) 'друг из [газеты] «Нью-геральд»'.

Если сравнить значения, которые передаются конструкциями, образованными посредством форманта *vālā*, с одной стороны, и при помощи послелога *kā* — с другой, то без труда можно обнаружить, что бóльшая часть этих значений совпадает и лишь меньшая часть является специфичной для каждого из названных грамматических средств (см. таблицу).

Таблица

Значения конструкций	с *vālā*	с *kā**
1. Переменный признак	+	—
2. Намек на связь между предметами	+	—
3. Истолкование понятия (при употреблении с предложениями)	+	—

Продолжение табл.

Значения конструкций	с *vālā*	с *kā**
4. Назначение предмета	+	+
5. Материал	+	+
6. Направление	+	+
7. Местоположение	+	+
8. Происхождение	+	+
9. Стоимость	+	+
10. Время	+	+
11. Качество	+	+
12. Родство	—	+
13. Принадлежность	—	+
14. Возраст	—	+
15. Часть от целого	—	+
16. Вид при названии рода	—	+

* Значения этого послелога даются по работам А. П. Баранникова [1, 186—187] и Платтса [11, 251—257]. В данном случае мы не учитывали значений, которые выражаются посредством *vālā* при его употреблении с числительными и прилагательными.

Отсюда видно, что из 16 значений, которые могут быть переданы конструкциями с *vālā* и с *kā*, половина совпадает, т. е. в восьми из 16 случаев *vālā* и *kā* являются синонимичными, следовательно, взаимозаменяемыми компонентами конструкций; из оставшихся восьми значений три характерны для конструкций с *vālā*, пять — для конструкций с *kā*. Если изобразить это соотношение графически, то получится следующая схема (см. схему 3).

Схема 3

1	
2	3
4	5
6	7
8	9
10	11

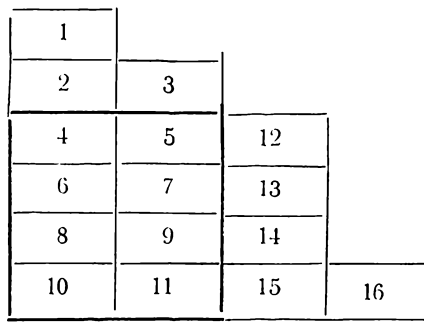
Объем значений *vālā*

4	5	12	
6	7	13	
8	9	14	
10	11	15	16

Объем значений *kā*

Совместив обе фигуры, мы получили наглядное представление о степени совпадения семантических полей обоих грамматических средств (см. схему 4).

Схема 4

Именно такая возможность взаимозамены объясняет ту легкость, с которой формант *vālā* заменяет послелог *kā* в тех случаях, когда одно имя имеет два определения, выраженные именами существительными: первое из них, обычно обозначающее принадлежность, употребляется с послелогом *kā*, второе же, чтобы избежать эвфонически нежелательного стечения двух однотипно оформленных определений, — с формантом *vālā*, например: *terahvī galī ke* **kone vāle** *moṛ par* (Š,K., 18) 'на повороте тринадцатого переулка в тупике'; *klab ke* **fon vāle** *kamre mẽ* (A,D.d., 233) 'в комнате клуба, где был телефон'; *gāgāprasād kī yah* **vismaya vālī** *mudrā* (B,B.c., 403) 'Это удивленное выражение [на лице] у Гангапрасада'; *uskā* **rāgolī vālā** *gupaṭṭā* (S.K.g., 65) 'ее свадебная накидка'; *satya kā* **das se pā̃c tak vālā** *šift* (A,B., 303) 'смена Сатьи с десяти до пяти'; *rāj ke* **lambe-lambe, khušbūdār bālō vāle** *sir ko* (A,B., 204) 'голова Раджа с длинными, источавшими аромат волосами'; *p.le zamin kī* **lāl bindiyō vālī** *chīṭ* (M,B., 79) 'желтая накидка с красными пятнами'; *kāle rāg kī* **capaṭī nākō vālī** *auratē* (M,P.p., 108) 'черные женщины с плоскими носами'.

Изредка встречаются случаи инверсии подобных определений, когда определение с *vālā* предшествует определению с *kā*, которое, обозначая материал, т. е. признак, в гораздо большей степени связанный с предметом, чем его иные признаки, не меняет своего формально-грамматического показателя отнесенности к разряду определений, например: **ādhī bā̃h vālī** gāṛhe kī *baniyāin* (R,P.p., 189) '[нижняя] рубаха из грубой ткани с коротким рукавом';

phir lakṣmīcand ne **gāgāprasād kī ũglī vālī** *hīre kī āguṭhī ko lakṣya karte hue... kahā* (B,B.c., 408) 'Затем, заметив перстень с бриллиантом на пальце у Гангапрасада... он сказал'; *unhõ ne* **baṛhiyā mahīn nakkāšī vālā** *hāthī-dānt kā krīmkālar peparnāif uṭhā liyā thā* (R,U.l., 48) 'Он поднял желтый нож из слоновой кости с великолепно выполненной тонкой резьбой'.

Иногда наблюдается употребление форманта *vālā* также и в той функции, которая обычно характерна для союзного слова *jaisā*, т. е. в функции средства связи между словами, находящимися в аппозитивных отношениях, что находит подтверждение в параллельном использовании обоих средств (что, в свою очередь, предполагает возможность их замены): *prašānt ne uskī or dekhte hue kahā: «hem, tum mujhe bahut acchī lagtī ho!» hem ne* **gaṇitagyõ jaisā** *prašn kiyā: «Kitnī acchī?»* (S,K.k., 68) 'Глядя на него, Прашант воскликнул: «Ты очень нравишься мне, Хем!», «Насколько — очень?»— спросил Хем так, как если бы вопрос исходил от математика'; *«kitnā kamāyā?»—hem ne prašn kiyā-vahī* **gaṇitagyõ vālā** (там же, 74) '«Сколько заработал?» — спросил Хем все тем же тоном, как если бы вопрос исходил от математика'.

Выступая в составе определения, обозначающего принадлежность, формант *vālā* по своей функции оказывается близким не только такому синтаксическому средству, как послелог *kā*, но и словообразовательному средству, каким является суффикс *-dār* (заимствованный из иранских языков). Эта близость является, на наш взгляд, основной причиной взаимозаменяемости *vālā* и *-dār*, наблюдаемой в языковой практике населения хиндиязычного ареала. Так, в одном из рассказов современного писателя Сушила Кумара мы наблюдаем, что в двух из трех случаев с одним и тем же словом в функции определения автор употребляет формант *vālā*, в последнем же случае — суффикс *-dār: sukhambhar ghās par rēgtī-bhaṭaktī* **lāl cittīyõ vālī** *kīṛī ko ekṭak dekhtā huā nāriyal kī hukkī gurguṛāne lagā* («К», III, 61, 27) 'Не отрывая взгляда от ползшей по траве пятнистой (букв. в красных пятнышках) гусеницы, Сукхамбхар покуривал хукку, изготовленную из кокосового ореха'; **lāl cittīyõ vālī** *kīṛī* (там же, 28), но **lāl cittīdār** *kīṛī* (там же, 29) 'гусеница в красных пятнышках'.

Такая взаимозаменяемость нередко наблюдается с парным словом *bāl-bacce*, которое в функции определения обычно употребляется с суффиксом *-dār* (и в этой форме вошло в словари хинди как прилагательное *bālbaccedār* 'имеющий детей', 'семейный'), однако иногда и с форман-

том *vālā*, например: *yah kisī rozgār se lagā huā* **bālbaccedār** *buzurg mālūm hotā hai* (R,S.d., 218) 'Он кажется семейным человеком, имеющим свое дело'; *vah... vivāhitā hai aur* **bāl-baccedār** *hai* (S,K.k., 83) 'Она замужем и имеет детей', но **bāl-bacce vāle** *ādmī ko aisī bātõ mẽ nahĩ parnā cāhiye* (S,K.g., 141) 'Семейному человеку не следует ввязываться в такие дела'; *ṭāim-kīpar* **bāl-bacce vālā** *ādmī hai* (S,K.g., 97) 'Сторож — человек семейный'.

Подобная взаимозаменяемость ведет к тому, что суффикс *-dār* приобретает несвойственную ему способность употребляться с формами имени во множественном числе, вызывая при этом изменение его окончания на *-õ*, что так характерно для форманта *vālā*; при этом имя, употребленное с *-dar* в качестве основы прилагательного, не утрачивает способности иметь определение, например: **lāl cittīdār** (=**lāl cittiyõ vālī**)*kīṛī* («К») 'гусеница в красных пятнышках'; **lambī laharīyõdār** (=**lambī laharīyõ vālī**) *lakīrẽ* (R,S.d., 19) 'полосы с длинными волнушками'; **takiyedār** *mūṛhā* (=**takiye vālā** *mūṛhā*) (M,J.l., 207) 'сиденье с подушкой'.

Обороты с *vālā*, независимо от своей сложности, легко субстантивируются, в результате чего они приобретают способность выступать в функции подлежащего, дополнения и других нетипичных для таких оборотов функциях, например: *dūsrī or ek* **mazbūt kandhõ vālā** *bīṛī pī rahā thā* (Š,B.b., 38) 'Напротив [кто-то] с могучими плечами курил бири'; *dillī kī sarkār ne* **coṭī vālõ ko dāṛhī vālõ ke** *raham par choṛ diyā thā aur* **dāṛhī vālõ ko coṭī vālõ kī** *dayā par* (M,J.l., 252) 'Делийское правительство [тех, кто] с косичкой (т. е. индусов), оставило на милость [тех, кто] с бородами (т. е. мусульман), а [тех, кто] с бородами, — на милость [тех, кто] с косичкой';

— *acchā, to ab ḍalvānā ciṭṭhī!*

— *kisko?*

— *usī* **ṭeṛhe-meṛhe, ulṭe-sīdhe, kāle, jhabrīle bālõ vāle ko** (M,M., 69)

— 'Ну, а теперь отправь письмо!

— Кому?

— Тому самому — с всклокоченными, спутанными черными густыми волосами';

— **guruve kurte aur safed cūṛīdār pāyjāme vāle ko** *alag se bulākar lāo* (Š,K., 35) '—А в оранжевой рубахе и белых узких штанах — [того] позови особо'.

Формант *vālā* как служебное слово непосредственно смыкается с послелогом *kā* и в этом плане (в плане субстантивации): поскольку обороты с *kā* способностью суб-

стантивироваться не обладают, то всякий раз, когда возникает такая потребность, послелог *kā* в их составе тотчас же замещается формантом *vālā*, например: *cabūtrā kāfī ūcā thā, isliye muhalle vāle use* '**ūce par kī** *buṛhiyā*', '**ūce par kī** *mahrājin*' *ya sirf* '**ūce par vālī**' *kahā karte haĩ* (O, K.s., 13) 'Площадка довольно высокая, поэтому все жители квартала называют ее «старуха на возвышении», «нищенка на возвышении» или попросту «[та] на возвышении»'.

Именно такую субстантивацию можно усмотреть в следующих примерах: **buṛhiyā ke dal vāle** (<*buṛhiyā ke dal ke log*) «*kālsundarī — kālsundarī*» *kahte hue pāle mẽ ghuste the aur* **misir jī ke dal vāle** (<*misir mi ke dal ke log*) «*misir jī-misir jī*» *kahte hue* (O,K., 17) 'Из группы старухи врывались на площадку с криками «Кальсундари-Кальсундари», а из группы почтенного Мишры — с криками «Мисир джи—Мисир джи»'; *Rānī ne man mẽ vicār kiyā ki kisī* **baṛī umr vāle** (<*baṛī umr ke ādmī*) **ke sāth** *jānā ṭhīk rahegā* (G,D.r., 277) 'А про себя Рани подумала, что идти лучше будет с [кем-нибудь] в преклонном возрасте'.

Для того чтобы выяснить причины широчайшего употребления форманта *vālā* в западном хинди вообще и литературном языке — в частности, необходимо сравнить литературный хинди с восточными диалектами, в которых указанного форманта нет[5], — в плане выражения признака предмета. Выступая с одиночными существительными, формант *vālā* по значению и функции идентичен диалектному суффиксу *-hā*, при помощи которого в авадхи от любого имени с предметным значением легко образуется прилагательное[6], например:

kākarhā=kākaṛ vālā 'каменистый',
kajarhā=kājal vālā 'насурьмленный',
khūnahā=khūn vālā 'кровавый',
gājahā=gājā vālā 'курящий опиум',
gāṭhihā=gāṭh vālā 'узловатый',
ghasihā=ghās vālā 'травяной', 'засеянный травой',
caurhā=cāval vālā 'рисовый', 'приготовленный из риса',
canihā=cādī vālā 'серебряный', 'отлитый с добавлением серебра',
cinihā=cinī vālā 'предназначенный для хранения сахара',
cunahā=cūne vālā 'известковый',
ḍhelahā=ḍhelõ vālā 'засоренный камнями',

[5] Хотя, как пишет Удаянарайн Тивари, под влиянием западного хинди в бходжпури этот формант находит все большее применение [13, 169].

[6] Диалектные прилагательные и их эквиваленты в литературном хинди даются по Словарю авадхи [5].

patahā=pattō vālā 'лиственный',
bhutahā=bhūt vālā 'дьявольский'.

Оформляя в функции определения целое словосочетание, формант *vālā* по значению и функциональной роли равен суффиксам *-ā* (в ж. р. *-ī*), *-yā*, или *-iyā*, при помощи которых в восточных диалектах образуются сложные прилагательные по формуле «$B_1+B_2+\bar{a}$ (*-yā*, *-iyā*)», например:

cār-sau-ṭakiyā (R,M.a., 157) 'четырехсотрупиевый'; (<*cār sau* 'четыреста'+*ṭākā* 'рупия'+ *-iyā*)=*cār sau rupaye vālā;*

chakaliyā 'шестиклинный' (<*chaḥ* 'шесть'+*kalī* 'клин'+ *-yā*)=*chaḥ kaliyō vālā;*

bakulpākhī (M.P.p., 46) 'белая, как крыло цапли, [луна]' (<*bagulā* 'журавль', 'цапля'+*pākh* 'крыло'+ *-ī*)=*bagule ke pākh ke samān rāg vālā;*

laḷṭopiyā (R,M.a., 375) 'красношапочный' (<*lāl* 'красный'+*ṭopī* 'шапка'+ *-a*)=*lāl ṭopī vālā;*

suardantā 'имеющий клыки, как у свиньи' (<*sūar* 'свинья'+*dānt* 'зуб'+ *-ā*)=*sūar ke samān dāntō vālā;*

suāpākhī (M,M.p., 17) 'зеленая, как крыло попугая' (<*suā* 'попугай'+*pākh* 'крыло'+ *-ī*);

saṭhbarasā (R,M.a., 34) 'шестидесятилетний' (в ироническом смысле: 'тот, кто до седин дожил, а ума не нажил') (<*sāṭh* 'шестьдесят'+*baras* 'год'+*-ā*)=*sāṭh baras vālā* (просторечное).

Отсюда можно сделать вывод, что обороты с формантом *vālā* выступают как синтаксическое средство, компенсирующее недостаточно развитый в литературном хинди суффиксальный способ образования прилагательных и позволяющее с исключительной легкостью выразить признак имени, каким бы сложным он ни являлся.

* * *

Таким образом, выступая как средство группового оформления — приспособления к функции определения как отдельных имен, так и целых словосочетаний, которые без вспомогательных грамматических средств в данной функции употребляться не могут, и имея очень широкий семантический диапазон, формант *vālā* в некоторых случаях передает те значения, что обычно выражаются послелогом *kā* (материал, цена, время), союзным словом *jaisā* (сравнение) и суффиксом *-dār* (обладание). Широта его семантического поля, в некоторых своих частях совпадающего с отдельными сегментами семантических полей названных выше грамматических средств, служит объек-

тивной причиной того, что в указанных значениях *vālā* выступает как синонимичное им средство, способное заменить каждое из них в данном семантическом спектре.

Кроме этого, формант *vālā* употребляется и как стилистическое средство, позволяющее избежать многократного повторения послелога *kā* в составе ряда однородных определений к одному имени.

Все изложенное позволяет характеризовать *vālā* как синтаксическое средство — служебное слово послеложного типа, используемое главным образом в целях приспособления к функции определения имен существительных и целых атрибутивных оборотов, для которых данная функция не является типичной.

Широчайшее использование форманта *vālā* с именами обусловлено всем строем хинди, языка флективно-аналитического: конструкции с *vālā* компенсируют слабо развитое суффиксальное словообразование имен со значением признака предмета.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

A, B.	— Amṛtrāy, Bīj, Ilāhābād, 1953.
A, D. d.	— Arīgapūḍī, Dūr ke ḍhol, Dillī, 1957.
A, Z. j.	— Amarkānt, Zindagī aur jōk, Ilāhābād, 1958.
B, B. c.	— Bhagvatīcaraṇ Varmā, Bhūle-bisare citr, Dillī, 1959.
B, M. r.	— Bālūpurī, Surendra, Mustakil rozgār, Paṭnā, 1945.
D, C. l.	— Dharmavīr Bhāratī, Cād aur ṭūṭe hue log, Ilāhābād, 1955.
D, T. h.	— Dharmavīr Bhāratī, Ṭhele par Himālay, Ilāhābād, 1958.
G, D. r.	— Gurudatta, Dāstā ke naye rūp, Naī Dillī, 1957.
«J»	— «Jan-yug» (sāptāhik), Lakhnaū, [б. г.].
H, N. b.	— Himāšu Šrīvāstav, Nadī phir bah calī, Vārānasī, 1961.
«K»	— «Kalpnā» (māsik), Haidarābād, [б. г.].
M, J. l.	— Māgaldev, Jvālā kī lapaṭē, Dillī, 1957.
M, B.	— Mārkaṇḍey, Bhūdān, Ilāhābād, 1958.
M, M. p.	— Mārkaṇḍey, Mahue kā peṛ, Ilāhābād, 1955.
M, P. p.	— Mārkaṇḍey, Pān-phūl, Ilāhābād, 1957.
M, M.	— Mārkaṇḍey, Māhī, Illāhābād, 1962.
M, H. j. a.	— Mārkaṇḍey, Hāsā jāī akelā, Ilāhābād, 1957.
M, A. k.	— Mohan Rākeš, Andhere band kamre, Dillī, 1961.
M, E. z.	— Mohan Rākeš, Ek aur zindagī, Dillī, 1961.
N, D. e.	— Nareš Mehtā, Do ekānt, Dillī, 1963.
O, K. s.	— Onkārnāth Šrīvāstav, Kāl-sundarī, Dillī, 1958.
P, S. k.	— Premcand, Sarvašreṣṭh kahāniyā, Dillī, [б. г.]
R, A. a.	— Rājendra Yādav, Abhimānyu kī ātmahatyā, Agrā, 1959.
R, U. l.	— Rājendra Yādav, Ukhare hue log, Dillī, 1956.
R, D. m	— Rājendra Yādav, Devatāō kī mūrtiyā, Bīkāner, 1952.
R, K. k.	— Rājendra Yādav, Khel-khilaune, Kāšī, 1954.
R, S. d.	— Raghuvīr Sahāy, Sīṛhiyō par dhūp mē, Kāšī, 1960.
R, M. a.	— Reṇu, Phaṇīšvarnāth, Mailā ācal, Dillī, 1957.
R, P. p.	— Reṇu, Phaṇīšvarnāth, Partī-parikathā, Dillī, 1957.
R, T	— Reṇu, Phaṇīšvarnāth, Ṭhumrī, Dillī, 1959.

S, T —Sudaršan, Tīrth-yātrā, Banāras, 1951.
S, K. g. —Sarveśvaradayāl Saksenā, Kāṭh kī ghāṭiyā, Kāśī, 1959.
S, K. k. —Satyendra Śarat, Kuhāsā aur kiraṇ, Ilāhābād, 1956.
Š, I. i. —Śivprasād Sīh, Inhē bhī intazār hai, Vārāṇasī, 1961.
Š, K. k. —Šekhar Joši, Kosī kā ghaṭvār, Ilāhābād, 1958.
Š, B. b. —Šaileš Maṭiyānī, Borīvalī se Boribandar tak, Dillī, 1959.
Š, K. —Šaileš Maṭiyānī, Kabūtarkhānā, Dillī, 1960.
Š, H. —Šaileš Maṭiyānī, Hauldār, Dillī, 1961.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранников А. П., Хиндустани (урду и хинди), Л., 1934.
2. Чернышев В. А., Просторечные элементы в синтаксисе литературного хинди, — сб. «Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии», М., 1971.
3. Чернышев В. А., Синтаксис простого предложения в хинди, М., 1965.
4. Beames J., A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India, vol. III, London, 1879.
5. Dvivedī Rāmāgyā, Avadhī-koš, Ilāhābād, 1955.
6. Guru Kamtāprasād, Hindī vyākaraṇ, Kāśī, 1977 [1920].
7. Kellogg S. H., A Grammar of the Hindi Language, London, 1875.
8. Phillott D. C., Hindustani Manual, Calcutta, 1910.
9. Phillott D. C., Hindustani Stumbling Blocks, London, 1909.
10. Platts, J. T., A Dictionary of Urdu, Classical Hindi and English, London, 1884.
11. Platts J. T., A Grammar of the Hindustani or Urdu Language, London, 1872.
12. Pořízka V., Hindština, Hindī Language Course, pt I, Praha, 1963.
13. Tivārī Udayanārāyaṇ, Bhojpurī bhāṣā aur sāhitya, Paṭnā, 1954.

Е. Н. Шарова

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕФИКСА *BI-* В КЛАССИЧЕСКОМ ПЕРСИДСКОМ/ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В классическом персидском/таджикском языке употреблялись глагольные формы, в состав которых входили префиксальные частицы *(ha)mē*, *bi-* и постпозитивная частица *-ē*. Если по поводу функций *(ha)mē*, *-ē* мнения иранистов не расходятся, и все единодушно признают, что они служили для выражения видового оттенка длительности, многократности, ирреальности, то, напротив, в отношении префиксальной частицы *bi-* такого единодушия нет. Все исследователи сходятся лишь на том, что оттенок, придаваемый этой частицей глагольной форме, трудно уловить и трудно объяснить. Этимологию *bi-* одни ученые считают выясненной [7], другие, напротив, не вполне ясной [8, 298].

Существуют в основном две характеристики префиксальной частицы *bi-*, предлагаемые иранистами. Большинство исследователей склонно рассматривать ее как носителя видовой характеристики, как показатель совершенности, предельности, однократности действия [2, 46—47; 3, 72—73; 5, 16—17; 6, 55]. В работах других иранистов, напротив, отрицается наличие такого значения у названной частицы. К ним прежде всего относится капитальный труд современного крупнейшего французского ираниста Ж. Лазара, который пишет по поводу частицы *bi-*: «Функция *bi-* не может быть определена противопоставлением *(ha)mē*» [8, 299].

И далее: «Формы с префиксом *bi-* и без него не взаимозаменяемы. Использование тех и других связано с синтаксическими условиями». Префикс *bi-* опускается, если глагол находится в «слабой позиции, отнесен на второй план, семантически подчинен другому элементу, который несет на себе логическое ударение сообщения». Так, по наблюдениям Ж. Лазара, префикс *bi-* не ставится в том случае, если глагол имеет преверб, именной элемент, а также, в зависимости от семантики глагола, сопровожда-

ется «дополнением, указывающим на предел движения или цель, если вводит прямую речь» [8, 304—305]. Напротив, префикс *bi-* сопровождает форму, если глагол находится в сильной позиции, т. е. если глагол является «элементом более важным для сообщения». В этом случае вся фраза может состоять из одного сказуемого или из сказуемого и подлежащего или «сопровождается каким-либо другим дополнением, не указывающим на окончание движения... Очень может быть, что эти условия сами находятся в прямой связи с движением мелодики и ударения во фразе» [8, 305].

Иначе говоря, Ж. Лазар в противоположность большинству иранистов не признает за префиксом *bi-* собственного грамматического содержания. По-видимому, совершенно самостоятельно к подобному же выводу приходит советский иранист Р. Джураев, который рассматривает частицу *bi-* как «звуковой комплекс с опустошенным грамматическим значением» [1, 9].

Если обратиться к современному персидскому языку, где префикс *bi-* сохранился лишь в сослагательном и повелительном наклонениях, можно найти подтверждение мысли Ж. Лазара о связи постановки префикса *bi-* с логическим выделением глагола во фразе. Правда, здесь речь может идти лишь об использовании *bi-* с так называемыми сложноименными глаголами.

Наблюдения и выводы Ж. Лазара представляются весьма справедливыми и убедительными. Однако вряд ли можно считать окончательно решенным вопрос об использовании префикса *bi-* с глагольными формами в классическом персидском/таджикском языке. Продолжая выяснение норм употребления и пропуска названного префикса в раннем классическом персидском языке, мы привлекли несколько произведений персидских/таджикских авторов XI—XII вв.

Анализ материала в значительной степени подтверждает справедливость выведенных Ж. Лазаром закономерностей. Ниже приводятся примеры употребления беспрефиксальной формы прошедшего времени в «слабой позиции» (т. е. при наличии дополнений, указывающих на предел движения или цель, при наличии именного элемента при глаголе). Примеры: *va čūn xabar ba Mu'tazid rasiḍ saxt šādmāna gašt va 'Abdullah ibn al-Fath rā ba Xurāsān fristāḍ va 'ahd i Xurāsān va lavā va tāj va xal'athā bisyār andar sana i mi'ataini va samānin va samānīna sōy i Ismā'īl ibn Ahmad ba Samarqand fristāḍ* (I, 12) 'Когда известие дошло до Мо'тазэда, он очень обрадовался и послал в Хорасан Абдоллаха ибн аль-Фатха,

а в 288 году послал в Самарканд Исмаилу Ахмеду много халатов, стяг, венец и грамоту на правление Хорасаном'; *va Muhammad ibn Tāhir mar Ibrāhīm ibn Salih al-Marvazī rā ba risālat nazdīk i Ya'qūb firistāδ* (I, 7) 'И Мохаммед Тахир послал с посланием к Якубу Ибрахима ибн Салеха Марвази'; *va čūn Mu'tasim binišast 'ahd i Xurāsān sōy i 'Abdullah firistāδ* (I, 2) 'И когда Мо'тасэм сел на трон, он послал Абдоллаху грамоту на правление Хорасаном'; *pas rōzē muvāza'at nihāδand va biyāmaδand* (I, 22) 'Потом однажды заключили соглашение и пришли...'.

Примеры употребления префиксальной глагольной формы в сильной позиции (т. е. если дополнений, ограничивающих постановку *bi-*, нет): *pas Ja'far Sa'lūk ō rā az 'Amr bixᵛāst va bibaxšīδ* (I, 21) 'Потом Джа'фар Са'лук попросил его у Амра, и Амр подарил [его]'; *ba jāy i man čunān va čunin kardē va az har cīzē hamē guft va Muhammad maqsūd-i 'Amr bidānist guft yad Allah al-Amīr har ci marā māl ast... in jumla māl az man bisitān* (I, 10) '[Он сказал]: «Ты делал вместо меня то-то и то-то. И говорил о всяком». Мохаммед понял (букв. узнал) цель Амра и сказал: «О рука Аллаха эмир! Все, что у меня есть, все возьми у меня»'.

Однако материал показывает, что выявленные Ж. Лазаром закономерности нередко нарушались. Так, в слабой позиции довольно часто встречается форма с префиксом *bi-*: *pas farmūδ tā hadāyā bisāxtand va ō rā bā hadāyā i dīgar nazdīk i Mutavakkil bifiristāδand* (I, 4) 'Потом приказал, чтобы приготовили подарки, и отослал его вместе с другими подарками к Мотаваккилю'; *pas sulh justand va muvāza'at binihāδand ki Abu Ali pisar i xᵛēš Abū al-Muzaffar Abdullah ibn Ahmad rā ba Buxārā bifiristāδ* 'Потом заключили мир и согласились на том, что Абу Али пошлет в Бухару своего сына Абдуль Мозаффара Абдоллаха ибн Ахмеда'; *va čūn Ma'mūn ba bait al- 'arūs biyāmaδ xāna i diδ mujassas va munaqqaš* (III, 34) 'И когда Мамун приехал в жилище невесты, он увидел расписанный дом с лепкой'; *pas dīgar rōz Tās rāyāt bigušāδ va kūs bizaδ va bar muqaddama az Buxārā biraft va az Jaihūn ubūr kard ba haft hazār savār va amīr ba bāqī i laškar dar pai ō ba Nišāpūr biyāmaδ* (III, 26) 'Потом на другой день Тас развернул знамена, забил в барабан и в авангарде ушел из Бухары, он перешел Амударью с семью тысячами всадников, а эмир с оставшимся войском вслед за ним пришел в Нишапур'.

Не говорит ли такое использование префиксальной формы, особенно в случаях с глаголом *āmaδan* 'прихо-

дить' и в сложноименном глаголе, что была какая-то иная причина для постановки частицы *bi-*, чем простое выделение глагола во фразе?

Трудно уловить какой-либо иной оттенок, кроме оттенка однократности или завершенности действия в префиксальной форме глагола *dīδan* 'видеть'. Если сравнить беспрефиксальную форму и форму этого глагола с *bi-*, разница в их видовом значении очевидна. Например, форма с *bi-*: *va čūn Nūh ō rā bidīδ inkārē nakard illā nēkō guft va umēdhāē nēkō kard* (I, 25—26) 'Когда Нух увидел его, он не стал его отвергать, а даже говорил доброе и подал добрые надежды'; *čūn Aliptīkīn čunān bidīδ ātaš andar laškar gāh zaδ tā hama bisūxt* (I, 33) 'Когда Алептекин увидел это, он поджег военный стан, пока все не сгорело'; *šabē andar sarāy xufta būδ va bāδ jāma az ō bāz afkand man ō rā bidīδam bačašmat xūb āmad hamē bitarsam ki mabāδā dēv marā vasvasa kunaδ* (I, 6) 'Однажды ночью он спал во дворце, ветер откинул его одежду. Я увидел его, он мне показался красивым. Я боюсь, не искушает ли меня див'.

Беспрефиксальная форма: *rōz garmgāh hamē rāndam bar bālāī i rēgē zanē dīδam īstāδa* (III, 15) 'Я гнал в самое жаркое время дня и видел стоявшую на песчаном холме женщину'; *hamēδūn paδšāhē rā dīδam ki mutaγayyir gašt* (III, 86) 'Так же я видел падишаха, который разгневался'; *mā bā jāy i tu bēštar az ān kardīm ki tu čašm dāštē zīrā ki andar tu nišan i vafā va dalil i rušd dīδīm* (I, 37) 'Мы вместо тебя сделали добра больше, чем ты ожидал, потому что видели в тебе верность и доказательство пребывания твоего на верном пути'.

Существует и другая сторона вопроса использования префикса *bi-*. Известно, что в среднеперсидском языке употреблялась не только приглагольная частица *bē->bi-*, но и преверб *bē*, указывающий на удаление, отход, отклонение: *bē kardan* 'удалять', 'снимать'..., *bē šuδan* 'удаляться' [4, 82].

Нельзя не согласиться с Ж. Лазаром, что в классическом персидском языке «нет места... для разделения префикса *bi-* на две различные морфемы» [8, 278]. В сознании носителя языка они, вероятно, не различались. Тем не менее объективно старинный преверб мог по традиции использоваться в тех же случаях, что и в среднеперсидском. Так, он часто употребляется с глаголами движения *šuδan*, *raftan* 'идти', 'уходить', *gurēxtan* 'бежать', 'убегать'. Эти глаголы сами по себе содержат понятие движения от говорящего, т. е. удаления. Но в сочетании с *bi-* все они приобретают оттенок окончательного ухода, бегства. В этом

случае дополнения, указывающие предел движения, не являются препятствием для постановки *bi-* [8, 302, 308]. Примеры: *va qaumē jam' kard va Abū Ja'far Ūrī rā ki xalifa i 'Amr būd bigirift va bibast va az Ismaīl ibn Ahmad amān xᵛāst va ba Buxārā biraft* (I, 21) 'И он собрал группу людей, схватил и связал Абу Джафара Ури, который был наместником Амра, попросил пощады у Исмаила ибн Ахмада и ушел в Бухару'; *va hama i qaum i Mākān az Abū Alī Marmar xᵛāstand ki 'alaf tang šuda būd va Mākān sōy i Tabaristān bigurēxt* (I, 13) 'И все люди Макана говорили (букв. просили) Абу Али Мармару, что с фуражом плохо, а Макан бежал в Табаристан'; *va amīr Mahmūd ijābat kard va xᵛāhar i xᵛēs ba-ō-ō dād sōy i Xᵛārazm biburdandaš* (I, 57) 'И эмир Махмуд благосклонно выслушал и отдал ему свою сестру, и ее увезли в Хорезм'; *pas Ahmad... az Sīstān bērūn amad va ba Marv bišud* (I, 21) 'Потом Ахмад... вышел из Систана и ушел в Мерв'.

В классическом персидском/таджикском языке существовали глаголы, не имевшие значения собственно удаления, но использовавшиеся преимущественно с префиксом *bi-* в прошедшем времени. Это глаголы *giriftan* 'брать', 'схватить', 'захватить', *kuštan* 'убить', *murdan* 'умереть'. Все они в какой-то мере содержат понятие безвозвратности, утраты. С префиксом *bi-* этот оттенок усиливается. Возможно, в этом случае — также реликт древнего преверба: *va amīr Sa'īd farmūd ta ba zindān kardandaš va andar ān zindān bimurd* (I, 21) 'Эмир Сеид приказал, чтобы его бросили в тюрьму, там он и умер'; *farmūd tā bikuštandaš* (I, 21) 'Он приказал, чтобы его убили'; *va cūn Muaddil xabar yāft ki barādaraš Bū Alī rā bigiriftand sulh kard* (I, 12) 'Когда Моаддел узнал, что его брата Бу Али захватили, он заключил мир'.

По мысли Ж. Лазара, при помощи *bi-* в глагол привносились некоторые дополнительные семантические оттенки. Но если значение удаления, движения прочь вытекало из природы преверба, то другие оттенки, отмеченные французским ученым, ему были, как нам кажется, несвойственны. Так, глагол *būdan* 'быть' в сочетании с *bi-* понимается Ж. Лазаром как 'оставаться': *bibūdan* 'оставаться' [8, 319].

Как правило, глагол *būdan* 'быть' в сочетании с *bi-* употребляется при наличии обстоятельства времени, указывающего на законченный отрезок времени пребывания кого-либо в каком-то месте. Примеры: *pas az ānjā ba Jūzjānān šudam va qurb i yak māh bibūdam va šarāb paivasta xᵛardamē* (II, 3) 'Потом оттуда я отправился в

Джузджанан и пробыл [там] почти месяц, и постоянно я там пил вино'; *va Abū'Alī andar Marv āmaδ va čand vaqt bibūδ pas sōy i Buxārā raft* (I, 25) 'Абу Али пошел в Мерв и пробыл там некоторое время, а потом отправился в Бухару'; *va amīr Mahmūd rahmatullah az Balx ba ɣaznin āmaδ va tābistān ānjā bibūδ* (I, 48) 'И эмир Махмуд (да будет над ним милость Аллаха) пришел из Балха в Газну и пробыл там лето'.

Вряд ли в случае с глаголом *buδan* префикс *bi-* менял его семантику и превращал его в глагол со значением «оставаться», тем более что для выражения понятия «оставаться» использовался самостоятельный глагол *mandan* (с префиксом или без него): *va čūn ō murd ō rā du pisar mānd* (I, 13) 'И когда он умер, у него оставались два сына'; *ō rā ba qal'a i ɣaznīn bāz dāštand va šiš māh dar ān habs bimand* (III, 93) 'И его держали в крепости в Газне, и он оставался в том заточении шесть месяцев'; *va ān rōz Fazl sarāy i xᵛēš biyārāsta būδ bar sabil ki buzurgān hairān bimāndand* (III, 36) 'И в тот день Фазль украсил свой дворец так, что вельможи были поражены'.

Частица *bi-* сообщает какой-то дополнительный оттенок формам обоих глаголов, но вряд ли этот оттенок меняет семантику самого глагола. По всей вероятности, в этом случае это все-таки видовой оттенок завершенности действия.

По-видимому, реликтовый преверб и префиксальная частица *bi-* оказывали взаимное влияние друг на друга. Выяснение норм употребления и пропуска этих глагольных элементов, образовавших в классическом персидском/таджикском языке единую морфему, требует не только подбора и исследования огромного языкового материала произведений персидских/таджикских классиков X—XII вв. и более позднего времени, но и изучения этого явления в среднеперсидском языке.

Однако анализ языкового материала прозаических произведений раннего новоперсидского/новотаджикского языка позволяет, как нам кажется, предполагать, что форме прошедшего времени с префиксальной частицей *bi-* в известной мере был присущ видовой оттенок завершенности, законченности или однократности действия. В некоторых случаях этот оттенок несколько стерт, в некоторых проступает отчетливо. По всей вероятности, функция показателя специального видового оттенка у префиксальной частицы *bi-* уже начинала стираться в языке. В силу этого значение предельности, однократности, завершенности действия могло выражаться какими-то другими средствами.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

I — Abu Sajid Allah Gardīzī, Zain ul-Axbār Tārix i Gardīzī. Teheran, 1315.
II — Nāsir i Xusrau, Safar-Nāma, Berlin, [б. г.].
III — Ahmad ibn Umar ibn Alī Nizāmī Arūzī Samarqandī, Čahār Maqāla, Teheran, 1327.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джураев Р., Грамматическое описание «Asrār ut-tavhīd» — таджикско-персидского памятника XII в., автореф. канд. дисс., Л., 1964.
2. Залеман К. Г. и Жуковский В. А., Краткая грамматика новоперсидского языка, СПб., 1890.
3. Расторгуева В. С., Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964.
4. Расторгуева В. С., Среднеперсидский язык, М., 1966.
5. Сияев Б., Глагольные особенности таджикско-персидского литературного языка IX—X вв., Душанбе, 1964.
6. Смирнова Л. П., Язык «Тарих-и Систан», Сталинабад, 1959.
7. Фрейман А. А., К этимологии частицы *bi-* [б. г.], [б, м.].
8. Lazard G., La langue des plus anciens monuments de la prose persane, Paris, 1963.

З. А. Юсупова

ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГА *LE* В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ (СОРАНИ)[1]

В южном наречии курдского языка отсутствие именной флексии компенсируется широким употреблением предложных и предложно-послеложных конструкций.

В настоящей статье рассматриваются случаи употребления одного из самых грамматикализованных предлогов — первообразного предлога *le(l)*[2] без послелогов и с послелогами.

УПОТРЕБЛЕНИЕ *LE* БЕЗ ПОСЛЕЛОГОВ

Значение исхода

Общее значение исхода конкретизируется следующим образом.

1. Обозначение исхода в пространстве:

а) с глаголами движения, при которых объектом исхода может быть только неодушевленный предмет: *gerānewe* 'возвращаться', *derhênan* 'выводить', 'выносить', *derperîn* 'выскочить', *derçûn* 'выходить', *derkewtin* 'выходить', *dabezîn* 'сходить', 'слезать', *kewtin* 'падать', *roîştin* 'уходить', *heĪkêşan* 'тянуть' и др.: *goze hemû carêk bę saẍî le kanî nageřêtewe* (P, 106) 'Кувшин не всегда возвращается с родника целым'; *gurc deftere biçûkekey le baxeĪî derhêna w ştêkî tya nûsî* (RA, 41) 'Он поспешно вынул из-за пазухи книжечку и что-то записал в ней'; *kewẓke le qefezeke derpeřî* (RK, 16) 'Куропатка выскочила из клетки';

б) с глаголами движения (удаления), при которых объектом исхода может быть как одушевленный предмет, так и

[1] В советском курдоведении термином «сорани» условно обозначается южный диалект курдского языка, тогда как для северного диалекта используется обозначение «курманджи».

[2] При слиянии *le* с местоимениями *em, ew (lem, lew)* или местоименной энклитикой *-ê(lê)*.

неодушевленный: *dûr xistinewe* 'удалять', 'отстранять', *dûr kewtinewe* 'удаляться', 'отстраняться', *dûr bûn* 'удаляться', 'отдаляться' и др.: *le dêyeke dûr kewtin* (P, 21) 'Они удалились от деревни'; *hîç ştê natwanê to le min dûr bixatewe* (PZ, 38) 'Ничто не может отдалить тебя от меня'.

2. Обозначение исхода с глаголами избавления: *azad bûn* 'освобождаться', 'избавляться', *rizgar bûn* 'спасаться', 'освобождаться', *rizgar kirdin* 'спасать', 'освобождать', *parastin* 'спасать', 'избавлять': (1) *Esîr le bend azad ebê, Zimanî e'dil u dad ebê* (DS, 42) 'Узник освободится от оков, Наступит справедливое время'; (2) *bew core herçî pîrî wuĪateke bû, le kuştin rizgar bû* (RK, 29) 'Таким образом все старики, какие только были в стране, спаслись от смерти'.

Ср. также постпозитивное употребление объекта исхода: *xot rizgar bike zû le nezanîn* (DS, 129) 'Освободи себя скорее от невежества'.

3. Обозначение источника — с глаголами получения, испрашивания: *wergirtin* 'получать', *estandin* 'отбирать', 'получать', *kirîn* 'покупать', *heĪgirtin* 'брать', 'отбирать', *pirsîn* 'спрашивать', *paranewe* 'просить', *dawa kirdin* 'требовать', *bîstin* 'слышать' и др.: *dwênê namem le xûşkekey wergirt* (RN, 21) 'Вчера я получил письмо от его сестры'; *mêrdekey Xazê her be xewî şewanîş be bîrya nayêt jin lêyan bisênêtewe* (K, 51) 'Мужу Хазе и во сне не придет в голову отобрать у них свою жену'.

Ср. в подобном значении объект исхода, расчленяющий сложноименной глагол: *Kerîm-xan daenîşê w daway qilyanî le qilyandarekey ekat* (PZ, 16) 'Карим-хан садится и требует у своего кальянщика кальян'.

4. Обозначение исходного материала, состава — с глаголами: *derhênan* 'добывать', 'получать', *dirust kirdin* 'изготавливать', *dirûn* 'сшить', *pêk hatin* 'состоять из', *hatine gorê* 'образовываться', 'создаваться' и др.: *şekir le qamiş derehênrê* (RK, 17) 'Сахар добывается из тростника'; *aĪay Êraq le rengî sûr u sipî w zerd u sewz u reş pêk hatûwe* (RK, 46) 'Иракский флаг состоит из красного, белого, желтого, зеленого и черного цветов'.

5. Обозначение причины — с глаголами состояния: *lerzîn* 'дрожать', *diĪteng bûn* 'расстраиваться', *etir derdan* 'благоухать', *keyfxoş bûn* 'радоваться', *aciz bûn* 'обижаться', 'расстраиваться', *sûr bûn* 'краснеть', *mirdin* 'умирать', *tûre bûn* 'гневаться', 'сердиться' и др.: *ew ew minaĪeye ke dwênê le serma elerzî* (RK, 119) 'Это тот ребенок, что вчера дрожал от холода'; *guĪ le ahî min etrî derdawe* (DS, 53) 'От стонов моих цветок заблагоухал'.

6. Употребление при глаголах и предикативных прилагательных, обозначающих наполнение, насыщение, например: *pir kirdin* 'наполнять', *pir bûnewɜ* 'наполняться', *pir bûn* 'наполняться'; *têr bûn* 'насыщаться': *pyaɫe pir bike to lew şerabe* (DS, 41) 'Вином наполни ты эту чашу'; *Pîrot le seyrkirdin u temaşa kirdinî Mrot têr nedebû* (P, 30) 'Пирот не мог наглядеться на Мрот'.

Ср. случаи расчленения сложноименного глагола объектом: *Şaxêkî berz u sewz u sext bûm, Pir le gul u nesrîn, pir le drext bûm* (DS, 155) 'Я была высокой, зеленой и недоступной горой, покрытой розами и жасмином'.

7. Обозначение партитивности (в составе именного словосочетания): *mang beşêkî le baxçeke roşen kirdewɜ* (PZ, 46) 'Луна осветила часть сада'; *hîç ewɜy dezanî ke bîst u pênc kes le ladêyekanî to çûnete Mihabad?* (P, 16) 'Ты знаешь, что двадцать пять человек из твоих односельчан отправились в Мехабад?'.

8. Обозначение сравнения (в составе сочетания со сравнительной формой прилагательного): *brakem le xom gewretir bû be çwar saɫ* 'Мой брат был старше меня на четыре года'; *min Mecnunî tom, le Mecnun bedtir* (DS, 8) 'Я твой Маджнун, несчастнее Маджнуна'.

9. Во всех перечисленных значениях исхода предлогу *le* в южном диалекте соответствует предлог *ji* в курманджи. Ср. соответственно приведенным выше употреблениям: *min k'aẍezê mêrê wê ji cêba xwɜ derxist dirêj kirê, daêda* (B, 48) 'Я достал из кармана письмо ее мужа и протянул ей'; *gawa k'u ez dîtim ji wî dûr k'et* (B, 34) 'Едва заметив меня, он отошел от него'; *min ji bavê xwɜ pirsî* (B, 41) 'Я спросил своего отца'; *diranê wê te digot ji sedef hatibûne çêkirinê* (B, 47) 'Зубы ее словно были сделаны из перламутра'; *wê şevê ji şabûna ez qe ranezam* (B, 11) 'В ту ночь от радости я совсем не спал'; *min k'aẍez direjî yekî ji wan kir* (B, 30) 'Я протянул письмо одному из них'; *wî wɜlatîda îdî c'em ji wî c'emî mezintir t'unebû* (B, 11) 'В той стране не было реки больше этой'.

Следует вместе с тем иметь в виду явление факультативности предлога *ji* в курманджи. Ср.: *min(ji) bawê xwe pirsî* 'Я спросил у своего отца'; *ez (ji)te mezintirim* 'Я старше тебя'; *bavê min (ji)gund hat* 'Мой отец приехал из деревни'.

Значение места

1. Это значение предлога *le* не всегда обусловлено семантикой глагола (ср. прим. 2, 3): (1) *Eɫên Kurdistan le*

Asyaye, Belam elêm roh̄î dinyaye (DS, 52) 'Говорят, Курдистан находится в Азии, Я же говорю [Курдистан] — душа вселенной'; (2) *rastî bê wîstman em êwareye le malî êwe nan bixoyn* (RK, 17) 'По правде [говоря], этим вечером мы хотели поужинать в вашем доме'; (3) *le şax u çya gul̄ geşayewe* (DS, 54) 'В горах распустились цветы'.

2. Предлогу *le* в этом значении в курманджи регулярно соответствует сочетание предлога *li* с послелогом *-da* — при факультативности предлога (прим. 1—3) и реже послелога (прим. 4, 5): (1) (*li*) *vî şiherîda h'alê me qe p'ak nedibû, em h'erṙo birçîbûnêda bûn* (B, 52) 'В этом городе наше положение никак не улучшалось, мы постоянно голодали'; (2) (*li*) *bostanada şîn dibûn kartol, gizêr, k'elem u yêd mayîn* (B, 43) 'В огородах росли картофель, морковь, капуста и другие [овощи]'; (3) *lê t'orbê minda xênjî nên hebû k'itêb* (B, 40) 'А в моей суме кроме хлеба была книга'; (4) *cyê min jî li k'erxanê kir, niha ez li k'erxanê dexebitim* (B, 53) 'Он устроил меня на фабрику, и теперь я работаю на фабрике'; (5) *li wî gundî yeke k'urd hebû* (B, 6) 'В той деревне была одна курдянка'.

Значение направления

В этом значении предлог *le* употребляется сравнительно редко. Тем не менее и тут выделяются группы глаголов, с которыми *le* обозначает тот или иной оттенок направления:

1) с глаголами или предикативными прилагательными со значением приближения: *hatne pêşewe* 'подойти', 'приблизиться', *nizîk bûnewə* 'приблизиться', 'подойти', *nizîk kirdinewe* 'приблизить': *hîç be bîrma neehat lew lêfe şiṙe pîse biçme pêşewə* (K, 47) 'Мне бы и в голову не пришло подойти к тому старому грязному одеялу'; *Mîna-aẍa le Mrot nizîk bûwəwe* (P, 46) 'Мина-ага приблизился к Мрот'. Ср. синонимическую связь именной части сложного глагола с объектом посредством изафета, без предлога *le: min nizîkî mêzeke bûmewe* 'Я подошел к столу'; *zimanî farsî gelê nizîke le zimanî kurdî* (DS, 30) 'Персидский язык очень близок к курдскому';

2) с глаголами касания: *Şêrko dest be cê likêkî piştêndekey le liqî dareke girêda* (P, 91) 'Шерко тотчас привязал один конец своего пояса к ветви дерева'; *Kak-Mamend bo ewey zû bigate cê zûzû le kerekey dewəjênê* (P, 5) 'Как-Маманд, чтобы скорее добраться до места, быстро погонял осла'.

Особенно четко отмеченное значение предлога *le* прослеживается в глаголе *lêdan* 'бить', 'ударять', 'стучать', а также во фразеологических сочетаниях *dest lêdan* 'касаться', 'трогать', *dest lê kirdin* 'обнимать', 'касаться' при расщеплении сложного глагола объектом касания (прим. 2, 3): (1) *kê le dergakey eda?* 'Кто стучался в дверь?'; (2) *destim le qijî da zor nerm bû* (RN, 11) 'Я коснулся ее волос, они оказались очень мягкими'; (3) *kurêke destî le milî kird u wutî* 'Юноша обнял его и сказал'.

В приведенных примерах, правда, предлог *le* в значительной степени лексикализован;

3) с глаголами собственно направления: *ke nextê zortir hatewə ser xoy u baştir çawî be tarîkî cêgake rahat têgeyî ke le tewêleke firê drawə* (K, 62) 'Когда он немного пришел в себя, и глаза его привыкли к темноте, он понял, что брошен в конюшню'; *serokî jandarm u efserekanî tir tewawî parekeyan le gîrfan axinî* (P, 13) 'Начальник жандармерии и другие офицеры сунули все деньги в карман'.

Ср. с постпозитивным употреблением объекта направления и без предлога *le: parekey axinîye gîrfanî* (RN, 41) 'Он сунул деньги в свой карман';

4) с глаголами *derbaz bun* 'переходить', 'переправляться', *perînewe* 'проходить', 'переходить', *çûn* 'уходить', 'идти', *hatin* 'приходить', 'приезжать' и другими глаголами движения выражает движение через что-либо: *le mêj nebû le deştekey derbaz bibûn, we le rubarî Berazgir perîbûnewə* (H, 84) 'Совсем недавно они прошли через долину и переправились через реку'; *ke le dergay hewşe çûwe jûrewe xanûwəkeyan pir bû le şewq* (DZK, 106) 'Когда она прошла через ворота в комнату, дом их наполнился сиянием'; *le dîwarî baxeke hatin bem dîwa* (PZ, 72) 'Через стену сада они перешли на эту сторону'.

В этом значении предлогу *le* в курманджи, как правило, соответствует послелог *-ra: ew pencerêra derket* (B, 8) 'Он вышел через окно'; *rê mêşera derbaz dibe* 'Дорога проходит через лес'.

Объектно-отвлеченные значения

1. При выражении предлогом *le* объектно-отвлеченных значений нередко сохраняются более или менее отчетливые связи с выделенными выше значениями исхода (1, 2), места (3), направления (4, 5): (1) *le segî dir, le afretî zimanşir bitirse* (RN, 20) 'Остерегайся злой собаки и злой женщины'; (2) *ew le kes şerm naka* (DZK, 14) 'Он ни-

кого не стесняется'; (3) *hetta le awdanî bûwewe şewî be ser hat* (RK, 89) 'Пока он был занят поливкой [огорода], наступила ночь (букв. пока он находился в поливании)'; (4) *wa le aẍajin egeyênê ke Xazê çûte dilîyewe* (K, 52) 'Он дает понять госпоже, что Хазе понравилась ему'; (5) *aẍakey Kanî-gurge her hereşe le Mîne-aẍa deka* (P, 82) 'Ага [деревни] Кани-гурга постоянно угрожает Мина-аге'.

2. В других случаях эти связи сильно затемнены. Сюда следует отнести случаи употребления предлога *le* с глаголами: *fikir kirdin* 'думать', *bîr kirdinewe* 'вспоминать', *agadar bûn* 'быть осведомленным', 'узнать', *şareza bûn* 'быть осведомленным' и др.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОГА *LE* С ПОСЛЕЛОГАМИ

Предлог *le* плюс послелог *-ewe*
Значение исхода

В сочетании с предлогом *le* послелог *-ewe* выделяет и конкретизирует только одно из значений, присущих предлогу *le*, именно: значение исхода.

1. Обозначение исхода в пространстве: (1) *beḷam kurde dilîrekan şewê le qeḷakewe derkewtin* (QD, 24) 'Однако бесстрашные курды ночью выбрались из крепости'; (2) *mişkêk le kunekewe hate derê* (DZK, 47) 'Из норы вышла мышь'.

В приведенных примерах, однако, послелог *-ewe* факультативен (ср. прим. 1, 2 с прим. 3, 4), что, по-видимому, объясняется тем, что семантика глагола обусловливает значение исхода, исключая в данном случае другие значения, возможные для предлога *le:* (3) *le paş dû-sê deqîqe le baxeke derkewt u royîşt* (RN, 30) 'Спустя две-три минуты он вышел из сада и ушел'; (4) *le dermanxaneke hate derê w le naw xeḷkekeda wun bû* (RA, 41) 'Он вышел из аптеки и исчез в толпе'.

Послелог *-ewe* обязателен в тех случаях, когда глагол допускает или обусловливает иное значение предлога *le.* В этом употреблении послелог *-ewe* несет главную нагрузку в обозначении исхода: *le pir le kunekewe ştêk brîskayewe* (DZK, 47) 'Вдруг что-то блеснуло из норы'; *minaḷeke le binî bîrekewe hawarî ekird* (RK, 94) 'Ребенок звал на помощь со дна оврага'.

Послелог *-ewe* употребляется также при обозначении ограниченного предела в пространстве, указывая на пункт, который представляется исходным: *deryay Xezer le rojheḷatewe dirêj bûwe heta Oral* (S, 36) 'Хазарское море раскинулось с Востока до Урала'.

2. Послелог *-ewe* употребляется для указания исхода во времени, включая случаи, когда во фразе обозначается временной предел: *le nîweřowe baran ebarê* (DZK, 19) 'С полудня льет дождь'; *le beyanîyewe ta ewarê êre cêgame* (DS, 10) 'С утра до вечера я нахожусь здесь'.

3. Обозначение исхода в переносных значениях: *emzanî ew nexoşîye le xwardinewey awî pîsî cinûbewe bû* (DS, 18) 'Я знал, что эта болезнь была от питья загрязненной южной воды'; *şêx Selam yekser le zimanî farsîyewe çwarînekanî Xeyamî her be şêr gořî be zimanî kurdî* (DS, 29) 'Шейх Салам перевел стихами с персидского языка на курдский все четверостишия Хайяма'.

4. Приведенным выше употреблениям сочетания *le+ -ewe* соответствуют наречия *le kwêwe?* 'откуда?' (*le kwê* 'где'), *le wêwe* 'оттуда' (*le wê* 'там'), *le pêşewe* 'сначала', *le dûrewe* 'издали' и пр.: *le kwêwe dey?* (RN, 15) 'Откуда идешь?'; *le wêwe çûme lay şêx Salih* (DS, 14) 'Оттуда я отправился к шейху Салыху'; *Le dûrewe çiray maşînekewe dîyar kewt* (P, 62) 'Издали показался свет машины'.

5. В курманджи употребление соответственно послелога *-va* в сочетании с предлогом *ji* еще более ограничено. Сочетание *ji* плюс *-va* указывает только на исход во времени, и лишь в тех случаях, когда конечный предел не обозначен. Однако пространственные значения для послелога *-va* не чужды и курманджи. Ср. исходно-пространственные наречия *binva* 'снизу', *pişva* 'сзади', *dûrva* 'издали', в составе которых именно послелог *-va* — носитель значения исхода: *parva ez hîviya te bûm* (КЯ, 70) 'С прошлого года я ждал тебя'; *ewana êvarva dest bi şeř kir* (КЯ, 70) 'Они с вечера начали сражение'; *duhva baran dibare* (КЯ, 70) 'Со вчерашнего дня идет дождь'.

6. С обозначением исхода метонимически связано указание на прохождение через что-либо: *le pencerey otomobîlekewe seyrî ekird* (RA, 63) 'Он смотрел через окно машины'; *Sofî Hesen destî kird be ber baxelîya, beľam le batî ewey pare derbênê, destî le yekê le kûnekanî baxelî kewa şiřekeyewe hate derê* (K, 70) 'Софи Хасан сунул руку за пазуху, но рука его, вместо того чтобы вытащить деньги, прошла сквозь одну из дыр его старой рубахи наружу'.

Значение места

Значение места обнаружено только в одном употреблении — в сочетании с именем *maľ*: *le maľewe* 'дома': *le maľewe îş ekat* (RK, 41) 'Он работает дома'; *emca ke gur-*

geke dêt u to natbînê le maĺewɛ tuře ebêt 'Потом, когда волк придет и не застанет тебя дома, он рассердится'; *min lêrem, beĺam Gulçîn le maĺewɛya* (RK, 18) 'Я здесь, а Гулчин дома'.

Логично рассматривать сочетание *le maĺewɛ* в одном ряду с подобными по составу локативными наречиями *le pêşewe* 'впереди', *le serewe* 'наверху', *le jûrewɛ* 'внутри', *le derewɛ* 'снаружи', 'вне (дома)'.

ПРЕДЛОГ *LE* ПЛЮС ПОСЛЕЛОГ *-ŘA*

В говоре мукри наряду с послелогом *-ewɛ* синонимически употребляется послелог *-řa*, не отмеченный в сулеймани.

Послелог *-řa* охватывает в мукри тот же круг значений, что и послелог *-ewɛ*: исход в пространстве (с отвлечением в ряде случаев от прямого значения), исход во времени и прохождение через что-либо.

1. Обозначение исхода в пространстве: *kabra temaşayêkî ew dû lawɛ kird, zanî ke le dêřa hatûn* (P, 124) 'Взглянув на этих двух юношей, мужчина понял, что они пришли из деревни'; *kêyan lew lařa hênawe?* (M, 10) 'Кого они принесли с той стороны?'; *çawim quçand u lew hewayeřa xom heĺdaşt* (M, 21) 'Я закрыл глаза и бросился с той крутизны'.

Сюда же примыкают случаи употребления *le* плюс *-řa* с заметным отвлечением от прямого значения исхода в пространстве: *lew pêkenîneřa dîyar bû ke kak—Mamend be kuřekey şanazî deka* (P, 94) 'Из этой улыбки было очевидно, что как-Маманд гордится своим сыном'.

2. Сочетание *le*+*-řa* участвует также в образовании соответствующих наречий: *le kwêřa* 'откуда', *le wêřa* 'оттуда', *lêreřa* 'отсюда', *le jêrřa* 'снизу', *le dûrřa* 'издали' и др.: *aya ew serokî eşîretane le kwêřa ew dahate zore we dest dehênin?* (KI, 807) 'Откуда эти предводители племен получают такую прибыль?'; *le wêra heta şarî ême bîst kilometre* (KI, 58) 'Оттуда до нашего города двадцать километров'.

3. Обозначение исхода во времени, включая случаи, когда во фразе обозначен временной предел (2, 3): (1) *we ew dawxwaziye le parekeřa çend caran le layen amrîkayîyekewɛ, ke dostî almanîyeke bû, dûpate dekrawɛ, beĺam ew dawxwazîyey be cê nedegeyand* (KI, 22) 'Американец, который был другом [того] немца, с прошлого года несколько раз повторял свою просьбу, однако просьба его не испол-

нялась'; (2) *ew berberekanîyey ke salî 1918-ra ta salî 1939 bo pesgirî le şerî duwem kira, le bîrî hemûmanda mawe* (KI, 80) 'У всех у нас осталась в памяти борьба, которая велась с 1918 по 1939 г. за предотвращение второй [мировой] войны'; (3) *le yekî awitra ta êsta le wê mawe* (KI, 58) 'С первого августа и по настоящее время он оставался там'.

4. Обозначение прохождения через что-либо: *çûwe serbanî ximxanêkî, le roçnera de ximî kewt* (M, 6) 'Она забралась на крышу одной красильни и через потолочное отверстие упала в краску'; *çi bikem le Yemanêra çilon bigeme şarî Cizîrê?* (M, 78) 'Что мне делать, как через Йаман добраться до города Джезире?'.

5. Привлекают внимание случаи употребления в том же значении исхода предлога *le* в сочетании с двумя послелогами: *-ewe* плюс *-ra*, что, по-видимому, свидетельствует о сильном ослаблении конкретного значения послелога *-ewe* в мукри: *lew wîjrawanewera me'lum dekat ke...* (KI, 82) 'Из этих слов становится ясным, что...'; *le rojî hewlewera be ser ew rêgayeda derwat* (K, 121) 'С первого же дня она идет по этому пути'; *le malewera hatim* (KI, 8) 'Я прибыл из дому'.

6. Сопоставление с курманджи выявляет в данном случае существенные различия: значения послелога *-ra* в мукри ограничено узкими и четкими пределами исхода, тогда как в курманджи *-ra* выражает совместность в (мукри комитативное значение *-ra* прослеживается только в наречии *pêkra* (*-be*+*yek*+*-ra* 'вместе'). В плане синтаксиса имеется только один пункт соприкосновения: значение трансгрессива. Сравни соответственно с приведенным выше: *rê mêşera derbaz dibe* (B, 8) 'Дорога проходит через лес'; *ew pencerêra derk'et* (B, 8) 'Он вышел через окно'.

ПРЕДЛОГ *LE* ПЛЮС ПОСЛЕЛОГ *-(D)A*

Послелог *-(d)a* в сочетании с предлогом *le* четко выделяет значение места. Вместе с тем послелог *-(d)a* представляет собой опору для расширения и смещения прямого значения места [см. прим. 3, 4 и также употребление сочетания *le*+*-(d)a* во временно́м значении, прим. 1—3].

1. Пространственное значение, включая случаи отвлечения от прямого локативного смысла (прим. 3, 4): (1) *sê mang lemew pêş herçîm hebû le dûkanekema diz birdî* 'Три месяца назад вор унес все, что было в моей лавке'; (2) *kûpeleke le naw liqî darekanî qerax gomeke danrawe,*

wɛ ewɛy, ke le gomekeda ebînrê, kûpeĭeke nîye, wênekeyetî (RK, 29) 'Кувшин поставлен в ветвях дерева на берегу озера, и то, что виднеется в озере, это не кувшин, а его отражение'; (3) *lem xeyaĭaneda bû, ke wurde-wurde, xew birdîyewe* (RA, 48) 'Он был погружен в эти мечты, когда сон незаметно одолел его'; (4) *Çwar saĭ le ẍerîbîda bûyn* (K, 23) 'Четыре года мы жили на чужбине'.

2. Временно́е значение (временной локатив): (1) *lem wexteda le pir serî heĭbirî w wutî* (PZ, 24) 'В этот момент он вдруг поднял голову и сказал...'; (2) *Kurdistan le behara beheşte* (PK, 16) 'Весной Курдистан — рай'; (3) *aya ebê pyawêk le mawey sê-çwar seata le Beẍdawe biçêtewe Pîran u bêtewe Beẍda?* (DS, 17) 'Возможно ли за несколько часов съездить из Багдада в Пиран и снова вернуться в Багдад?'.

3. Сочетание предлога *le* с послелогом *-(d)a* используется для образования наречий и наречных выражений: (1) *le pêşda ewan bixo, le paşan emnîş* (M, 8) 'Сначала съешь их, а потом меня'; (2) *le paşda biro* (M, 6) 'Иди сзади'.

4. В курманджи сфера употребления послелога *-(d)a* значительно шире. Помимо отмеченных локативных значений он может выражать исход (прим. 1), направление (прим. 2, 3): (1) *êvarda baran dibare* (КЯ, 72) 'С вечера идет дождь'; (2) *min gote wîda* (КЯ, 72) 'Я сказал ему'; (3) *virda wɛre* (КЯ, 72) 'Иди сюда'.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

B — Şamîlov, E., Berbang, Yerevan, 1958.
DS — Selam, Dîwanî Selam, Beẍda, 1956.
DZK — Webby T., Destûrî zimanî kurdî, Beẍda, 1956.
GS — Muherem Muhemmed Emîn, Girdî şehîdan, Silêmanî, 1958.
H — «Hiwa», № 33, Beẍda, 1961.
K — Bile, Kwêrewerî, Beẍda, 1959.
KI — газ. «Kurdistan».
M — Mann O., Die Mundart der Mukri — Kurden, t. 1, Berlin, 1906.
P — Qazî R., Pêşmerge, Beẍda, 1961.
PZ — Hesen Fehmî Caf, Paĭewanî Zend, Baẍda, 1956.
QD — Muhammed Tofiq Wurdî, Qeĭay Dimdim, Beẍda, 1960.
RA — Muherem Muhemmed Emîn, Rêgay Azadî, Silêmanî, 1960.
RK — Nûrî E'lî Emîn, Rêzimanî kurdî, Sulêymani, 1960.
RN — Rojî nwê, № 3, Silêmanî, 1959.
S — Salar, Çon zeban peyda buwe, Silêmanî, 1959.
КЯ — Курдоев К. К., Грамматика курдского языка (курманджи). М.—Л., 1957.

Ю. А. Рубинчик

ПЕРСИДСКИЙ СЛОЖНЫЙ ГЛАГОЛ И ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ РАМОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ

При изучении структурно-грамматических, фразеологических и семантических свойств персидских сложных глаголов (далее — СГ) нельзя пройти мимо вопросов образования рамочной конструкции (далее — РК), теснейшим образом связанных с природой и характером функционирования этой разновидности глагольных фразеологизмов в персидском языке.

Однако сведения, имеющиеся в работах по теории персидского языка, в грамматиках, учебниках и учебных пособиях, об особенностях образования РК, о характере ее функционально-стилистического и синтаксического использования — весьма неполны и несистематичны. Авторы этих работ обычно ограничиваются упоминанием о возможности образования РК некоторыми СГ, причем не указываются различия между рамочным и нерамочным построением СГ, не отмечаются стилистические, структурно-синтаксические и другие особенности РК. Совершенно не затрагиваются вопросы образования РК другими видами фразеологизмов.

Между тем РК является одной из структурных моделей персидской фразеологии и охватывает фразеологические единицы (далее — ФЕ), соотносимые по своему строению как со словосочетаниями, так и с предложениями [4, 809—811]. Из ФЕ, имеющих форму словосочетаний, РК свойственна глагольным фразеологизмам, именные ФЕ характеризуются только контактным построением, которое осуществляется изафетной, предложной, копулятивной или примыкающей связью.

Замыкание второстепенных членов предложения компонентами устойчивых сочетаний и отдельными элементами синтаксических структур, тесно связанных между собой семантически и грамматически, встречается и во многих других языках, например в русском языке:

Под монастырь	хочет меня	подвести.

Однако в персидском языке это явление получило особенно большое развитие и не только распространяется на сферу стилистических отношений между элементами синтаксических структур (напр., между частями составных сказуемых) и компонентами фразеологизмов, но и выступает как структурная модель многих глагольных фразеологизмов и фразеологизмов-предложений. Вот почему всестороннее изучение условий образования и особенностей употребления РК в персидском языке представляет интерес для теории общей и сравнительной фразеологии.

Термин «рамочная конструкция» первоначально получил распространение в грамматиках немецкого языка для характеристики такого синтаксического построения, при котором наиболее тесно связанные части высказывания находятся в дистантном положении. В немецком языке РК образуется в предложении путем расщепления сказуемого на спрягаемую и неизменяемую части, причем она может охватывать все члены предложения, входящие в состав группы сказуемого или близкие к ней[1]. Например:

Wir | schreiben | diesen Artikel | nicht |

'Мы не пишем эту статью'.

Грамматической литературой по персидскому языку термин «рамочная конструкция» был заимствован из немецкой грамматики и, вполне естественно, на персидской почве приобрел некоторые отличия как по содержанию, так и по характеру его применения. В грамматиках и учебниках персидского языка этот термин обычно употребляется для характеристики такого построения сложноглагольного сказуемого, при котором между его компонентами вклиниваются прямое и косвенное дополнения или обстоятельство места.

Впервые на контактное и дистантное положение частей СГ в персидском языке обратил внимание А. К. Арендс в «Синтаксисе персидского языка» [2, 36]. Однако характеристики особенностей употребления этой конструкции, анализа ее синтаксических и стилистических функций в этой работе мы не находим.

В работе Л. С. Пейсикова «Вопросы синтаксиса персидского языка» образование РК рассматривается в связи

[1] На материале немецкого языка РК подверглась обстоятельному и детальному изучению, при этом в силу особого характера функционирования в этом языке главное внимание было обращено на логико-синтаксические особенности ее употребления [см. 1, 377—380].

с анализом различных форм выражения сказуемости [3, 389—396]. В этой работе понятие РК было расширено, и этот термин стал также применяться по отношению к особым построениям сказуемых, выраженных аналитическими формами длительных конкретных времен с глаголом *дашт̄ан* 'иметь', глагольными словосочетаниями модально-целевого характера и т. д. [3, 388—389].

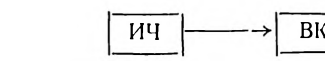
Но совершенно очевидно, что характер функционирования РК в связи с выражением сказуемости аналитическими формами длительных конкретных времен и различными видами свободных глагольных словосочетаний отличается от характера функционирования РК как дистантного построения различных видов ФЕ. В данной статье затрагиваются вопросы фразеологического использования РК, в частности вопросы образования РК двучленными глагольными фразеологизмами, традиционно называемыми в грамматической литературе по персидскому языку сложными глаголами.

Недостаточная изученность разновидностей РК, образуемой фразеологизмами, и особенностей ее функционирования в языке приводит к тому, что многие глагольные ФЕ, для которых РК является единственной формой существования, либо совсем не представлены в словарях персидского языка, либо представлены неправильно — в форме нерамочной конструкции (далее — НРК), — все это отрицательно сказывается на составлении учебников персидского языка и практике преподавания: изучающие персидский язык, как правило, слабо владеют теми ФЕ, которые имеют устойчивое построение в виде РК или преимущественно употребляются в форме РК.

* * *

Многие персидские СГ могут иметь не только контактное построение своих компонентов, но и дистантное, т. е. при определенных синтаксических и стилистических условиях способны образовывать РК. Например, СГ *та̄слим ка̄рда̄н* 'вручать', 'передавать', именная и глагольная части которого находятся в контактном положении, может образовать РК — *та̄слим-э ка̄с-и ка̄рда̄н* 'вручать, передавать кому-л.' — которая представляет собой дистантное построение СГ (между именной частью и глаголом вклинивается непостоянный член — *ка̄с-и* 'кто-л.', выступающий в роли косвенного дополнения). Даже в пределах небольшого отрывка текста нередко можно встретить рамочное и нерамочное построение одного и того же СГ. Графи-

чески РК двучленного глагольного фразеологизма можно изобразить следующим образом:

[2]

Наблюдения над характером синтаксического использования СГ показывают, что не все СГ обладают способностью замыкать второстепенные члены предложения между именной и глагольной частями. Этот вопрос будет специально рассмотрен ниже в связи с характеристикой различных случаев образования рамки. РК таких СГ, которые способны иметь не только контактное, но и дистантное положение компонентов, названа нами **факультативной**. В этом случае рамочное и нерамочное построения СГ выступают как коррелятивная пара.

Факультативной РК по характеру синтактико-стилистического функционирования противостоит **постоянная РК**, характерная главным образом для многочленных глагольных фразеологизмов (4, 810) и фразеологизмов-предложений, а также для некоторых СГ, требующих обязательного рамочного построения при наличии определенных видов дополнений (см. ниже).

Постоянная РК многочленных глагольных фразеологизмов и фразеологизмов-предложений может быть охарактеризована как единственно допустимое построение, как их устойчивая структурная модель. Например, она встречается в глагольных фразеологизмах, состоящих из двух, трех и более постоянных членов: *дăндан-э кăс-и-ра шомордăн* 'знать о ком-л. всю подноготную', 'видеть кого-л. насквозь', *дăр пуст-э кăс-и офтадăн* 'за глаза ругать кого-л.', 'злословить на чей-л. счет', *ăнгошт дăр шир-э кăс-и зăдăн* 'мешать кому-л.', 'вмешиваться в чьи-л. дела', *сайе-йе кăс-и-ра ба тир зăдăн* 'сильно ненавидеть кого-л.', 'не выносить кого-л.'.

Во фразеологизмах-предложениях вставочный компонент (далее — ВК) имеет всегда конкретное выражение в виде слитного или личного местоимения. Эти местоимения обычно изменяются по лицам и являются выразителями субъекта или объекта действия: *Дăст-ăш бэ дом-э гав бăнд шодэ ăст* 'Он кое-как устроился'; *Дăрд-ăм миайăд* 'Мне больно'; *Му-йи дăр мийан-э анҺа нэмигонджăд* 'Они очень дружны', 'Их водой не разольешь'; *Ин колаҺ бăрайе сăр-э у гошад ăст* 'Это дело ему не по плечу' и т. д.

---

[2] ИЧ — именная часть, ВК — вставочный компонент, КГ — компонирующий глагол.

СГ свойственна преимущественно факультативная РК. Это означает, что в определенных синтаксических и стилистических условиях бывает более употребительным либо рамочное, либо нерамочное построение СГ, а в отдельных случаях РК становится единственно возможным построением СГ, что специально рассматривается ниже.

Если подходить к рассмотрению РК с точки зрения соотношения языка и речи, то на языковом уровне РК можно было бы назвать **виртуальной** (т. е. мыслимой как элемент языковой системы независимо от ее реализации), а на речевом уровне — **актуализованной** (т. е. примененной в конкретной речевой ситуации). Иными словами, можно говорить о виртуальной или актуализованной формах факультативной и постоянной РК.

В словарях, грамматиках и учебниках персидского языка, когда необходимо показать структуру глагольного фразеологизма, имеющего постоянное дистантное построение своих компонентов, должна фиксироваться виртуальная РК. Эту же форму РК следует использовать и в тех случаях, когда возникает необходимость показать возможность образования дистантного построения глагольным фразеологизмом.

Для обозначения ВК виртуальной формы РК глагольных фразеологизмов удобно и целесообразно употреблять следующие имена существительные с артиклем, указывающие на реальные возможности замены их конкретными членами предложения: *кäс-и* 'кто-л.', *чиз-и* 'что-л.', *кар-и* 'какое-л. дело', *дӂа-йи* 'какое-л. место'. Эти имена существительные приблизительно в обобщенном виде отражают лексико-семантические варианты ВК. Глагольный компонент ставится в инфинитивной форме. Например, РК СГ *аѓаз кäрдäн* 'начинать', 'приступать' может быть обозначена следующим образом: *аѓаз-э бэ чиз-и кäрдäн* 'начинать что-л.', 'приступать к чему-л.', РК СГ *тäһвил дадäн* 'сдавать', 'передавать' — *тäһвил-е кäс-и дадäн* 'сдавать кому-л.', 'передавать кому-л.', РК СГ *бэ фэкр офтадäн* 'приходить к мысли', 'подумать' — *бэ фэкр-э кар-и офтадäн* 'намереваться что-л. сделать', РК СГ *варэд шодäн* 'прибывать' — *варэд-э дӂа-йи шодäн* 'прибывать куда-л.'.

В чем же состоят различия между виртуальной и актуализованной формами РК?

В актуализованной форме РК ВК получает конкретное лексическое выражение в соответствии с содержанием и целью высказывания, а компонирующий глагол употребляется в личной форме (в соответствующем времени и на-

клонении)[3]. Так, виртуальная форма РК СГ *тăғйир-э чиз-и дадăн* 'изменять что-л.' и *бэ тăсăрроф-э кăс-и дăр-амăдăн* 'быть захваченным кем-л.' при ее актуализации в конкретных предложениях получает следующий вид: *Нă кăлемат-э ăрăби камэлăн фарси шодэ вă нă фарси тăғйир-э шекл дадэ* (ХД, 10) 'Ни арабские слова не превратились полностью в персидские, ни персидские слова не изменили своей формы'; *Сэпăс шăhpha-йе йунани-йе Асйа-йе Сăғир, hăмэги бэ тăсăрроф-э Курош дăр-амăдăнд* (ХМ, 2) 'Затем Киром были захвачены все греческие города Малой Азии'.

Кроме того, именные члены актуализованной РК (т. е. именная часть СГ и ВК) могут получать дополнительное грамматическое оформление — артикль, послелог *-ра*, — вызываемое синтаксическими и стилистическими потребностями предложения, а также конкретным значением ВК: *Бăhрам сăрпăрăсти-йе ханэ-йе у-ра микăрд* (ХСК, 17) 'Бахрам брал на себя заботу о его доме'; *До сэ бар сăр-и бэ hăбибэ Солтан зăдăм* (ДЖК, 14) 'Два-три раза я заглядывал к Хабибе Солтан'; *Дăст бэ энгэлаб-э бозорг-и зăдим* (К) 'Мы начали великую революцию'.

На уровне речи можно говорить и о другом виде РК — о **собственно речевой РК**. Если актуализованная РК — это реализация виртуальной РК на уровне речи, то собственно речевая РК возникает исключительно в процессе речи, ее образование не основывается на каких-либо структурных особенностях ФЕ. Этот вид РК встречается у многочленных глагольных фразеологизмов и у фразеологизмов-предложений, но наиболее характерен он для СГ. При этом следует иметь в виду, что поскольку образование собственно речевой РК не связано непосредственно со структурно-семантическими свойствами СГ, поэтому даже наиболее семантически слитные и фразеологически устойчивые из них способны иметь разобщенное построение своих компонентов. В этом отношении собственно речевая РК отличается от факультативной РК, образование которой зависит не только от синтактико-стилистических особенностей предложения, но и от структурно-семантических свойств самого СГ. Таким образом, РК в широком понимании этого термина — любое дистантное построение ФЕ, между компонентами которой заключены знаменательные или служебные слова, непосредственно не входящие в ее состав.

[3] В отдельных случаях (напр., в поэзии, пословицах и поговорках) компонирующий глагол сохраняет форму инфинитива: *Джăнг ба нăнăнг кăрдăн вă дăр дăрйа мандăн* 'Сражаться с китом и оставаться в море (т. е. подвергать себя большой опасности)'.

На образование собственно речевой РК влияют факторы, связанные с синтаксической и стилистической структурой предложения, с общим стилем и содержанием высказывания (например, помещение между компонентами СГ временно́го союза *ке*, модальных глаголов и оборотов, слитных местоимений для выражения различного рода объектов действия в разговорном стиле речи): *Сир-ке шодäм рäфтäм отаг-э Геда Äли* (ХСК, 66) 'Когда я наелась, отправилась в комнату Геда Али'; *У раһ нэмитäванэст бэрäвäд* (К) 'Он был не в состоянии идти'; *Дэлхош будäм-ке эншаäллаһ фäрамуш-äм кäрдэ änd* (ДЖК, 141) 'Я был доволен тем, что они, авось, меня забыли'.

Во всех приведенных выше предложениях помещение различных слов между компонентами СГ не связано с его семантикой. Так, употребление союза *ке* после именной части СГ *сир шодäн* 'насыщаться', 'наедаться' вызвано тем, что этот союз никогда не может находиться в начале сложного предложения; благодаря постановке модального глагола *тäванэстäн* 'мочь' между именной и глагольной частями достигается логическое выделение значения СГ *раһ рäфтäн* 'идти'; употребление местоименных энклитик после именной части СГ в разговорной речи позволяет более кратко и быстро выразить объект действия.

Собственно речевая РК используется также как средство чисто логического выделения, подчеркивания значения СГ (напр., в случае постановки усилительной частицы *häм* 'даже' после именной части): *Эһсас кäрдäм-ке биэ'тэнайи-häм миконäд* (АЧ, 81) 'Я почувствовала, что он даже не обращает на меня внимания'; *Эстэхарэ-häм кäрдэ будäм, бäд амäдэ буд* (ХСК, 69) 'Я даже гадала, было дурное предзнаменование'.

Кроме того, к собственно речевой РК, по нашему мнению, следует отнести случаи употребления имен прилагательных и существительных в роли определения к именной части СГ, если не нарушается при этом структурно-семантическое единство глагольного фразеологизма: *Хänäндэ-йе монсэф äгäр дäр мäтлäб-э äсли-йе ин кетаб дэғғäт-э кафи конäд, дäр пайан мо'тäрэф хаһäд буд-ке...* (РК, 250) 'Если беспристрастный читатель обратит особое внимание на основную тему этой книги, то в конце признает, что...'; *Ходадад... чалак вä зэндэдэл гамһа-йе моһкäм бäр-мидашт* (ХСК, 70) 'Ходадад... ловкий и жизнерадостный, твердо шагал по дороге'; *Ромийан бар-э äввäл дäр 296 милади шекäст-э фаһэш-и хордänд* (ХМ, 22) 'Римляне в первый раз потерпели колоссальное поражение в 296 году н. э.'.

Вместе с тем нельзя не видеть двойственной природы

собственно речевой РК, в которой в качестве ВК используется прилагательное (или существительное в атрибутивной функции). С одной стороны, образование РК в данном случае, как и всякой собственно речевой РК, носит индивидуально-стилистический характер — образование ее нельзя предусмотреть заранее, исходя только из структурно-семантических свойств СГ; с другой стороны, ВК-определение, как и ВК актуализованной формы РК, уточняет и дополняет значение СГ. Все это позволяет данную разновидность РК рассматривать как промежуточную структуру между актуализованной формой факультативной РК и собственно речевой РК.

* * *

При возможности образования факультативной РК СГ имеет две коррелятивные формы существования: рамочную (дистантную) и нерамочную (контактную). Однако далеко не все СГ способны иметь факультативную РК.

В связи с образованием факультативной РК возникают вопросы, относящиеся к особенностям ее функционирования в персидском языке. Какие СГ могут образовывать факультативную РК и в каких случаях она употребляется? В чем состоят различия между РК и коррелятивной для нее НРК одного и того СГ? Ответы на эти вопросы имеют важное значение для понимания природы факультативной РК, для изучения характера синтаксического и стилистического функционирования СГ, для правильного отображения виртуальной формы РК различных СГ в словарях и учебниках персидского языка. Однако анализ случаев образования и употребления факультативной РК многих СГ представляется весьма нелегким делом в связи с тем, что в этом явлении тесно переплетаются структурно-семантические особенности СГ и логико-стилистические и синтаксические свойства предложения, оказывающие влияние на выбор той или иной конструкции.

Можно указать на следующие факты, некоторые из них нуждаются в дальнейшем исследовании на более обширном и разнообразном материале.

I. Строгой зависимости между образованием факультативной РК и семантической структурой СГ проследить не удается. Анализ многочисленных примеров показывает, что РК способны образовывать не только мотивированные, но и частично мотивированные и немотивированные СГ [см. 5, 179—182]. Вот несколько примеров на образование факультативной РК немотивированными и частично мотивированными СГ: *Äз häр дж͡а вä*

här käс сораґ-э Голбäбу-ра герэфт käс-и äз у хäбäр нäдашт (ХСР, 63) 'Где только и у кого только ни разыскивала она Гольбабу, никто ничего не знал о нем'; *Вäли чон дäр ан кенайе бэ Ростäм зäдэ буд бäдтäр хäндэ шеддäт käрд* (ХСК, 34) 'Однако, поскольку в нем он намекал на Рустама, смех еще больше усилился'; *До сэ бар сäр-и бэ häбибэ Солтан зäдäм* (ДЖК, 14) 'Два-три раза я заглядывал к Хабибе Солтан'.

И все же среди этих семантических групп наиболее часто факультативную РК образуют мотивированные СГ. При этом в роли именной части обычно выступают имена существительные со значением действия или слова, семантически связанные со значением действия и способные иметь при себе дополнения, обстоятельства места и цели. Здесь, в первую очередь, следует отметить СГ, в роли именной части которых выступают арабские масдары (напр., *эҕдам käрдäн* 'начинать', 'приступать', *эhсас käрдäн* 'ощущать', 'чувствовать', *дэфа' käрдäн* 'защищать', 'оборонять', *täслим käрдäн* 'вручать', 'сдавать', *täшкил дадäн* 'организовывать', *tähвил дадäн* 'сдавать', 'передавать'), персидские существительные (напр., *рäсидэги käрдäн* 'расследовать', 'контролировать', 'проверять', *бäррäси käрдäн* 'изучать', 'рассматривать', *пошгибани käрдäн* 'поддерживать', 'оказывать покровительство', *дэлдари дадäн* 'утешать', 'успокаивать', *шайестэги даштäн* 'быть достойным', 'быть пригодным'), арабские причастия (напр., *азэм шодäн* 'отправляться', 'уезжать', *монтäзэр будäн* 'ожидать', *мобтäла шодäн* 'подвергаться', 'заболевать', 'пристраститься', *дахэл шодäн* 'входить', 'поступать', *шамэл будäн* 'содержать', 'включать'), персидские адъективно-причастные формы (напр., *бжуйа шодäн* 'отправляться на поиски', 'расспрашивать', *дара будäн* 'иметь', 'обладать', *рäванэ käрдäн* 'отправлять', 'посылать').

Решающую роль в образовании рамочного построения играет лексико-грамматическое значение именной части, к которой изафетом или при помощи предлога присоединяется ВК.

II. На образование факультативной РК оказывают влияние такие факторы, как общее значение СГ и особенно лексико-грамматическое значение именной части, способность последней иметь при самостоятельном употреблении зависимые члены.

1. СГ, в роли именной части которых выступают различные прилагательные, и в первую очередь качественные прилагательные, независимо от того, являются ли эти глаголы прямо- или косвеннопереходными, обычно не образуют факультативную РК: *болäнд käрдäн* 'поднимать', 'де-

лать длинным, долгим', 'будить', *бозорг кäрдäн* 'увеличивать', 'воспитывать', 'выращивать', *кутаһ шодäн* 'укорачиваться', *хäшмгин шодäн* 'гневаться', 'сердиться', *хамуш шодäн* 'смолкать', 'затихать', *сäбок кäрдäн* 'облегчать', 'унижать' и т. д.

2. Факультативную РК не образуют многие СГ, в роли именной части которых выступают различные имена существительные (чаще всего имена конкретные): *зäнг зäдäн* 'ржаветь', *тул кешидäн* 'длиться', 'продолжаться', *зäмин хордäн* 'падать', *руй дадäн* 'происходить', 'случаться', *чорт зäдäн* 'дремать', *сурäт герэфтäн* 'случаться', 'осуществляться', *па шодäн* 'подниматься', 'вставать' и т. д.

3. Наличие предлога в составе СГ не является препятствием для образования факультативной РК — здесь сохраняют силу отмеченные выше факторы: общее значение СГ и лексико-грамматическое значение именной части в особенности. Так, предложные СГ *бэ фэкр офтадäн* 'приходить к мысли', 'намереваться', *бэ эмза рäсидäн* 'быть подписанным', *бэ täсäрроф дäр-амäдäн* 'быть захваченным', *бэ эсарät дäр-амäдäн* 'попадать в плен', 'попадать в рабство', *бэ эстэһзар рäсанидäн* 'доводить до сведения', 'сообщать' и др. при наличии соответствующих дополнений образуют РК: *Äз ан пäс тämäм-э мämалек-и-ке табэ'-э Бабол будänд бэ этайт-э Парс дäр-амäдänд* (ХМ, 2) 'В дальнейшем все страны, которые зависели от Вавилона, стали подчиняться Фарсу'; *Рäис-э мäджлес-э шура-йе мэлли бэ эстэһзар-э нämайändэган рäсанид-ке...* (К) 'Председатель меджлиса сообщил депутатам, что...'.

Вместе с тем многие СГ, именная часть которых выражена именами существительными с предлогами, не способны образовывать факультативную РК; *бэ änджam рäсанидäн* и *бэ этмам рäсанидäн* 'завершать', 'заканчивать', *бэ пайан рäсидäн* 'заканчиваться', *бэ тул änджамидäн* 'продолжаться', *бэ мийан амäдäн* 'появляться', 'возникать', *äз бэйн бордäн* 'уничтожать', *äз па дäр-авäрдäн* 'изматывать', 'изнурять', 'губить', 'уничтожать' и т. д.

III. Как известно, в персидском языке имеется немалое количество слов, которые самостоятельно не употребляются и лишены отдельного лексического значения. Они встречаются в составе разного рода устойчивых оборотов, многие выступают в роли именной части СГ: *тäлäғғи кäрдäн* 'воспринимать', 'встречать', *ғати кäрдäн* 'смешивать', 'перемешивать', *хит кäрдäн* 'ставить в неловкое положение', 'заставлять краснеть', *йадавäр шодäн* 'напоминать', 'отмечать', *форуғзар нäбудäн* 'не щадить', 'не жалеть', *рäһсəпар шодäн* 'направляться', 'отправляться'

и т. д. В большинстве случаев такие СГ не образуют факультативную РК, но в отдельных случаях РК не только возможна (напр., *Йадавăр-э ан шод-ке...* 'Он напомнил о том, что...'), но и более типична и употребительна, чем НРК (напр., *Рăhсэпар-э Тэhран шод* 'Он отправился в Тегеран').

Необходимо особо остановиться на СГ, в качестве именной части которых выступают арабские причастные формы, не имеющие в персидском языке самостоятельного употребления[4]: *мотăсăррэф шодăн* 'захватить', 'овладеть', *монтăшер кăрдăн* 'издавать', 'публиковать', *мотăфэт шодăн* 'обращать внимание', 'понимать', *мотăзăккер шодăн* 'напоминать', 'упоминать', *монд͡жăр шодăн* 'заканчиваться', 'завершаться', *мотăвăд͡жд͡жеh шодăн* 'быть направленным', 'быть адресованным', 'понять', 'уяснить себе', 'замечать', 'обращать внимание' и т. д.

Казалось бы, лексико-синтаксическая несамостоятельность такого рода причастных форм должна обеспечивать структурную слитность и неразделимость компонентов СГ, однако в действительности многие из таких СГ способны образовывать факультативную РК: *Ан руз äз шеддăт-э тă'д͡жил молтăфэт-э ан нăшодэ буд* (ХСК, 29) 'В тот день из-за спешки он не обратил внимания на это'; *Нич йек äз нэвисăндэган мотăзăккер вă мотăвăд͡жд͡жеh-э ан нăшодэ äнд мăгăр йек нăфăр мостăшрэг-э энгелиси моўсум бэ сэр Вилйам Д͡жоўнз* (ХД, 18) 'Никто из авторов не упомянул и не обратил внимания на это, за исключением английского востоковеда сэра Уильяма Джоунза'; *Ин hăдэсэ монд͡жăр бэ тирэги-йе рэвабэт-э до кешвăр шод* (К) 'Этот случай привел к ухудшению отношений между двумя странами'.

Вместе с тем следует отметить, что ряд СГ, в состав которых входят такие «несамостоятельные» арабские причастия, не образует факультативной РК: *мотăсăррэф шодăн* 'захватить', 'овладеть', *монтăгэл кăрдăн* 'переносить', 'перевозить', 'переводить', 'перемещать', *монтăшер кăрдăн* 'издавать', 'публиковать', *садэр кăрдăн* 'выпускать', 'издавать', 'экспортировать' и т. д.

Таким образом, рассмотрение многих СГ, и особенно СГ с именной частью, не имеющей самостоятельного (вне устойчивого словосочетания) употребления, с точки зрения возможности образования ими факультативной РК при-

[4] Некоторые из арабских причастий этой группы получают возможность выступать в атрибутивной функции после прибавления к ним суффикса *-э* — арабского окончания женского рода.

водит к выводу о том, что при изучении СГ необходимо запоминать, обладает ли способностью тот или иной СГ образовывать факультативную РК, подобно тому, как запоминают способы управления глаголов.

IV. Если СГ обладает несколькими значениями, то факультативная РК может быть образована не со всеми значениями, а избирает одно-два значения, — в других значениях СГ употребляется только при контактном положении компонентов. Так, СГ *азэм шодӓн* а) 'отправляться', 'уезжать'; б) 'намереваться', 'собираться (что-л. сделать)' — РК образует в первом значении: *азэм-э дӂа-йи шодӓн* 'отправляться, уезжать куда-л.'; СГ *сӓрф кӓрдӓн* а) 'расходовать', 'тратить'; б) 'съедать', 'принимать (пищу)'; в) 'склонять', 'спрягать' — РК образует в первом значении: *сӓрф-э кӓс-и (чиз-и) кӓрдӓн* 'расходовать, тратить на кого-что-л.'; СГ *тӓслим кӓрдӓн* а) 'вручать', 'передавать'; б) 'подчинять', 'покорять' — РК образует в первом значении: *тӓслим-э кӓс-и кӓрдӓн* 'вручать, передавать кому-л.'; СГ *дӓст зӓдӓн* а) 'трогать', 'прикасаться'; б) 'аплодировать', 'хлопать в ладоши'; в) 'приступать', 'начинать' — РК образует в первом и третьем значениях: *дӓст бэ кӓс-и (чиз-и) зӓдӓн* 'трогать кого-что-л.', 'прикасаться к кому-чему-л.' и *дӓст бэ кар-и зӓдӓн* 'приступать к какому-л. делу', 'начинать что-л.'.

V. Общее значение СГ и особенно значение его именной части оказывают влияние на то, какой вид дополнения (прямое или косвенное) выступает в роли ВК факультативной РК. На это необходимо обращать внимание в тех случаях, когда СГ одновременно может иметь два разных дополнения: прямое и косвенное. Так, в одних случаях в роли ВК выступает косвенное дополнение (напр., *чиз-и-ра тӓслим-э кӓс-и кӓрдӓн* 'что-л. передавать, вручать кому-л.', *чиз-и-ра сӓрф-э кӓс-и (чиз-и) кӓрдӓн* 'что-л. расходовать на кого-что-л.', *кӓс-и-ра (чиз-и-ра) мотӓвӓдӂ-дӂеһ-э кӓс-и (чиз-и) сахтӓн* 'кого-что-л. направлять на кого-что-л.'); в других случаях в роли ВК — прямое дополнение (напр., *ӓз кӓс-и энтэзар-э чиз-и-ра кешидӓн* 'от кого-л. ожидать что-л.', *бэ кӓс-и мотӓзӓккер-э чиз-и шодӓн* 'кому-л. напоминать что-л.').

VI. Изучение случаев образования РК различными СГ показало, что некоторые СГ при необходимости выразить определенные виды объектов имеют постоянную (обязательную) РК, т. е. РК является единственно допустимым построением в определенных семантико-синтаксических условиях, — без объекта СГ сохраняет контактное построение своих компонентов. Таким образом, довольно значи-

тельное количество СГ при наличии дополнений вообще или дополнений определенного вида всегда образует постоянную РК: *энтэгам герэфтäн* 'мстить' — *энтэгам-э кäс-и-ра* (*чиз-и-ра*) *герэфтäн* 'мстить за кого-что-л.'; *бэ эстэһзар рäсидäн* 'быть доведенным до сведения' — *бэ эстэһзар-э кäс-и рäсидäн* 'быть доведенным до сведения кого-л.'; *бэ фэкр офтадäн* 'приходить к мысли', 'подумать' — *бэ фэкр-э кар-и офтадäн* 'подумывать, намереваться что-л. сделать'; *бэ äрз рäсанидäн* 'докладывать', 'доводить до сведения' — *бэ äрз-э кäс-и рäсанидäн* 'докладывать кому-л.', 'доводить до сведения кого-л.', *бэ тäн кäрдäн* 'надевать (одежду)' — *бэ тäн-э кäс-и кäрдäн* 'надевать на кого-л.' и т. д.

Наличие постоянной РК и двучленного глагольного словосочетания может свидетельствовать о превращении такого словосочетания в многочленный глагольный фразеологизм, однако в данном случае этого не происходит по следующим причинам: 1) СГ полностью сохраняет свое значение; 2) при отсутствии соответствующего дополнения компоненты СГ находятся в контактном положении.

VII. Обращает на себя внимание особо устойчивый характер РК, образуемой некоторыми СГ, в роли именной части которых выступают арабские масдары *эзһар* 'выражение', 'проявление', *тäғйир* 'изменение', *эбраз* 'проявление', 'выражение', *джäлб* 'привлечение', *э'мал* 'употребление', 'применение': *эзһар-э äғидэ кäрдäн* 'выражать мнение', *тағйир-э шекл дадäн* 'изменять вид', 'изменяться', *эбраз-э тäнäффор кäрдäн* 'выражать отвращение', *джäлб-э нäзäр кäрдäн* 'привлекать внимание', *э'мал-е нофуз кäрдäн* 'использовать влияние'. Каждый из такого рода СГ, образуя РК, сочетается с определенной группой слов или с одним-двумя словами.

Среди этих СГ наибольшей валентностью обладают СГ *эзһар кäрдäн* и *эбраз кäрдäн* 'выражать', 'проявлять', в качестве ВК которых используются абстрактные существительные со значением мыслительной деятельности и чувств: *эзһар-э омидвари кäрдäн* 'выражать надежду', *эзһар-э рэзайät кäрдäн* 'выражать удовлетворение', *эзһар-э этминан кäрдäн* 'выражать уверенность', *эбраз-э һämдäрди кäрдäн* 'выражать сочувствие', *эбраз-э эһсасат кäрдäн* 'выражать свои чувства' и т. д. Образуется целая группа устойчивых моделированных образований, в которых моделирующими элементами одновременно выступают именная часть и компонирующий глагол.

Каждый из СГ *эзһар даштäн* и *эбраз даштäн* 'выражать', 'проявлять' имеет по два взаимозаменяемых глагольных компонента — *даштäн* 'иметь' и *кäрдäн* 'де-

лать',— выступающих как полные эквиваленты. Однако РК этих СГ образуется **только** с компонирующим глаголом *кӑрдӑн*.

В роли ВК такого рода СГ выступают имена существительные в обобщенном виде как представители класса однородных предметов и явлений, без зависимых слов и, как правило, без грамматических показателей.

При образовании факультативной РК меняется синтаксическая позиция зависимого члена, который становится ВК; при этом может изменяться способ подчинительной связи. Факультативная РК всегда допускает и обратный процесс — процесс превращения РК в НРК.

В случае преобразования РК рассматриваемых СГ в НРК происходит не только изменение синтаксической позиции зависимого члена (постановка его перед именной частью) и способа подчинительной связи (изафетная связь заменяется на послеложную или примыкающую), но и зависимый член обязательно получает определение, конкретизирующее его значение. Чаще всего в роли определения используются слитные и личные местоимения, определительное местоимение *ход* 'свой', а также имена прилагательные и существительные, например: *Ӑҫӑдэ-йе ход-ра эзһар миконӑм* 'Я выражаю свое мнение', *Рэзайӑт-э-ход-аш-ра эбраз дашт* 'Он выразил свое согласие', *Нӑзӑр-э анһа-ра ӂжӑлб кӑрд* 'Он привлек их внимание', *Ӑлаҫэ-йе зийад-и эбраз мидарӑд* 'Он проявляет большой интерес'. Без добавления соответствующих определений к зависимому члену — прямому дополнению конструкция оказалась бы грамматически невозможной и, следовательно, нельзя было бы произвести трансформацию РК в НРК. В этих условиях РК становится единственно допустимым построением СГ.

Таковы отличительные особенности РК некоторых СГ, позволяющие говорить об устойчивом характере данной РК по сравнению с обычной факультативной РК.

VIII. На употребление СГ в форме РК или НРК оказывает влияние сам глагол, его общее значение и значение компонентов. При этом у многозначных СГ выбор РК или НРК может зависеть от того, в каком конкретном значении используется данный СГ в контексте.

Если подходить к анализу структуры СГ с точки зрения того, какое построение компонентов — дистантное или контактное — является наиболее типичным для того или иного СГ, то можно выделить три следующие группы СГ:

1. СГ, для которых основной формой существования служит РК: *ӂжуйа-йе кӑс-и* (*чиз-и*) *шодӑн* 'отправляться на розыски кого-чего-л.', 'разыскивать кого-что-л.', 'рас-

спрашивать о ком-чем-л.', *шамэл-е чиз-и будән* 'включать что-л.', 'состоять из чего-л.', 'касаться чего-л.', 'распространяться на что-л.', *дара-йе кäс-и (чиз-и) будән* 'иметь кого-что-л', *монтäзэр-э кäс-и (чиз-и) будән* 'ждать кого-что-л.', *дочар-э чиз-и шодäн* 'столкнуться с чем-л.', 'подвергнуться чему-л.', *фаґэд-э кäс-и (чиз-и) будән* 'быть лишенным кого-чего-л.', *hаэз-э чиз-и шодäн* 'достигать чего-л.', 'приобретать что-л.', *мортäкеб-э чиз-и шодäн* 'совершать что-л. (ошибку, преступление и т. п.)', *мозаhэм-э кäс-и шодäн* 'мешать кому-л.', 'причинять беспокойство кому-л.' и т. д. В приведенных выше примерах РК является наиболее типичной формой построения этих глагольных фразеологизмов, но в определенных стилистических условиях (напр., в книжном стиле речи) возможна и НРК. Последнее дает основание рассматривать такого рода ФЕ не как многочленные глагольные фразеологизмы, а как СГ. Примеры: *Ин кетаб ... äз кälемат-э зäбанhа-йе дигäр-häм ан-че дäр фарси бэ кар рäфтэ äст шамэл äст* (НФ, б) 'Эта книга... включает также слова из других языков, которые употребляются в персидском языке'; *Шекäст-э hунhа дäр hэфз-э тämäддон-э Иран вä дж͡жähан нэhайät-э ähämmийäт-ра дара-ст* (ХМ, 22) 'Поражение гуннов имело огромное значение для сохранения культуры и цивилизации Ирана и всего мира'; *Дарäуш ... ба ченан эшкалат-и рубэру шод-ке кämтäр падэшаh-и бэ-дан дочар будэ* (ХМ, 3) 'Дарий... столкнулся с такими трудностями, с какими мало кто сталкивался из падишахов'; *Äз ан мозакерат нäбайäд нätайедж͡ж-е бозорг-и монтäзэр буд* (К) 'От этих переговоров не следует ожидать больших результатов'.

Особо следует выделить многозначные СГ, которые не во всех значениях, а только в одном-двух преимущественно употребляются в форме РК, т. е. в этих значениях РК является основной формой существования СГ. Так, СГ *варэд шодäн* а) 'входить', 'приходить'; б) 'ввозиться', 'импортироваться'; в) 'наноситься', 'быть причиненным'; г) приступать', 'начинать' — только в последнем значении употребляется преимущественно в форме РК, например: *Нämайäндэган-э häр до тäрäф варэд-э мозакерэ шодäнд* 'Представители обеих сторон приступили к переговорам', *Мäдж͡жлэс варэд-э дäстур шод* 'Меджлис приступил к рассмотрению повестки дня'. Но преимущественное употребление СГ в последнем значении в форме РК вовсе не означает, что контактное положение компонентов невозможно,—НРК встречается, однако, значительно реже, например: *Мäн ґäсд нäдаштäм-ке дигäр дäр ин моўзу' варэд шäвäм* (ЙА, 71) 'Я не намеревался больше приступать к этой теме'.

Что касается формы построения СГ *варэд шодӓн* в других значениях, то выбор РК или НРК зависит от стилистических условий контекста и цели высказывания.

СГ *мотӓвӓдӡӡеһ шодӓн*, также имеющий несколько значений, только в значении 'быть направленным, обращенным, адресованным' преимущественно употребляется в форме РК, например:

Дӓр мийан-э раһ һӓмэ-йе һуш-о һӓвасс-ӓш мотӓвӓдӡӡеһ-э Мӓрдӡан буд (ХСК, 37) 'В пути все его мысли и чувства были обращены к Марджан'.

Вопросы взаимосвязи семантики СГ с образованием факультативной РК, и в частности влияние значения СГ на преимущественное употребление глагола в форме РК, нуждаются в специальном исследовании на более обширном языковом материале.

2. СГ, которые преимущественно употребляются при контактном положении компонентов: *тоўзиһ дадӓн* 'разъяснять', 'объяснять', *тӓһсил кӓрдӓн* 'получать', 'приобретать', 'учиться', *дӡӓнг кӓрдӓн* 'воевать', 'сражаться', *тӓрбийӓт кӓрдӓн* 'воспитывать', *дӓрк кӓрдӓн* 'понимать', 'воспринимать', *тӓшкил дадӓн* 'организовывать', 'образовывать', *сӓр зӓдӓн* 'заходить ненадолго', 'заглядывать', *мотӓзӓккер шодӓн* 'напоминать', 'упоминать' и т. д. Однако в определенных синтаксических и стилистических условиях эти СГ также могут иметь рамочное построение: *Мӓдрӓсэ-йе Шӓрӓф-ра-ке мӓдӡӡанӓн тӓрбийӓт-э ӓйтам микӓрд бэ һэммӓт-э ход бонӓад нэһад* (НФ, б) 'Школа «Шараф», в которой бесплатно воспитывались сироты, была основана благодаря его стараниям'; *Дӡӓ-йе чӓрх-э дорэшке мийан-э ан тӓшкил-е шийарһа-йе пӓст-о болӓнд дадэ буд* (ХСК, 26) 'Колеса экипажа посреди нее (улицы.— *Ю. Р.*) оставляли следы в виде неровных борозд'; *Дӡӓнг ба нӓһӓнг кӓрдӓн вӓ дӓр дӓрӣа мандӓн* 'Сражаться с китом и оставаться в море (т. е. подвергать себя большой опасности)'; *Нохост вӓзир дӓр сохӓнрани-йе ход мотӓзӓккер-э ан ноктэ шод-ке...* (К) 'Премьер-министр в своем выступлении напомнил о том, что...'.

Рассмотренные выше две группы СГ позволяют сделать вывод о том, что РК и НРК несут на себе определенную структурно-семантическую нагрузку, в связи с чем их нельзя рассматривать как свободные построения СГ. При большей употребительности дистантного или контактного построения СГ одно из них (более употребительное) следует считать **основным**, а другое — **второстепенным вариантом структуры** СГ. Второстепенный вариант используется в речи как стилистическое средство, позволяющее бо-

лее дифференцированно выражать различные оттенки высказывания, подчеркивать или ослаблять значение СГ и относящегося к нему второстепенного члена, придавать всему высказыванию книжный характер.

3. СГ, у которых РК и НРК употребляются приблизительно одинаково[5]: *тағдим кәрдән* 'преподносить', 'дарить', *тәслим кәрдән* 'вручать', 'передавать', *дәст зәдән* 'приступать', 'начинать', *тәвәҷҷоһ кәрдән* 'обращать внимание', *рәһсәпар шодән* 'направляться', 'отправляться', *ағаз кәрдән* 'начинать', 'приступать', *дахәл шодән* 'входить', 'поступать', *сәвар шодән* 'садиться верхом', 'садиться (на поезд и т. п.)', *мәсруф кәрдән* 'расходовать', 'тратить', *машғул шодән* 'начинать', 'приступать', 'заниматься', *варәд шодән* 'входить', 'прибывать' и т. д.

СГ третьей группы свободно избирают рамочное или нерамочное построение. Выбор той или иной конструкции используется как средство логико-стилистического выделения членов предложения. В том случае, когда дополнение или обстоятельство предшествует СГ (контактное построение), главное внимание обращается на эти слова, они выделяются логически; при рамочном построении основное внимание обращается на значение СГ. Ср., например, употребление РК и НРК СГ в следующих предложениях: *Ходәш бә онван-э ин-ке байәд машғул-е моалеҷҷе бәшәзәд эстэ'фа дад* (ДЖТ, 153) 'Сам он под предлогом того, что должен заняться лечением, подал в отставку'; *һәмин-кг... бә тәмаша-йе дәрйа вә кәшакеш-е әмвадж-е башокуһ-әш машғул шодим ғәссә-йе хаб-әм-ра бәтәфсил бәра-йәт һәкайәт хаһәм кәрд* (ДЖК, 132) 'Как только... мы начнем смотреть на море и наблюдать за бурлением его чудесных волн, я расскажу тебе со всеми подробностями сказку, которую я видела во сне'; *һәммәт-и-ке мәсруф-э зәбан-э әрәби микәрднд әз ру-йе эһтийадж буд* (НФ, а) 'Усилия, которые они тратили на арабский язык, были вызваны особой необходимостью'; *Иранийан... ан-че һәммәт-о ғоввэ даштэ әнд бә дәрйафт-э нокат-о дәғаәғ-э зәбан-э тази мәсруф сахтэ әнд* (НФ, а) 'Иранцы ... всю свою энергию и силы расходовали на изучение тонкостей арабского языка'; *Мән бә ғәсд-э адәмкоши варәд-э ханэ-йе ин шәхс нашодэ будәм* (ДЖК, 20) 'Я вошел в дом этого человека не с целью убийства'; *Сәр-э раһ дәр мағазэ-йе әсбаббази*

[5] Как показывают наблюдения, многозначные СГ не во всех значениях способны одинаково употребляться в форме РК и НРК. Здесь рассматриваются однозначные СГ, для которых рамочное и нерамочное построения одинаковы, либо берутся те значения многозначных СГ, при которых РК и НРК употребляются приблизительно одинаково.

варэд шод (ХСК, 29) 'По пути он зашел в магазин игрушек'.

Выделенные выше три группы СГ отражают наиболее общие закономерности в образовании факультативной РК. Однако следует иметь в виду, что вследствие сложности взаимодействия факторов, влияющих на выбор контактного или дистантного построения, — об этом говорилось ниже, — не всегда удается четко установить принадлежность СГ к той или иной группе; имеются переходные случаи. Кроме того, в процессе развития языка модифицируются семантика и структурные свойства СГ, что не может не отразиться на характере их функционирования, — следовательно, возможны случаи перехода СГ из одной группы в другую.

* * *

В заключение характеристики рамочного построения СГ отметим, что многие СГ в форме РК могут входить в состав многочленных глагольных фразеологизмов, являясь стержнем, структурной основой этих ФЕ: *сäвар-э кар шодäн* 'осваивать дело', 'входить в курс дела' (из сущ. *кар* 'дело' и СГ *сäвар шодäн* 'садиться верхом'), *па бэ сэнн гозаштäн* 'достигать пожилого возраста' (из сущ. *сэнн* 'возраст' и СГ *па гозаштäн* 'входить', 'вступать'), *дахэл-е адäм шодäн* 'считать себя человеком' (из сущ. *адäм* 'человек' и СГ *дахэл шодäн* 'входить'), *äда-йе эhтэрам кäрдäн* 'оказывать почести', 'выражать уважение' (из сущ. *эhтэрам* 'уважение' и СГ *äда кäрдäн* 'исполнять', 'выполнять', 'платить'), *эзhар-э воджуд кäрдäн* 'заявлять о своем существовании' (из сущ. *воджуд* и СГ *эзhар кäрдäн* 'заявлять', 'выражать', 'проявлять') и т. д.

В связи с возможностью образования многочленных глагольных фразеологизмов на основе РК СГ возникает вопрос о разграничении рамочного построения СГ и многочленных глагольных фразеологизмов, иными словами, вопрос о критериях превращения одной разновидности глагольных фразеологизмов в другую. Но этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и нуждается в самостоятельном исследовании.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

АЧ — Бозорг Äлäви, Чäшмhа-йäш, чап-э сэввом.

ДЖК — Сäййед Мohäммäд Äли Джäмалзадэ, Кohнэ вä ноў, Тэhран, 1338.

ДЖТ — Сäййед Мohäммäд Äли Джäмалзадэ, Täлх-о ширин, Тэhран, 1334.

ЙА — Мäджäлле-йе «Йäғма», Тэһран, 1349, шомарэ-йе 260.
К — Рузнамэ-йе «Кейһан» (отдельные номера газеты за 1350 г. х.).
НФ — Доктор Äли Äкбäр Нäфиси, Фäрһäнг-е Нäфиси, Моғäддамэ, Тэһран, 1343.
РК — Мäджäлле-йе «Раһнäма-йе кетаб», Тэһран, 1349, шомарэһа-йе äввäл вä доввом.
ХД — Äбдорräһим һомайун-Фäррох, Дäстур-э джамэ'-э зäбан-э фарси, һäфт джелд дäр йек моджäллäд, чап-э доввом, Тэһран.
ХМ — Моһäммäд һэджази, Миһан-э ма, Тэһран, 1338.
ХСК — Садэғ һэдайäт, Сэ ғäтрэ хун, Тэһран, 1333.
ХСР — Садэғ һэдайäт, Сайероўшäн, Тэһран, 1334.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г., Введение в синтаксис немецкого языка, М., 1955.
2. Арендс А. К., Синтаксис персидского языка, М.—Л., 1941.
3. Пейсиков Л. С., Вопросы синтаксиса персидского языка, М., 1959.
4. Рубинчик Ю. А., Грамматический очерк персидского языка,—в кн. «Персидско-русский словарь» в двух томах, под ред. Ю. А. Рубинчика, т. II, М., 1970.
5. Рубинчик Ю. А., Персидский сложный глагол как разновидность глагольных фразеологизмов, — сб. «Индийская и иранская филология. Вопросы лексики», М., 1971.

Содержание

Л. А. Бархударова. К вопросу о падежной категории в индоарийских языках 3

Л. А. Бархударова. Падежные формы в функции подлежащего и дополнения в маратхи 24

А. П. Белицин. О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке 37

Р. П. Егорова. Причастия в синдхи 49

З. М. Калинина. Частица *бъ* и ее функции в глагольной системе пушту 68

Л. Н. Киселева. О так называемых формах дубитатива в языке дари 80

Г. И. Козлов. Рождение прозы парси 96

В. П. Липеровский. Выражение значения результативного состояния в хинди 100

В. В. Мамаева. Об изучении личных форм глагола гуджарати 115

Е. К. Молчанова. Категория числа в таджикском языке . 132

Б. Я. Островский. Основы настоящего времени в составе личных глагольных форм кабульского диалекта 143

Б. Я. Островский. К сравнительной морфонологии персидского, дари и таджикского языков (простые личные глагольные формы) 158

Ю. А. Рубинчик. О грамматической и семантической структуре именных фразеологизмов персидского языка 166

Р. Р. Сикоев. Парные слова в современном литературном пушту и их роль в словообразовании 175

О. Г. Ульциферов. О выделимости и принципах классификации словосочетаний (на материале хинди) 193

А. Р. Усманов. О случае сдвига в значении адресатной направленности каузативных глаголов в урду 213

Н. А. Хонелия. Суффигированные личные местоимения и некоторые особенности синтаксиса простого предложения кашмири 218

М. Хельзиг. Перемена страдательного значения на дейст-

вительное у сложных совершенных причастий переходных глаголов в современном литературном хинди 234

Л. М. Чевкина. Некоторые замечания о классификации сложных предложений в современном бенгали 239

В. А. Чернышев. Функциональная роль форманта *vālā* в хинди (образования «имя+*vālā*») 251

Е. Н. Шарова. К вопросу об использовании глагольного префикса *bi-* в классическом персидском/таджикском языке . 275

З. А. Юсупова. Значения предлога *le* в курдском языке (сорани) 282

Ю. А. Рубинчик. Персидский сложный глагол и вопросы образования рамочной конструкции 292

Коллектив авторов

ИНДИЙСКАЯ И ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Вопросы грамматики

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редакторы *Л. М. Белоусов* и *М. И. Карпова*
Младший редактор *Н. П. Губина*
Технический редактор *Т. Л. Патеюк*
Корректоры *Т. Л. Алаева* и *Г. Л. Дейгина*

Сдано в набор 29/I-1975 г. Подписано к печати 10/XII-1975 г. А-12887. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1 Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 19,86. Тираж 1400 экз. Изд. № 3051. Зак. № 76. Цена 2 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 2 р. 10 к.